ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ

НЕПОВТОРИМОЕ

5

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пятая книга известного русского генерала В.И.Варенникова «Неповторимое» охватывает период, связанный с его службой в Афганистане и ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

- Валентин Иванович Варенников
  -
  - Предисловие к пятой книге
  - Часть VII
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII

Валентин Иванович Варенников Неповторимое. Книга 5

Посвящается соотечественникам и особо — офицерскому корпусу

Основные вехи (события) пятой книги

Спровоцированная война в Афганистане и втягивание в нее наших войск. Доблесть и печаль, но не поражение. Вывод советского контингента означал достижение цели — власть страны способна была защищать Афганистан от нападений мятежников и войск Пакистана три года без нашего участия.

Действия Вооруженных Сил Советского Союза по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Предисловие к пятой книге

Пятая книга посвящена Афганистану и частично катастрофе на Чернобыльской АЭС. Включает в себя только седьмую часть повествования «Неповторимое».

Читатель увидит загадочный край, удивительный народ и непрерывные столкновения различных партий, организаций, племен и кланов в борьбе за власть. За каких-нибудь тридцать последних лет главами этого государства были: Захир Шах, Дауд, Тараки, Амин, Кармаль, Наджибулла, Моджедади, Гелани, Раббани. Фактически половина из них во время переворотов была убита. Раббани и сейчас находится законно у власти.

Обостренная социально-политическая ситуация объясняется многими причинами — и это показано в книге, — в том числе желанием образованной части населения подтянуть Афганистан к уровню цивилизованных стран, амбициозными устремлениями отдельных личностей к захвату власти, а также давнишними целями Зия-уль-Хака присоединить Афганистан к Пакистану на правах автономии и тем самым создать великую империю. Это полностью отвечало и отвечает интересам США.

В книге разбирается подробно период, предшествующий вводу наших войск в Афганистан, и все пребывание их в этой стране; рассматриваются при этом отдельные наиболее показательные штрихи и в жизни афганцев, и в жизни и боевой деятельности наших воинов.

Гражданская война в Афганистане (которая длится и по сей день) фактически началась еще в 1978 году, то есть более чем за год до ввода в эту страну советских войск. Провозглашенная Апрельская 1978 года революция не была таковой, а представляла очередной военный переворот, который был такой же неожиданностью для Советского Союза, как и для других стран мира. Однако у руководства СССР не было другого выхода, как признать новое правительство и иметь с ним официальные отношения (как до этого с Даудом, который изгнал из страны короля Зия-уль-Хака).

Однако новые предводители страны не смогли стабилизировать обстановку (хотя они и менялись, точнее, их убивали), а даже наоборот — чем дальше, тем обострение повышалось. Пакистан, на территории которого гнездилась оппозиция и которую он и США всячески поддерживали, делал все, чтобы свергнуть правительство в Афганистане и поставить свою марионетку. Естественно, Советский Союз, имея с Афганистаном договорные отношения начиная с 1921 года

(последний — 1978 год), просто обязан был поддерживать утвердившееся правительство Афганистана. Общему усугублению обстановки способствовали ошибочные решения в проведении различных социальных и экономических преобразований (земельно-водная реформа, о положении женщины в афганском обществе, об отношении к служителям культа и другое).

Первоначально мы предполагали ввести войска (коль решение уже принято), стать гарнизонами в крупных городах, охранять различные объекты, но в боевые действия не вступать. Однако провокации вынудили нас к ответным мерам. В то же время мы совершенно не ставили перед собой задачу кого-то победить, покорить, завоевать. Основные усилия войск были сосредоточены именно на охране важнейших коммуникаций и объектов (городов), а также на перехвате караванов, которые перебрасывались из Пакистана в Афганистан, поставляя вооружение, боеприпасы, а также бандформирования. Кроме того, если где-то на территории Афганистана обнаруживалось сосредоточение банд, то этот район блокировался советскими войсками, а внутрь кольца запускались правительственные войска, которые занимались фильтрацией.

Но уже с 1983 года и особенно с 1986 года было видно, что наши войска надо выводить, потому что уничтожать население мы не намерены, а разрешать стоящие перед страной проблемы надо только политическим путем. Однако наше руководство медлило, а США предпринимали все меры, чтобы нас не выпустить из Афганистана, хотя кричали на каждом углу о нашей оккупации. Когда же вопрос с выводом наших войск все-таки разрешился, то почему-то к этому процессу были привлечены США и Пакистан, хотя мы были способны решить эту задачу, как и при вводе, на двусторонней основе, т. е. только с Афганистаном.

В выводе советских войск ясно просматривается ущерб, который был нанесен нашей стране Горбачевым и Шеварднадзе, хотя нами предпринимались всяческие меры к недопущению этого ущерба.

Показаны испытания, которые нам пришлось пережить в связи с двуликой позицией руководства страны по поводу вывода наших войск на втором этапе. Разная оценка Ахмад Шаха Масуда нашим МИДом и КГБ с одной стороны и нашими военными и послом СССР в Афганистане — с другой.

Однако никакие перипетии не сказались на выводе войск — они прошли без потерь, с высоким подъемом, провожали наши части все афганцы, включая Президента Афганистана. Обстановка была торжественной. Жаль, что по ту сторону границы, т. е. у нас

на Родине, среди встречающих не оказалось ни одного представителя от союзной власти.

Между операциями в Афганистане мне приходилось еще в 1986 году вылетать дважды на несколько месяцев в Чернобыль для организации и руководства действиями советских войск, привлеченных к ликвидации последствий аварии на АЭС.

Кое-кто после войны в Афганистане пытается провести параллели с войной американцев во Вьетнаме. Но это нелепо. Ни по целям, ни по задачам, ни по методам действий, ни по количеству привлеченных войск, ни по потерям и особенно ни по итогам эти два события не имеют никакого сходства. Мало того, если американцы бежали из Вьетнама, то наши войска провожал народ Афганистана торжественно, со слезами и цветами, потому что мы в итоге фактически одержали военно-политическую победу: не дали оппозиции, поддержанной США и Пакистаном, раздавить народ Афганистана как в период нашего пребывания, так и несколько лет после ухода советских войск. Плюс мы всячески помогали проводить в жизнь «Политику национального примирения», которая нашла широкий отклик в народных массах, и если бы США и Пакистан были заинтересованы в мире на этой земле, то он бы наступил еще в 80-х годах. Наконец, наша материально-техническая помощь Афганистану, конечно, сказалась на морально-политическом духе этого народа.

Наконец, о наших солдатах и офицерах. Склоняя головы над могилами погибших при выполнении своего долга, давая клятву, что они навечно останутся в памяти нашего народа, надо отметить, что все, кому выпала честь побывать в Афганистане и тем более принять участие в боевых действиях, конечно же, представляют золотой фонд нашего государства. Именно те, кто прошел это испытание (как сейчас и в Чечне), могут быстрее проявить высокие человеческие качества. А это превыше всего.

Поэтому государство обязано всячески позаботиться об этом золотом фонде, а с другой стороны, государство может уверенно опираться на эту силу при решении любых задач.

Часть VII
Афганистан. И доблесть и печаль. Чернобыль

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Глава I
Обстановка накануне ввода наших войск в Афганистан

Загадочный край, удивительный народ. Перипетии во власти. Неудачные реформы. Партии и политические лидеры. Действия Амина. Гибель Тараки. Деформация в решениях советского руководства. Позиция Генштаба ВС и пророчество А. Н. Косыгина. Решение принято.

Афганская эпопея, конечно, навечно останется в истории нашего народа. И народ должен знать правду об этой трагической поре. Это тем более важно сегодня, когда Россия ввергнута в тяжелые испытания несостоятельным руководством государства в лице Горбачева и Ельцина, которые, стремясь всячески обелить себя и опровергнуть любую критику, сваливают все на прошлое. Поэтому и афганская тема подается весьма превратно.

Мне довелось почти безвыездно провести в этой стране более четырех лет и принимать непосредственное участие во всех военно-политических событиях. Так что имелась возможность достаточно серьезно изучить нравы, обычаи и традиции народа, социальные течения, партии и их лидеров, государственный аппарат (до провинций включительно), экономику, культуру, религию и детально вооруженные силы, оборону и безопасность страны.

Без преувеличения считаю, что имею моральное право давать оценки многим лицам, явлениям и всем процессам, имевшим место в Афганистане, начиная с января 1985 года. А по принципиальным вопросам — и с 1979 года, т. к. занимался этой проблемой в Генеральном штабе далеко до ввода войск.

О любой войне во все времена писалось немало, что в общем-то понятно: ведь это самое сложное и тяжелое испытание для огромных масс людей. Формально война — это вооруженная борьба между государствами, а если она ведется внутри государства, то есть если это гражданская война, то это вооруженная борьба между классами. Но любая война отражает интересы определенного класса. Несомненно, придерживаясь формулы классиков, давших определение войне как общественно-политическому явлению, в котором выражено продолжение политики насильственными средствами, а также имея в виду, что война не только является продолжением внутренней и внешней политики, но и сама активно на нее (политику) влияет, требуя при этом огромного напряжения материальных и духовных сил

общества, постараюсь опираться на это и при разборе афганской войны.

В отличие от войн Афганистана против англичан, эта война была гражданской войной. Но она не была такой, как, к примеру, у нас, т. е. вооруженной борьбой пролетариата и трудящегося крестьянства против объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. В Афганистане фактически не было рабочего класса, а забитое, безграмотное крестьянство не вдохнуло воздуха свободы и не представляло, что можно каждому жить на равных со всеми. Гражданская война в Афганистане родилась на почве социального и кланового кризиса, когда власть Дауда уже была не в состоянии уравновешивать оппозицию. Состоявшийся заговор опирался на часть офицеров армии, которые, убрав Дауда, передали власть оппозиции, а та в свою очередь раскололась. С одной стороны, была НДПА (она и взяла все бразды правления), а с другой — все остальные, которые тоже хотели бы править. А вместе с ними раскололся и весь народ. Точнее, они раскололи народ на три группы: одна пошла за НДПА, другая — за остальными, третья — сама за себя (последняя группа, пожалуй, была самой многочисленной).

Лидеры каждой из первых двух групп привлекли на свою сторону миллионы людей. Третья группа примыкала то к одним, то к другим — в зависимости от обстановки или вообще старалась быть в стороне от событий.

В войне, как в зеркале, отражается политическое лицо любого государства и различных социально-политических группировок, принимающих участие в столкновении. Естественно, в своих записках я попытался показать Советский Союз, Афганистан с его силовыми и другими структурами, оппозицию (так называемых моджахедов), США с Пакистаном и другими странами, которые полностью финансировали, обеспечивали оружием и материальными средствами оппозицию на протяжении двадцати лет.

Об афганской войне написано достаточно много. Я не намерен давать кому-то какие-то оценки. Каждый вправе дать описание и сделать те выводы, какие он считает необходимыми. Однако наиболее правдиво может это сделать тот, кто лично бывал в этой стране и тем более воевал.

И все-таки, на мой взгляд, наиболее солидный вклад в дело объективного увековечения истории афганской войны 1979–1989 годов сделали генерал-полковник Борис Всеволодович Громов своей книгой «Ограниченный контингент» и генерал-майор Александр Антонович Ляховский, написав книгу «Трагедия и доблесть Афгана». Особая ценность этих книг состоит в том, что

они опираются на «живые» документы, а поэтому заслуживают, чтобы о них было сказано отдельно. Хотя они представляют ценность и по многим другим признакам.

Что касается исторической литературы, которая, конечно, должна была лечь на стол наших политических деятелей прежде, чем они принимали решение о вводе войск, то ими, на наш взгляд, должны были быть: Послания (дважды) Ленина королю Афганистана Аманулла Хану; «История Афганистана» В. А. Ромадина; «Империя Дурани» Ю. В. Танковского; «Борьба Афганистана за независимость» М. А. Бабаходжаева; «Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX века» Л. Гордона; «Провал британской агрессии в Афганистане» Н. А. Халфина. Но главной должна быть книга «Афганистан», написанная в 1921 году Андреем Евгеньевичем Снесаревым. Генерал-лейтенант царской армии, он в Первую мировую войну командовал Западной армией, затем был два года начальником Военной академии Генерального штаба РККА, после чего десять лет (с 1921 по 1930 год) был ректором и профессором Института востоковедения (одновременно и профессором ряда военных академий). Это ученый-историк, специалист по Среднему востоку. Проходя в свое время службу в Туркестане, он глубоко изучил и на основе своих наблюдений и поездок в Индию, Афганистан, Тибет дал военно-географическое описание ряда стран Среднего Востока. Он правильно делает выводы, что Афганистан для нас может представлять какой-то интерес только как сосед и как путь в Индию. Но уж сами-то мы могли бы сделать вывод, что такой путь в Индию в ближайшие десятилетия не может быть использован по причине особенностей, которые присущи народам Афганистана.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов об Афганистане и его народе.

Сын македонского царя Филиппа Второго Александр Македонский (в последующем тоже царь Македонии), завоевывая в 327 году до нашей эры западные районы Индии, прошел в эти годы и через земли, которые сегодня занимает Афганистан. Здесь он встретился с определенными племенами — местными жителями, что говорит о глубоких корнях истории Афганистана. Однако первые государственные образования отмечаются здесь только в XVI веке. В XVIII веке уже существовало централизованное государство под названием Дуранийская держава.

Англичане, вытесняя в XVII веке португальских колонизаторов из Индии, решили одним махом покорить заодно и Афганистан. Однако Англии пришлось вести с Афганистаном

три войны. В первой она потерпела поражение. Во второй войне (1878–1880 годы) добилась контроля над внешней политикой Афганистана. А после третьей войны в 1919 году была провозглашена независимость Афганистана. Утверждению независимости на земле Дурани способствовали договоры, заключенные Афганистаном с Советским Союзом в 1921, 1931, 1973 и 1978 годах.

Природно-климатические условия Афганистана суровые, тяжелые. До 75 процентов ее территории покрыто горами (часто скалистыми) с глубокими ущельями. Встречаются и леса, но — низкорослые, типа кустарника, и их очень мало — в основном только там, где вода. Около 20–25 процентов территории — пустыни. И совершенно мизерные площади — долины рек и речушек — определены природой под плодородные земли. Наибольшие надежды народ возлагает на долину реки Амударья. Остальное — маленькие клочки. На склонах скалистых гор жители выкладывают из камней террасы, наносят туда землю, буквально добывая ее в разных расщелинах, и создают таким образом «пятачки» огорода или поля — их единственной житницы.

В пустынях и предгорье часто дует «афганец» — горячий сильный ветер, который несет с собой песок, камни и колючки. В пустынях в районе Кандагара, Лашкаргаха, Фараха летом частенько рождаются смерчи (в других районах не наблюдал). Летом в районе Кандагара в среднем плюс 50 градусов (плюс-минус 5 градусов) в тени. На броню танка или БТРа плесни воду — она сразу скатывается, как с горячего утюга, и моментально испаряется. Хорошо хоть влажность здесь колеблется от шести до десяти процентов. А вот в Джелалабаде температура такая же высокая, а влажность — сто процентов. Здесь совсем скверно. Вдобавок еще свирепствует малярия, от которой я так и не уберегся. Ну, а гепатит и кишечные заболевания это повсюду — так же, как и стреляют повсюду. Зима, правда, в Джелалабаде, Кабуле, Кандагаре, Герате, Мазари-Шарифе мягкая, во многих местах теплая. Но в горах холодно, как в Заполярье: минус 30–40 градусов, а главное — пронизывающий ветер. Во время марша и вообще движения, сидя сверху на броне БТР, — большая гарантия прихватить гайморит и воспаление легких, чего я тоже не избежал.

Говорят, что Афганистан — аграрная страна с развивающейся промышленностью. Да, аграрная. Но земли, как уже было сказано, почти нет. Летишь над Афганистаном — и создается такое впечатление, что кто-то собрал все камни и скалы планеты и высыпал сюда. Редко кое-где в расщелинах и долинах что-то

зеленеет. Лишь на севере вдоль реки Амударья буйная растительность.

Суровая природа, суровый климат наложили отпечаток на народ.

Афганистан никогда не был твердо устойчивым, монолитным государством. Это, образно говоря, конфедерация отдельных племен и народностей. Все они сохранили самоуправление, хотя в свое время и принесли присягу на лояльность центральной власти. Мало того, они даже стали выполнять некоторые законы столицы. Но афганцы очень любят свою родную землю. Делом чести и самой жизни у них считается защита семьи, рода, клана, племени, нации. До фанатизма они преданы памяти своих предков и канонам ислама.

В целом афганцы — это мужественный и свободолюбивый народ. Природа заставила их заниматься скотоводством и земледелием. В конце XIX и в начале XX века у них развиваются, кроме того, ремесла и торговля. При этом среди торговцев редко можно встретить пуштунов. Торговля ближе таджикам, узбекам, индусам. В крупных городах типа Кабула на черных работах заняты в основном хазерийцы.

Для разбирательства каких-либо проблем, в том числе связанных со столкновениями на этнической или родоплеменной почве, собирается джирга (всеобщий совет). Но часто спор разрешали силой с применением оружия. Поэтому практически каждая семья имеет свое оружие. Многие постоянно занимаются грабежом караванов, проходящих в их зоне. При этом отбирают ровно столько, чтобы не отбить охоту караванщикам-купцам идти этим путем в следующий раз (учитывают, сколько у этого торговца уже отобрали, сколько и где у него еще должны отобрать в дальнейшем). Причем сам факт ограбления рассматривается как доблесть. Что касается войны, то они привыкли и даже любят воевать. Для многих война — своеобразный промысел, дающий возможность что-то добывать. Некоторые вообще считают, что он может и должен только воевать.

Вожди кланов — высший авторитет. Без предводителей они не могут. Но выше всех авторитетов — мулла. Его слово — святая святых. В то же время исторически сложилось так, что афганцы ненавидят центральную власть и утверждают личную независимость. Все вместе взятое и является причиной того, что на протяжении десятилетий афганцы не могут стать монолитной могущественной нацией. Стихийность и непостоянство поведения превращают их в опасных соседей. Поэтому отношения с ними должны быть тонкими. Кроме того, афганцы темпераментны и

часто поддаются влиянию минутных настроений, их легко увлечь политическими интригами, некоторые искусно возбуждают их страсти, что и опасно, и в то же время постоянно используется их врагами.

Но в принципе афганцы прослыли великодушным народом. А законы гостеприимства у них настолько священны, что даже ненавистный враг, если он вдруг каким-то образом стал гостем, является неприкосновенным. Он даже может требовать у хозяина защиты, если, предположим, внезапно появилась другая опасность. И хозяин обязан его защитить. Зная это, мы с чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза в Афганистане Юлием Михайловичем Воронцовым в свое время напрашивались к Ахмад Шаху Масуду в гости. Правда, встреча не получилась. Может, это и к лучшему, поскольку в жизни все возможно. Могло обернуться так, что и не появились бы на свет эти строки.

Общеизвестно, что афганцев с детства приучают к кровопролитиям, рано знакомят со смертью. Они максимально развивают чувство решительности в наступлении, однако сникают и даже паникуют при поражении. Крайне резко относятся к каким-либо ограничениям, непокорны в отношении закона и дисциплины. Зато, когда хотят добиться определенной цели, они вежливы в своих манерах. Но способны на грубость и жестокость, если данная надежда исчезает. Они часто неискренни, вероломны, тщеславны. И очень страшны в возмездии, которое могут совершить самым жестоким способом. Нигде преступление не совершается с такой жестокостью и с такой всеобщей безнаказанностью, как в Афганистане (возможно, в настоящее время только Россия в этом отношении «переплюнула» Афганистан, если говорить о Чечне).

Между собой афганцы задиристы, интригующи, подозрительны. Среди своих постоянно происходят ссоры и драки. В то же время очень важно иметь в виду, что если по обычаю и традиции он с уважением относится к незнакомцу в своем доме, то считает себя вправе предупредить соседа о жертве, которая пойдет пешком. Может даже сам за пределами своего дома нагнать и ограбить своего гостя после того, как тот покинул его кров.

И совсем удивительно, но факт, что наказание за преступление, допустим, о необходимости выплаты налогов он расценивает как неправильные действия, как самодурство центральной власти, как тиранию.

Афганцы вечно хвастают своим происхождением, своей независимостью и своей доблестью. Они считают себя высшей из

всех наций. А среди сородичей каждый человек считает себя равным по отношению к другому афганцу. Многие же из числа национальных авторитетов полагают, что они уже готовы быть королем (или президентом), не меньше.

Афганцы способны вынести суровые лишения. Они, как ни странно, в условиях твердой дисциплины могут быть превосходными солдатами. Сдержанность и выносливость свойственны большей части населения.

Когда впервые знакомишься с афганцем, то он, как правило, всегда оставляет самое благоприятное впечатление, может даже очаровать вас любезностью, искренностью, радушием и человечностью. Но часто бывает и так, что чем дальше, тем больше убеждаешься, что это мираж, его очарование испаряется. Начинаешь понимать, что фактически афганец настолько жесток и хитер, насколько независим и коварен. В то же время среди них есть до конца преданные зародившейся дружбе. И это проявляется даже сейчас, когда Горбачев и Ельцин бросили и предали Афганистан.

Геополитическое положение Афганистана, огромные, но малоразведанные природные богатства и характерные черты его народа придают этой стране исключительное политическое значение. Средний Восток и Центральная Азия без Афганистана немыслимы.

Что касается Советского Союза (а теперь России), то каким бы Афганистан и его народ ни были, он для нас в первую очередь сосед. А раз так, то мы, согласно нашей политике, обязаны были сделать все, чтобы отношения между нашими государствами и народами были бы только дружественными.

Обратимся к событиям в Афганистане в некоторой хронологической последовательности, начиная с 1978 года и даже немного раньше.

Так называемая Саурская революция, а точнее, очередной военный переворот в Афганистане 27 апреля 1978 года расценивались Западом, да и не только Западом, но и Пакистаном, некоторыми силами в Китае, Индии, странах Ближнего и Среднего Востока как очередной шаг Советского Союза к водам Индийского океана. Этот слух был умышленно широко распространен спецслужбами США с целью создания дополнительной почвы для нагнетания антисоветской пропаганды. Это была наглая, открытая ложная подача. Администрация США, уже якобы опираясь на международное общественное мнение, изощрялась, как могла, в антисоветизме. Фактически Советский Союз не имел ни малейшего отношения к этой Саурской (апрельской) революции. И когда в Афганистане

убили М. Дауда — это был для Москвы гром с ясного неба (кстати, как и для нашего посла в Афганистане, и для всех наших представительств). У Советского Союза были хорошие отношения с королем Захир Шахом и прекрасные отношения с М. Даудом. Об этом свидетельствуют визиты Хрущева (1955 год) и Брежнева (1964 год) в эту страну. Нашим лидерам были оказаны самые высокие почести.

Будучи в течение десяти лет премьер-министром еще при короле, Дауд внешнюю политику с Советским Союзом вел замечательно. Это по его инициативе в Афганистан стала поставляться советская военная техника, а военные кадры королевской армии стали готовиться с нашей помощью. Естественно, когда он вообще стал у власти, то у нашего руководства не было и мысли о его низвержении. Наоборот, мы были крайне заинтересованы в укреплении его власти.

И вдруг революция?!

Ясное дело, что все крикуны на Западе, типа Бжезинского, объясняли миру это явление только происками Москвы.

А для Москвы эта «бомба» создала, конечно, проблемы. Коль НДПА взвалила власть на свои плечи, то надо эти жидкие плечи не только укреплять (финансами, материально), но и усиливать хилые ноги, чтобы не рухнуло тело — государство (подавать оружие, боеприпасы, направлять военных специалистов дополнительно). Власть взяли — значит ее надо защищать.

И все понеслось с новой силой.

Почему все-таки Советский Союз решил капитально помочь новой власти? Не только потому, что к власти пришли народные представители. В отношении Афганистана именно это не могло явиться главной причиной. В основе лежала идея воспрещения распространения экспансии президента Пакистана Зия-уль-Хака на Афганистан. Постоянное стремление Пакистана вначале к приручению, а затем и к покорению и присоединению Афганистана просматривается на протяжении более двадцати пяти лет. Уже давно не стало Зия-уль-Хака, а идея пустила корни, и силы, ее поддерживающие, — живучи.

На что же опираются эти силы. На благословение и материальную помощь США. Американцам важно, чтобы их марионетка Пакистан поглотил бы Афганистан, после чего стал бы огромной страной на политическом водоразделе между Средним Востоком и Юго-Восточной Азией. Чтобы Пакистан, став форпостом США в этом регионе, мог уверенно следить за Индией и Ираном, проводящих самостоятельную политику.

А если рассматривать эту идею (т. е. поглощение Афганистана Пакистаном) с позиций сегодняшнего дня, то, на

наш взгляд, создались бы самые благоприятные для этого условия. Во-первых, распри между лидерами различных военно-политических группировок Афганистана достигли такого уровня, что это вконец развалило бы оборону страны. В результате талибы успешно разбивают раздельно и последовательно все, что им попадается на пути. Во-вторых, Афганистан сегодня до такой степени стал рыхлым и неуправляемым, что уже не сможет выдвинуть еще какую-то силу с сильным вождем, который бы защитил страну. Хотя надо иметь в виду, что афганская диаспора в России имеет крупные авторитеты, которые и сейчас пользуются большим влиянием у себя в стране. В-третьих, на территории Афганистана проживает более 80 процентов суннитов, т. е. единоверцев с пакистанцами, а это уже фактор объединения. Наконец, в-четвертых, линия Дюранда, сегодня являющаяся формально государственной границей между Пакистаном и Афганистаном и разделяющая многие пуштунские племена пополам, создавая тем самым большие неудобства, могла бы быть устранена и эти племена зажили бы под общей крышей.

Талибы. Кто это? Умышленно распространен слух, что это якобы пуштуны — студенты, возмущенные страданиями соотечественников-афганцев, решили бросить учебу и навести в Афганистане порядок, «установить справедливость и законность».

Фактически это никакие не студенты. Это дети тех беженцев-афганцев, которые в 1978, 1979, 1980 годах и позже насильственно выгонялись лидерами оппозиции из Афганистана в Пакистан. Конечно, были и такие, кто сам уходил, опасаясь репрессий со стороны Амина (да и других афганских предводителей). Этим детям было от года до десяти. А сейчас 20–30 лет. Они прошли мощную подготовку в соответствующих центрах, захватили у правительственных войск Афганистана все арсеналы и склады оружия и боеприпасов и сейчас добивают разрозненные подразделения умирающей афганской армии. Лишь воздушная атака 11 сентября 2001 года против США внесла поправку в дальнейшие действия талибов.

Талибы, являясь главным орудием в руках Пакистана, в достижении своих целей, на мой взгляд, ограничатся достигнутыми успехами на первом этапе и за пределы Афганистана пока распространяться не будут. Как только на территории Афганистана будет наведен «полный порядок», т. е. будут выбиты все те, кто составлял и поддерживал НДПА, а затем все те, кто воевал на стороне «альянса семи» (Хекматиар, Раббани, Маджадади, Наби, Гелани и т. д.), т. е. оппозиции, а точнее — когда будут выбиты все те, кто враждовал и воевал между собой на протяжении последних двадцати лет и когда

Афганистаном будет подписан с Пакистаном удобный для последнего договор — сразу же закончится первый этап. Затем, с учетом интересов США, уже Пакистан будет решать силами Афганистана необходимые стратегические задачи в отношении Средней Азии в целом, в том числе, следовательно, и против России.

В настоящее время боевые столкновения на севере Афганистана и на юге Средней Азии имеют место. Это в основном связано с наркобизнесом, которым сейчас в Афганистане правит Бен Ладен, а следовательно, с борьбой за власть.

Пока рассмотрим ситуацию в Афганистане и вокруг него накануне ввода советских войск.

Наши государственные специалисты, в первую очередь, Институт по делам Ближнего и Среднего Востока, которым руководил в 70-е годы Е. М. Примаков, конечно, прекрасно ориентировались в обстановке и давали правильные рекомендации. Однако не все ответственные лица, в том числе в Политбюро ЦК, отвечающие за этот участок, прислушивались к здравым советам. Например, главный руководитель этого направления — секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро Б. Н. Пономарев делал сам оценки и выводы. (Еще бы: ведь сорок лет работал в ЦК КПСС!) Конечно, в принципе я думаю, что он представлял, что Афганистан — это мусульманская страна и что ислам не только определял всю духовную жизнь народа, но и был основой формирования его традиций, создания его уклада и быта, поведения, а также отношения к другим народам. Думаю, Пономарев понимал, что ислам является мировоззрением всего населения Афганистана.

Мне в 80-е годы довелось близко соприкасаться с жизнью и бытом народов Сирии. Именно здесь я почувствовал гигантское влияние ислама. Одно только то, что ежедневно жизнь каждого начиналась с того, что еще при черно-синем непроснувшемся небе сотни мулл со своих многочисленных мечетей уже призывали его к молитвам во славу Аллаха, это уже должно было каждого здравомыслящего верующего или неверующего начальника приводить к однозначному выводу: ислам для них — все! И только с помощью ислама и через ислам можно будет решать все остальные внутренние и внешние проблемы. Поэтому надо было нашим предводителям не только правильно ориентироваться, но не допускать, чтобы «революционеры» Афганистана делали ошибки в этой жизненно важной проблеме. А это как раз и имело место.

Вот примеры ошибок.

На Ближнем и Среднем Востоке свирепствовала (она

существует и сейчас) крайне экстремистская организация исламистов «Братья мусульмане». Ряд лозунгов, которые она несет, звучат популярно, поэтому пользуются поддержкой у многих мусульман. Но в целом «Братья мусульмане» больше наносили вреда, чем пользы. По сути своей это были исламисты-фундаменталисты. В связи с этим лидеры НДПА приняли правильное решение — объявили эту организацию врагом номер один и повели с ней борьбу. Но допустили ошибку — не разъясняли народу сути вреда, который наносила эта организация обществу. «Революционеры» тем самым не только не достигли своей цели, а наоборот — оттолкнули от себя большую часть общества. В то же время эти «Братья мусульмане» объединились с Г. Хекматиаром и стали в 1979 году под общей крышей «Исламской партии Афганистан», которая в это время уже базировалась в Пакистане. Мало того, такой необдуманный шаг НДПА перебросил по ту сторону баррикад многие авторитеты Афганистана, в том числе Ахмад Шаха Масуда.

Или возьмите отношение новых «революционных» властей к муллам, выступившим против правительства. Во-первых, надо было сделать все, чтобы среди них не было врагов правительства. Для этого всех служителей культа необходимо было взять на государственную службу, выделить им хорошие дома, участки земли, построить мечети (там, где их не было), определить им высокое жалованье. Ведь мулла — посланец Аллаха на земле. И все эти меры внимания к муллам надо было широко пропагандировать, чтобы все это стало известно всему народу. Наконец, вместе с муллами разработать программу совместных действий по созданию мира на земле Афганистана.

Во-вторых, если уж среди мулл и были непримиримые и они лично с оружием в руках проливали кровь своих же братьев мусульман, то к ним надо было принимать меры, широко разъясняя их народу. Но этих разъяснений не было. Наоборот, правоохранительные органы действовали прямолинейно и бестолково — арестовывали, связывали мулле руки и демонстративно вели его через весь населенный пункт на казнь. Затем прилюдно расстреливали. А какой в итоге результат? Обратный тому, что ожидалось — все присутствовавшие были на стороне расстрелянного муллы, которого «взял к себе Аллах». И все потому, что народу совершенно не доводилось, какие конкретно преступления совершил этот мулла, кого из безвинных мусульман он убил лично. В Джелалабаде до сего времени рассказывают, что когда одного из мулл вели по городу на казнь, то верующие ползли за ним и целовали следы от его ног.

Наконец, возьмите некоторые реформы правителей от НДПА.

Ярким примером может служить земельная и водная реформа, которая якобы предусматривала равенство в пользовании землей и водой (вода в Афганистане — это жизнь). У нескольких десятков тысяч землевладельцев были изъяты практически все земли и переданы бесплатно безземельным крестьянам (часть выделялась в муниципальное пользование). Но эти реформаторы совершенно не учитывали того фактора, что каждому крестьянину испокон веков известно, что землю поделил Аллах, что одни являются хозяевами земли, а другие должны брать ее в аренду и затем делиться своим урожаем с хозяином (или выплачивать ему деньгами), как определит и прикажет хозяин. Таковы были вековые традиции. Да вообще для крестьянина было противоестественно, чтобы на глазах у Аллаха свершалась такая несправедливость, когда у «законного» хозяина землю отбирали и «незаконно» вручали ее крестьянину. То же самое делалось и с водой — раньше хозяин устанавливал нормы пользования водой, а теперь крестьянин сам мог брать столько, сколько он считает нужным. Но это же в их понимании безумие!

Вот так рассуждал крестьянин.

Поэтому жизнь внесла свои коррективы в эти «реформы» — формально землю вроде раздали, фактически же оставался прежний хозяин, и, как в прежние времена, приходил к нему крестьянин и платил за аренду, но теперь уже значительно большую, так как хозяин понес моральный ущерб. Поэтому жизнь крестьянина стала еще хуже.

Так же фактически произошло и с реформой, провозглашающей равные права женщины и мужчины. Надеюсь, читатель может представить, что происходит, если в обществе, где свирепствует исламский фундаментализм, вдруг объявляют равенство в правах мужчин и женщин. Это — взрыв! Тем более когда одновременно с этим объявляется и об отмене калыма (выкуп за невесту) и о запрете браков несовершеннолетних. Принималось в штыки и решение о приобщении женщин к грамоте. Особо негативно это воспринималось в провинциях, хотя непосредственно в провинциальных центрах (в большинстве случаев), и особенно в Кабуле на реформы в отношении женщин многие (но не большинство) смотрели положительно.

На протяжении четырех с половиной лет со мной вместе постоянно работал в Афганистане в качестве переводчика майор Тюленев. Он не только блестяще знал основные языки этой страны (дари и пушту), но и глубоко понимал жизнь афганцев, особенности их уклада и традиций, главные черты каждого племени. По внешнему облику он мог безошибочно определить принадлежность афганца к тому или иному племени и его

национальность. Будучи по природе умным человеком и прекрасно зная уклад жизни афганской семьи, он свободно беседовал с афганцами на любые темы, на любом уровне и в любой обстановке, обнаруживая качества незаурядного политика. Поэтому пользовался исключительным авторитетом практически у всех — начиная от президента страны и до солдата афганской армии или рядового чиновника государственного аппарата.

Как-то потребовалось срочно узнать мнение министра обороны Афганистана генерал-лейтенанта Рафи по одному принципиальному вопросу. Я посылаю майора Тюленева с документом к Рафи в министерство. Но рабочий день уже закончился и министр только что выехал домой. Тюленев звонит мне: «Как быть?» Отвечаю: «Догнать и вручить документ на маршруте. А если не удастся — ехать на квартиру и вручить ему документ дома. Подождать решение и возвращаться только с выполненным поручением».

Тюленев точно выполнил все, как было приказано: на маршруте догнать не смог, поэтому поехал на квартиру. В жилом правительственном доме в каждом подъезде охрана и контроль (кроме общей зоны охраны нескольких домов). Прежде чем запустить в дом всем хорошо известного Тюленева, служба по внутренней связи связалась с адъютантом Рафи, который был в это время у министра. Тот доложил своему начальнику о прибытии Тюленева с документом. Рафи приказал срочно его пропустить.

> «Поднимаюсь к квартире министра, — рассказывал позже Тюленев, — у входа меня встречает адъютант и заводит в квартиру. Сразу же за прихожей открывается большая комната, посередине которой в просторном кресле в домашнем халате сидел Рафи. Его оголенные ноги находились в большом тазу с водой, и жена министра, примостившись рядом на корточках, старательно мыла своему мужу ноги».

Далее Тюленев рассказывал, что он почувствовал неловкость в этой интимной ситуации и попросил у министра разрешения выйти и подождать внизу, пока последний совершит свой вечерний туалет. Однако Рафи как ни в чем не бывало (это, мол, обычное ежедневное дело) сказал, что сейчас рассмотрит документ и примет решение, и приказал адъютанту принести Тюленеву стул. И пока министру мыли ноги, он внимательно изучил (дважды перечитал) документ и принял решение: «Начальнику Генерального штаба — доложить генералу армии Варенникову, что со всеми поставленными вопросами

министерство обороны ДРА согласно. К утру подготовить донесение президенту. Генерал М. Рафи». После чего отдал документ и попрощался. Жена начала вытирать своему повелителю ноги, а майор Тюленев поехал обратно.

Вот вам, читатель, пример семейных устоев у министра обороны, члена политбюро ЦК НДПА, который в последующем становится вице-президентом. Это человек современный, культурный, образованный. Можно представить, как эта проблема выглядела в семьях рангами ниже.

Мне по разным причинам доводилось много раз бывать в семье президента Наджибуллы, и каждый раз я чувствовал «железный порядок». Даже когда мне довелось быть у Наджибуллы в гостях по его приглашению вместе с чрезвычайным и полномочным послом СССР в Афганистане Ю. Воронцовым и руководителем представительства КГБ СССР в Афганистане генералом В. Зайцевым, даже в этом случае жена Наджибуллы побыла с нами при встрече, во время общего салонного разговора, а затем, когда мы невольно перешли к темам политическим, она тихо и незаметно нас оставила. И, как всегда, не присутствовала во время нашей трапезы, прогулки по двору-саду, на заключительном чае. Наконец, мы вставали из-за стола и направлялись к выходу, намереваясь уже распрощаться. Вдруг так же тихо и незаметно появлялась его жена. Мы благодарили ее и хозяина за гостеприимство и прощались.

Надо кстати заметить, что лицо афганской женщины, в том числе жены президента, совершенно не подвержено никакой косметической обработке, все в «натуральном» виде. Правда, студенчество, особенно в Кабуле, придерживалось европейских принципов: мода в одежде, сверхкосметика у девушек и молодых женщин была ярко выражена, за что они частенько расплачивались своей жизнью. Если в дни месячного исламского праздника Рамазана девушка появлялась расписанная, да еще и в короткой юбке, ее могли пристрелить прямо на улице города. Кстати, такое тяжелое событие произошло в Кабуле с одной нашей советской парой, которая приехала в Афганистан работать по контракту. Ее расстреляли из автомата потому, что появилась на глаза людям в недопустимом виде (в коротком декольтированном платье), а ее мужа — за то, что он не привел ее в «порядок» перед выходом в город.

Вот такие были реалии с проводимыми реформами.

Но самое опасное и пагубное состояло в том, что ни афганские руководители, ни наши ответственные работники, которые были посвящены во все и видели лично, что происходит, ничего не сделали, чтобы в ход реформ внести поправки и как-то

смягчить негативы. Наоборот, эти реформы продавливали силой. А если говорить о земельной реформе, то допускали и злоупотребления: люди, которым было поручено на местах делить отобранную у феодалов землю, участки побольше и получше давали своим родственникам и т. д.

Правда, «женская» реформа дала и положительные результаты (хотя только в крупных городах) — многие поддержали саурскую революцию и новое руководство страны во главе с Тараки. Конечно, равные права с мужчиной и возможность получить образование для прогрессивно мыслящей женщины, несомненно, были большим соблазном. Вот почему значительная часть молодых женщин Кабула пошла на защиту своего Отечества с оружием в руках. Их формирования даже принимали участие в парадах, которые проводил президент Наджибулла во время праздников.

Однако ошибки, допущенные руководством Афганистана во многих принципиальных вопросах и особенно в отношении религии, ее служителей (мулл), конечно, бросили тень на новый режим в целом и еще больше раскололи общество. Оппозиция быстро и эффективно использовала их в своих интересах и перетянула на свою сторону значительную часть населения. Без особого труда на этой почве она организовала поток беженцев из Афганистана в Пакистан и за счет этой категории стала организовывать боевые отряды для ведения войны против афганского правительства. А поскольку все это полностью отражало интересы США, а также их марионетки — Пакистана, то оппозиция получила полную и фактически безграничную поддержку финансами, материальными средствами, оружием и другим военным имуществом, не говоря уже о политической, идеологической и пропагандистской поддержке.

Можно ли было избежать всего этого? Вероятно, всего избежать было невозможно, но большую часть негативов можно было не допустить, если бы проводилась разумная внешняя и особенно внутренняя политика, способная объединить большинство сил, а не разъединять их. Но получилось именно последнее.

М. Тараки никогда не был государственным деятелем в общепринятом понимании. Он не был мыслителем и даже просто человеком, способным предвидеть хоть немногое, не говоря уже о стратегическом мышлении. Но его принципы с молодых лет отражали интересы народа, трудящихся. Он был талантливым писателем, автором поэтических произведений и хорошим оратором. Мог увлечь людей своими идеями и взглядами. В связи с чем и избирается Генеральным секретарем образованной в 1965

году Народно-демократической партии Афганистана — НДПА. Секретарем ЦК НДПА был избран Бабрак Кармаль. И фактически с этого времени у них начинается борьба за лидерство в партии, что приводит в итоге к ее расколу на два крыла — две фракции: «Хальк» («Народ») во главе с Тараки и «Парчам» («Знамя») во главе с Кармалем.

«Хальк» отражал интересы трудового народа (его члены говорили, что они носители идей рабочего класса, но последний в стране фактически только зарождался). «Хальк» придерживался крайне левых взглядов, не шел ни на какие компромиссы, что их не украшало. Они даже называли свою партию коммунистической. На мой взгляд, такая левацкая позиция у «Халька» могла иметь место только в условиях излишне большой финансовой поддержки (часто бесконтрольной) КПСС.

Правда, Международный отдел ЦК КПСС в лице А. Ульяновского (заместитель начальника отдела) деликатно подсказывал Тараки при личных встречах, чтобы он отказался от левацкого флюса (в частности, от записи в Программе партии главной задачи — свержение правительства). Но адекватной реакции не было.

«Парчам» отражал интересы интеллигенции и средних классов, хотя сами представители этого крыла говорили, что являются носителями интересов трудящихся. Эта фракция придерживалась другой крайности — заключение соглашений и компромиссов со всеми. И даже готовы были принять в партию лиц, близких к королю.

На протяжении более десяти лет эти два крыла существовали раздельно, привлекая в свои ряды новых членов партии. Однако события второй половины 70-х годов все-таки заставили лидеров этих фракций вновь идти вместе. В июне 1977 года в Джелалабаде проводится объединительная конференция, на которой «Хальк» и «Парчам» становятся единой партией — НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана).

Во главе партии встал Тараки. Его первым заместителем избран — Кармаль. Партия ставит перед собой задачу — взять власть в свои руки осенью 1978 года. Но события с переворотом начались раньше. И к этому подтолкнуло их убийство главного идеолога «Парчам» Хайбара (кстати, тень этого убийства лежит на Амине, который мог «убрать» Хайбара как соперника, влияющего на армию). В связи с этим убийством поднялась волна негодования. Руководителям НДПА не оставалось ничего другого, как поддержать выступление народа и, опираясь на него, добиться решения своих задач с захватом власти. Идет лихорадочная, почти открытая подготовка к этим действиям, что

оказывается в поле зрения спецслужб Запада. Посол США Элиот, срочно встретившись с Даудом, убедил последнего, что надо немедленно проводить репрессии в отношении НДПА. В ночь на 26 апреля 1978 года верхушка партии была арестована.

Но машина уже была запущена. И нижестоящие звенья продолжали раскручивать маховик выступления. Офицеры-патриоты Гулябзой, Рафи, Ватанджар, Маздурьяр, Джан решили исход короткой схватки. Главной действующей силой была лишь одна танковая бригада. 27 апреля президентский дворец был окружен. В ходе перестрелки Дауд погиб. А 28 апреля власть перешла в руки НДПА. При этом кроме перечисленных лиц не последнюю роль в перевороте сыграл генерал Кадыр — авторитетный в армии человек, бывший главнокомандующий ВВС. В последующем он непродолжительное время был в новом правительстве министром обороны.

То, что эта революция-переворот была неожиданным шагом, — еще полбеды. А дальше последовала серия недостаточно продуманных действий, о чем уже было сказано. Вот это уже была беда (особенно так называемые реформы).

Итак, в афганском обществе наступает еще больший, чем при Дауде, раскол. НДПА приобретает в лице оппозиции не просто критиков, а реальную военную силу, способную свергнуть молодое неопытное правительство. Это объяснялось тем, что, во-первых, королевская армия была маленькой и с низкими боевыми качествами; во-вторых, эта армия (особенно офицерский состав) была предана Дауду, но не Тараки; в-третьих, оппозиция к этому времени уже имела значительные формирования, острие которых было направлено на захват власти. Такая цель у них стояла и во время правления Дауда, она же сохранилась и при Тараки.

Как уже отмечалось, многие негативы можно было снять в зародыше, будь Тараки более прозорливым, дипломатичным и прояви при этом волю и характер (последнее вообще у него было на нулях). На мой взгляд, избежав допущенных ошибок, Тараки без значительных усилий мог бы создать коалицию с такими фигурами, как Моджадади, Гелани, Мансур и даже с Халесом. А уж об ученом Раббани и речи не могло быть. Вместе с ним был бы на стороне правительства и самый сильный полевой командир Ахмад Шах Масуд. И не только потому, что они были связаны идейно и пользовались исключительным авторитетом среди народа. Эти перечисленные лица являются истинными патриотами своей родины и, если можно так сказать, нормальными исламистами, т. е. не фундаменталистами.

Уже только эти два фактора позволяли Тараки во имя своего народа пойти на сближение. А он пошел на разрыв. Это было

ошибкой. Другое дело Г. Хекматиар. Хоть мы о нем уже и говорили, но хочу еще раз представить эту безнравственную, самовлюбленную личность, спекулирующую на горе народа, действующую по-бандитски и только ради своих интересов.

Во времена короля Захир Шаха он выступал против монарха, вместе с Тараки и Кармалем. Во избежание кровопролития Захир Шах покидает страну и отправляется в Италию. К власти приходит Дауд. Хекматиар выступает против Дауда. Последнего убивают, и власть переходит в руки Тараки. Хекматиар выступает против Тараки, хотя одно время был членом НДПА. Тараки убивают, и главой страны становится Амин. Хекматиар выступает против него. Амина не стало, к власти приходит Кармаль, с которым Хекматиар вместе боролся против короля и т. д. Но и это его не устраивает — он с оружием выступает против Кармаля. Кармаля заменяют Наджибуллой (с которым Хекматиар вместе учился в институте и вместе вступал в НДПА) — он выступает и против Наджибуллы. При этом во времена Кармаля и Наджибуллы Хекматиар объявляет «джихад» — священную войну против неверных (т. е. против советских, которые вошли в Афганистан). Наконец, в феврале 1989 года последний советский солдат уходит из Афганистана, но Хекматиар продолжает войну. Какой же это «джихад»? Идет война мусульман с мусульманами. Вот здесь особенно проявляется гнусность и коварство Хекматиара — совершенно очевидно, что ему нужен престол, а какой ценой он ему достанется и что это будет стоить народу, сколько тысяч афганцев, в том числе его соплеменников, еще погибнет — его не волнует.

Проходит еще три года. Оппозиция ничего не может сделать с законным правительством Кабула. Но кровь льется. И в этих условиях Наджибулла принимает мудрое и единственно правильное решение, на которое, я уверен, никто в Афганистане не мог бы решиться, если бы он был президентом: во имя мира на афганской земле и достижения согласия с оппозицией Наджибулла слагает с себя обязанности главы государства и предлагает занять этот пост одному из лидеров оппозиции по решению «Альянса семи». Временным руководителем Афганистана становится Моджадади — уважаемый в стране человек. Но Хекматиару он не нравится, и он ведет с ним вооруженную борьбу. Через год Моджадади заменяет Раббани, но и против него выступает Хекматиар.

Разве это не преступление против своего народа?

Итак, «Хальк» и «Парчам» объединились в одну правящую партию НДПА. Но предводители афганского общества не объединились, а посему война продолжалась.

Понимая, что оппозиция представляет реальную грозную силу и действительно может свергнуть власть в Кабуле, а объявленную через несколько дней после прихода к власти программу НДПА «Основные направления революционных задач» и решение всех социально-экономических проблем осуществить очень и очень трудно, Тараки и его окружение считают, что главной и единственной опорой в разрешении этих проблем для них является Советский Союз. Поэтому они не только систематически просят о материально-технической, военно-технической и финансовой помощи, но уже с 1978 года настаивают на вводе советских войск в Афганистан. Однако по части ввода наших войск постоянно встречают категорический отказ руководства СССР. Но Тараки и его соратники, предлагая другие варианты, бесцеремонно давят на СССР, просят защитить их от оппозиции или хотя бы помочь устоять от ее ударов, защитить нашими войсками важнейшие объекты страны, тем самым освободить правительственные войска для боевых действий против банд.

Представляет интерес еще один немаловажный факт. Помимо того, что лидеры НДПА наделали массу ошибок во внутренней политике (особенно с реформами и в отношении мулл), Тараки делает официальное заявление, которое всполошило ряд стран, особенно соседей: «Афганистан будет поддерживать национально-освободительные движения в Азии, Африке и Латинской Америке».

Это заявление (особенно слова «будет поддерживать») можно было истолковать так, как кому выгодно, в особенности если хотелось видеть за спиной Афганистана Советский Союз. Да и к чему это лихое заявление в условиях, когда сами стоят на хилых ногах — еще не только не окрепли, но и находятся под постоянной угрозой свержения оппозицией? К тому же Афганистан в новом своем виде, т. е. с новым строем, с новым правительством, в то время себя еще ни в чем не проявил, зачем же объявлять глобальные взгляды и решения? На мой взгляд, было бы эффективнее чисто политически и полезнее с прагматических позиций, если бы руководство Афганистана своими заявлениями, поездками и другими действиями застолбило бы дружеские отношения со всеми соседями — непосредственными и в ближайшем зарубежье, от Индии до Ирака и Турции, да и вообще со всеми странами Ближнего и Среднего Востока.

Таким образом, с первых месяцев и даже дней своего существования Демократическая Республика Афганистан оказалась в сложнейшей обстановке, и в основном по

субъективным причинам.

Конечно задним умом все богаты и могут по истечении лет и критиковать, и говорить, а что надо было сделать, чтобы не допустить… и т. д. Но не желая становиться в эту позу, мы все-таки должны честно признать, что если уж Советский Союз взялся какой-то стране материально помогать, то он обязан и диктовать, что и как надо делать до тех пор, пока не будет полной убежденности, что страна эта и ее руководство созрели и способны отправляться в путь самостоятельно. Конечно, нужен индивидуальный подход — страны Восточной Европы в такой опеке не нуждались, а типа Эфиопии, Мозамбика, Сомали и т. п. — нуждались не только в таком подходе, но и в жесточайшем контроле за использованием выделяемых средств. Ведь СССР никому ни в чем не обязан, никому ничего не должен и фактически не требовал материального возмездия за наши расходы. Позиция же некоторых лидеров отдавала наглостью.

Мало того, что все эти предводители «наломали дров» во внутренней и внешней политике (что мы обязаны были не допустить, коль взяли народ этой страны себе на иждивение), так они продолжали выкидывать фортели, а мы с изумлением смотрели на эти «фокусы» и робко лишь намеревались поправить. Самому далекому от политики обывателю было, например, странно наблюдать картину, когда Тараки вздумал лететь на Кубу на международную конференцию неприсоединившихся стран в условиях, когда личная власть Тараки уже была под сомнением, да и в самом Афганистане — война. Точнее, это было решение не Тараки, а Амина. Ведь было видно, что Тараки выполнял волю Амина. Спрашивается, а почему он должен был выполнять требования Амина, а не Советского Союза? Потому что у нас уже взяли за правило — «прислушиваться»! А почему к нам не прислушиваются? Надо было из Москвы не только развернуть Тараки в Кабул, но и не позволять ему покидать страну. А советскому послу в Афганистане, главному военному советнику, представителям КГБ, МВД и ЦК КПСС не быть наблюдателями всех событий, а в буквальном смысле строить новое здание современного государства Афганистан, но строить руками афганцев, и не на развалинах старого, а максимально используя все то, что уже было создано.

Мы же дождались, когда почти все развалилось, а потом, хватаясь за голову, стали искать пути, как поправить положение. Конечно, Ф. Табеев, являясь новым послом СССР в Афганистане, многое сумел сохранить и поправить. Но он пришел тогда, когда раскол афганского общества уже произошел, гражданская война в Афганистане была уже в полном разгаре и политические полюсы

четко определились.

Имея природный дар организатора, многогранные знания и богатейший опыт работы в должности руководителя Татарской Республики, которая и по количеству населения, и по занимаемой площади, и по природным богатствам, и, самое главное, по развитию производства и науки была больше, к примеру, любой прибалтийской союзной республики, Фехрят Ахмеджанович Табеев, конечно, внес значительный вклад в дело организации и становления нового государства — Демократической Республики Афганистан. Но не вина, а беда Табеева была в том, что длительное время у штурвала страны стоял демагог и чудовищная бездарность Б. Кармаль. Видя, что советские товарищи (афганцы назвали их теплым словом «шурави»), засучив рукава, организуют все сами, он вместо того, чтобы самому учиться и заставлять учиться весь партийный и государственный аппарат — как надо разрешать ту или иную проблему, занял иждивенческую позицию. Мол, пусть они делают, а мы посмотрим. Никакой инициативы. Поэтому у руководства Афганистана на этом этапе деятельность не бурлила, а тлела. Ф. Табеев начал их «раскачивать». И надо заметить, что кое-чего он добился.

В целом до ввода наших войск в Афганистан обстановка была прескверная. Оппозиция своими бандами обложила многие города страны. Население, которое не принимало участия в боевых действиях, поддерживало тех, кто сегодня владеет ситуацией в местах их проживания. В марте 1979 года в Кабуле был убит посол США в Афганистане Адельф Даббс, в связи с чем США максимально ухудшили отношение к Афганистану. Вслед за этим в Герате вспыхнул антиправительственный мятеж, на сторону которого перешел практически весь местный гарнизон. Среди руководства в Кабуле поднялся переполох. Тараки засыпал Москву устными и письменными просьбами о срочном оказании военной помощи путем ввода советских войск в Герат.

В течение трех дней, с 17 по 19 марта Политбюро ЦК КПСС постоянно обсуждало сложившуюся в ДРА ситуацию. По предложению Генштаба (пока руководство страны будет принимать принципиальное решение), министр обороны Д.Устинов отдал распоряжение Туркестанскому военному округу с соединениями, которые дислоцируются в районах Термеза, Кушки и севернее, провести ряд мероприятий по повышению их боевой готовности, а также демонстрации этих сил у государственной границы путем проведения учений.

По поручению Политбюро ЦК, А. Косыгин ведет переговоры с Тараки и старается убедить его в том, что Советскому Союзу

нецелесообразно вводить войска в Афганистан, а что касается военно-технической и другой материальной помощи, то это будет сделано — в ближайшие дни все будет поставлено в Кабул. Однако Тараки недоумевали: почему Советский союз не может ввести свои войска и оказать помощь дружественному Афганистану, тем более что запрашивается эта помощь официально правительством Афганистана в условиях наличия двустороннего договора. А вот, мол, Иран заслал в Герат без просьбы четыре тысячи своих военнослужащих в гражданской форме, которые организовали мятеж. Это же делает и Пакистан. Тараки прямо говорил, что надо послать к ним узбеков и таджиков, которые знают язык, одеть их в афганскую форму. Мол, Иран и Пакистан дают хороший пример. Но Косыгин терпеливо разъяснял Тараки, что проблему упрощать нельзя — это сложный международный политический вопрос, и он имеет большие последствия. Говорил ему также, что надо отыскивать силы у себя на месте, а вооружение для них, боевую технику, боеприпасы и другое военное имущество будет доставлено самолетами в любое время. Однако Тараки не сдавался и начал настаивать на том, чтобы технику прислали с водителями — узбеками или таджиками. Одновременно как бы предупредил, что от того, в чьих руках окажется Герат, будет зависеть развитие событий в Афганистане вообще. Но Косыгин был неумолим, хотя в конце беседы пообещал еще раз поставить этот вопрос на заседании Политбюро.

Заседание состоялось в тот же день, т. е. 18 марта, правда, без Брежнева. Все были единодушны в том, что наши войска вводить нельзя. Запись заседания оформлена специальным документом. Приведу из него отдельные, наиболее характерные высказывания.

В начале заседания оценивали общую обстановку по Герату. При этом Кириленко резонно спросил: «Неужели вся 17-я пехотная дивизия, которая стоит в Герате, перешла на сторону мятежников?» На что Косыгин ответил: «Перешли пока что, по нашим данным, артиллерийский и один пехотный полк, и то не полностью. А остальные поддерживают правительство. Хотя товарищ Тараки говорит, что дивизия… наполовину перешла на сторону противника. Остальная часть, считай, что тоже не будет поддерживать правительство».

Это меняло положение. Было видно, что Тараки и его окружение со страха преувеличивают возможности противника и приуменьшают свои. Однако на этом заседании у министра обороны Устинова уже проскальзывали нотки согласия с просьбами руководства Афганистана о вводе наших войск.

Дмитрий Федорович один раз бросил реплику: «Амин (министр обороны ДРА), когда я с ним говорил, просил ввести наши войска в Герат и разбить противника». И буквально через одного Устинов еще раз высказывается на эту тему: «Афганская революция встретила на своем пути большие трудности, говорит Амин в разговоре со мной, и спасение ее зависит только от Советского Союза». И между строк этого высказывания можно было читать мысли Устинова: «И я с руководством Афганистана полностью согласен — революцию надо спасать, наши войска надо вводить».

Видя, куда клонит министр обороны, Косыгин сказал: «Нам, конечно, принимая такое решение относительно помощи, надо серьезно продумать все вытекающие отсюда последствия. Дело это очень серьезное».

Слово взял Андропов: «Нужно очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать вопрос по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость экономики и т. д… О какой революционной ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане (Юрий Владимирович слово «революция» в данном случае брал в кавычки) только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас». И далее продолжал:

> «…Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь наши войска? В этом случае танки и бронемашины не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан».

Так же категорически выступил Громыко:

> «Я полностью поддерживаю предложение товарища Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадлежащая. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил

товарищ Андропов, что обстановка в Афганистане для революции еще не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом, в смысле разрядки вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад… Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции. Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан — с его нынешним правительством, с отсталой экономикой и с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что юридически нам не оправдать введение войск. Согласно Уставу ООН страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они (т. е. афганцы) подверглись бы агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица одной группы населения с другой… Мы имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа».

Как бы подводя итог обмену мнениями, Косыгин предложил вызвать в Москву Тараки «…и сказать ему, что мы увеличиваем вам помощь, но войска вводить не можем, потому что они будут воевать не против армии, которая по существу перешла на сторону противника или отсиживается по углам, а против народа. Минусы у нас будут огромные. Целый букет стран немедленно выступит против нас. А плюсов никаких для нас тут нет… Одним словом, мы ничего не меняем в помощи Афганистану кроме ввода войск. Они будут сами более ответственно относиться к решению вопросов руководства делами государства. А если мы за них всё сейчас сделаем, то что же для них останется? Ничего. В Герате у нас имеется 24 советника… Их надо будет вывезти…»

На следующий день заседание Политбюро прошло с участием Брежнева. Он полностью согласился со своими товарищами — помощь оказывать, но войска не вводить, а Тараки пригласить в Москву и разъяснить.

Таким образом, Политбюро ЦК приняло правильное решение о том, что наши войска в Афганистан не вводить, а помощь этой стороне продолжать оказывать. В духе этого решения прошла и встреча 20 марта 1979 года Тараки с руководством нашей страны (с Брежневым он встречался отдельно).

Казалось, все ясно и понятно: решение принято — наши войска в Афганистан не вводить. Но Устинов не был бы

Устиновым, если бы не «пробил» свой замысел, который отвечал и интересам Тараки. К сожалению, документальных подтверждений нет, но, зная метод и упорство Устинова добиваться своей цели, вполне логично предположить порядок его личных действий. Главное, он не унывал, если при первом или втором заходе его не поддерживают.

Так было и в случае с Афганистаном. Уверен, что первым шагом, направленным против этого решения Политбюро, было подталкивание руководителей наших представительств в Афганистане к проявлению инициативы: официальными телеграммами о том, что советские войска все-таки хоть в ограниченном составе, но ввести надо. И такую телеграмму за подписью советского посла в ДРА Пузанова и представителя КГБ Иванова уже после заседания Политбюро в Москве получают (подписи главного военного советника не было, чтобы не возникло каких-либо теней на МО). Вот ее текст:

«Донесение из Кабула

(Секретно. Срочно.)

…В случае дальнейшего обострения обстановки будет, видимо, целесообразным рассмотреть вопрос о каком-то участии под соответствующим подходящим предлогом наших воинских частей в охране сооружений и важных объектов, осуществляемых при содействии Советского Союза. В частности, можно было бы рассмотреть вопрос о направлении подразделений советских войск:

А). На военный аэродром Баграм под видом технических специалистов, используя для этого в качестве прикрытия намеченную перестройку ремзавода;

Б). На Кабульский аэродром под видом проведения его реконструкции, тем более что недавно на этот счет было заключено межправительственное соглашение, о чем сообщалось в печати.

В случае дальнейшего осложнения обстановки наличие таких опорных пунктов позволило бы при необходимости обеспечить безопасность эвакуации советских граждан.

Пузанов, Иванов».

19.03.1979 г.

Кстати, и во время беседы 20 марта руководства нашей страны с Тараки Косыгин перечислил, какое конкретное вооружение и боевая техника предоставляется Афганиста-ну безвозмездно, немедленно и дополнительно. Тараки искренне поблагодарил и дальше мысль не развивал. Но Устинов вставил: «В связи с дополнительными поставками военной техники, видимо, возникает необходимость в дополнительном направлении в Афганистан военных специалистов и советников».

На что Тараки ответил: «Если вы считаете, что такая потребность существует, то мы, конечно, примем их…»

То есть Устинов инициировал даже Тараки, и тот сделал (хоть и бестолково: «Если вы считаете…» вместо того чтобы сказать: «Мы просим и благодарны») этот шаг. Но дальше Тараки спросил Косыгина: а как поступит Советский Союз, если на территорию Афганистана будет совершено нападение извне? Косыгин без колебаний прямо сказал, что это будет совершенно другая ситуация, но сейчас нужно сделать все, чтобы такого вторжения не было.

В марте 1979 года здоровые правительственные силы в Афганистане все-таки подавили мятеж в Герате без участия советских войск. Это и радовало афганское руководство, но и ударило по его авторитету: выходит, что в Москве (лично Косыгин) лучше чувствуют и понимают обстановку, чем в Кабуле.

В связи с этим событием 1 апреля 1979 года Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев направили в ЦК КПСС записку, в которой делается анализ ситуации в Афганистане в целом и подробно — в Герате. Критикуется руководство ДРА, проявившее непонимание возможных последствий, которые могли бы иметь место, если была бы выполнена их просьба о вводе советских войск. А в заключение отмечалось:

> «Таким образом, наше решение воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится…»

Документ хоть и подписан четырьмя, но инициатором его появления был Громыко, о чем он высказался в декабре 1984 года. А дело было так. Андрей Андреевич, являясь председателем комиссии Политбюро по Афганистану, назначил очередное заседание на конец декабря. К этому времени я вернулся из Афганистана, где одновременно с начальником Пограничных

войск КГБ СССР генералом армии В. А. Матросовым решал задачу создания таких же войск в Вооруженных Силах Афганистана. Естественно, у меня были совершенно свежие данные по всем областям жизни и деятельности ДРА. К тому же я готовился выехать в Афганистан уже на постоянной основе, чтобы, заменив в этой стране С. Л. Соколова и С. Ф. Ахромеева, находиться там безвыездно «до конца», как мне сформулировал мое положение Сергей Федорович Ахромеев (уже будучи начальником Генштаба).

Заседание комиссии предполагалось проводить в здании ЦК на Старой площади. Я приехал за полчаса до начала в расчете повстречаться с некоторыми товарищами и обсудить накоротке отдельные вопросы (вообще так практиковалось всегда). Но я был крайне удивлен, когда обычно пунктуальный Громыко вдруг пришел до заседания на целых пятнадцать минут раньше. Мы еще расхаживали, стояли и сидели небольшими группами. Он вошел, остановился, оценивая обстановку, и затем направился к нам. Кто-то на ходу спросил его: «Возможно, начнем раньше?» Он сказал, что начнем точно в назначенное время. «Тем более, — добавил он, — к нам подойдет еще кое-кто из членов Политбюро».

Мне с Громыко приходилось встречаться в начале 80-х годов не один раз. Но особо памятен был разговор с ним по вопросу выработки нашего отношения к программе «Стратегической оборонительной инициативы» (СОИ) Рейгана. Кстати, тогда же мне Андрей Андреевич сказал, что МИД высоко ценит книгу Генштаба «Откуда исходит угроза миру». Не скрою, мне было приятно услышать это именно от него, поскольку он был человеком, скромным на похвалы.

А сейчас подошел и сразу за дело: «Я считаю, что если будут созданы в ДРА пограничные войска, то мы вправе ожидать, что все тропы и колонные пути, которые ведут из Пакистана и Ирана в Афганистан, будут надежно перекрыты. И, следовательно, поставка вооружений, боеприпасов и другого военного имущества для бандформирований на территории Афганистана, а также переход групп боевиков, подготовленных на учебных центрах Пакистана, будет пресечена. А если это так, то оппозиция в ДРА задохнется».

Мы начали убеждать его, что это не так просто. Наш разговор, начатый до заседания, невольно получил свое продолжение на самом заседании.

Однако буквально перед тем, как разместиться за общим большим столом, Андрей Андреевич говорит: «Сами виноваты! Надели на себя хомут и теперь носимся с ним. Еще в 1978 году мы же четко определились — ни при каких условиях наши войска

в Афганистан не вводить. Помню, покойный Тараки нас пугал мятежом в Герате. Но мы устояли при твердой позиции Косыгина. И мятеж они подавили самостоятельно. В связи с этим я написал записку в ЦК КПСС и ее подписали еще несколько человек, где было отмечено, что наша линия правильная, что мы не вводим войска в ДРА и что и впредь, что бы ни случилось, мы не должны их вводить. Разумеется, если не будет открытой агрессии извне. А в итоге уже в конце 1979 года мы изменили сами себе и поддались уговорам. А теперь ищем выхода из тупика, в который вогнали себя сами».

Вот так. Мало того, что нам был известен автор этой исторической записки в ЦК, но еще и то, что этот автор критикует себя и своих товарищей за то, что не пронесли до конца принятое решение не вводить наши войска в Афганистан, свернули с позиции Косыгина.

Конечно, когда нет официальных документов, когда ушли в иной мир все основные государственные деятели того времени, сложно определить детали — а что же произошло, почему члены Политбюро изменили свое решение. Поэтому авторы ряда книг, настоящие специалисты по Афганистану, пишут: остается загадкой и даже тайной — что именно заставило членов Политбюро ЦК КПСС полярно изменить свое решение.

Но на мой взгляд, никаких принципиальных загадок здесь не существует. Имеются субъективные и объективные причины, объясняющие эту коллизию.

К субъективным причинам надо отнести действия Устинова. Они хорошо просматриваются даже в изложенном здесь материале. Конечно, Громыко, как и другие ближайшие соратники генсека, не мог назвать из деликатности фамилию Устинова, который поодиночке их (в т. ч. Громыко и Андропова) обрабатывал. Устинову надо было склонить на свою сторону именно и только Громыко и Андропова. А уж они вместе с Устиновым запросто убедят Брежнева в целесообразности ввода наших войск. Это логично вытекает и из последующих событий, документов и личных наблюдений.

Через два-три дня после записки в ЦК КПСС от 1.04.79 возник вопрос о необходимости выехать в Афганистан и капитально разобрать всю сложившуюся военно-политическую обстановку. Естественно у руководства выбор пал на министра обороны Д. Устинова. Но он категорически отказывается — сказал, что ему нецелесообразно ехать в Афганистан. Нецелесообразно и все.

Фактическая же подоплека, тайная причина была в другом. Во-первых, Устинов, будучи умным и хитрым человеком, прекрасно понимал, что он ни в чем не разберется и не поймет,

что там на самом деле происходит. То есть этот визит в итоге мог для него, как государственной личности, явиться крахом. Во-вторых, он задался целью все-таки склонить, хоть несколько позже, членов Политбюро к вводу наших войск? Но съездить в Афганистан сразу после разгрома антиправительственного мятежа в Герате силами правительственных войск. Как в этих условиях сделать вывод, что Тараки и его соратники были правы, что надо было наши войска вводить?! Это выглядело бы крайне странно. А вот находясь в Москве, потихоньку «точить камень» с целью изменить взгляды на Афганистан — это для него то, что надо. В-третьих, туда можно послать кого-то послушного из своих заместителей, который сделает «правильные» выводы. В-четвертых, поездка в страну, где могут прихлопнуть в два счета, совершенно ни к чему. Зачем рисковать? Нет, нет! Обойдется.

Но надо было кого-то послать именно из таких, кто привезет выводы, которые облегчили бы последующие действия Устинова по этой проблеме. Огаркова? Нельзя — он привезет выводы противоположные, т. е. подтверждающие, что вводить наши войска нельзя. И Устинову приходит идея — послать А. Епишева — начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. Человек он понимающий — всегда знает (точнее чувствует), что именно от него требуется. Уже не первым министром работает, и хотя все они были разные и по характеру, и по взглядам, но им всем Епишев нравился — никогда ни во что не вмешивался и не мешал работать, во всем поддерживал.

В итоге своего визита Алексей Алексеевич Епишев опять привозит настоятельную просьбу афганского руководства о вводе наших войск в ДРА. Алексей Алексеевич мудрый человек — он не переступил через черту запрета, обозначенную Политбюро (зачем накликать беду на свою голову?), но и угодил Устинову (работать-то вместе!). Вслед за ним ездил с группой офицеров главнокомандующий Сухопутными войсками Вооруженных Сил генерал армии И.Г. Павловский. Он привез в итоге те же просьбы. Правда, Амин высказал ему пожелание о возможно скорейшем вводе одной нашей дивизии, которая воевать не будет, а станет при необходимости защищать правительство ДРА.

Вслед за этими визитами в Москву летят телеграммы. Вначале от главного советского военного советника генерала Горелова, который передает просьбу Амина прислать 15–20 боевых вертолетов с советскими экипажами. Затем — за подписью чрезвычайного и полномочного посла СССР в Афганистане Пузанова, руководителя представительства КГБ СССР в ДРА Иванова и нашего главного военного советника

Горелова, которые уже от своего имени пишут (проблема целиком обнажилась):

> «…Было бы целесообразно изучить возможность создания в районе Кабула единого учебного центра для Вооруженных Сил ДРА (по типу учебной бригады на Кубе)».

То есть давление на наше руководство продолжается. Поэтому ничего удивительного нет, что уже в мае 1979 года принимается решение о формировании в Туркестанском военном округе специального батальона (на всякий случай!) из лиц коренной национальности Средней Азии, так сказать, «мусульманский батальон». Этот батальон, как и подразделения специального назначения КГБ, готовился по специальной программе и в условиях, максимально приближенных к Афганистану.

А донесения наших представительств в Афганистане продолжали говорить об одном и том же — обстановка сложная, поэтому Тараки и Амин в разных вариантах просят их, наших представителей, ввести советские войска. В июле, чтобы разрядить обстановку, в ДРА летит секретарь ЦК КПСС Пономарев. Ему руководители ДРА высказывают просьбу о необходимости ввести уже две наших дивизии. А еще через день Тараки (не без чьей-то подсказки) заговорил о целесообразности планирования высадки в Кабуле воздушно-десантной дивизии.

Тем временем, начиная с апреля 1979 года, происходят систематические убийства наших офицеров-советников.

А представительства Советского Союза в Афганистане уже открыто пишут о необходимости размещения в Кабуле нашей спецбригады, затем — дополнительно еще трех батальонов спецназа.

Наше руководство посылает в Афганистан повторно генерала армии И. Г. Павловского для оценки обстановки и принятия мер по ее стабилизации (начиная с наших представительств). В это время мятежники фактически разгромили 12-ю пехотную дивизию правительственных войск в провинции Пактика.

Перед вылетом в Кабул Павловский имел разговор с министром обороны Устиновым, у которого спросил: «Планируется ли ввод наших войск в Афганистан?» И получил отрицательный ответ (иначе министр ответить и не мог — есть решение Политбюро). Но характерно другое: коль был задан этот вопрос, то ясно, что в головах высшего командования Вооруженных Сил СССР мысль о вводе наших войск все-таки витала. Она присутствовала и в среде руководителей партийного

и государственного аппарата.

После продолжительной беседы с Амином, который буквально наседал на нашего главкома, генерал армии Павловский присылает в Москву соответствующую телеграмму.

Уже через много лет, беседуя с И. Г. Павловским по вопросам афганской эпопеи и касаясь в том числе именно этого эпизода, я услышал от Ивана Григорьевича оценку Амина: это была сильная, авторитетная фигура; он фактически подчинил себе всех, в том числе Тараки; было видно, что он рвется к власти; наши войска ему были нужны, чтобы заручиться поддержкой Советского Союза и, главное, втянуть нас в этот военно-политический вихрь, который образовался над Афганистаном.

Вспоминая эти высказывания Ивана Григорьевича, я в то же время сопоставляю их с содержанием телеграммы, которую он дал в то время в Москву: «2 августа… тов. Амин поднял вопрос о введении наших войск в Кабул, что, по его мнению (обратите внимание — «его, Амина, мнению»), может высвободить одну из двух дивизий Кабульского гарнизона для борьбы с мятежниками…» Но в телеграмме не было оценки этой просьбы Амина. А коль нет категорического отказа, то можно по-разному истолковать мнение нашего высокого представителя, в том числе и так, что Иван Григорьевич поддерживает просьбу Амина. По понятным причинам Устинов не критиковал, даже в легкой форме, содержание телеграммы Павловского.

А дальше произошли уже известные события. Амин путем интриг и убийства Тараки забрался на трон главы государства.

Как быть и что делать нашему руководству? А. Громыко в своей телеграмме 15 сентября 1979 года сообщает, что признано целесообразным «…не отказываться иметь дело с Х. Амином и возглавляемым им руководством», а также указывает, чтобы наши военные советники, советники органов безопасности и внутренних дел оставались на своих местах, исполняя свои прежние функции в оказании помощи по организации борьбы против мятежников.

10 октября 1979 года было обнародовано короткое сообщение, что после непродолжительной, но тяжелой болезни Тараки скончался и его похоронили. Хотя он был зверски задушен теми, кто его когда-то охранял. Мало того, всю семью Тараки заточили в знаменитую тюрьму Пули-Чархи.

Учитывая смену руководства Афганистана, в Москве решили сменить и руководителей наших представительств. Начали с посла А. Пузанова — его заменил Ф. Табеев. Затем на пост главного военного советника вместо Л. Горелова был направлен С. Магометов (принималось во внимание его национальное

происхождение, но, как показала жизнь, к этому нужно иметь еще и многое другое). Несколько позже был заменен и руководитель представительства КГБ Б. Иванов, вместо которого прибыл Н. Калягин. Постепенно обновлялись лица и на других постах.

Кстати, назначая Ф. Табеева на пост посла, тоже учитывали его национальное происхождение, как важнейший фактор в сложившейся ситуации. Но главная ценность Ф.Табеева была, конечно, в его мощных способностях и возможностях.

Главной причиной, побудившей руководство страны изменить свое решение о невводе наших войск в Афганистан, явилась резко ухудшившаяся обстановка в ДРА. Массовый террор Амина по отношению к своему народу проявлялся не только в расстрелах людей буквально пачками, но и в уничтожении авиацией целых кишлаков, жители которых выражали возмущение действиями Амина. Фактически волнения шли по всей стране.

Не менее важным было и то, что внешняя политика Афганистана в отношении Запада в целом и особенно США буквально на глазах претерпела изменения: от формально-официальной по форме и негативной по содержанию она стала сбалансированной и вселяющей надежды на сближение. Естественно, зачастили контакты с американским посольством. Последнее доносит в Вашингтон о благоприятном развитии событий и о том, что это только начало.

Несомненно, все это настораживало Советский Союз, и наше руководство (в лице Громыко, Андропова, Устинова, Пономарева) 29 ноября 1979 года дает телеграмму нашему представительству в Афганистане, в которой была и такая фраза: «При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны».

Конечно, объективно ухудшающаяся с каждым днем обстановка в ДРА в целом своими корнями опять-таки и в первую очередь уходила в субъективный фактор — Х.Амин! И коль руководство СССР уже было обеспокоено тем, что Афганистан может изменить свой политический курс, то в этих условиях, естественно, можно и нужно было подумать о всех возможных вариантах действий для недопущения такого исхода.

Возвращаясь к субъективным факторам, надо отметить, что не менее важную роль сыграло личное отношение Брежнева к коварству Амина: Леонид Ильич лично обратился к нему с просьбой (правда, запоздалой), чтобы была сохранена жизнь Тараки, и Амин поклялся, что исполнит эту просьбу. Но он лгал — уже в это время Тараки не было в живых. Но когда о смерти

Тараки опубликовали сообщение, Брежнев взорвался. И его можно было понять: он беспокоился и о своей чести, и о чести Советского Союза, который должен был защитить Тараки; это не Горбачев, который бросил на произвол Хонеккера и других лидеров социалистических стран.

Естественно, эта оценка и настроение Брежнева тоже явились субъективным фактором, который повлиял на пересмотр решения Политбюро о невводе наших войск в Афганистан. Учитывая же, что в окружении Леонида Ильича были такие, как Устинов, вполне понятно, что возмущение Брежнева не только поддерживалось, но и всячески подогревалось.

В то же время примечателен тот факт, что уже во второй половине 1979 года Косыгин или не приглашался, или сам не являлся на заседания, где обсуждался афганский вопрос. Уже было видно, что Политбюро сползает со своих принципиальных позиций. И поскольку на таких заседаниях руководство правительства все-таки должно присутствовать, то приглашался молчаливый Н. А. Тихонов — он устраивал всех. Кстати, являясь по возрасту фактически ровесником А. Н. Косыгину, он у последнего унаследовал многое в руководстве экономикой, но за пять лет пребывания в должности председателя правительства не обеспечил движения страны ни по одному из направлений. Наоборот, образовался застой.

Чувствуя, что руководство страны фактически уже у порога изменения своего решения по вводу наших войск в Афганистан, Н. В. Огарков предпринимает последнее усилие — уговорить Д. Ф. Устинова не делать этого. В связи с этим он приглашает С. Ф. Ахромеева и меня к себе и сообщает, что хотел бы в нашем присутствии (так сказать, при свидетелях) высказать министру нецелесообразность такой акции и обосновать это. А при необходимости мы должны были его поддержать.

Устинов принял нас сразу. Пригласил почему-то на этот разговор Епишева (возможно, с учетом того, что он бывал в Афганистане). Николай Васильевич докладывал долго, но толково. Дмитрий Федорович не перебивал, однако по лицу было видно, что он скучал и всем своим видом показывал: «Ну, зачем ты мне обо всем этом говоришь? Ведь уже все предрешено, и я не намерен что-то менять!»

Огарков закончил. Устинов промолчал, затем, обращаясь к Епишеву, спросил:

— Алексей Алексеевич, у тебя вопросы есть?

— Да нет у меня вопросов. У Генерального штаба всегда свое мнение, — потрафил он министру.

— Это верно. Но я учту мнение Генерального штаба.

Разговор не получился. Когда мы уже собирались уходить, я обронил:

— Товарищ министр обороны, мы чувствуем, что это последний шанс.

— Дмитрий Федорович, — продолжил Огарков, — мы очень надеемся на вас.

А на следующий день, 8 декабря 1979 года, состоялось совещание у Брежнева. Видно, по инициативе Андропова или Громыко был приглашен и Огарков. Но не на самом совещании у Брежнева, а до этого в «Ореховой комнате» (тыльная комната за кабинетом Брежнева) за полтора часа до совещания Андропов, Громыко и Устинов предложили Николаю Васильевичу доложить оценку обстановки и мнение Генштаба по поводу ввода наших войск в Афганистан.

Позже Николай Васильевич делился со мной своими впечатлениями:

— Я понимал, что им надо было все-таки полнее «вооружиться», прежде чем проводить совещание с участием Брежнева. На этой встрече особо активно вели себя Андропов и Громыко. Устинов молчал. Затем подошел Суслов, который присел к круглому столу, но в разговор не включался, хотя слушал внимательно. В итоге часового разговора, в котором я старался их убедить не делать этого шага с вводом. Однако они меня только поблагодарили, и я уехал.

— Но вы почувствовали, к какому решению они были склонны? — спросил я.

— Как-то однозначно сделать вывод было нельзя, но то, что и Громыко, и Андропов нервничали, — это было видно, особенно когда я говорил о возможных последствиях для Советского Союза.

Еще бы не нервничать!

10 декабря 1979 года состоялось еще одно заседание у Брежнева. На этот раз пригласили Огаркова, и он уже в присутствии Леонида Ильича докладывал мнение Генштаба. И в этот раз активно задавали вопросы Андропов и Громыко. Леонид Ильич сделал две-три реплики — и все. Устинов опять промолчал. Позже Николай Васильевич Огарков говорил, что создавалось впечатление, будто Устинов с Брежневым все обговорили и предварительное решение уже было. В этих условиях, если Леонид Ильич даже неуверенно скажет: «Очевидно, надо что-то вводить…» — уже никто в оппоненты не полезет.

Что касается Д. Ф. Устинова, то некоторые деятели, не зная внутреннего содержания Дмитрия Федоровича, весьма наивно делают выводы. Например, доктор Е. И. Чазов (министр

здравоохранения СССР) говорил об Устинове: «единственной (?) его ошибкой, которую, как мне кажется, он до конца не осознал, была афганская война. Плохой политик и дипломат, он… считал, что все вопросы можно решать с позиции силы».

Это была далеко не единственная его ошибка. В то же время это были умышленные действия, в основе которых лежало его стремление обязательно лично прославиться.

12 декабря 1979 года было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС № 176/125. Оно называлось: «К положению в «А», что означало — к положению в Афганистане.

Это Постановление кардинально меняло ранее принятое решение Политбюро ЦК. Ю. В. Андропов и А. А. Громыко подпали под влияние Д. Ф. Устинова, который оперировал фактами, убедительно свидетельствовавшими об ухудшении обстановки. Кроме того, на них возымело большое действие возмущение Брежнева коварством Амина, убившего Тараки.

Вот текст Постановления:

> «1. Одобрить соображения и мероприятия (т. е. ввод войск в Афганистан.), изложенные т.т. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.
>
> Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.
>
> Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю. В., Устинова Д. Т., Громыко А. А.
>
> 2. Поручить т.т. Андропову Ю. В., Устинову Д. Т., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.
>
> *Секретарь ЦК Л.И. Брежнев».*

Как видите, читатель, Политбюро все-таки сломалось под тяжестью событий в Афганистане и коварной позиции некоторых его членов. Но это произошло уже без участия А. Н. Косыгина и вопреки тем доводам, которые докладывались Генеральным штабом ВС. Как показала жизнь, пророчества А. Н. Косыгина, к сожалению, сбылись.

Глава II
Ввод войск в Афганистан

Условия оказались много сложнее. Провокации. Пришли для мира — получили войну. Штурм Дворца Амина. Первые итоги ввода наших войск на мировой арене.

Таким образом, решение о вводе советских войск в Афганистан было принято. Наша задача (т. е. задача Генерального штаба) теперь в этих условиях состояла в том, чтобы этот ввод был проведен организованно, а само пребывание введенной армии не должно было вызвать тяжелых последствий. И если первое нам удалось выполнить, то второе — наоборот: все выглядело в самом худшем виде, но уже не по вине Генштаба.

Итак, кратко систематизировав все, что и как выглядело накануне ввода наших войск, бросим теперь общий взгляд на первые годы нашего пребывания в Афганистане, а затем разберем некоторые фрагменты, оставившие след в истории.

Нашему руководству особо стало ясно, что ввод войск необходим с приходом к власти Х. Амина, когда он стал зверствовать по отношению к собственному народу, а также проявлять коварство во внешней политике, что затрагивало интересы государственной безопасности СССР. Наши руководители фактически вынуждены были пойти на ввод войск (хотя, если следовать косыгинской позиции, то можно было заставить афганцев все сделать своими руками, в т. ч. в отношении мер к Амину).

Чем они при этом руководствовались? Очевидно, во-первых, тем, что надо было не допустить разгула аминовских репрессий. Это было открытое истребление народа, ежедневно проводились расстрелы тысяч ни в чем не повинных людей. При этом расстреливали не только таджиков, узбеков, хазарийцев, татар, но и пуштунов. По любому доносу или подозрению принимались крайние меры. Советский Союз не мог поддержать такую власть. Но Советский Союз не мог в связи с этим и порвать отношения с Афганистаном. Во-вторых, надо было исключить обращение Амина к американцам с просьбой ввести свои войска (коль СССР отказывает). А это могло иметь место. Воспользовавшись сложившейся ситуацией в Афганистане и используя обращение Амина, США смогли бы установить вдоль советско-афганской границы свою контрольно-измерительную аппаратуру, способную снимать все параметры с опытных экземпляров нашего ракетного,

авиационного и другого оружия, испытание которого проводилось на государственных полигонах в Средней Азии. Тем самым ЦРУ имело бы те же данные, что и наши конструкторские бюро. Да еще на территории Афганистана были бы размещены ракеты (из комплекса ракет меньшего и среднего радиуса действия, но стратегических ядерных сил), нацеленные на СССР, что, конечно же, поставило бы нашу страну в очень сложное положение.

Когда же советское руководство все-таки приняло решение о вводе наших войск в Афганистан, то в этих условиях Генеральный штаб предложил альтернативу: войска ввести, но встать гарнизонами в крупных населенных пунктах и в боевые действия, которые шли на территории Афганистана, не ввязываться. Генеральный штаб рассчитывал, что само присутствие наших войск стабилизирует обстановку и оппозиция прекратит боевые действия против правительственных войск. Предложение было принято. Да и сам ввод и пребывание наших войск на территории Афганистана первоначально рассчитывался только на несколько месяцев.

Но обстановка развивалась совершенно иначе, чем мы предполагали. С вводом наших войск провокации усилились. Хотя в принципе народ Афганистана вхождение наших войск приветствовал. Все население в городах и кишлаках высыпало на улицы. Улыбки, цветы, возгласы: «Шурави!» (советские) — всё говорило о добре и дружбе.

Наиболее гнусным провокационным шагом со стороны душманов стало зверское, с пытками убийство наших офицеров-советников в артиллерийском полку 20-й пехотной дивизии на севере страны. Советское командование вместе с военным и политическим руководством Афганистана было вынуждено принять жесткие меры пресечения. А провокаторы только того и ждали. И в свою очередь провели серию кровавых акций во многих районах. А далее боевые столкновения покатились по всей стране и стали нарастать, как снежный ком. Уже тогда была видна система согласованных действий и централизованного управления силами оппозиции.

Поэтому группировка наших войск с сорока-пятидесяти тысяч, которые были введены первоначально (в 1979–1980 гг.), уже к 1985 году стала насчитывать более ста тысяч. Сюда, конечно, входили и строители, и ремонтники, и работники тыла, и медики, и другие обеспечивающие службы.

Сто тысяч — много это или мало? В то время с учетом социально-политической обстановки в самом Афганистане и вокруг него это было ровно столько, сколько требовалось, чтобы

защитить не только важнейшие объекты страны, но и себя от нападения мятежных банд и частично проводить меры по прикрытию госграницы с Пакистаном и Ираном (перехват караванов, банд и т. д.). Иных целей не было и других задач не ставилось.

Но надо подчеркнуть, что уже в 1983-м, и особенно в 1984 году, Генеральный штаб начал категорически настаивать на том, чтобы политики и дипломаты немедленно приступили к развязыванию этого затянувшегося узла политическим путем. Уже тогда было видно, что силовое противостояние завело нас в тупик. Тем более что задача кого-то победить или покорить вовсе не ставилась. Главной целью нашего пребывания была стабилизация обстановки. Однако вместо этого мы получили войну. При этом США с помощью Пакистана, Саудовской Аравии и других стран делали всё, чтобы «приковать» СССР к войне в Афганистане на возможно большой срок, хотя и кричали на каждом углу, что Советский Союз — агрессор и т. д.

Учитывая печальный опыт пребывания наших войск в Афганистане и представляя еще более сложную перспективу, Генеральный штаб уже в 1982 году категорически поставил вопрос о выводе наших войск из Афганистана. Для подкрепления своей позиции и демонстрации готовности вывода наших войск, а также подавая пример другим нашим ведомствам, мы вывели в 1983 году из Афганистана несколько воинских частей и подразделений. Правда, они были невелики по численности и значению, но сам факт значил достаточно много. Инициировал такие действия Н. В. Огарков.

Однако руководство Афганистана того времени во главе с Кармалем (человеком с большими амбициями и весьма ограниченными способностями) не смогло или не пожелало поддержать такие меры. Очевидно, оно мыслило только в рамках своих интересов — любыми средствами удержаться у власти. А сделать это можно было (если говорить персонально о Кармале) только с применением военной силы.

Становилось все ясней, что ситуация не только зашла в тупик, но и будет приобретать все более трагический характер. В апреле 1986 года Кармаль (не без нашего содействия) уходит со своего поста и уступает место Наджибулле. Надо отметить, что это был лидер совершенно другого склада. Несмотря на молодость (в то время Наджибулле было 39 лет), он уже умел достаточно глубоко анализировать обстановку, делать реалистические выводы, принимать решения с предвидением последствий и в интересах народа, как и положено президенту.

В связи с назначением Наджибуллы на пост главы

государства считаю целесообразным сообщить читателю достаточно интересный, на мой взгляд, факт. По долгу своей службы я, начиная с прихода в Генеральный штаб, тесно контактировал со многими работниками КГБ, в том числе и в первую очередь с Владимиром Александровичем Крючковым (в то время — начальником Первого главного управления — внешняя разведка) и практически всеми основными его подчиненными. Среди них был и Яков Прокопьевич Медяник — уже далеко не молодой, с красивой седой шевелюрой и подвижными черными глазами. Меня к нему притягивала не только сфера его деятельности, но и его активность и обязательность. Я знал, что если он сказал, то сделает. Мы иногда с ним откровенничали, рисуя перспективы по Афганистану. Как-то в 1985 году у меня с ним состоялся разговор, который, на мой взгляд, сыграл принципиальное значение для Афганистана. Я не намерен приписывать какие-либо положительные шаги и заслуги себе, но и не намерен скрывать то, что действительно имело место.

Речь идет о Наджибулле.

Как-то мы разговорились с Медяником о необходимости принятия экстренных и кардинальных мер по решительному изменению обстановки. «Дальше так продолжаться не может», — сокрушался Яков Прокопьевич. Я полностью разделял его мнение, но сказал, что пока демагог Бабрак Кармаль будет у власти, до тех пор обстановка будет ухудшаться. Он согласился, что была допущена ошибка, когда мы поддержали эту кандидатуру. А сейчас в числе секретарей ЦК НДПА нет ни одного реального политика, на которого можно было бы положиться как на главу государства.

— А зачем ограничиваться только секретарями? — продолжил я разговор. — Ведь и остальные члены Политбюро ЦК НДПА — известные, заслуженные, авторитетные люди. Кое-кто мог бы претендовать на пост руководителя государства.

— Кешманд? Председатель правительства? — спрашивает меня Медяник. — Но он хазариец. У них это не пройдет.

— А вы посмотрите на пуштуна Наджиба (в то время Наджибуллу называли еще по партийной кличке — «Наджиб»).

— Но он же председатель СГИ — Служба государственной информации (так назывался у них КГБ), — мгновенно отреагировал Яков Прокопьевич.

— Ну и что?! — возразил я. — У нас же был генсеком Юрий Владимирович Андропов. Прекрасно справлялся. Жаль, что смерть унесла его так рано. А ведь он тоже был председателем КГБ. Но, побыв несколько месяцев секретарем ЦК, он без врастания в обстановку стал свободно руководить государством.

Вот и Наджиб. Умный, решительный, прекрасно знает народ и страну. Пуштун. Авторитетный. Перевести его в секретари ЦК НДПА на несколько месяцев для формы, а затем — главой государства.

У Я. П. Медяника загорелись глаза. «Значит, дело состоится», — подумал я. Вижу, что Медяник очень взволнован, сказал ему еще пару фраз и, сославшись на то, что мне надо решать кое-какие задачи, простился, создав ему благоприятную обстановку вот так без обсуждения закончить этот сложный разговор.

Но, разумеется, я рассчитывал, что Яков Прокопьевич, конечно, все это передаст руководству КГБ. А последнее в свою очередь доложит такой вариант генсеку Горбачеву. Так, собственно, и получилось. Медяник, несмотря на то, что вопрос был исключительной важности, больше к нему не возвращался (что на него было не похоже) — видно, начальники ему наказали, чтобы он «никому ни гугу». А приблизительно через два месяца состоялось решение об избрании члена Политбюро тов. Наджиба секретарем ЦК НДПА и освобождении его от должности министра государственной безопасности (СГИ к этому времени уже стала именоваться МГБ).

А еще через несколько месяцев Наджиба избрали генеральным секретарем ЦК НДПА. Б. Кармаль перед этим ездил к Горбачеву — уговаривал, чтобы его оставили на занимаемом посту. Но Горбачев на удивление оказался неумолим, и Бабрак смирился со своей участью. Это, пожалуй, одно из немногих дел, которое Горбачев за свое время пребывания у власти решил положительно.

По характеру Наджибулла — весьма активный, требовательный человек, отличный организатор и прекрасный оратор. В то же время — гибкий политик, доступный простому человеку лидер, эрудит, знающий несколько языков, в том числе русский, в совершенстве владел английским, а также французским. В короткие сроки он в достаточной степени освоил и некоторые основы военного искусства (проявлял к этому особый интерес), что было ему необходимо в рамках руководителя воюющего государства и как Верховному главнокомандующему. Наджибулла — истинный патриот. Он делал все, чтобы найти выход из сложившегося положения политическим путем. Причем он не занимался, как его предшественник, демагогией — был весьма конкретен, начатое дело доводил до конца.

Конечно, как и у любого человека, были у него теневые стороны: будучи пуштуном, отдавал предпочтение людям своей национальности; являясь в свое время приверженцем «Парчам»

(одно из крыльев НДПА), он, став генсеком ЦК НДПА, не сумел добиться истинного слияния «Парчам» с другим крылом — «Хальк». А это не могло не сказаться на решении многих государственных проблем.

С приходом Наджибуллы его ближайшими соратниками с участием нашего советнического аппарата, и в первую очередь Виктора Петровича Поляничко, была разработана, а с января 1987 года уже начала действовать принципиально новая политика — политика национального примирения. В ее основе лежали четыре основных принципа: немедленное прекращение огня; встреча всех лидеров противоборствующих сторон за круглым столом; создание переходного правительства; проведение этим правительством свободных всеобщих выборов. Если бы руководство США и Пакистана было бы заинтересовано в мирном разрешении афганской проблемы и в том числе в выводе советских войск, оно, несомненно, повлияло бы на «Альянс семи» — лидеров оппозиции. Однако все делалось наоборот — разжигалась ненависть и непримиримость к правительству республики, усиливались поставки вооружения, материальных и финансовых средств «непримиримым». США делали все, чтобы СССР не смог вывести свои войска из Афганистана и продолжал бы нести огромные социально-политические и экономические издержки, а также военные потери.

Бесспорно, самыми заинтересованными в вводе наших войск в Афганистане были американцы. И когда 12 декабря такое решение состоялось, а вслед за этим в Туркестанском военном округе уже начали открыто проводить с войсками необходимые мероприятия, то президент и администрация США уже все знали конкретно.

Но если американцы уже все знали (а не знать они не могли) и если они объявили себя борцами за мир на земле, то почему они не предотвратили войну? Почему они не спасли жизни тысяч людей? Да потому, что им плевать на эти тысячи, если там среди них нет американцев. Что им народы других стран? Мусор! Возьмите Хиросиму и Нагасаки, или Вьетнам, где проводилась политика выжженной земли. А какие препоны устраивали американцы в самом главном и глобальном вопросе — вопросе о жизни и смерти человечества, т. е. о сокращении стратегических ядерных сил! Семь лет колоссальных усилий наконец завершаются в Вене летом 1979 года подписанием Брежневым и Картером договора об ОСВ-2, подтверждается необходимость строить отношения между СССР и США на принципах равенства, равной безопасности, невмешательства и взаимной выгоды, но в США нашлись силы, которые (даже после того, как этот договор

был ратифицирован Верховным Советом СССР) пустили этот исторический документ по ветру. Мало того, что конгресс США не ратифицировал этот договор, так американцы еще и выдвинули программу наращивания опубликованного в то время проекта развертывания мобильных межконтинентальных баллистических ракет под названием «МХ».

Когда решение руководства СССР о вводе войск в Афганистан уже замаячило на горизонте, американцы вообще затаились и велели всем союзникам не проявлять никаких признаков внимания к афганскому вопросу, чтобы не дай Бог не спугнуть Советский Союз и чтобы вдруг Брежнев и его соратники не передумали с вводом. В условиях холодной войны для американцев такой ввод, конечно, был бы самым лучшим подарком, о чем предостерегал мудрый и дальновидный А. Н. Косыгин. Вашингтон через ЦРУ сделал все, чтобы спровоцировать такой ввод. Теперь же надо было во что бы то ни стало его «обеспечить». А там уж СССР увязнет, как в раскаленной смоле. С учетом своего опыта во Вьетнаме, они видели в Афганистане тяжелую перспективу для СССР — втянувшись в войну на много лет, цели своей он не добьется, но понесет тяжелый ущерб и политический, и социальный, и морально-психологический, и экономический, и военный. Проведя на последнем этапе буквально перед самым вводом советских войск комплексную дезинформацию и тем самым окончательно подтолкнув СССР к этому опрометчивому шагу, американцы (когда СССР наконец заглотнул блесну, т. е. когда начали ввод), поняв, что Советы уже провалились, развернули такую оголтелую шумиху во всем мире, какой еще никогда не было.

Позже некоторые политики и дипломаты (и даже военные) писали, что история осудила Советский Союз за этот шаг с вводом войск в Афганистан. Я не согласен с этим. Не история осудила, а хорошо подготовленная и убедительно представленная пропагандистская акция США вынудила подавляющее большинство стран мира осудить Советский Союз. А руководство нашей страны, увлеченное дилеммой «вводить — не вводить», совершенно не позаботилось об этой стороне дела, т. е. о разъяснении не только советскому и афганскому народам, но и миру своих целей и намерений. Ведь шли-то мы в Афганистан не с войной, а с миром! Чего же нам было это скрывать? Наоборот, еще до ввода надо было широко это довести народам мира. Увы! Хотели пресечь боевые столкновения, которые там уже были, и стабилизировать обстановку, а внешне получилось, что мы будто принесли войну. Позволили американцам своим шагом максимально мобилизовать оппозицию для борьбы и с

правительственными войсками, и с нашими частями.

Уместно вернуться к событиям во Вьетнаме. Всему миру были известны советско-вьетнамские отношения, которые имели место до агрессии США. Но вот США напали на Вьетнам. Несомненно, мы, как и другие страны мира, осудили этот акт. Но мы не ставили эти события в зависимость с отношениями между СССР и США. А Картер вдруг ставит вопрос категорически: присутствие советских войск в Афганистане для США неприемлемо, и это является предварительным условием для дальнейших наших переговоров по проблеме сокращения ядерного оружия (?!). Прошу вас, читатель, обратить внимание на масштаб и глубину этого коварства (автором которого является Бжезинский): вначале США делают все, чтобы Советский Союз перешел рубикон, а вслед за этим обрушиваются на него, почему он это сделал, требуют немедленно уйти из Афганистана. Хотя всем было ясно, что такое мгновенно не делается. Эта «удивительная» позиция становится еще более странной, если мы вспомним из вьетнамского набора еще хотя бы один факт: США бомбят Ханой, а Никсон с официальным визитом летит в Москву, руководство СССР не отменяет его прием. Действительно, странно.

И вообще спрашивается, зачем было Белому дому так беситься? Для США агрессия против Вьетнама позволительна? Совершать агрессию против Гватемалы, Доминиканской Республики, Ливии, Гренады, Панамы — тоже можно?! А Советскому Союзу по просьбе руководства Афганистана ввести свои войска в эту страну нельзя, даже если существуют договорные отношения?

Вот она политика двойных стандартов.

А возьмите 1989 год. После вывода наших войск из Афганистана у США мгновенно пропал интерес к афганской проблеме, хотя, если верить пышным заявлениям американских политиков, начиная от президентов, США вроде выступали за мир на земле Афганистана и за оказание помощи многострадальному народу этой страны. Так где же это все? Вместо этого американцы натравили талибов против народа Афганистана, всячески их поддерживая финансами и оружием.

А.Н. Косыгин был тысячу раз прав, когда удерживал Политбюро ЦК от этого тяжелого решения. А главное — он обращал внимание всех руководителей СССР на то, что нас ожидает в перспективе, если введем наши войска в Афганистан. Как ни печально, но все развивалось именно так, как он предсказывал и от чего он всячески нас оберегал, и в первую очередь от коварных действий США.

Для того чтобы обеспечить ввод наших войск в Афганистан,

наше военное командование решило: в Кабул и другие города, куда предполагалось вводить соединения Сухопутных войск или высаживать части воздушно-десантных войск, перебросить заранее небольшие оперативные группы со средствами связи. В основном это были подразделения специального назначения. В частности, для обеспечения наших действий на аэродромы Баграм (70 км севернее Кабула) и Кабул была направлена оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом Н. Н. Гуськовым. В последующем он принял на себя целую воздушно-десантную дивизию и отдельный парашютно-десантный полк. Читателю должно быть небезынтересно, что для переброски одной воздушно-десантной дивизии требуется около четырехсот транспортных самолетов типа ИЛ-76 и АН-12 (и частично «Антей»).

Непосредственно всем вводом войск на месте, в Туркестанском военном округе руководил от Министерства обороны С. Л. Соколов со своим штабом (оперативной группой), который располагался в Термезе. Действовал он совместно и через командующего войсками округа генерал-полковника Ю. П. Максимова. Но Генеральный штаб хоть и находился в Москве, однако «руку держал на пульсе». Мало того, что он «питался» данными оперативной группы Соколова и штаба округа. Кроме того, Генштаб имел и прямую закрытую радиосвязь с каждым соединением (дивизией, бригадой), которые совершали марши в Афганистан, и с каждой нашей оперативной группой, что уже были заброшены и обосновались в Афганистане.

Бывали, конечно, в этом большом деле и случаи, которые максимально приближали к трагедии. Один из них имел место на аэродроме Баграм у генерал-лейтенанта Гуськова. У меня лично с Гуськовым (как и с многими другими) была постоянная, прекрасная, устойчивая связь. Самолеты с воздушно-десантной дивизией были уже в воздухе. По расчету первые из них должны садиться на Баграмский аэродром с наступлением темноты (чтобы не обнаруживать слишком большого наката сил). Приблизительно за тридцать минут до начала посадки я снова связался с Гуськовым:

— Проверьте еще раз практическим включением работу всей светообеспечивающей системы аэродрома.

— Но я недавно все это делал! Кроме того, афганский подполковник — начальник этого аэродрома — находится рядом в соседнем блиндаже.

— Это хорошо, но вы все-таки проверьте и через пять-десять минут, не позже, доложите. Одновременно у вас должны быть подготовлены, как мы уже договаривались, резервные средства

освещения: 40–50 автомобилей различных марок. По команде они обязаны выехать на свои места, по 20–25 машин по обе стороны взлетно-посадочной полосы, приблизительно через сто метров одна от другой. Они должны быть в готовности осветить взлетно-посадочную полосу. Сверху у каждой машины должна быть включенная лампа. Это все тоже надо проверить. Времени до принятия самолетов осталось очень мало.

— Выполняю.

Минут через пять Гуськов докладывает:

— Не могу найти афганского подполковника. Буквально несколько минут назад я с ним разговаривал — он был очень любезным и послушным, а сейчас — как сквозь землю провалился. Кроме того, никто не знает, как пользоваться электросистемой.

— Немедленно объявите на аэродроме тревогу. Перекройте все выходы с территории аэродрома. Все свободные силы бросьте на оцепление аэродрома. Постоянно по громкоговорящей связи объявляйте, что если начальник аэродрома (назвать звание и фамилию) через десять минут не явится, то будет обязательно расстрелян. И так объявлять постоянно, уменьшая время. Одновременно ищите человека, который знает все аэродромные системы не хуже начальника. Плюс включить в действие аварийный вариант — освещение ВВП автомобилями. У вашей радиостанции постоянно должен находиться офицер. О ходе докладывать через каждые пять минут. Выполняйте.

— Действую.

Пока генерал Гуськов исполнял перечисленные мной мероприятия, я через Главный штаб ВВС (расположен на Большой Пироговской улице в Москве), через главного советского военного советника в Афганистане генерала Л.Н. Горелова и непосредственно через наши оперативные группы на аэродромах Кабула, Шинданда, Мазари-Шарифа и Кандагара (хорошо, что туда такие группы были заброшены) наводил справки о состоянии аэродромов и о способности их принять транспортные самолеты, которые, возможно, будут переадресованы с аэродрома Баграма. Сразу отпали аэродромы в Кабуле, поскольку был перегружен в это же время, и в Шинданде, который тяжелые самолеты не принимал. Оставшиеся были готовы, но не уверены в световом обеспечении и запросили время на проверку и тренировку до часа. Я дал им полчаса.

Об этой ситуации и действиях я постоянно докладывал начальнику Генштаба, который в основном утверждал предлагаемые решения, внося в них иногда свои коррективы. Конечно, он одновременно информировал обо всем и министра

обороны СССР.

До подлета первых самолетов оставалось около двадцати минут. Они начали уже занимать соответствующий эшелон для посадки. Требовалось принимать срочно решение — где садиться. Обстановка накалилась до предела. Ведь в воздухе сотни транспортных самолетов, а на их борту тысячи офицеров и солдат.

Намереваюсь вызвать генерала Гуськова и отдать ему последнее распоряжение, но вдруг он сам выходит на меня:

— Товарищ генерал армии, все в порядке: начальника аэродрома разыскали и притащили ко мне — спрятался в одном из блиндажей. Сейчас стоит предо мной с немного «помятым» лицом и дрожит. Но все освещение уже включено, в контакт с самолетами мы вошли, все нормально. Я его предупредил: если свет на полосе погаснет — его сразу на месте расстреляем.

— Хорошо. Внимательно следите за посадкой каждой машины. Сразу загоняйте самолет в «карман», разгружайте и отправляйте подразделения с аэродрома в пункты сосредоточения.

Дальше все шло благополучно. Но без чрезвычайного происшествия не обошлось. Один из самолетов Ил-76, заходя на посадку на аэродроме в Кабуле, врезался в скалу и, взорвавшись, похоронил экипаж самолета и 33 десантника 103-й воздушно-десантной дивизии. Это была трагедия. Никто не обстреливал, видимость была хорошая — аэродром был освещен прекрасно. Явно допущена ошибка экипажем. Правда, Кабул находится как бы в огромном котловане. Поэтому посадка и взлет самолета проходят в сложных условиях. Но ведь даже в нашей операции все самолеты на аэродромах в Кабуле и Баграме приземлились нормально. А один разбился.

Как всегда, во время беды все стали сосредоточенными, друг на друга не смотрят (вроде они тоже повинны в несчастье), делают все молча. Но делают! Жизнь идет, а в нашем случае действуют десятки тысяч жизней, и за этим надо следить, помогать командирам и штабам выполнить поставленную задачу.

Состав вводимых наших войск был определен соответствующей директивой, подписанной 24 декабря 1979 года министром обороны и начальником Генерального штаба. Здесь же были определены и конкретные задачи, которые в целом сводились к тому, что наши войска в соответствии с просьбой афганской стороны вводятся на территорию ДРА с целью оказать помощь афганскому народу и воспретить агрессию сопредельных государств. И далее указывалось, по каким маршрутам совершить марш (перелет границы) и в каких населенных пунктах стать

гарнизонами.

Наши войска состояли из 40-й армии (две мотострелковых дивизии, отдельный мотострелковый полк, десантно-штурмовая бригада и зенитно-ракетная бригада), 103-й воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка ВДВ.

В последующем и 103-я дивизия, и отдельный воздушно-десантный полк, как и остальные советские воинские части, расположенные в Афганистане, были введены в состав 40-й армии (первоначально эти части были в оперативном подчинении).

Кроме того, на территории Туркестанского и Среднеазиатского военных округов был создан резерв в составе трех мотострелковых дивизий и одной воздушно-десантной дивизии. Этот резерв больше служил целям политическим, чем чисто военным. Первоначально мы не намерены были из него что-то «черпать» для усиления группировки в Афганистане. Но жизнь в последующем внесла коррективы, и нам пришлось одну мотострелковую дивизию (201-ю мсд) дополнительно вводить и ставить в районе Кундуза. Первоначально здесь планировалась 108-я мсд, но ее мы вынуждены были опустить южнее и разместить в основном в районе Баграма. Пришлось также брать несколько полков из других дивизий резерва и, доведя их до уровня отдельной мотострелковой бригады или отдельного мотострелкового полка, вводить их и ставить отдельными гарнизонами. Так у нас в последующем появились гарнизоны в Джелалабаде, Газни, Гардезе, Кандагаре. Мало того, в последующем обстановка заставила нас ввести две бригады спецназа: одна из них усилила гарнизон Джелалабада (один батальон этой бригады разместился в Асадабаде провинции Кунар), а вторая бригада стала в Лашкаргахе (один ее батальон — в Кандагаре).

Введенная авиация фактически базировалась на всех аэродромах Афганистана, за исключением Герата, Хоста, Фараха, Мазари-Шарифа и Файзабада, где периодически сидели вертолетные эскадрильи. Но главные ее силы были в Багграме, Кабуле, Кандагаре и Шинданде.

Итак, 25 декабря 1979 года в 18.00 местного времени (15.00 московского), по настоятельной просьбе руководства Афганистана и с учетом сложившейся вокруг этой страны обстановки, руководители нашего государства дали команду и советские войска начали свой ввод на территорию Афганистана. Предварительно были проведены все обеспечивающие мероприятия, в том числе на реке Амударья был наведен наплавной мост.

Но параллельно проводились мероприятия другого характера

— изоляция Х. Амина и его ближайших соратников. Прогрессивные силы Афганистана начали эту подготовку, а наши подключились, чтобы не было провала. Однако «проколы» были и здесь.

Амин, оценив обстановку с точки зрения своей личной безопасности, пришел к выводу, что ему оставаться во дворце, где когда-то был убит Дауд (резиденция в центре города в Арге), не следует и что ему надо срочно выбраться из этого «капкана» в другое удобное и достойное место. Тогда афганцы, готовившие против него акцию и подключенные к ним наши спецслужбы, начали срочно разрабатывать варианты действий. Однако эти варианты приобрели конкретный характер, лишь когда Амин объявил, что его резиденцией будет дворец Тадж-Бек. Это на юго-западной окраине Кабула. Заговорщики хотели провести свою акцию во время переезда Амина. Тем более что это очень удобно: туда вела одна дорога. Но судя по консультациям, которые проводились нашими «специалистами» из КГБ в стенах Генштаба по вопросам использования некоторых видов оружия, я понял, что ничего они сделать не смогут. И на этот раз, как и в случае с поездкой Амина на кабульский аэродром для встречи с Тараки, он благополучно проехал в свой дворец Тадж-Бек, куда уже были подведены все средства связи, где была организована мощная оборона, а все помещения приведены в идеальный порядок и напичканы преданной охраной и слугами (в основном из числа близких родственников).

Здание дворца стояло на высоком холме. С его смотровой площадки, оборудованной перед центральным входом, был виден как на ладони не только весь Кабул, но и другие ближайшие к столице населенные пункты, в том числе на дорогах, уходящих на север к перевалу Саланг и на запад — в сторону Джелалабада. Чудесная панорама.

Вокруг холма, где стоял дворец, была построена круговая оборона, за которую отвечал преданный Амину майор Джандал — сильный, отлично подготовленный офицер (прошел военную подготовку в военно-учебных заведениях Советского Союза, хорошо говорил по-русски).

По всему периметру основания холма стояло ограждение. Склоны холма были укреплены через каждые 20–30 метров нагорными каменными стенками, чтобы не сползал грунт. Все это прекрасно использовалось для обороны.

В интересах защиты дворца были привлечены значительные силы и средства. Первую линию (точнее кольца) обороны составляла бригада охраны — 2500 человек Амина, состоящая из трех пехотных и одного танкового батальона. Кстати, несколько

танков стояло в окопах на соседнем холме, и они прекрасно простреливали все подступы к замку. Вторая линия обороны представляла несколько небольших опорных пунктов между первой линией и дворцом, вооруженных автоматическим оружием, в том числе крупнокалиберными пулеметами. Наконец, в третьей линии находились те, кто непосредственно был у замка или в самом замке, т. е. внутренняя охрана, она являла собою единое целое.

Кроме перечисленных сил, к защите дворца могли быть в любой момент привлечены огневые средства зенитного полка (двенадцать 100 мм орудий и шестнадцать спаренных 23 мм автоматических установок ЗПУ-2), который располагался рядом, как и строительный полк (1000 человек), вооруженный автоматами. Наконец, в самом Кабуле находились две пехотные дивизии и танковая бригада.

Кстати, дворец Амина располагался приблизительно в 500–700 метрах от Министерства обороны ДРА. Этот фактор тоже имел большое значение. Тем более что там находился верный соратник Амина генерал Якуб — начальник Генерального штаба Афганской армии, он же и первый заместитель Верховного главнокомандующего ДРА (т. е. Амина).

Думаю, из этого подробного описания обороны дворца Амина понятно, что решать задачу по нейтрализации этого тирана было крайне сложно. Сейчас по прошествии многих лет просто удивляешься, как умудрились наши спецслужбы, не использовав благоприятных условий (переезд Амина), вывести эту проблему на уровень, когда вынуждены были проводить целую операцию по штурму дворца. Другого выхода не было.

Все наши силы и средства, выделенные для этой цели, а также вся организация и выполнение боевой задачи были подчинены полковнику В. В. Колеснику (ГРУ Генштаба), которого в Афганистане знали как майора Колесова. Ему отлично помогал подполковник Швец и командир нашего «мусульманского» батальона майор Холбаев.

Действия были организованы изнутри и снаружи. Изнутри эти действия ограничились подмешиванием в еду и соки сильно действующего вещества, вызывающего отравление. Предполагалось, что во время торжественного обеда 27 декабря 1979 года, на который был приглашен узкий круг самых близких лиц — члены Политбюро ЦК НДПА и министры. Некоторые из них, в том числе и Амин, будут отравлены.

Цель проводимого Амином обеда — продемонстрировать свое влияние на Москву: советские войска по его настоянию все-таки были введены. И одновременно показать гостям свой дворец.

Несколько слов о подготовке и плане действий наших подразделений, которые привлекались к штурму. «Мусульманский» батальон майора Холбаева был усилен парашютно-десантной ротой В. А. Вострotина (ныне Герой Советского Союза, генерал) и взводом противотанковых управляемых реактивных снарядов. Кроме того была выделена еще одна спецназовская рота «мусульманского» батальона, которая должна была быть введена с прорывом к дворцу для действий внутри здания совместно с двумя специальными группами (по 30 человек) КГБ. Ротой командовал старший лейтенант Шарипов, а группами КГБ — майоры Романов и Семенов. Общее руководство этими подразделениями было возложено на полковника Г. И. Бояринова.

Прежде чем говорить о штурме дворца, необходимо отметить, как проходила подготовка, которая и предопределила успех.

20 декабря, когда во время переезда Амина акция по его устранению не удалась, он торжественно въехал во дворец. Уже тогда наши военачальники в Кабуле поняли (с помощью Генштаба Вооруженных Сил СССР), что теперь выход один — «внедриться» в ту оборону, которую уже занимала бригада охраны Амина. Это единственно правильный способ подготовить условия для решения задачи. 21 декабря Колесник получает от нашего Главного военного советника в Афганистане задачу: «усилить» уже имеющуюся оборону подразделениями нашего «мусульманского» батальона и парашютно-десантной ротой путем расположения их между подразделениями первой и второй линий обороны.

22 декабря вместе с командованием бригады охраны Колесник и его окружение проводят рекогносцировку обороны дворца, которая заканчивается хорошим товарищеским обедом. На следующей день наши подразделения встали на свои места. Еще сутки потребовались, чтобы и наши, и афганцы адаптировались, привыкли друг к другу, проведено «взаимодействие» наших и афганских подразделений на случай нападения бандформирований оппозиции. А затем начались тренировки наших подразделений днем и ночью с проведением маневра с «неатакованных» участков обороны на наиболее «опасные», с перемещением техники, вооружения и личного состава, с применением различного цвета ракет. Во время первой тренировки, да еще и проведенной ночью примчался командир афганской бригады и начал было «расследование». Но потом все стало на свое место. Нашей главной задачей на этом этапе было приучить офицеров и солдат афганской бригады к нашему режиму, чтобы у них не возникло опасений тогда, когда мы

станем действовать уже по-боевому. Единственно, о чем просил командир афганской бригады Колесника, это чтобы в ночное время не заводили бы двигатели боевых машин и не мешали Амину спать. А в целом афганцы уже были приучены к нашему режиму. Цель была достигнута.

26 декабря наши офицеры провели «капитальный» прием офицеров афганской бригады. Ужин прошел на высоком уровне и посвящен был вводу наших войск. Кстати, на этой встрече, когда все «разогрелись», один из офицеров рассказал подробности гибели Тараки, чего до этого известно не было, хотя и прошло более двух месяцев.

Штурм дворца Тадж-Бек подробно, правдиво и интересно описан в книге А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана». Поэтому я остановлюсь лишь на отдельных фрагментах.

О внутренней обстановке во дворце. Обед, который давал днем 27 декабря Амин, был в самом разгаре, как вдруг некоторые из гостей, а затем и Амин почувствовали недомогание. Оно усиливалось, а число пострадавших увеличивалось. Амин ушел к себе. Начальник охраны срочно стал вызывать афганских и советских врачей. Время шло. Когда, наконец, врачей доставили и запустили, после тщательной проверки, во дворец, то они отметили отравление. Наши врачи, совершенно ничего не зная об акции, бросились в первую очередь спасать жизнь Амину — главе государства. Он по существу уже находился в состоянии комы. Ближе к вечеру они фактически вывели его из этого состояния и спасли ему жизнь. Вот такие дела — одни «врачи» освобождают народ от тирана и отправляют его на тот свет, а другие, ничего не зная о замыслах первых и выполняя клятву Гиппократа, возвращают ему жизнь.

Гости и врачи расползлись по всему зданию. Охранники принимают все меры к восстановлению порядка. Усиливается бдительность.

А силы, которые должны осуществить захват, сигнала на штурм не получают. Вначале это время было определено на 22.00 из расчета, что «внутренний план» сработает и не будет необходимости штурмовать. Но по мере того, как наши врачи приводили всех в чувство и тем самым разрушали план наших спецслужб, — время для штурма корректировалось: вначале на 21.00, затем на 20.00, наконец, на 19.30. Но наши группы захвата афганских танков, находящихся на позициях, начали действовать раньше, кое-где завязалась перестрелка. Поэтому полковник Колесник принял единственно правильное решение — немедленно переходить в атаку. Он дал команду на открытие огня и начале штурма. В 19.15 по дворцу был открыт ураганный

огонь из пулеметов, автоматов, гранатометов, но самое главное — из зенитных самоходных установок ЗСУ-23-4 «Шилка». Это прекрасное оружие по низколетящим воздушным целям. Но эти установки просто сказочно эффективны в стрельбе по наземным целям. Представьте четыре автоматических 23 мм орудия на каждой установке. Они выпускают каждую минуту тысячи снарядов. Тысячи! А если стреляет батарея, т. е. четыре установки?! А если две батареи, как в нашем случае?! Ведь это 32 ствола автоматических пушек. Это уже десятки тысяч снарядов в минуту.

Мне ясно представляется эта картина. Тем более что фактически струя снарядов из каждого ствола направлялась по окнам и дверям.

Одновременно несколько автоматических станковых гранатометов вели огонь по расположению танкового батальона, не позволяя экипажу танков занять свои боевые места. Вся территория между позициями танков и бараками, где находились танкисты, была буквально засыпана гранатами.

«Мусульманский» батальон пошел на штурм. Его рота (командир Шарипов) на боевых машинах пехоты и вместе с этой ротой две группы спецназа КГБ на максимальной скорости устремляются по дороге к дворцу. Сбив ворота и потеряв одну БМП, этот отряд прорвался к центральному входу в здание. Завязался жестокий, бескомпромиссный бой на всех трех этажах дворца. Менее чем за час все было закончено. Амин был убит. Потери с обеих сторон были значительные.

Всех оставшихся в живых из бригады охраны Амина разоружили и пленили. К середине ночи полковник Колесник перенес свой командный пункт во дворец.

Вот и вся история с финалом жизни Амина. Конечно, с его уходом народ Афганистана почувствовал некоторое облегчение. Во всяком случае был пресечен террор, геноцид. Однако сияющей радуги процветания на горизонте своей несчастной страны народ так и не увидел. Но ведь возможность такая была. И мы об этом еще поговорим.

О вводе наших войск.

На государственной границе, т. е. на обоих направлениях, где вводились войска (Термез, Хайратон, Кабул — с 25.12.79 и Кушка, Герат, Шинданд — с 27.12.79) афганский народ встречал советских солдат с душой и сердцем, искренне, тепло и приветливо, с цветами и улыбками. Я уже упоминал об этом, но

такое нелишне повторить. Все это истинная правда. Правда и в том, что там, где наши части стали гарнизонами, сразу наладились добрые отношения с местными жителями.

Но чем дальше, тем обстановка становилась сложнее — и из-за провокаций со стороны определенных сил, которым совершенно ни к чему были хорошие отношения между советским и афганским народами, и по причине допущенных руководством страны ошибок, о чем уже говорилось.

Поэтому вместо стабилизации обстановки с вводом наших войск все больше имели место вооруженные столкновения, а значит, все больше страданий, слез, крови и гибели людей — афганских и советских. Однако ответственность за это несчастье надо поделить между Москвой, Вашингтоном, Кабулом и Исламабадом. Разумеется, если бы Москва не ввела наши войска в Афганистан, то не было бы и проблем для советских людей. Если бы Кабул настойчиво не просил, а Х. Амин вел нормальную политику, то также не было бы и решения Москвы на ввод. Но вообще и Москвой, и Кабулом тогда двигали благородные цели: Москва искренне хотела оказать помощь своему соседу в стабилизации обстановки и не намерена была вести боевых действий (а тем более оккупировать страну), Кабул внешне хотел сохранить власть народа (хотя Амин лично был далек от этого). Несомненно, к боевым действиям враждующие в Афганистане стороны подталкивали именно Вашингтон и его сателлиты. Поэтому, кроме пропагандистских мер, сюда были брошены огромные финансы и материальные средства (США для войны против Советского Союза чужими руками ничего не жалели). При этом Исламабад был превращен в главную базу, где оппозиция могла содержать свои силы за счет беженцев, готовить боевые отряды и управлять отсюда боевыми действиями. Исламабад в перспективе, несомненно, рассчитывал заполучить Афганистан в свое подчинение. Грели же руки на этом горе и другие страны, продавая оппозиции свое оружие.

Итак, ввод советских войск в Афганистан с конца декабря 1979 года и в течение первой половины января 1980 года состоялся. Началась почти десятилетняя эпопея, равноценная для Советского Союза самосожжению.

Как уже читателю известно, США и их приспешники накануне ввода наших войск максимально затихли, чтобы не спугнуть Советский Союз. А когда наши войска все-таки были введены, вот тут уж Картер и его администрация, особенно Бжезинский, наупражнялись в антисоветизме досыта. Президент США даже направил Л. Брежневу послание (естественно, его готовил Бжезинский) с негативными оценками этого шага советского

руководства и дал понять, что все это повлечет за собой тяжелые последствия.

В связи с этим окружение Леонида Ильича взвилось — как он посмел?! Только один А. Н. Косыгин отказался комментировать выпад Картера и всех остальных западников. Ведь фактически его не послушали, а в итоге все начинает развиваться по сценарию, который Алексей Николаевич предвидел, а поэтому и хотел всячески уберечь нашу страну от тяжелых издержек. Да и первоначальная позиция всех основных фигур в Политбюро тоже что-то значила, и он надеялся на них. Взять хотя бы такие заявления. Громыко: «…Если мы пойдем на такой риск, как ввод войск, то конечно, получим плюсов куда меньше, чем минусов»; Андропов: «…Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого». Даже Устинов под давлением обстоятельств говорит: «Я так же, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан». И вдруг все изменилось.

Но шаг сделан. Теперь оставалось одно: оберегая политическое лицо нашей страны и выдерживая взятый курс, всесторонне обеспечить намеченный план ввода наших войск и временное их пребывание в Афганистане.

В связи с этим руководство страны готовит ответное письмо Л. Брежнева на послание Картера. Уже 29 декабря 1979 года Леонид Ильич подписывает его и направляет президенту США.

Вот его краткое содержание:

«*Уважаемый господин Президент!*

В ответ на ваше послание считаю необходимым сообщить следующее. Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в Демократической Республике Афганистан. Через Вашего посла в Москве мы в доверительном порядке уже дали американской стороне и лично Вам… разъяснения действительно происходящего там, а также причин, побудивших нас положительно откликнуться на просьбу правительства Афганистана о вводе ограниченных советских воинских контингентов.

Странно выглядит предпринятая в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну. Вынужден заметить, что отнюдь не чье-то восприятие или невосприятие этого факта, согласие или несогласие с ним определяет действительное положение дел. А оно состоит в следующем.

Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати сказать, одна из таких просьб была направлена нам 25 декабря с. г. Это знаем мы, Советский Союз, об этом в равной мере знает афганская сторона, которая направляла нам такие просьбы.

Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказанию помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которая имеет место длительное время и сейчас приняла еще более широкие масштабы…

…Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны и мы, разумеется, не намерены предпринимать их (и афганская сторона не предпринимала мер сопротивления, наоборот — советские войска были встречены как друзья).

Вы делаете нам упрек в своем послании, что мы не консультировались с правительством США по афганским делам, прежде чем вводить наши воинские контингенты в Афганистан. А позволительно спросить Вас — Вы с нами консультировались, прежде чем начать массивную концентрацию военно-морских сил в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, да и во многих других случаях, о которых Вам следовало бы как минимум поставить нас в известность?

В связи с содержанием и духом Вашего послания считаю необходимым еще раз разъяснить, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — это исключительно дело СССР и Афганистана, которые сами по своему согласию регулируют свои взаимоотношения и, разумеется, не могут допустить какого-либо вмешательства извне в эти взаимоотношения. Им, как любому государству — члену ООН, принадлежит право не только на индивидуальную, но и коллективную самооборону, что предусматривается статьей 51 Устава ООН, которую СССР и США сами формулировали. И это было одобрено всеми государствами — членами ООН.

Разумеется, нет никаких оснований для Вашего утверждения о том, будто наши действия в Афганистане представляют угрозу миру.

В свете всего этого бросается в глаза неумеренность тона некоторых формулировок Вашего послания. К чему это? Не лучше ли было бы поспокойнее оценивать обстановку, имея в виду высшие интересы мира и не в последнюю очередь взаимоотношения наших двух держав.

Что касается Вашего «совета», мы уже сообщали Вам, и тут я

повторяю снова, что как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

А вот наш Вам совет: американская сторона могла бы внести свой вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана.

Я не считаю, что работа по созданию более стабильных и продуктивных отношений между СССР и США может оказаться напрасной, если, конечно, этого не хочет сама американская сторона. Мы этого не хотим. Думаю, что это было бы не на пользу и самим Соединенным Штатам Америки. По нашему убеждению, то, как складываются отношения между СССР и США, — это дело взаимное. Мы считаем, что они не должны подвергаться колебаниям под воздействием каких-то привходящих факторов или событий.

Несмотря на расхождения в ряде вопросов мировой и европейской политики, в чем мы все отдаем ясный отчет, Советский Союз — сторонник того, чтобы вести дела в духе тех договоренностей и документов, которые были приняты нашими странами в интересах мира, равноправного сотрудничества и международной безопасности.

Л. Брежнев».

Как, несомненно, видно читателю, письмо Брежнева хоть и выдержано в духе современной дипломатии, но написано резко и с достоинством. Письмо, как зеркало, подлинно отражало в то время наши отношения с Соединенными Штатами и в то же время показывало, что разговор может быть только на равных и не иначе. А что касается «советов», которые давал Картер Брежневу, то Советский Союз с не меньшим успехом и еще более эффективно может дать их Соединенным Штатам.

Но война есть война… И «холодная война» — тоже война. Поэтому, скрестив шпаги в декабре, Брежнев и Картер (хотя летом того же года они целовались в Вене, подписав Договор ОСВ-2) намерены были сражаться до конца. Вполне понятно, что Совет безопасности США принимает решение: осудить СССР в Совете Безопасности ООН как агрессора (хотя Афганистан и попросил ввести наши войска); отказаться от обсуждения Договора ОСВ-2 (хотя события в Афганистане никак не влияют на этот договор, направленный на благо всего человечества); заморозить все переговоры и визиты в СССР; отказать в продаже зерна; максимально сократить кредиты для СССР; оказать помощь Пакистану и моджахедам (оппозиции); поощрять всех, кто будет

помогать оппозиции. Особенно в этом отношении свирепствовали сенаторы Уорнер, Хаякава, Доул и бывший губернатор Техаса Коннелли.

Введением войск в Афганистан наша политика… перешла допустимые границы конфронтации в «третьем мире». Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен нашим интересам. Вот первые «итоги», которые мы получили.

В дополнение к двум фронтам противостояния — в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая — для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР в невыгодных географических и социально-политических условиях… Произошли значительные расширения и консолидация антисоветского фронта государств, опоясывающих СССР с запада до востока. Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз. Западная пропаганда получила сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза в целях подрыва его престижа в общественном мнении Запада, развивающихся государств, а также социалистических стран. Афганские события надолго ликвидировали предпосылки для возможной нормализации советско-китайских отношений. Эти события послужили катализатором для преодоления кризисных отношений и примирения между Ираном и США. Усилилось недоверие к советской политике и дистанцирование от нее со стороны СФРЮ, Румынии и КНДР. Даже в печати Венгрии и Польши впервые открыто обнаружились признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане. В этом, очевидно, нашли свое отражение настроения общественности и опасения руководства указанных стран быть вовлеченными в глобальные акции Советского Союза, для участия в которых наши партнеры не обладают достаточными ресурсами. Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедшая к новой тактике активного вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой игре на противоречиях и несовпадении интересов между ними. Наконец, на Советский Союз легло бремя экономической и другой помощи Афганистану.

Как нами и предполагалось уже с самого начала афганской эпопеи обножились все самые тяжелые участки и направления.

Принимая удары, мы одновременно искали пути выхода из

сложившейся ситуации, не забывая и о своем долге — готовить афганские национальные вооруженные силы.

Глава III
Политика СССР, США и Пакистана

Принятие решения о временном пребывании наших войск в Афганистане. Провокации мятежных банд. Численность наших войск, их структура и подготовка. Наша разведка. Бандформирования и их действия. Действия наших войск. Трагедия в Мараваре. Операция в Кукаре, Лурках.

Но жизнь катилась дальше такой, какой она была. И коль ввод наших войск было уже де-факто, то нам ничего другого не оставалось делать, как максимально обеспечить все де-юре. И хотя эта вторая сторона проблемы подвергалась погромам странами Запада и многими неприсоединившимися государствами, наше руководство действовало. В январе 1980 года Политбюро ЦК КПСС приняло решение о проведении переговоров и заключении Договора между правительством СССР и правительством ДРА об условиях временного пребывания советских войск на территории ДРА и т. п.

Кроме того, в целях смягчения внешнеполитической ситуации, сложившейся вокруг СССР в связи с вводом советских войск в Афганистан, по линии Министерства иностранных дел были даны телеграммы всем советским послам. В них рекомендовалось немедленно посетить главу правительства и, сославшись на поручение Советского правительства, раскрыть существо нашей политики по этой проблеме. В частности, говорилось, что в условиях вмешательства во внутренние афганские дела, в том числе с использованием вооруженной силы со стороны банд с территории Пакистана и с учетом Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, заключенном в 1978 году, руководство Афганистана обратилось к Советскому Союзу за помощью и содействием в борьбе против внешней агрессии. Поэтому мы обязаны были положительно реагировать на это обращение. «При этом, — говорится в телеграмме, — Советский Союз исходит из соответствующих положений Устава ООН, в частности статьи 51, предусматривающей право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в целях отражения агрессии и восстановления мира… Советский Союз вновь подчеркивает, что, как и прежде, его единственным желанием является видеть Афганистан в качестве независимого суверенного государства, выполняющего международные обязательства, в том

числе и по Уставу ООН».

В целом к нашей братской помощи население Афганистана относилось положительно. Жители охотно вступали в разговор, тепло приветствовали. Женщины и особенно дети были более открыты и эмоциональны, а мужчины, в основном пожилые, — более сдержанны. Оказывается, они все уже знали, что «шурави» на днях должны прийти. Это показательно — коль они знали, что будут проходить советские войска, и встречали их доброжелательно, то можно сделать вывод, что все эти встречи были чистосердечными. Тем более, что их никто не организовывал.

Однако так было не везде. Кое-где афганцы в контакты с войсками вообще не вступали, вели себя настороженно, из-за дувалов (глиняных заборов) не выходили, смотрели в щелку. А уже через несколько дней проявились первые враждебные выпады. Командованию стало известно, что в артиллерийском полку одной из пехотных дивизий на севере Афганистана были зверски убиты наши офицеры-советники. Но еще до этого командование полка арестовало наших военных советников. И тогда для их спасения были введены мотострелки с танками, артиллерией и боевыми вертолетами, которые атаковали населенный пункт Нахрин, где располагался этот артполк. В результате перебили всех, кто сопротивлялся, и разоружили мятежников. Но было поздно — бандиты уже казнили наших соотечественников и закопали, чтобы замести следы. Однако преступники были изобличены.

Боевые действия по овладению Нахрином были проведены по всем правилам войны, так как мятежный афганский полк оказал сопротивление. Ударами артиллерии, танков и штурмующими действиями боевых вертолетов им был нанесен большой урон (только убитых было более ста человек). Не обошлось без потерь и у нас: двое убитых и двое раненых (пострадали во время падения в ущелье боевой машины пехоты, она сорвалась на узком участке дороги).

Так прошел первый бой долгой и тяжелой войны. Войны, в которой не было линии фронта. Фактически и точнее, фронт был везде. Войны, в которой не было и не могло быть ни победителей, ни побежденных.

Конечно, с помощью США и Пакистана оппозиция в военном отношении была хорошо организована уже весной 1978 года (сразу после Апрельской революции в Афганистане). А к моменту ввода советских войск она имела четкую политическую структуру — «Альянс семи», военную организацию, отличное обеспечение вооружением, боевой техникой, боеприпасами, другим

имуществом и запасами, высокий уровень системы подготовки своих банд на территории Пакистана и гарантированное управление силами и средствами. При этом чем дальше, тем больше оппозиция получала материальную и финансовую поддержку, а с 1984 года на их вооружение уже поступали ультрасовременные средства типа ракетного оружия класса «Земля — Воздух» — «Стингер» (США) и «Блаупайб» (Англия).

Используя просчеты и ошибки, допущенные Тараки и Кармалем, а также намеренно вредные действия Амина, оппозиция буквально за короткое время смогла большую часть населения настроить не только против центральной власти и той, что насаждалась в провинциях, но и против советских войск. Оппозиция была «на коне», куда ее фактически водрузили правители ДРА с нашей помощью за 1978–1980 годы.

Введенные на территорию Афганистана наши войска стали гарнизонами во всех крупных городах, взяли под охрану все важнейшие объекты государства, в том числе основные магистрали: Термез, Хайратон, Саланг (перевал), Кабул; Кабул, Суроби, Джелалабад; Кушка, Герат, Шинданд, Кандагар.

С началом боевых действий наших частей фактически и начали формироваться многие наши принципы. У читателя резонно может возникнуть вопрос: это почему только сейчас начали формироваться принципы? А где вы, отцы командиры, были раньше? Почему вы только теперь учили, и учили ли вообще, личный состав тому, что надо на войне? А уставы и наставления у вас имеются? И так далее.

Да, конечно, все у нас было: и прекрасные офицеры-педагоги, и отличные полигоны, стрельбища и учебные поля, и проверенные на практике уставы и наставления, и современная боевая техника и вооружение, и сам процесс обучения был замечательно налажен. Естественно, учили максимально приближенно к боевой обстановке. И все-таки, как бы мы ни учили, настоящие боевые действия, как и война в целом, с первых дней преподносят на каждом шагу неожиданности, диктуют свои условия, и это требует немедленной реакции.

Остановлюсь на некоторых принципах, которые сформировались у нас в ходе боевых действий.

Численность войск и их структура

Первоначально мыслилось ввести 35–40 тысяч. Затем в ходе подготовки и разбора возможных задач эта цифра подскочила до 50 тысяч. В Генштабе существовало твердое убеждение, что это

количество должно быть предельным. Однако через некоторое время руководитель представительства Министерства обороны СССР в Афганистане (или, как еще называли это представительство, — Оперативная группа МО СССР) маршал С. Л. Соколов начал ставить перед Москвой вопрос об увеличении количества наших войск. Мои поездки с группой офицеров Генштаба в 1980–1984 годы на короткое время, конечно, не давали мне возможности глубоко вникнуть во все проблемы, а носили только ознакомительный характер. Да и было бы просто неэтично что-то изучать в условиях, когда в Афганистане присутствует Оперативная группа Министерства обороны во главе с первым заместителем министра обороны СССР маршалом С. Л. Соколовым и первым заместителем начальника Генштаба ВС генералом армии С.Ф.Ахромеевым. Правда, я наезжал в Афганистан в то время, когда они оба, а также основные силы опергруппы улетали в Москву на один-два месяца (а затем опять возвращались), но и это мне не позволяло заниматься углубленной работой. Такие действия могли быть расценены как ревизия, недоверие опергруппе. А к тому «букету» разногласий, какие существовали уже между министром обороны и начальником Генштаба, добавлять еще афганские проблемы было просто недопустимо. Но даже недельное или двухнедельное пребывание в этой стране в наших войсках позволяло делать некоторые общие выводы. Например, о количественном составе 40-й армии. На мой взгляд, в начальный период войны его хватало на охрану основных объектов Афганистана (в том числе главных магистралей), своих гарнизонов и проведение ограниченных боевых действий по перехвату караванов из Пакистана (банд, оружия, боеприпасов) и операций по ликвидации совместно с правительственными войсками опасных скоплений мятежников.

Учитывая это, естественно, при первом же заявлении Сергея Леонидовича Соколова о том, что надо увеличить количество войск на 20–25 тысяч, я попросил Николая Васильевича Огаркова переговорить с Соколовым или Ахромеевым и убедить их, что этого делать нежелательно. Но Огарков категорически отказался. Затем, подумав, добавил:

— Это же бесполезно. Как и бесполезно обращаться с этим к министру обороны.

— Если вы не возражаете, я сам позвоню Сергею Леонидовичу.

— Возражений нет, — сказал Огарков и, печально улыбнувшись, заключил: — Я уже сейчас представляю, чем кончится разговор.

После этого я звоню в Кабул. С маршалом С. Л. Соколовым соединяют сразу. После приветствия я без предисловий начинаю с дела:

— Товарищ маршал, как мы поняли, возникает вопрос об увеличении количества войск в составе 40-й армии…

— Ну, так что?

— Для нас было бы идеальным вариантом, если бы численность наших войск в Афганистане не увеличилась. Тем более что 50 тысяч, по нашим расчетам, могут обеспечить выполнение того перечня задач, какие возложены на 40-ю армию сегодня.

— Конечно, тебе там, на Арбате, виднее, чем мне в Афганистане: что нам надо и сколько надо, чтобы выполнить поставленные задачи.

— Зачем же так ставить вопрос? Ведь в конечном итоге мы же, надеюсь, не собираемся пребывать в Афганистане десять лет.

— Я знаю, что делаю.

На этом мы распрощались. Да, Николай Васильевич был прав — не следовало на эту тему затевать разговор с Соколовым. Появилась только лишняя тень. Решил Огаркову не звонить, а кратко доложить за обедом, тем более что время уже подталкивало в столовую. Иду туда, а Николай Васильевич уже с В. М. Шабановым (заместителем министра обороны по вооружению) занимаются трапезой и что-то обсуждают. Я подсел и приступил к еде, обдумывая, как лучше подать состоявшийся с Соколовым разговор, и надо ли вообще говорить об этом в присутствии Виталия Михайловича Шабанова. Вдруг Николай Васильевич обращается ко мне:

— Я же говорил?! Это была бесполезная затея. Вы не успели закончить разговор с Соколовым, как мне уже звонит министр и раздраженным тоном спрашивает: «Что там у вас Варенников носится с какими-то идеями о моратории по количественному составу 40-й армии? Он что, не знает, что армия воюет и ей надо столько сил, сколько требует обстановка?!» Я его, конечно, успокоил и сказал, что Варенников хотел только посоветоваться.

— Это все происходило при мне, — включился Шабанов. — Когда звонил Сергей Леонидович, я был у Дмитрия Федоровича, и министр все возмущался: «Вечно этот Генштаб…»

— В общем, — подвел итог Огарков, — сегодня к исходу дня я должен доложить министру обороны наши предложения по увеличению численности 40-й армии до 75–80 тысяч. Приходи с генералом Аболенсом (начальник Главного организационно-мобилизационного управления) через час с вариантами решения этой задачи.

И, как говорят, пошло-поехало: вначале 35–40 тысяч, затем — 50, теперь 75–80, далее — 100, а пик этой цифры вышел за 110 тысяч. Однако задачи оставались прежними — охрана объектов и воспрещение переброски банд мятежников и оружия с территории Пакистана. Независимо от количества наших войск цель была одна — их присутствием стабилизировать обстановку в Афганистане и не допустить агрессию на его территорию со стороны сопредельных государств.

А может, Сергей Леонидович Соколов действительно прав, что надо увеличить количество наших войск? Может, ему там, на месте, виднее?.. Но дело в том, что из Москвы виднее другой вывод: чем больше мы введем в Афганистан войск, тем больше наше там пребывание обретает формы войны. А сейчас мы пока пользуемся такими категориями, как: ограниченный контингент, стабилизация, временное пребывание…

Но как бы мы ни рассуждали, решение было принято. Наша задача — обеспечить точное его выполнение.

Что касается структуры введенных войск, то она не претерпела никаких изменений — т. е. какими у нас были по штату полки, бригады и дивизии, такими они и вводились. Возникает вопрос — почему же мы заранее не внесли необходимых изменений в штаты и не убрали заранее то, что не потребуется в боевых действиях в Афганистане?

Во-первых, не было гарантий, что нам не придется встретиться с регулярными войсками некоторых сопредельных Афганистану государств. Во-вторых, предполагалось все-таки, что наше пребывание в этой стране ограничится буквально несколькими месяцами (кстати, Л.И.Брежнев сам в начале 1980 года поднимал этот вопрос). В-третьих, наконец, не имея опыта борьбы с мятежниками и не предполагая, что их действия будут носить в основном партизанский характер, мы просто не могли заранее определиться — а что в основном в Афганистане потребуется? Поэтому шло, ехало и летело все, что было предусмотрено штатом и табелями.

Но когда в результате первого своего пребывания мы убедились, что теперь открыто нападать на эту страну никто не рискнет, а агрессивные действия будут проявляться только путем засылки банд, оружия, боеприпасов, то и были приняты соответствующие решения: ракетные, зенитно-ракетные части и большую часть танков вывести в Советский Союз, оставив только танковые батальоны в составе мотострелковых полков. Одновременно были усилены (и увеличены численно) части специального назначения — спецназа, которые готовились Главным разведуправлением Генерального штаба.

Надо заметить, что есть категория военачальников, которые, не понимая всего этого и не представляя глубоко ситуацию того времени в Афганистане и вокруг него, сегодня необоснованно заявляют, что, мол, Генштаб не занимался серьезно разработкой тех мероприятий, которые должны были обеспечить успех ввода и пребывания наших войск в этой стране. Более чем странные заявления. Спрашивается — чем тогда можно объяснить, что ввод войск по земле и переброска их по воздуху прошли идеально? И если не считать несчастного случая с одним из транспортных самолетов (в чем повинен экипаж, а не Генштаб), то у нас не было ни одного происшествия. А там, где они могли быть (например, на аэродроме Баграм), именно Генштаб принял все меры, чтобы исключить тяжелые последствия.

Весь Генштаб и в первую очередь Главное разведывательное управление, Главное организационно-мобилизационное управление, 10-е Главное управление и, конечно, Главное оперативное управление в течение декабря 1979 года и января 1980 года в основном только и занимались Афганистаном. И дальше Афганистан и 40-я армия занимали у Генштаба главное место. Накануне ввода и сам ввод были детально разработаны и было организовано надежное управление войсками. Начальник направления на Афганистан в Главном оперативном управлении — ныне здравствующий генерал-лейтенант Владимир Алексеевич Богданов — конечно, вправе предъявить претензии по этому поводу к тем, кто занимается хулой. Хорошо, что основная категория военачальников понимает этот вопрос правильно.

Подготовка войск к боевым действиям

Как уже говорилось, в принципе все наши войска имели высокую подготовку — отлично владели техникой и оружием, умело действовали на поле боя. Несомненно, у нас не было таких диких случаев, как на войне в Чечне, куда посылались новобранцы, которые вообще ни разу не стреляли.

Но необходима была адаптация и солдат, и офицеров. Они должны были до направления в Афганистан хотя бы просто побыть в подобной этой стране природно-климатической обстановке: под лучами раскаленного солнца, в условиях скудного питьевого режима и научиться умело действовать, если хочешь остаться живым и победить, выполняя боевую задачу.

И совершенно правильно было принято решение об экстренном развитии двух полигонов Туркестанского военного округа в районе Термеза: один был построен на равнинной

местности. Здесь же базировался и весь личный состав, который проходил предварительную подготовку. Второй из сборных конструкций в горно-скалистом районе. Сюда выходили подразделения на несколько дней для проведения занятий в сложных условиях местности (в т. ч. действия с боевой стрельбой).

Готовились вначале в течение трех месяцев, затем мы увеличили подготовку до четырех и пяти месяцев. И, наконец, остановились на шести месяцах.

Таким образом, призванный в Вооруженные Силы новобранец, пройдя курс молодого солдата у себя в части и попав после этого в ТуркВО, с предназначением в 40-ю армию, адаптировался и учился в условиях, в каких ему предстоит служить в Афганистане. Естественно, все это резко положительно сказалось на общей обстановке и особенно на сохранении жизней личного состава, сокращении наших потерь.

В подготовке солдата основной упор делался на то, чтобы он привык к тяжелым природно-климатическим условиям. Был максимально выносливым в самых сложных экстремальных ситуациях, имел бы необходимый навык действовать быстро и уверенно, умел бы мгновенно реагировать на обстановку, обладал высокой физической, огневой и тактической подготовкой, имел бы несгибаемый морально-боевой дух, был бы способен мгновенно ориентироваться и успешно действовать одиночно, в составе отделения взвода и роты.

Подготовка офицера (от лейтенанта до капитана) помимо всего этого была направлена на выработку способности твердо управлять своим подразделением в самых сложных и даже безнадежных условиях, умения организовать взаимодействие внутри подразделения, с соседями, а также с приданными и поддерживающими силами и средствами (танкистами, артиллеристами, авиаторами, саперами и т. д.). Офицер обязан был личным примером и активными действиями держать на высоком уровне бдительность, постоянную боевую готовность и способность подчиненного подразделения вступить в боевые действия немедленно, если последует на это команда или если для подразделения будет вдруг исходить откуда-то реальная угроза. Офицер обязан сделать все, чтобы в любом бою победить и не допустить потерь. Но если воин подразделения будет ранен, товарищи должны ему немедленно оказать первую медицинскую помощь. Офицер лично отвечал за вынос и эвакуацию раненых и тел погибших, чего бы это ни стоило.

О том, как решать все эти задачи. Проводились соответствующие занятия на макетах. В учебных центрах имелись

различные памятки, инструкции, советы и т. д. Но главное — офицеры, преподававшие здесь всю эту науку. В 1981 году, а тем более позже в числе офицеров-преподавателей в основном были те, кто лично сам прошел горнило войны в Афганистане и знал, почем фунт лиха.

Естественно, вся тяжесть выполнения задач ложилась на солдата, командиров отделений, взводов и рот. Командиру батальона тоже было не сладко, а часто даже горше, чем солдату, ведь он кроме всего перечисленного для солдата и для лейтенанта-капитана обязан был организовать материально-техническое и медицинское обеспечение подразделений батальона. Батальоны, как правило, действовали на самостоятельном направлении. Именно ему, командиру батальона, в первую очередь надо было управлять и огнем артиллерии на поле боя, и бомбоштурмовыми действиями авиации, и бегать или ползать из роты в роту, чтобы лично на месте убедиться, какая сложилась обстановка и что надо делать.

И все это надо было привить солдатам и офицерам в течение полугода. Я несколько раз прилетал из Афганистана в Термез, бывал на этих учебных центрах и убеждался, что учеба в принципе организована верно.

Важно отметить, что вооружение и боевая техника на учебных центрах применялись именно такие, какие были на вооружении 40-й армии.

Таким образом, система подготовки солдат и офицеров на базе полигонов ТуркВО со временем хорошо наладилась. Прежде чем попасть в подразделения и части 40-й армии, ведущей в Афганистане боевые действия, они приобретали необходимые навыки в учении.

Вполне естественно, что наши воины, даже попадая в плен по ранению или по другим причинам, как правило, проявляли образцы мужества и героизма. Ярким примером является случай, который имел место в лагере военнопленных в населенном пункте Бадайберг (Пакистан). Наши военнопленные в этом лагере восстали, перебили охрану, захватили оружие и долгое время обороняли свои позиции от подошедших правительственных войск. Лишь применение артиллерии, а по некоторым данным и авиации, позволило пакистанским войскам овладеть лагерем. Все его защитники погибли. Пока еще не удалось установить их имена, но со временем, конечно, все откроется. Главное — это не единичный случай. В других лагерях наши военнопленные (а их было более 300 человек) тоже совершали подобные поступки, и власти Пакистана тоже держат это в тайне. Однако вечно замалчивать истину не удастся.

Традиционные оценки и наша разведка

Прежде чем описать, как это у нас выглядело, целесообразно несколько слов сказать о том, как оценивали обстановку в Афганистане наши официальные органы, представленные в ДРА, и как действовал противник на самом деле.

Как известно, у нас было заведено, что в Центр надо докладывать только о победах (даже если их и не было). Естественно, от этого правила не мог первоначально отступить и совпосол в Афганистане Ф. Табеев. Вот фрагменты из его донесения, которое он сделал в Москву в июне 1980 года (т. е. на заре своей посольской деятельности):

> «…В последнее время организационная, массово-политическая и военная работа приводит к известной консолидации рядов НДПА, расширению связей руководства с населением, определенной стабилизации положения в ряде районов…
>
> Руководство ДРА начало активизировать меры по закреплению достигнутых военных успехов путем создания на местах партийных и государственных органов, налаживания политико-массовой работы…
>
> *Табеев».*

Во-первых, говорить о каких-то военных успехах в то время было просто неудобно. Их не было. Разве это военный успех, когда советская воинская часть прибыла в какой-то населенный пункт, стала там гарнизоном и, обороняясь, отбивает нападение мятежников? Тем более далеко от истины закрепление этих «успехов» и создание на местах партийных и государственных органов. Фактически же в населенный пункт вместе с войсками прибывало так называемое «Оргядро» в составе партийных и государственных работников, которые объявляли, что они — власть. Но все их видят впервые, никто их не знает, никто их не хочет, и они вызывают только удивление и отторжение. Мало того, эти действия вызывали возмущение и центральной властью, которая направляла эти «Оргядра» в провинции и далее — в волости и уезды.

Хотя было понятно, что власть на местах должна состоять из местных авторитетов, с которыми Центр обязан заключить какие-то договора (соглашения) на обоюдовыгодных условиях. Опираясь на эти органы, центральная власть могла бы постепенно внедрять

и своих посланцев, а представителей провинций брать к себе в Кабул, в центральные органы. Но ничего этого не было. Хотя, как видно из процитированного выше документа совпосла, пока были донесения, в которых желаемое выдавалось за действительное.

А вот практически в это же время штаб 40-й армии докладывает своему руководству в Ташкент, а последний — в Генштаб (тоже фрагменты):

> «…Наряду с вооруженными действиями контрреволюции постоянно совершенствуется враждебная агитация. В политическом плане характерно усиление антиправительственной и антисоветской пропаганды. Специальные идеологические группы исламских комитетов стремятся дезориентировать массы крестьян, посеять недоверие к революционному правительству ДРА и демократическим преобразованиям, проводимым в стране. Значительные усилия предпринимаются для дискредитации советских войск. Отмечаются случаи, когда мятежники грабят и убивают население под видом советских солдат (моджахеды стали использовать нашу военную форму одежды).
>
> Используя методы террора и запугивания, играя на религиозных и национальных чувствах, контрреволюция оказывает сильное влияние на значительную часть населения страны…»

Как видите, здесь уже другие оценки. И они были ближе к истине.

Надо добавить, что, по данным штаба армии, резко активизировался террор моджахедов в отношении местных жителей, которые поддерживали органы власти, и, конечно, в первую очередь, в отношении самих представителей этой власти. Если в апреле 1980 года было совершено 38 террористических актов и погибло 63 человека, то уже в мае того же года было 112 случаев террора, при этом был убит 201 человек.

Надо иметь в виду, что общая активизация мятежников, конечно, находилась в полной зависимости от действий США, Пакистана и других стран, которые широко их финансировали, обеспечивали всем необходимым и всячески подталкивали к боевым действиям.

Вот одно из донесений наших разведывательных органов, сделанное в адрес советского руководства в сентябре 1980 года:

«30 января 1980 года в США прибыла группа афганцев (48 человек) из состава контрреволюционных группировок. Она

направлена для военной подготовки на базах Вооруженных Сил США в Техасе и Калифорнии.

В марте с целью добычи развединформации, в частности, получения сведений о новых аэродромах, местах дислокации советских войск, а также «фактов» применения ими химического оружия, в Афганистан при содействии со стороны регулярной пакистанской армии переправились военнослужащие США Дейвер и Кимпен Джордж.

В марте в районе деревни Сарабруд (40 км от Кветты, Пакистан) завершено строительство американского учебного центра по подготовке афганских контрреволюционеров. В центре работают около двадцати американских советников, которые обучают афганцев тактике и методам ведения партизанской войны. После подготовки лица, показавшие наиболее высокие результаты, направляются для продолжения учебы в США сроком на один год.

В апреле конгресс США проголосовал за выделение «прямой и открытой помощи» мятежникам (15 млн. долларов), официально узаконив вмешательство во внутренние дела суверенного государства — члена ООН…

Посол США в Пакистане Хинтон в апреле заявил на совещании с лидерами афганской контрреволюции в Пешаваре о готовности США увеличить финансовую и военную помощь контрреволюции при условии ее объединения в единый фронт.

В апреле ВВС США в Пешавар достав лено около 4000 химических гранат, которые были распределены между представителями мятежников для использования в боевых действиях на территории ДРА.

В районе Мусан (15 км южнее Кабула) американские советники и специалисты принимают непосредственное участие в обучении мятежников тактике ведения боевых действий. В лагере «Ламбар-2» в населенном пункте Варсак (район Пешавара) работают инструкторами два американца.

С марта по июнь США поставили афганской контрреволюции вооружения на сумму 4,5 млн. долларов…»

Только из этой информации видно, что наша разведка работала отменно и с достоинством носила название советской разведки.

Несомненно, в Афганистане присутствовала и стратегическая, и оперативная, и тактическая разведка. При этом, как ни странно, каждая из них имела свою агентурную сеть. Даже командир батальона спецназ имел широкую сеть своих агентов среди местного населения. Одни ему представляли достоверные данные, другие подсовывали «дезу», которую создавали

мятежники, и если командир использовал ее, то нес потери. А были случаи, когда и попадал в засаду.

В принципе все данные войсковой и агентурной разведки сосредоточивались в разведывательном отделе штаба 40-й армии. Они поступали: из Главного разведывательного управления Генштаба (из Москвы) — это в основном данные по Пакистану, Ирану, замыслам США, поставкам Китая и Саудовской Аравии, о планах «Альянса семи» (так называлась коалиция семи главарей оппозиционных афганских партий, расположенных на территории Пакистана); из разведывательного управления штаба ТуркВО, который имел разведывательные центры, проводил радиоперехват и т. д.; из разведывательных органов советских представительств КГБ, МВД в Афганистане; из совпосольства; от своего разведывательного центра и, наконец, из подчиненных войск — дивизий, бригад, отдельных полков. Обширные данные давали наша воздушная (самолеты и вертолеты) и радиотехническая разведки.

Кроме того, разведотдел 40-й армии, конечно, использовал разведывательные данные наших афганских друзей — Генштаба, МГБ, МВД, МИД, правительства, общественных организаций. В эту же систему поступали и разведданные от нашего советнического аппарата.

В такого типа странах, как Афганистан, большое значение имеют «слухи». Они, как правило, распространяются на базаре. Разведчик, отлично зная язык (пушту и дари), переодевшись в соответствующую одежду и побродив по базару несколько часов (естественно что-то покупая или продавая), может собрать данные, начиная от заговора в Кабуле, группировки мятежников в основных районах страны, замыслах «Альянса семи» до состояния здоровья короля Захир Шаха (проживающего в Италии), тяжбы президента США Картера с конгрессом и состояния здоровья Л. И. Брежнева.

Конечно, все данные, которые к нам поступали от наших друзей-афганцев, аккумулировались в разведотделе штаба 40-й армии, тщательно перепроверялись, поскольку среди них было много не только ложных, но, как подтвердила практика, и умышленно ложных, провокационных, имеющих целью опорочить советских людей. Например, давались точные координаты здания (в соответствующем населенном пункте), в котором такого-то числа в такое-то время якобы собираются главари банд провинций для обсуждения планов своих дальнейших действий. Мы немедленно делаем аэросъемку, проводим дешифрование и видим, что это либо мечеть (а в указанное время там будет проходить молебен), то ли школа, либо больница и т. д.

Но разоблачить источник «дезы» было практически невозможно, потому что он, конечно, в свою очередь ссылается на другого, а тот на третьего и т. д. Поэтому все, что исходило от афганцев, очень тщательно перепроверялось.

Для оперативного принятия решений по полученным совершенно свежим разведывательным данным в Центре боевого управления 40-й армии ежедневно в 6.30 собирались представители всех разведорганов наших представительств, имеющихся в Афганистане. Афганцев (т. е. Генштаб, МГБ и МВД) представляли наши советские советники. В создание этой системы анализа данных и принятия решений много труда вложили генералы Родионов, Дубынин, Громов, Греков, Пантелеев. В последующем все это совершенствовалось, но основу заложили они. Такая система полностью себя оправдала. А учитывая, что в течение суток появлялись новые данные, новые цели, в том числе особо важные, и по ним надо было принимать решения в реальном масштабе времени (и это делали: в армии — командарм, в дивизии — командир дивизии и т. д.), то можно представить, как сверхоперативно и эффективно выполнялась вся эта работа.

Руководил утренним анализом, как правило, начальник штаба армии. Он же и принимал решения, о которых докладывал командующему армией и в нашу Оперативную группу Министерства обороны СССР. Если предстояли и назревали действия особой важности, то на эту координацию приходил я или командарм. Иногда я приглашал и главного военного советника.

Систематически раз в месяц мною (если я был в Кабуле) все собирались в Центре боевого управления: кратко подводились итоги, давалась принципиальная ориентация на перспективу, в том числе о предстоящих боевых действиях, которые проводились совместно советскими и афганскими войсками. Если боевые действия проводились только нашими войсками, то мы ориентировали афганский Генштаб только в день начала боевых действий. Раньше это делать было нельзя, так как оппозиция узнавала об этом немедленно: в Генштабе, как и во всем государственном аппарате, было много лазутчиков оппозиции, но разоблачить их было практически невозможно.

Особое внимание уделялось войсковой разведке на поле боя. Она велась всеми заставами — а их в разное время было от 500 до 580, которые охраняли главные коммуникации страны и особые объекты. А также подразделениями спецназа и разведывательными органами полков, бригад и дивизий, которые выходили на боевые действия.

В Афганистане было правило — не начинать боевых действий, пока не будет достоверных данных о противнике и пока не будут выставлены блок-посты на маршрутах выдвижения наших войск и в районе их расположения, которое будет исходным для действий. Эти блок-посты обязаны были: вести круглосуточно круговую разведку и своевременно докладывать полученные данные. Эти посты обязаны также охранять соответствующий участок дороги или объект от возможного нападения мятежников, уничтожать огнем все, что могло представлять опасность для наших войск.

Правила и порядок наших действий складывались, исходя из того, что из себя представлял противник. В связи с этим необходимо дать следующие пояснения.

Бандформирования и их действия

Формирования мятежников, как правило, комплектовались из числа деклассированных элементов города и деревни, дезертировавших из афганской армии военнослужащих, а также наиболее отсталой и неграмотной части населения, беспрекословно и слепо подчиняющейся муллам, вождям и авторитетам.

Для военной подготовки мятежных банд и отрядов на территории ДРА, Ирана и особенно Пакистана была создана сеть специальных учебных центров и военизированных лагерей, в которых под руководством иностранных инструкторов и специалистов было достаточно хорошо организовано обучение личного состава формирований.

Программа обучения включала: изучение формы и методов ведения партизанских боевых действий в горно-пустынной местности, зеленых и кишлачных зонах; минно-подрывное дело; организацию и устройство засад; изготовление и практическое применение самодельных боеприпасов и взрывных устройств (мины, бутылки с зажигательной сместью, «сюрпризы» и т. п.). Особое место в программе отводилось идеологической обработке личного состава бандформирований, контактам с мирным населением и насаждению агентуры в ВС ДРА.

Срок подготовки в центрах и лагерях составлял от одного до трех месяцев, в зависимости от уровня общего развития и профиля подготовки обучаемых. Руководителями и инструкторами учебных групп являлись наиболее подготовленные в военном отношении лица (в основном из числа бывших офицеров и сержантов афганской армии), а также

инструкторов ряда империалистических стран, в т. ч. американцев.

Учебные центры и военизированные лагеря располагали необходимыми пособиями и материалами для качественной подготовки формирований. Численность контингента в каждом центре (лагере) составляла в одном потоке от 150 до 200, а в крупных центрах — от 1500 до 2000 человек.

После завершения курса обучения мятежники разбивались на группы и отряды. Созданные бандформирования приступали к целенаправленной подготовке для заброски на территорию ДРА. Им выдавали оружие и боеприпасы, другие предметы экипировки. С ними тщательно изучали маршруты движения, порядок преодоления границы и пограничной зоны.

Переход через границу осуществлялся, как правило, на нескольких участках группами по 10–15 человек с соблюдением мер маскировки и безопасности. После проникновения на территорию ДРА группы сосредоточивались в заранее выбранных районах, а затем выдвигались к месту сбора всего отряда (формирования). Здесь их встречали специальные эмиссары. После чего проводилась подготовка к движению в назначенный район, определялись задачи для действий (до этого район не раскрывался).

Для приема банд и оружия из Пакистана в приграничных районах ДРА, в труднодоступных районах местности создавались специальные перевалочные базы. На их территории оборудовались склады хранения запасов оружия, боеприпасов, продовольствия и другого имущества, которое использовалось для обеспечения отрядов мятежников, а также для доставки его через границу на автомашинах, вьючных животных и с помощью людей из числа местных жителей. Базы охранялись специальными вооруженными группами. Прибывающие на базу формирования полностью оснащались оружием, боеприпасами, запасом продовольствия, одеждой.

На территории ДРА в районах действий бандформирований создавались временные склады оружия, боеприпасов и продовольствия для удовлетворения текущих потребностей боевых групп и отрядов. При этом запасы продовольствия часто пополнялись путем насильственного его изъятия у местного населения (а с 1986 года отмечались случаи платы денег) или захвата колонн с продовольствием на магистралях.

Склады оборудовались в пещерах, в горных массивах, мечетях, заброшенных крепостях (в специальных нишах). Районы расположения наиболее крупных складов охранялись отрядами мятежников и прикрывались от воздушных налетов

крупнокалиберными зенитными пулеметами (ДПК), а позже — и переносными зенитно-ракетными комплексами.

Организационная структура вооруженных формирований противника определялась целями и задачами, которые они будут выполнять, степенью их оснащения вооружением и характером руководства.

Низшим звеном была группа в составе от 15 до 50 человек. Группы объединялись в отряды, насчитывающие от 50 до 150–200 человек. Несколько таких отрядов составляют бандформирование, численность которого могла достигать 500–600 человек и более. Хотя по сути своей все эти душманские подразделения являлись бандами, о чем свидетельствовали их зверские действия по отношению к населению. Отряд или бандформирование располагались, как правило, в нескольких районах.

Объединения этих группировок или достаточно крупных банд, действующих на территории одной или нескольких провинций, иногда в планах мятежников именовались «фронтом», который имел общее политическое и военное руководство.

Лидеры афганской контрреволюции считали, что с учетом специфики вооруженной борьбы, физико-географических условий района боевых действий, основными организационными единицами вооруженных бандформирований должны являться небольшие по численности группы и отряды, оснащенные легким стрелковым оружием ближнего действия (винтовки, карабины, автоматы, пулеметы, РГ), а также бутылками с зажигательной смесью, ручными гранатами, минами различных типов и назначения, плюс фугасами и «сюрпризами». Действуя методом внезапных ночных налетов и нападений, они способны были наносить ощутимый урон регулярным правительственным войскам, подразделениям МВД, уничтожать важные военные, экономические и административные объекты.

Некоторые попытки таких действий против подразделений 40-й армии заканчивались для них провалом. Поэтому против наших войск они, как правило, ограничивались массированными обстрелами реактивными снарядами издалека. А что касалось наших застав, то против них применялось все, что было в их арсенале.

Более крупные формирования (банды) могли иметь на вооружении крупнокалиберные пулеметы, минометы, автоматические винтовки и многозарядные карабины, КВ и УКВ радиостанции, легковые и иногда грузовые автомобили. В отдельных случаях банды располагали незначительным количеством бронеобъектов. Из-за отсутствия подготовленных

специалистов, ГСМ, запасных частей и ремонтного фонда мятежники в большинстве случаев при захвате в бою БТР, БМП, орудий полевой артиллерии стремились уничтожить их на месте.

Опыт ведения боевых действий показал, что мятежники достаточно хорошо владеют имеющимся оружием, умело применяют его в бою, особенно ДШК и минометы. Группа в составе 50–60 человек обычно имела один-два пулемета ДШК и один-два миномета, безоткатные орудия. Уже в 1985 году из-за рубежа начали поступать более современные типы вооружения, в том числе ПТУРы, переносные зенитно-ракетные комплексы и реактивные установки, что повысило возможности мятежников в борьбе с бронетранспортерами, самолетами, вертолетами и дало возможность производить дальние обстрелы военных объектов реактивными снарядами (до 15–20 км).

Руководителями групп, отрядов и бандформирований являлись, как правило, лица, прошедшие специальную подготовку, хорошо знающие местность, нравы и обычаи местного населения. Часто ими оказывались муллы.

В целом контрреволюционные силы, действовавшие на территории ДРА, имели определенную структуру политического и военного руководства. Их основу составляли исламские комитеты, которые создавались из числа местных влиятельных религиозных служителей, бывших феодалов и землевладельцев. Возглавляли их в большинстве случаев главари, прошедшие специальную подготовку в Пакистане или Иране.

Как правило, исламские комитеты состояли из отделов: управленческого, партийного, военного, хозяйственного и финансового. Исламские комитеты нескольких кишлаков или волостей подчинялись центральному исламскому комитету, который создавался в уезде. Наиболее крупные из них объединялись в союзы, деятельность которых распространялась на значительную территорию. В состав союза могли входить три — семь исламских комитетов.

Руководство контрреволюционных сил координировало работу комитетов и союзов путем направления в их адрес указаний и распоряжений, а также периодического созыва совещаний руководителей этих органов за рубежом.

Исламские комитеты вели активную подрывную работу среди населения и личного состава вооруженных сил ДРА. Главное направление этой работы — организация и проведение широкомасштабной антиправительственной и антисоветской пропаганды с целью идеологической обработки населения и личного состава армии, вовлечения их в вооруженную борьбу против правительства ДРА и войск.

Эти органы занимались также распределением вооружения, осуществляли набор мужского населения в бандформирования, координировали их боевую деятельность, устанавливали и собирали налог с местных жителей, занимались вербовкой в контрреволюционные исламские организации.

Объектами особого внимания исламских комитетов являлись вооруженные силы ДРА. Исламские комитеты проводили среди военнослужащих соединений и частей афганской армии исключительно активную идеологическую работу с целью их морального разложения, отказа от участия в боевых действиях и перехода на сторону контрреволюции.

Эти комитеты делали все, чтобы препятствовать набору молодого пополнения в армию. Угрозами и силой они заставляли молодежь призывного возраста уходить из кишлаков и городов в горы, а также насильно вербовали их в бандформирования.

Подрывная деятельность исламских комитетов, несомненно, оказывала серьезное влияние на внутриполитическую обстановку и экономическое положение ДРА. Особый упор они делали на использование религии в качестве основного идеологического оружия в борьбе против народной власти.

Говоря о тактике действий отрядов мятежников, следует отметить, что они, как правило, избегали прямых столкновений с силами регулярных войск.

В труднодоступных горах противник создавал специальные базовые районы с хорошей многоярусной системой огня и заграждений. В них оборудовались склады оружия, боеприпасов, продовольствия, а также убежища и укрытия для личного состава. Важное значение придавалось проведению диверсионно-террористических актов, созданию разведывательной агентурной сети в партийных и государственных органах страны.

Опыт боевых действий свидетельствовал о том, что вооруженные формирования контрреволюционных сил изменяли тактику действий в зависимости от поставленных целей и решаемых задач, стремились раствориться среди местного населения, что существенно осложняло борьбу с ними.

Наиболее упорное сопротивление мятежники оказывали при обороне своих базовых центров, расположенных в труднодоступной местности. Здесь они оборудовали систему опорных пунктов и узлов сопротивления с широким использованием естественных и искусственных укрытий в скальном грунте, создавали многоярусную систему огня и заграждений.

На всех господствующих высотах, как правило, готовились позиции пулеметов ДШК, ЗПУ, которые обеспечивали ведение

огня по воздушным и наземным целям. Между опорными пунктами устраивались запасные и отсеченные позиции, ходы сообщения и пути маневра.

Особенно мощную оборону противник создавал на входах в ущелья (долины), где находились базовые центры. Все подступы к ним минировались, дороги подготавливались к разрушению, организовывались разведка и охранение. Наблюдательные посты располагались буквально на удалении 50—100 метров друг от друга и имели между собой визуальную связь.

Характерной чертой являлась организация двойного, а иногда и тройного охранения с целью оказания нарастающего сопротивления наступающим войскам. В этом случае первая группа охранения, обстреляв противника, быстро отходила на следующий рубеж, где соединялась со второй группой. Затем обе группы, отстреливаясь, отходили на третий рубеж охранения.

В глубине обороны располагались маневренные боевые группы, предназначенные для действий на угрожаемых направлениях, а также выхода во фланг и тыл боевых порядков наступающих подразделений.

Используя разрывы в боевых порядках войск, мятежники под покровом темноты просачивались в населенные пункты и с рассветом открывали огонь по тылам и флангам войск.

В отдельных случаях, потеряв господствующие высоты, противник предпринимал попытки вновь овладеть ими. С этой целью он проводил контратаки силами 80—100 человек при поддержке огня ДШК и минометов.

Склады и штабы располагались, как правило, в центре базового района, в естественных или искусственных укрытиях. Они защищались огнем ДШК и обычных пулеметов.

Для размещения крупных банд и отрядов использовались долины рек (как это было с рекой Фарахруд, о чем упоминалось), представлявшие собой наиболее выгодные в тактическом отношении районы. Наличие прилегающих к долине ущелий позволяло мятежникам осуществить быстрое сосредоточение. Кроме того, противником учитывалось и то, что долина, расположенная в верховьях реки, оканчивается, как правило, высокими, труднодоступными горами. Поэтому она не может быть блокирована наземными войсками. В ряде случаев исключалось применение для этой цели и воздушных десантов.

В ходе ведения боевых действий в районах, насыщенных ирригационными сооружениями, мятежники широко применяли затопление местности. Это существенно затрудняло, а иногда даже делало невозможным использование боевой техники.

При возникновении угрозы окружения и полного

уничтожения мятежники отводили свои основные силы на запасные позиции, а при необходимости — и в горные или другие районы, оставляя для прикрытия боевые группы, которые с фанатичным упорством обороняли занимаемый рубеж. Примером, убедительно подтверждающим это, были действия отряда Ахмад Шаха.

Небольшие по численности вооруженные отряды и группы могли располагаться даже непосредственно в населенных пунктах. Маскируясь под местное население, они успешно укрывались от ударов авиации и действий войск.

В отдельных случаях (если к этому способствовала общая военно-политическая обстановка) населенные пункты подготавливались к обороне. Вдоль улиц и на площадях отрывались траншеи полного профиля со стрелковыми ячейками, перекрытыми участками и блиндажами. Создавались завалы из глыб камня. Оборудовались доты, имевшие две-три и более амбразур. В дувалах и развалинах пробивались бойницы. Подступы к населенному пункту и огневым точкам минировались противотанковыми и противопехотными минами, там же устанавливались фугасы.

Особое значение мятежники придавали ведению активных боевых действий на дорогах.

На маршрутах движения они устанавливали мины, часто управляемые. Устраивали разрушения отдельных участков дорожного полотна — отрывали поперечные канавы, рвы, искусственно сужали проезжую часть, устанавливали преграды, например, переворачивали на дороге большегрузные автомобили. Колонна правительственных войск, бывало, упиралась в это противодействие и останавливалась, а моджахеды ее расстреливали.

Для укрытия непосредственно в придорожной полосе, на берегах рек и каналов они использовали специально оборудованные бункеры. Как правило, в местах завалов, разрушенных дорог, вблизи заминированных участков устраивались засады, при этом они старались обеспечить скрытность действий, защиту и широкий маневр в тыл или на фланги.

Находящееся в засаде подразделение противника разбивалось обычно на несколько групп. Одна из них осуществляла наблюдение. Вторая предназначалась для захвата пленных, техники, вооружения и имущества. Третья организовывала перехват подошедших подкреплений, вступая с ними в бой.

При приближении колонны к месту засады специально выделенные стрелки-снайпера открывали огонь по водителям и

старшим машин. Обстрелу могли подвергаться одновременно голова, середина и хвост колонны. Для борьбы с бронетранспортерами, находящимися в составе колонн, применялись гранатометы и крупнокалиберные пулеметы — они вели огонь по колесам. Остановившиеся бронетранспортеры уничтожались огнем гранатометов. Когда раздавался сигнал окончания нападения и начала отхода, моджахеды в этот момент могли еще применять и минометы.

Иногда они использовали специальную отвлекающую группу, которая располагалась впереди основных сил засады. Открыв внезапный огонь, такая группа обычно стремилась сковать боем подразделения охраны колонны. Затем отходя и привлекая внимание к себе, она втягивала за собой и прошедшую вперед, уже без охранения, основную колонну. Последняя попадала под огонь главных сил засады противника и несла большие потери.

При организации засады в населенных пунктах бандформирования располагались скрытно за глинобитными заборами (дувалами), в домах и других строениях, стараясь не обнаруживать себя. Беспрепятственно пропустив разведку и органы охранения, засада в упор расстреливала главные силы колонны, ведя огонь из бойниц, окон и дверей домов. Огонь сосредоточивался в основном по автомобилям, перевозящим личный состав, а также по огневым средствам.

Организуя нападение на населенный пункт, объект или район (гарнизон) дислокации войск, душманы могли действовать укрупненными группами и отрядами численностью в несколько сот человек. Осуществляя нападение, мятежники стремились обычно с ходу овладеть объектом атаки. Но первоначально они захватывали близлежащие господствующие высоты, перекрывали подходы, создавали таким образом видимость окружения. В последующем они вели обстрел объекта нападения с высот, из-за укрытий — с целью деморализации обороняющихся и прекращения сопротивления.

В случае захвата населенного пункта душманы осуществляли показательные расстрелы и казни представителей местной власти, партийных активистов, интеллигенции. Грабили население и поджигали здания. Иногда устраивали показательную казнь с пытками.

Как правило, при подготовке к нападению противник проводил тщательную разведку. Разведчики действовали с близкого расстояния под видом пастухов, кочевников, сельскохозяйственных рабочих. С этой целью использовались осведомители из числа местных жителей и переодетые в женское платье бандиты.

Особую роль афганская оппозиция отводила проведению диверсионных и террористических актов. В основном их объектами являлись линии связи и электропередач, государственные и культурно-просветительные учреждения, хозяйственные предприятия, сотрудники партийных и местных органов власти, представители интеллигенции.

Диверсии проводились силами специально подготовленных групп (отрядов) различной численности и, как правило, с наступлением темноты. Группа (отряд) обычно разделялась на части, каждая из которых выполняла свою задачу. Первая совершала нападение на охрану объекта или отвлекала ее на себя. Вторая (техническая) — осуществляла диверсию непосредственно на объекте. Третья предназначалась для наблюдения за обстановкой и ведения боя с подкреплениями.

Часто с целью маскировки и дискредитации народной власти и ВС при проведении диверсий и террористических актов мятежники использовали форму военнослужащих. Важно отметить, что бандформирования постоянно перемещались из одного района в другой, чтобы создать ложное представление о наличии большого количества вооруженных групп и отрядов на территории уезда или провинции. Одновременно с этим достигалась и другая цель — уменьшалась вероятность поражения формирований от ударов авиации, вертолетов и наземных войск.

Группам и отрядам мятежников запрещалось устраивать ночевки в одном районе (месте) более одного раза, а также организовывать их там, где банда находилась в дневное время.

Ночное время использовалось для совершения маршей или перемещения в район предстоящего нападения. Маршруты движения при этом тщательно изучались.

О некоторых методах и способах ведения боевых действий и некоторых операциях. Наши потери.

Методы и способы действий во многом зависели от местности, на которой приходилось вести бой: равнина это или населенный пункт, пустыня или ледник, просто горы или скалы и ущелья, слегка поросшая жидким полусухим кустарником местность или буйная «зеленка» (так называли солдаты виноградники и т. п.), где за каждой веткой сидит моджахед с автоматом или гранатометом.

Вначале афганской эпопеи, особенно в 1981–1983 годах, основную тяжесть боевых действий несли на себе наши войска.

Но по мере укрепления вооруженных сил Афганистана, т. е. правительственных войск, последние все больше и больше включались в совместные с советскими войсками операции. А уже с конца 1985-го и особенно в 1986 году и далее советские войска в основном помогали афганцам, поддерживали их действия артиллерией и авиацией, а мотострелки или десантники находились рядом — в одном-полутора километрах за передовыми подразделениями афганских подразделений или блокировали район, памятуя, что боевые действия должны вестись между афганцами, а не между нами и афганцами-моджахедами. Со временем афганские войска начали кое-где уже самостоятельно проводить боевые действия. Правда, перехват караванов осуществлялся нашим войсковым спецназом, и отдельные операции проводились на равных.

В советских войсках в Афганистане все больше и больше укреплялся принцип — не допустить потерь среди личного состава наших частей, избегать жертв среди населения. Опираясь на официальный документ, изданный Генеральным штабом ВС СССР под руководством генерал-полковника Ф. Кривошеева, на основе достоверных архивных данных («Гриф «секретно» снят», Воениздат, 1993, с. 405), можно сделать вывод, что самые высокие потери были в период с марта 1980-го и по апрель 1985 года, т. е. за 62 месяца погибло 8945 человек (или 144 человека в месяц). С мая 1985-го по декабрь 1986 года, или за 20 месяцев, было убито 2700 наших военнослужащих (или 135 человек в месяц), а за период с января 1987-го (начало политики национального примирения) по февраль 1989 года, т. е. за 26 месяцев потери составили 1945 человек (или менее 75 человек в месяц). Другими словами, начиная с 1985 года и до конца войны, каждый год потери, по сравнению с предыдущим, были в полтора и даже в два раза меньше. Это в первую очередь потому, что методы действий были принципиально другими. И если кто-то думает, что опыт участника Великой Отечественной войны для Афганистана устарел, тот глубоко ошибается. Боевой опыт невозможно переоценить, где бы и в какое бы время он ни приобретался. Главное — чтобы носитель этого боевого опыта мог творчески его применять уже в новых условиях. Афганская война началась через 34 года после Великой Отечественной. А Суворов первый боевой опыт получил в 1756 году и лишь через 43 года совершил знаменитый Швейцарский переход (1799 год).

И вот, говоря о потерях и о нашем к этому отношении, очень странно слушать предвзято сделанные выводы по этому поводу людей, которые и близко не были в Афганистане и не имели какого-либо отношения к войне, а свои заявления делают

понаслышке. Например, 8 ноября 1998 года в полночь по телеканалу НТВ в прямом эфире беседовали Станислав Сергеевич Говорухин и известный антисоветчик телекомментатор Киселев. Последний всячески изощрялся, чтобы Говорухин хотя бы чуть-чуть похаял 70 лет Советской власти. А тот ни в какую — у него о прошлом самые теплые воспоминания и особенно о комсомоле. «Я со своими друзьями студентами-однокурсниками объехал всю нашу страну. Разве это возможно сейчас сделать?» — воскликнул известный кинорежиссер. Но Киселев все-таки нашел слабое место у Станислава Сергеевича — Великая Отечественная война. Видимо, сказалось недостаточное знание истории. Ну, не знает Говорухин, как добывалась победа, вот и сказал, что «все эти генералы вместе с Жуковым и Сталиным ничего не стоят. Это наш героический народ добился такой Великой победы. Но наш народ по причине бездарности…этих полководцев потерял 35 миллионов человек!..»

Вот видите, даже этому умному, талантливому человеку вбили в мозги всю эту чушь, и он уже не может отказаться от лжи. Сам факт огромной роли полководца в сражении, военной операции и в войне в целом неоспорим. Александр Македонский провел свое войско с Балканского полуострова по всему Ближнему и Среднему Востоку (в том числе через Афганистан) и завоевал западную часть Индии. Это тысячи километров! Что, войско само могло сорганизоваться и совершить этот поход, без предводителя? Так и в битве наших предков на Чудском озере с тевтонскими псами-рыцарями: не было бы Александра Невского, не было бы и победы. Не было бы Дмитрия Донского — не было бы и победы над Золотой Ордой. Не дала бы наша земля Михаила Кутузова — неизвестно, чем бы кончилась Отечественная война 1812 года. Не было бы Сталина, а на его месте сидел бы Горбачев или Ельцин — попали бы мы в рабство уже тогда, в 40-е годы…

А что касается потерь, то они выглядят следующим образом (цитирую «Гриф «секретно» снят», с. 128 и 131):

> — …Общие прямые людские потери страны за все годы Великой Отечественной войны оцениваются почти в 27 млн. человек.
>
> — Фактически число безвозвратных военных потерь — 8668400 человек, в том числе не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны) — 1 783 300 человек.

Вот так! А если эти цифры сопоставить с противником, то в этом же документе говорится (с. 392), что Германия и ее союзники потеряли 8 649 500 человек, из них почти 7 млн. —

немецкие войска, а остальное — их союзники.

Да, большое число людей мы потеряли в начальный период войны. Но это далеко не те цифры, что у С. С. Говорухина.

Тему о потерях, но теперь уже в Афганистане, полезно продолжить. Как-то выступая на съезде народных депутатов СССР, уважаемый академик А. Д. Сахаров сказал, что он осуждает ввод наших войск в Афганистан. А потом, говоря о наших потерях в этой стране, начал нести такую околесицу, что было стыдно слушать. Он заявил, что якобы имели место случаи, когда наши боевые вертолеты своим огнем (разрывными снарядами и пулеметами) полностью уничтожили наших же солдат и офицеров, которые попадали в окружение. Делалось это якобы для того, чтобы наши военнослужащие не попали в плен.

Вначале я подумал, что Андрей Дмитриевич «выдал» это, не подумав. Видимо, кто-то буквально перед выступлением подсунул ему этот факт, а он, не проверив, воспользовался им. Однако это оказалось далеко не так. Когда я начал разбираться, то мне сказали, что у Сахарова это уже не первое выступление на эту тему, и дали мне видеокассету (я ее храню и сейчас). Оказывается, об этом же он говорил и на пресс-конференции в Канаде. И это была не просто откровенная ложь, но и гнусная клевета на наши Вооруженные Силы, на советских офицеров. В то же время у меня не укладывалось в голове — как мог опять же умный человек поверить в этот бред? Но если он действительно поверил, то это беда. Человек такого уровня и вдруг совершенно не знает реальной жизни, не имеет ни малейшего представления об Афганской войне! Скорее всего он оказался орудием в руках политических проходимцев, работающих на американцев. И, сожалея об этом, я задался целью как-нибудь при удобном случае повидаться с ним и раскрыть ему глаза. Увы, я опоздал. Смерть безвременно унесла А. Д. Сахарова. Жаль его, конечно, и как человека, и как ученого, и как политика, и как истинного демократа. Ведь если стряхнуть с него разную псевдодемократическую «шелуху», то зерно-то оказывается у него социалистическое. Вот почему «демократы» сегодняшнего дня «забыли» о нем.

Но вернемся к методам и способам боевых действий в Афганистане. Они находились в зависимости от видов боевых действий. На этом фоне покажу и некоторые операции, которые были проведены с моим участием.

Во время пребывания в Афганистане фактически каждый наш солдат и офицер без преувеличения всегда и везде должен был быть готов к бою. Основные виды боевых действий — наступление и оборона — имели много различных особенностей,

тонкостей, которые характерны были только для Афганистана. Но хотелось бы, чтобы читатель хотя бы мысленно проникся тем чувством, которое испытывал каждый из нас в Афганистане. Когда находишься в своем советском военном городке, немного расслабляешься, чувствуя потенциальную силу большого коллектива, — какая бы банда ни напала, она обязательно получит по зубам. Вот почему и у нас, в Оперативной группе, на каждого офицера и генерала были не только пистолет, но и автомат с заряженным магазином, а также по несколько ручных гранат. Но когда выходишь или выезжаешь за пределы этого городка, весь внутренне собираешься — надо быть всегда готовым к отражению внезапного нападения. Ты весь — как сжатая пружина: улицы это Кабула, или скалы ущелья Пыджшер, или пустыня Марго.

Итак, где бы воин ни находился, он обязан быть готовым вступить в бой. Ниже мы рассмотрим эти ситуации (застава, проводка колонн, засада, перехват караванов, захват и ликвидация баз душманов, «прочесывание» местности или населенного пункта и т. д.) и разберем подробно необходимые при этом действия.

Застава — это важнейший элемент в нашей общей военной и социально-политической системе, которая сложилась с вводом советских войск в Афганистан. Как правило, застава «стояла» так, чтобы могла видеть всё и всех, простреливать весь охраняемый участок дороги, все подступы к охраняемому объекту, а также держать все подступы к ней под прицельным огнем (а складки местности «доставать» из миномета). Все вокруг минировалось, устанавливались различные инженерные заграждения. Остается лишь одна тропа-дорога (редко две), по которой застава общалась с внешним миром, но на ночь и она закрывалась заграждениями.

Застава обносилась сплошной мощной каменной или глинобитной стеной. Все помещения внутри заставы пристраивались к этому ограждению и максимально укреплялись, особенно сверху (от реактивных снарядов). Помещения, как и огневые точки (позиции минометов), соединялись ходами сообщения.

Все виды оружия пристреляны на местности. Так что если я давал вводную: «Вот из-за этой скалы (показывал на местности) выдвигается до 20 человек душманов. Действуйте!» — командир сразу же заранее условленными сигналами давал команду открыть огонь на поражение. Как правило, все получалось нормально. Но при проверке бывали и конфузы — с первых выстрелов «противник» не поражался, поэтому в этих случаях проверялась практически вся система огня.

Каждая застава имела как минимум месячный, но обычно трехмесячный запас боеприпасов, горючего, продовольствия, медикаментов, а также запасные комплекты аккумуляторов, запасные части к оружию и боевой технике.

В конце 1986 года перед командованием армии мною была поставлена задача сделать каждую заставу неприступной крепостью. И мы делали это, и сделали многое, особенно в бытность командования армией Б. В. Громовым.

Мы понимали, что вечно на афганской земле не будем, поэтому поначалу на всем лежала печать временности. И заставы выглядели убого, как курятники. Да, техника и вооружение были установлены на позициях, для личного состава отрыты окопы и кое-где построены блиндажи. Однако жить и служить в таких условиях месяцами и годами было нельзя. Кроме того, мы отдавали себе отчет в том, что, построив добротную заставу, мы, уходя, оставим ее правительственным войскам. А что потребуется охранять коммуникации и после нас — в этом сомнения не было: некоторые кишлаки только и жили за счет дороги (нападали и грабили). Правда, быт мы старались организовать даже в тех условиях. На каждой заставе было все: помещения для отдыха, досуга, столовая, кухня, санузел, банька, там же прачечная, склады, мастерская. На каждой заставе — обязательно радиоприемник, а на больших и недалеко расположенных от крупного центра — и телевизор. Но самое главное — были отлично оборудованы и защищены позиции для всех видов оружия.

Как-то президент Наджибулла попросил свозить его на какую-нибудь из застав, которая стоит на подступах к Кабулу. Поехали мы на заставу номер 31 — это в десяти километрах восточнее столицы. От основной магистрали на высотку, где располагалась застава, шла отличная гравийная дорога, по которой можно было проехать и на мерседесе. Сама застава внешне представляла настоящую крепость. Мощная, из бетонных конструкций трехметровой высоты стена шла по всему овальному периметру. Наверху пробиты бойницы, через которые можно стрелять из стрелкового оружия. Массивные металлические ворота. Вокруг стены, с ее внешней стороны, свои позиции в окопах заняли три танка, три боевых машины пехоты и четыре 122 мм гаубицы на прямой наводке. Позиции же для минометчиков были оборудованы внутри заставы.

Уже внешний осмотр заставы произвел на Наджибуллу большое впечатление. Но то, что он увидел внутри нее, поразило все его ожидания. Во всех помещениях царила идеальная чистота, постели с белоснежным бельем, помещения уютные и светлые, в

них прохладно, а за окном — жара плюс сорок градусов. Заглянули даже в баню — там, кроме парилки, имелся и небольшой бассейн с холодной ключевой голубой водой. Президент пообедал с солдатами, вышел во внутренний дворик и при виде зеленых газонов и клумб с цветами совсем «растаял». Он даже чуть погрустнел и медленно произнес: «Такого наш солдат даже в королевской гвардии не видел…»

Конечно, это была лучшая застава, а по составу — и одна из самых больших (более 70 человек). Таких было несколько. И большинство из них были действительно крепостями, поскольку им постоянно приходилось отражать нападения моджахедов. Некоторые заставы обстреливались из всех видов оружия. Душманы нападали и на охраняемые объекты, поэтому их требовалось отбить и защитить расположенные по соседству кишлаки местных жителей, с которыми поддерживались контакты.

Заставы имели исключительное социально-политическое значение. Особенно те, вблизи которых располагались кишлаки. Их жители к 1986 году и особенно с объявлением политики национального примирения (январь 1987 года) чуть ли не породнились с этими небольшими гарнизончиками. Они постоянно там «паслись». Хлеб, консервы, сахар, сигареты, мыло, керосин, спички, ненужная одежда и обувь и т. д. — все это представляло интерес для жителей кишлаков. Родители, как правило, посылали на заставу своих мальчуганов, которые и безопасны, и не уйдут, пока не получат. Учитывая это, командование соответствующих полков и дивизий давали своим заставам перечисленные выше товары сверх тех норм, что были им определены.

Но всем надо было доставлять почту, и это делалось два раза в неделю, а при осложнении обстановки — реже. Многим заставам надо было доставлять и воду, а некоторым — и горячую пищу. Все это было организовано, и система действовала бесперебойно.

Некоторые заставы, в основном в горах, выставлялись дополнительно к существующим только на весенне-летне-осенний период, так как зимой там все заваливало снегом и местность становилась непроходимой. Так было, в частности, на первом внешнем кольце вокруг Кабула. Как только снег сходил с вершин скалистых гор, их, эти вершины, надо было быстренько занять, так как с них отлично просматривались все ущелья и долины. А там душманы могли размещать установки (или устанавливать специальные площадки) для реактивных снарядов, которыми они обстреливали Кабул. Эти же ущелья давали

хорошую возможность скрытно подойти к городу.

На одной из таких застав я побывал вместе с командиром 103-й воздушно-десантной дивизии полковником Бочаровым (это была его застава). Надо отметить, что Бочаров в афганских событиях проявил себя весьма положительно. И хотя ему в Афганистане не довелось пробыть два обязательных года, поскольку дивизию вывели раньше, он внес значительно большой вклад, чем его предшественники. Конечно, он приехал, так сказать, на готовенькое — дивизия была устроена, все системы отлажены, порядок ведения боевых действий отработан. Но то, что это был весьма деятельный, инициативный и самостоятельный командир — не вызывало сомнений. До сих пор сожалею, что не настоял на присвоении ему звания генерала. У кадровиков был аргумент: «Мало пробыл в должности». Но ведь война! А во-вторых, не за время, просиженное в должности, должно даваться звание, а за результаты. Как, кстати, и награды. Кадровики, и особенно отдел ЦК КПСС, регулировали: «Рано повышать, только недавно звание получил». Начинаешь доказывать, что офицер заслужил, а в ответ: «Нет, нет! Подождет». Естественно, такая нивелировка отличившихся с посредственными службистами наносила ущерб. На мой взгляд, надо было не только своевременно отмечать отличившихся, но и давать с орденом денежное вознаграждение, как это делали немцы, и не только немцы. У нас же их ставили в общую очередь — «вот пройдет пять лет, тогда и рассмотрим…».

И верно поговаривали офицеры: «В последние годы лозунг Сталина «Кадры решают всё!» претерпел коренные качественные изменения. А именно: «Не кадры решают всё, а в кадрах решают всё!» А теперь уже и другая формула: «Кадры сказали — всё!» Наше Главное управление кадров делало только так, как ему предписывал Административный отдел ЦК КПСС.

В тот раз, перед поездкой на заставу, мы с полковником Бочаровым связались с заставой по радио — слышимость была превосходной. Сообщили, что вылетаем к ним. Вертолет, пролетев минут 12–15, сделал один, затем второй круг над этой заставой и осторожно начал опускаться одним колесом шасси на кромку площадки, которая была приблизительно 1,5 на 4 метра. Когда колесо коснулось камня, мы выпрыгнули. Нас было трое. Вертолет тут же улетел и должен был вернуться за нами в назначенное время.

К нам подошел капитан — начальник заставы. Представился, поздоровались. Я попросил пока обстановку не докладывать — надо было осмотреться, адаптироваться. Когда вертолет улетел, а мы остались на этом пятачке, я мысленно поставил себя в

положение воинов этой заставы и меня охватило странное чувство обреченности. Видимо, таковы ощущения покинутых всеми людей. Чувство обреченности усиливала окружающая нас совершенно необычная обстановка. Представьте гряду высоких, цепляющихся за облака скалистых гор. И вот на одном из ее участков в небо взметнулся пик. Он возвышался над всеми на несколько сот метров. Острие пика было как будто «срезано» и «отшлифовано» солнцем, ветрами и непогодой. Отсюда до подножия гряды было больше километра с обеих сторон. Площадка имела форму неправильного прямоугольника и была с трех сторон обнесена полутораметровой толстой стенкой из мешков с песком — их сюда навозили вертолетами. Четвертую стенку не поставили, так как подлетающий вертолет опирался одной «ногой» о площадку. От этой «большой», около шести квадратных метров, площадки отходила малая — выступ с понижением, типа ступеньки. Здесь был установлен 120-мм миномет, рядом высилась «гора» мин к нему. Здесь же устроили и укрытие от непогоды. На основной площадке, в двух ее противоположных концах, установили крупнокалиберные пулеметы ДШК. От малой площадки вниз под углом 45–50 градусов шла «тропа». Правда, «тропа» — это громко сказано, фактически же это были всего лишь вырубленные в гранитной скале ступеньки, по обе стороны которых был протянут добротный канат вместо перил. В конце тропы находилась еще одна площадка — приблизительно такой же величины, как и верхняя. Здесь стоял крупнокалиберный пулемет. Здесь же был сосредоточен и весь быт небольшого, всего 12 человек, гарнизона: место для отдыха, кухня, умывальник и т. д. Эту площадку они освоили уже по своей инициативе, поскольку на «пятачке» была жуткая теснотища.

Вот и сейчас, когда нас прилетело трое, да четверо уже были на основной площадке, здесь было уже не развернуться. Поэтому, представившись нам, трое из четырех «аборигенов» отошли к миномету, а мы устроились на снарядных ящиках, которые на большинстве застав являются главной составляющей «мебели»: они были и стульями, и столами, и лежаками для сна, и сундуками.

После того как мы осмотрели местность и сориентировались, капитан обстоятельно доложил нам о боевой работе заставы. А она была «кладом» для нас и «костью в горле» для мятежников, поскольку застава полностью контролировала одно из важнейших направлений и подступов к Кабулу. Учитывая, что дальность полета реактивных снарядов, которыми банды обстреливали столицу, была около 20 км (от 15 до 24-х — в зависимости от

вида), а застава стояла в 15 км от Кабула, то у противника оставалось всего 5–9 км. Но и это расстояние застава полностью просматривала, простреливала или же вызывала огонь артиллерии, которая закреплена за этой заставой, а при необходимости — и боевые вертолеты. Все подходящие на этом направлении ущелья были засыпаны противопехотными минами (так называемыми «лепестками»), которые в ночное время расчистить фактически было невозможно, в дневное же время любая появившаяся в этом районе группа обстреливалась жесточайшим образом. Словом, это направление было закрыто от обстрелов столицы почти на сто процентов. И таких застав было много.

Но душманы отыскивали любые пути и всячески изощрялись, чтобы не дать населению города жить спокойно. Они не только находили площадки для запуска реактивных снарядов (по 20–40 —60 и более штук в залпе), но и умудрялись «проталкивать» их в город. И хотя такие случаи были единичными, но они производили эффект. Так, например, произошло, когда на учебном центре (на восточной окраине Кабула) собралось руководство страны, Вооруженных Сил ДРА (МО, МВД и МГБ), руководство советнического аппарата и всех советских представительств в Афганистане. Проводились показные занятия, как вдруг засвистели реактивные снаряды и начались взрывы на территории учебного центра. Занятия были прекращены на два часа. Все были приглашены в зал учебного корпуса, где должна была проходить научно-практическая конференция по проблемам укрепления безопасности республики. Конечно, органы МГБ и МВД должны были обеспечить и гарантировать безопасность. Хорошо, что в итоге этого, по сути, террористического акта никто не пострадал. Но то, что оппозиция имеет своих осведомителей в окружении высших органов власти (только они знали о предстоящем высоком сборе), было ясно как день. Площадка с реактивными снарядами была оборудована прямо во дворе одного из домов, в семи километрах от учебного центра (хотя все дома и дворы на этом направлении должны были быть на контроле).

Вторым не менее эффективным для мятежников случаем был уже упомянутый факт обстрела советского представительства МВД в ДРА. Тогда среди бела дня на центральной магистрали, в оживленном районе Кабула, на глазах у сотен людей подъехал пожилой афганец на телеге, нагруженной травами и сеном, не торопясь, остановил свою повозку на обочине дороги прямо против резиденции советских советников МВД, расположенной через дорогу, выпряг ослика из упряжки, сел на него верхом и

спокойно поехал по городу. А минуты через три-пять из телеги, зловеще шипя, с огненным шлейфом начали вылетать реактивные снаряды и рваться тут же, на территории и на зданиях наших советников МВД. Это, конечно, произвело впечатление, хотя жертв не было. На мой взгляд, все обошлось вот так благополучно чисто случайно.

Многие возмущались: как так, в центре города, среди бела дня?! Задавали наивные вопросы, к примеру: как допустили, чтобы снаряды «РС» попали в Кабул? Ведь на каждой входящей-выходящей дороге стоит по три-пять контрольно-пропускных пунктов! Как будто для кого-то было секретом, что завоз в город этих снарядов осуществлялся с помощью подкупа, шантажа, угроз и силы. Предлагались крупные суммы денег, чтобы машина не проверялась. Завоз обычно шел с наступлением темноты или перед рассветом! Делать это среди ночи было опасно, потому что в городе комендантский час и КПП или патрули часто сразу стреляли. Если на КПП от денег отказывались, то им угрожали тем, что их родственники, которых называли поименно, так как все заранее изучалось, будут перебиты. Если и это не действовало, начинали угрожать им самим. В конце концов задний борт закрытой машины — фургона откидывался, оттуда «высыпались» девять-десять душманов, которые с ходу бесшумным оружием перебивали весь пост, отрезали телефон, быстро убирали трупы с видного места и отправлялись дальше.

Но вернемся к заставам. Методы и способы действий личного состава застав сводились не только к контролю и защите огнем охраняемых объектов и не только к своей защите в случае атак мятежников, но и оказанию помощи соседям. В таких случаях в боевых действиях участвовала выделенная для этого часть сил заставы — она атаковала и наносила удар с тыла по моджахедам, наседающим на соседнюю заставу (или на остановившуюся на дороге нашу колонну), и эта помощь часто оказывалась решающей. Связь между всеми заставами была очень надежной, так же как и с подходящими колоннами.

Важнейшей задачей всех наших застав, особенно в тех районах, где поблизости от них стояли населенные пункты, было проведение (точнее — содействие проведению) в жизнь политики национального примирения, которую объявило руководство ДРА с января 1987 года. Надо отметить, что и до этого наши заставы мирно жили и отлично сосуществовали с местными жителями. А поскольку народ в кишлаках был очень бедным, а каждая застава всегда могла помочь населению предметами первой необходимости, то, естественно, люди с благодарностью смотрели на наших солдат и офицеров. Фактически с 1980 года с

населением устанавливались добрые отношения. А начиная с 1987 года наши военнослужащие уже участвовали в разъяснении сути политики национального примирения. Солдаты из среднеазиатских республик, особенно таджики, очень хорошо говорили на дари, поэтому, когда надо было помочь русскому офицеру, становились переводчиками, да и сами были отменными пропагандистами.

Как-то я взял несколько офицеров и провел с их помощью выборочно инспектирование застав на всех трех направлениях. Главной целью ставилось проверить: действительно ли каждая застава стала неприступной крепостью, к чему мы стремились много лет; способна ли она самостоятельно вести боевые действия по защите объекта (участка дороги) и оборонять себя; проводит ли застава пропаганду политики национального примирения и каковы результаты?

В целом результаты были хорошие. Конечно, одни заставы были получше обустроены, посильнее, в том числе духом, другие — послабее. На направлении Кушка — Герат — Кандагар особенно запомнилась застава номер 7. Она стояла на кургане, на северной окраине Герата. Начальником заставы был среднего роста, крепко сложенный капитан. Представляясь, назвал свои звание, фамилию, а затем, подумав, добавил: «Николай Павлович». Так мы его и величали. Он был не только настоящим командиром и в хорошем смысле — хозяином заставы, но и хозяином положения всей местности вокруг в радиусе 15–20 километров. В его распоряжении были три боевых машины пехоты с 20-мм автоматическими пушками (командир частенько направлял их с десантом для оказания помощи попавшим в беду), два бронетранспортера с крупнокалиберными пулеметами, два танка в окопе (один сектором стрельбы на север, второй — на юг), три крупнокалиберных пулемета, установленные на позициях, и четыре снайпера. Но самое главное — у него была артиллерийская батарея 122-мм гаубиц с неограниченным количеством снарядов. Поэтому Николай Павлович по первой же просьбе афганских друзей, которые имели с ним связь, и, разумеется, по командам нашего руководства нещадно «гвоздил» душманов из орудий. Но надо сказать, что и заставе доставалось от мятежников капитально. Она фактически постоянно обстреливалась реактивными снарядами и минометами. Весь курган был изрыт воронками. Следы разрыва снарядов имелись и в расположении заставы. Несмотря на добротную защиту, личный состав нес потери. Противник хотел «выжить» заставу. Но нам оставлять эту высоту было нельзя — она доминировала над местностью на десятки километров вокруг.

На магистрали Термез — перевал Саланг — Кабул особо запомнилась застава на Южном Саланге. Там и начальник заставы чем-то напоминал Николая Павловича с Герата. Когда он представился, я спросил:

— А как ваше имя и отчество?

Капитан Истомин удивленно посмотрел на меня, потом на других и неуверенно, почему-то запинаясь, ответил:

— Николай… (я подумал — «неужели Павлович?») Иванович.

Все вокруг заулыбались, и я тоже. Капитан был вообще озадачен. Тогда я рассказал ему историю с заставой номер7 у Герата, и он успокоился. Капитан оказался разговорчивым, но очень конкретным. Он доложил, что главной задачей заставы является охрана участка магистрали от галереи, которая является продолжением тоннеля до заставы и далее вниз, до скалистого выступа. Это почти три километра. Он сожалел, что не имел зрительной связи с соседней нашей заставой, которая была за выступом. Не менее важной задачей заставы был контроль за ущельем, которое начиналось у заставы и тянулось на северо-восток, в сторону Панджшера. По этому, а также по другому ущелью, вдоль которого проходила магистраль (т. е. с противоположной стороны), «духи» обычно подкрадывались и нападали и на колонны, и на заставу одновременно. Опасность для заставы представляла и идущая вверх скала, которая заканчивалась нависающей шишкой. И несмотря на то что этот район минировался постоянно вертолетами, моджахеды скатывали вниз на заставу камни, гранаты, мины, снаряды. В общем, создавались очень сложные ситуации, но поскольку ей выпала судьба быть на ключевом месте, она должна была держаться. К сожалению, ни одного «живого» кишлака поблизости не было.

Далее мы посмотрели заставы на магистрали Кабул — Джелалабад. Крупные стояли только при входе в горный массив и при выходе из него, а также на гидроэлектростанциях (по 40–60 человек). Остальные были укомплектованы взводами (20–25 воинов). Заставы в основном были оборудованы нормально. Вокруг каждой была выложенная из камня крепостная стена — высокая и мощная. Характерно, что это делалось в основном руками офицеров и солдат. Некоторый строительный материал типа цемента им завозили из Кабула, а остальное отыскивалось на месте.

Мы беседовали с одним из командиров. Лейтенант представился, а на мой вопрос — как величать по имени и отчеству — ответил коротко: «Сергей». Высокий, голубоглазый, с открытым русским курносым лицом. В его фигуре, манере

говорить и действовать было еще что-то мальчишеское. Но жизнь на войне максимально ускоряет созревание человека. Лейтенант, с упоением рассказав, как они переустраивали свою заставу, делая из нее «крепость», а также подробно растолковав, как у него организована система огня, с удовольствием заметил: «Теперь мои солдаты говорят — в такой заставе воевать не страшно». И это, как все мы поняли, для него самое главное — солдаты не дрогнут в бою. А когда мы решили проверить на местности эффективность огня заставы, то сам лейтенант стрельбой из крупнокалиберного пулемета показал трассирующими пулями, как у него пристреляны местностные предметы и рубежи.

Застава стояла на бойком месте. Она контролировала не только значительный участок магистрали Кабул — Джелалабад, но и развилку — от этой магистрали уходила дорога к водохранилищу и гидроэлектростанции Сароби. А с противоположной стороны по ущелью шли кишлаки. Мы поинтересовались, как застава поддерживает связь с населением. Оказалось, самым теснейшим образом, как и везде. Лейтенант даже похвалился, что иногда он сам вместе с двумя-тремя солдатами ходил в ближайший кишлак. Это уже был явный перебор. Мы пожурили его и предупредили, чтобы больше этого не делал. Но не потому, что общение с местным населением запрещалось, а потому, что моджахеды могли его выследить, устроить засаду и захватить в плен. Думаю, это наставление возымело действие.

Наша группа посетила также заставы, которые охраняли особо важные (можно сказать, первостепенной важности) объекты — гидроэлектростанции в Сароби и Наглу. Это ультрасовременные сооружения, от которых зависело пульсирование жизни такого города, как Кабул. И они, конечно, были в центре внимания мятежников, как объекты, подлежащие поражению и выводу из строя (но не уничтожению). Тем более что подступы и вся окружающая местность способствовали совершению этих актов. Но надо отметить, что выделенные для их охраны подразделения, начиная с начальников застав, были отменно подготовлены и весьма достойны столь ответственной задачи.

Мы очень внимательно осмотрели эти уникальные станции, всесторонне разобрали существующую систему обороны и безопасности, вплоть до процедуры троекратного обыска каждого, кто заходил на станцию, и взаимного наблюдения и контроля работников внутри. Осмотрели прилегающую местность, систему обороны, в том числе систему огня. Кое-что проверили практически, в частности действия резерва. Нашли узкие места.

Но самое главное — мы вовремя обнаружили, что эти две заставы, как и охрану линии электропередачи от ГЭС в Кабул, надо максимально усилить. Что, естественно, и было выполнено.

Мы сделали и другой вывод — воины, проходившие службу на заставах, и особенно на бойких участках, должны обязательно награждаться. Наше мнение полностью разделил командующий армией генерал Б. В. Громов. Еще бы! Тяжела даже жизнь и тем более боевая служба на заставе в Афганистане, а если учесть почти постоянные бои?!

Теперь — о проводке колонн. Как уже говорилось, контингент советских войск в Афганистане полностью обеспечивался Советским Союзом всем необходимым для его жизни, быта и боевой деятельности. Как в шутку говорили наши солдаты, только солнце, воздух и вода были афганские, а остальное — из нашего дома. Правда, обрабатывая воду для пищи и питья, наши санитарные службы сильно хлорировали ее. Концентрация хлора в воде была в два-три раза выше нормы, что, в свою очередь, тоже отрицательно сказывалось на нашем здоровье. Но иначе поступать было нельзя.

Сюда везли всё. Поэтому основные магистрали (Термез — Кабул; Кабул — Джелалабад и Кушка — Герат — Кандагар), на которых стояли наши заставы через 3–5—10 километров, были загружены максимально. Колонны шли одна за другой. Естественно, они привлекали внимание мятежников. Своими действиями душманы преследовали две цели: первая — нанести ущерб неверным, чего требовали их предводители; вторая — поживиться как следует, захватив муку, консервы, мясо, жиры, крупы, горючее, мыло, имущество. Откровенно говоря, для моджахедов, живущих вдоль основных магистралей, главной была вторая цель.

Исходя из этого, практически каждая колонна нуждалась в боевом обеспечении, т. е. в ее проводке по маршруту. Отправляясь в путь, весь личный состав — и тот, кто вез груз, и тот, кто охранял эти машины, — знал, что он идет в бой. Поэтому к бою готовились все, в том числе водители каждого автомобиля (а их было, как правило, по два в машине). Последним выдавались бронежилеты, автоматы и большие запасы боеприпасов. Как правило, вместе с охраняемым подразделением они проходили тренировку тактико-строевым методом (т. е. по элементам), учились отражать нападение: с головы колонны, справа, слева, с хвоста, с головы и с хвоста одновременно. Случалось, приходилось отбиваться от «духов» одновременно со всех сторон, в том числе сверху.

Каждая колонна обычно имела охранение на БТРах — в

голове, в середине и в хвосте. Если колонна была большая, то в середине были и по два ядра БТРов. Если небольшая, то охранение ставилось впереди и сзади. В случае нападения бой сразу же принимал самый напряженный, динамичный и бескомпромиссный характер. Руководитель колонны управлял боем, а помощники сообщали расположенным вблизи заставам, а также в Центр боевого управления армии о том, что колонна вступила в бой и ей требуется поддержка. Назывались координаты. Все решалось в течение 15–20 минут, максимум в полчаса. Изредка, но бывало, что бой затягивался на несколько часов, а то и на сутки-двое. Так происходило, когда подходила большая банда и нападала на колонну в неблагоприятных для себя условиях. Тогда бой развивался на равных. Наши привлекали авиацию, подтягивали, если ее не было поблизости, артиллерию, общевойсковой резерв на боевых машинах пехоты (БМП) и БТРах и выбивали банду. В итоге мятежники, понеся большие потери, уходили, унося убитых и раненых, и долгое время на этом участке не показывались. Но и у нас были при этом значительные потери. А что касается колонны автомобилей и соответственно того имущества, которое она привозила, то, как правило, от всего этого оставались рожки да ножки — все сгорало.

А вот в скоротечных схватках все было на грани: или — или. Или моджахеды, сразу получив по зубам, быстро рокировались и уходили в ближайшее ущелье. Или же, оглушив внезапным нападением и захватив сразу инициативу в свои руки, они, ведя из всех видов оружия огонь, временно подавляли наше сопротивление. Мятежники в этом случае успевали развернуть несколько машин с магистрали на полевую дорогу и угнать их вместе с имуществом в свое расположение, заминировав то, что невозможно было увезти. Во втором случае их все-таки отыскивали вертолетами и наносили по ним удары.

Надо сказать, что и наши войска нередко устраивали засады. Обычно они прибегали к этому способу действий, если получали достоверные данные о том, что моджахеды постоянно пользуются определенным маршрутом для выхода на объекты, или же когда имелись неопровержимые сведения о том, что в такое-то время такой-то объект будет захватываться мятежниками. Тогда в качестве акции противодействия готовилась засада, а иногда и несколько. Все делалось очень тщательно, так как у душманов был «нюх», как у зверя. Стоило только где-то допустить какой-либо промах (например, произошла утечка о наших действиях, или мирные жители заметили наш выход в какой-нибудь район и т. п.), как противник от своих намерений отказывался и в этом районе не появлялся. Операция фактически срывалась.

Несколько слов — о перехвате караванов и банд (или отрядов) мятежников, которые перебрасывались из Пакистана и Ирана на территорию Афганистана. Кстати, хочу пояснить читателю, почему я пишу — «банд мятежников». Дело в том, что формированиям, которые создавались в центрах подготовки в основном на территории Пакистана и частично на территории Ирана и засылались в Афганистан, ставилась задача не только вести боевые действия против правительственных войск, государственных органов ДРА и советских войск, но и вести карательные действия в отношении мирного населения, относившегося к власти лояльно. Мирным жителям доставалось больше всех — их грабили, убивали, вынуждали покидать Афганистан и уходить в Пакистан и Иран. Это был откровенный бандитизм.

Правда, отряды Ахмад Шаха этим не занимались, как и отряды некоторых других главарей, например, в районе Герата — Шиндада. Конечно, я не могу назвать их бандами. Это были отряды непримиримых. Они выступали против правительственных войск (естественно, и против наших), но не столько нападали, сколько большей частью защищали свои кишлаки, не допуская туда солдат.

Одной из важнейших наших задач был перехват караванов, доставлявших в Афганистан оружие, боеприпасы, взрывчатку, радиостанции, полевые телефонные аппараты, продовольствие для моджахедов и т. д. Фактически этим полностью занимались две бригады специального назначения. Одна из них находилась в Джелалабаде и прикрывала восточное направление по линии Асадабад — Джелалабад и исключительно Парачинарский выступ. Вторая располагалась в Лошкаргахе и прикрывала линию Фарах — Лошкаргах — Кандагар.

Кроме того, к этим задачам в значительной степени привлекались 66-я отдельная мотострелковая бригада (Джелалабад), 70-я отдельная мотострелковая бригада (Кандагар), 56-я десантно-штурмовая бригада (Гардез), 191-й и 860-й отдельные мотострелковые полки (соответственно Газни и Файзабад). В определенных случаях привлекались силы мотострелковых и воздушно-десантной дивизий. Естественно, в полной мере были задействованы авиация и артиллерия.

Перехват проводился днем и ночью. Днем шли караваны, груженные, как правило, продовольствием и другим, камуфлированным под гражданское, имуществом. Ночью караваны провозили вооружение, боеприпасы. Ночью переходили границу и банды. Все эти караваны и банды были на особом «прицеле» нашей разведки. Дневные караваны обнаруживались

нашими патрулирующими вертолетами со специальным десантом и соответственно досматривались. Делалось это так.

Обнаружив караван, вертолеты делали над ним один-два круга на небольшой высоте, и если охрана каравана не стреляла, то один из трех вертолетов (если позволяла местность) садился перед головой каравана так, чтобы все оружие вертолета было направлено на караван. Десант в 10–12 человек делился на две группы, одна из них становилась справа, вторая — слева от вертолета (в цепи и в полной готовности двинуться к каравану), не закрывая для него сектор обстрела. Второй вертолет садился в ста метрах (плюс-минус 50 метров — в зависимости от местности и величины каравана) от середины каравана, но сбоку. Вертолет тоже был развернут лицевой стороной к каравану, чтобы можно было применить его вооружение. Десант выскакивал и, развернувшись в цепь, занимал равномерно справа и слева от вертолета позицию для стрельбы лежа, внимательно наблюдая за действиями мятежников и нашего десанта с первого вертолета. Третий вертолет во время досмотра каравана барражировал в воздухе, наблюдая за всей картиной и передавая все на центральный командный пункт. Он тоже был в полной боевой готовности и мог при необходимости вступить в бой.

Если же с появлением наших вертолетов охрана каравана открывала стрельбу, то вертолеты шли в атаку. Они простреливали караван вдоль и поперек до тех пор, пока не прекращалось сопротивление. Затем действовали так, как было изложено выше, и проводился досмотр. Одновременно просили командный пункт прислать охраняемый транспорт для доставки «груза», а также пленных (если они были) на ближайшую нашу базу. Раненым, естественно, оказывалась медицинская помощь. Но если караван был небольшим и во время штурмовых действий наших вертолетов его охрана разбегалась или была перебита, а сам груз не представлял особой ценности, то все собиралось в один костер и уничтожалось. Оставшихся в живых животных (ослов, верблюдов, лошадей) бросали, их обычно подбирали местные жители для своих мирных целей, а то и мятежники.

Что касается перехвата караванов наземными средствами, то это была фактически целая небольшая операция.

Допустим, наша агентурная разведка донесла, что такого-то числа в таком-то месте следует ожидать переход госграницы караваном в таком-то составе. Далее сообщались сведения о самом грузе (перечислялись виды оружия, боеприпасов) и, возможно, о нескольких переносных комплексах ПВО «Стингер». Такое предположение делалось в зависимости от того, удвоено или утроено охранение каравана (назывались цифры). Часто

сообщался и маршрут возможного движения каравана, конечный пункт прибытия и принадлежность груза (т. е. какой из оппозиционных партий доставляется это имущество).

В соответствии с этим принималось решение о выделении соответствующих сил и средств для перехвата каравана. Если каравану придавалось особое значение, то готовился перехват на двух рубежах: основной — недалеко от госграницы и второй — в глубине, но не ближе нескольких десятков километров от пункта назначения каравана, чтобы базовый район не мог быстро отреагировать на бой во время перехвата.

Выделенные силы и средства делились на группу (эшелон) захвата, группу (эшелон) огневой поддержки, резервную группу и группу обеспечения. При необходимости выделялась группа имитации ложных действий. Все это проходило необходимую подготовку (тренировку) как в действиях, так и в управлении особенно. Если позволяла обстановка, то тренировка проводилась на местности, приближенной к той, где придется действовать в действительности.

Едва караван появлялся на перевалочной базе и находился в трех-пяти километрах от госграницы, как наши формирования занимали исходные позиции. Иной раз они уже накануне выходили в район «подскока», располагавшийся в 20–30 километрах от района действий.

Ночью, накануне боя, а иногда и в эту же ночь, когда предстоял бой, группа захвата, оставив свою технику далеко от предстоящих боевых действий (а иногда и тихо, как черная пантера), подкрадывалась к месту нанесения удара, занимала своими силами и средствами предусмотренный (и оттренированный) ранее боевой порядок и, притаившись, ждала неприятеля. Так зверь, заняв удобную позицию и сгруппировавшись для прыжка, выжидает удобное время, чтобы напасть на свою жертву.

Вместе с командиром этой группы, как правило, находились авианаводчики и офицеры-артиллеристы с подготовленными на карте огнями и со средствами связи. Группа огневой поддержки не только сама имела достаточные огневые средства (танки, БМП, ЗПУ-4, орудия, минометы), но была связана с дежурными крупнокалиберными и дальнобойными средствами (в том числе с реактивными установками «Град», «Ураган», «Смерч» — реактивными снарядами большой мощности).

Резервная группа была готова на БМП, БТРах и танках немедленно включиться в бой по сигналу командира, командно-наблюдательный пункт которого располагался вместе с группой захвата.

Очень важно отметить, что у всех воинов имелись приборы ночного видения. Эта мощная аппаратура способна обеспечить наблюдение на дальность до полутора километров. А индивидуальные средства (бинокли, прицел ит.п.) — в пределах 300–500 метров, при этом видимость была отличная.

Операция засылки каравана тщательно готовилась. Предстоящий маршрут тщательно изучался. Его сопровождали опытные проводники, заранее определялись места особой опасности, а также места дневок, поскольку караван с оружием шел, как правило, ночью, днем же, укрывшись в зарослях или пещерах от «глаз» авиации, он отдыхал. За маршрутом постоянно наблюдали местные жители и сообщали ему об обстановке. При необходимости моджахеды на некоторых участках заранее выставляли охранения.

Как только караван пересекал госграницу, об этом нам сразу же становилось известно. Правда, некоторые могли проскользнуть незамеченными, но большинство из них нам удавалось обнаружить. Впереди шла разведка, затем охранение, далее охрана непосредственно каравана, в середине каравана, как и в хвосте, тоже могли быть группы охранения. Все они связывались друг с другом по рации. Кстати, разведка могла выдвигаться и на ослах, и на лошадях. По ходу движения они сворачивали на отходящие тропы и, осмотрев местность, продолжали движение. Разведчики моджахедов тоже были оснащены биноклями ночного видения. Иногда в составе разведки имелись мотоциклисты. Включив полусвет, они, словно челноки, уезжали вперед на пять-семь километров и возвращались обратно, к ядру каравана, который двигался все-таки на животных. Бывали случаи, когда караваны состояли из грузовых автомобилей или пикапов. В основном они встречались в пустыне (на юге-востоке и юге Афганистана). И, как правило, старались на максимальной скорости проскочить свой маршрут.

Конечно, разведку никто не трогал, как бы она ни действовала, не трогали и головное охранение. Но когда караван своей серединой уже втягивался в зону действий нашей засады, вот тут-то немедленно открывался ураганный огонь из всех видов оружия, сосредоточиваясь в основном на охранении и на всех, кто был с оружием. Местность максимально освещалась, хотя и не всегда осветительными ракетами.

Одновременно резервная группа на БМП и БТРах подтягивалась максимально ближе к месту боя.

Бой обычно длится всего лишь несколько минут. Но когда охрана, бросая караван, начинала отходить в сторону, противоположную от нашей группы захвата, то дело могло и

затянуться. В этом случае вызывался огонь артиллерии или даже вертолеты или самолеты. Дело в том, что охрану надо было обязательно перебить или захватить в плен. В крайнем случае надежно рассеять, чтобы у нее не было желания собраться с силами и отбить караван (они же знали, что их ждет в Пакистане, если этого не сделают).

Перехват караванов был важнейшим способом пресечь приток оружия, боеприпасов, военного имущества. Учитывая, что действия носили скоротечный характер, а главное время уходило на подготовку, офицеры нашей оперативной группы Министерства обороны частенько напрашивались принять участие в таком виде боя (как, кстати, и в других). Я их чувства отлично понимал: одно дело наблюдать за боем со стороны, а другое — лично испытать все это, как говорится, «на своей шкуре». После этого и планирование боевых действий всегда будет носить более осмысленный характер.

И вот однажды, когда я находился не на выезде, а в Кабуле, ко мне зашел мой помощник полковник Заломин и сказал, что хотел бы поучаствовать в боевых действиях по перехвату каравана. После небольших объяснений я вынужден был согласиться, тем более что он уже, оказывается, предварительно договорился с командиром 1-й бригады спецназа. Но и это еще не все. Через некоторое время Заломин опять приходит ко мне, приводит журналиста Артема Боровика, которому я уже до этого отказал в участии в боевых действиях по перехвату каравана. Но А. Боровик не дремал — подговорил моих офицеров, и вот Заломин заявляет:

— Разрешите и ему со мной на перехват каравана?

— Вы думаете, о чем вы просите? Это же не к теще на блины. Тем более корреспондент. Ну, как он там себя будет вести? Там же надо стрелять, там могут убить! Нет, нет. Это исключено.

— Валентин Иванович, — включился Артем, — я вас еще и еще раз очень прошу, разрешите. Ведь очень многие из нашей пишущей братии бывали уже в боях. Сейчас вот представилась такая возможность…

— Но поймите, это не обычные боевые действия. Все связано с исключительными и большими физическими и психологическими нагрузками, огромный риск, там много неожиданностей, там надо мастерски владеть оружием.

— Я физически подготовлен, стрелять умею, не дрогну, — продолжал уговаривать меня А. Боровик.

Короче говоря, они меня все-таки уговорили. Точнее, я согласился под давлением воспоминаний о том, что многие корреспонденты, публицисты, писатели, находившиеся в

Афганистане, постоянно просачивались на войну, т. е. туда, где шли бои. Делали они это незаметно и очень рискованно.

Взять, к примеру, Александра Андреевича Проханова. Он вроде родился для того, чтобы всегда быть там, где тяжело человеку, и помогать ему духовно. Это и в боях в Афганистане, это и январь 1990 года в Азербайджане (Гянжа, Баку, Карабах), это и Прибалтика и другие «горячие» точки СССР, а затем война в Приднестровье, война в Чечне — и везде он. События августа 1991 года — меня арестовали, а он уже у меня в семье: горе-то какое, надо успокоить близких. Но на это надо иметь мужество (далеко не все генералы позвонили и тем более пришли, как и лидеры КПРФ). Где он только не бывал! В какие переплеты только не попадал! Но Бог миловал — остался жив. А сколько он написал, а сколько еще напишет об Афганистане, о Чечне, о наших воинах!

Наверное, было бы несправедливо, если бы я наложил вето на просьбу А. Боровика.

Позвонил командиру бригады полковнику Старикову. Тот подтвердил, что у них на этой неделе спланировано два перехвата: один в Кунарском ущелье (севернее Джелалабада) и второй — ближе к Парачинарскому выступу. «Вот на второй можно было бы подключить Замолина и Боровика», — заключил комбриг. Оказывается, он уже был в курсе всех вопросов. Коль все и так уже оговорено, я дал добро. И им действительно повезло. Во-первых, караван перехватили, очень удачно — всего лишь два наших воина были ранены. Во-вторых, побывали в настоящем бою. В-третьих, и это главное — остались живы.

Однако бывали в нашей жизни и печальные моменты. Случай, о котором пойдет речь ниже, бесспорно, навсегда остался в памяти всех, кто о нем знал. Это был не перехват каравана и не засада, но родственные по характеру боевые действия, которые назывались «налет».

Налет обычно применялся как способ боевых действий в целях оперативной (в короткие сроки) реализации разведывательных данных по уничтожению небольших банд, пунктов управления, исламских комитетов, складов и других объектов мятежников. Налет применяется также с целью захвата главарей банд, руководителей оппозиции, документов и особо важных видов оружия (пусковых установок и ракет ПВО «Стингер»).

Успешное проведение налета обеспечивалось: наличием точных разведывательных данных об объекте налета; быстротой и скрытностью выдвижения; внезапностью совершения налета; решительностью и стремительностью действий личного состава;

четким взаимодействием всех задействованных сил и средств; быстрым выходом в район боевых действий резервных сил для оказания помощи (если это требуется). Но самым главным было то, чтобы подразделение, проводящее налет, само не попало в капкан засады противника. А для этого надо было все господствующие в районе предстоящих действий высоты и другие местные предметы скрытно захватить нашим охранением. Наконец, должна быть гарантированная связь и управление в целом.

В зависимости от характера цели и условий выполнения задачи для проведения налета обычно привлекалось подразделение силою взвода или роты. Для боевых действий создавались: группа захвата, группа огневого поражения и прикрытия и бронегруппа.

Группа захвата могла состоять из пяти — десяти человек и более. Она действовала обычно с одного-двух направлений. В нее назначались физически развитые и решительные солдаты и сержанты, хорошо владеющие оружием и приемами рукопашного боя. Командир взвода (роты), как правило, находился с группой захвата.

Группы огневого поражения (прикрытия) располагались на позиции так, чтобы огнем стрелкового оружия эффективно поражать противника, надежно обеспечивая действия группы захвата.

Бронегруппа оставалась в районе спешивания и была готова быстро выдвинуться и поддержать огнем действия подразделений.

При совершении налетов возможными были два варианта действий. Если группа захвата не обнаруживалась мятежниками, она стремительно выдвигалась как можно ближе к объекту атаки с нескольких направлений. Назначенные командиром солдаты и сержанты скрытно приближались к объекту и снимали часового, после чего группа, по возможности бесшумно, уничтожала противника ножами или огнем стрелкового оружия, захватывала пленных и документы. Произведя налет, все группы по команде командира отходили в заранее намеченный район сбора, где быстро садились на БТР и убывали в свой район (пункт дислокации).

Если не удавалось незаметно приблизиться к противнику, следовало открыть огонь по часовым и объектам налета и, используя складки местности, захватить выгодные рубежи в непосредственной близости от расположения мятежников. После этого огонь переносился в глубину и на фланги с целью недопущения отхода мятежников.

Группа захвата забрасывала объект гранатами, огнем стрелкового оружия и в рукопашном бою уничтожала оставшегося противника, захватив пленных, оружие и документы.

После боя группа захвата, а за ней и группы прикрытия отходили к своим БТРам и следовали на них в назначенный район. Во избежание подрыва на минах, установленных противником на прежней трассе, отход осуществлялся по новому маршруту.

Разумеется, случались и отступления от этих канонов, а отсюда и тяжелые последствия. Но хочу подчеркнуть, что всегда все зависело от степени обученности и натренированности личного состава, его умения выполнять действия в экстремальных условиях и, что особо важно, от твердого и непрерывного управления личным составом со стороны командира, его воли, энергии и смекалки.

Теперь о трагическом случае, который имел место в апреле 1985 года. Я возвращался из поездки в Москву — вызывали буквально на один день, чтобы я на заседании комиссии Политбюро по Афганистану доложил вместе с начальником Пограничных войск СССР генералом армии В. А. Матросовым о ходе создания пограничных войск в Вооруженных Силах Афганистана и состоянии дел с прикрытием афганской госграницы с Пакистаном и Ираном. Отчитавшись и показав политическому руководству, что здесь еще много вопросов и что, даже решив эту задачу, мы не решим афганской проблемы в целом, я сделал акцент на том, что нам надо, наконец, развязать этот узел политическим путем. Мое заключение не вызвало энтузиазма ни у кого из присутствующих. И вообще заседание прошло как-то мрачно.

Я спросил у Сергея Федоровича Ахромеева: «Что происходит?» Он нехотя, коротко ответил: «Да есть тут внутренние обстоятельства…» Потом, подумав, добавил: «Вам надо ехать обратно». Я ответил: «Завтра в пять утра вылетаю в Кабул. Сегодня же как прилетел, весь день протолкался в Генштабе, МИДе и ЦК. Домой еще даже не заглянул». Сергей Федорович изменений в мое решение не внес, но и не высказал одобрения. Видно было, что он получил от министра обороны указание отправить меня обратно уже сегодня. Вероятно, «молодой» министр (шел только третий месяц, как его назначили) хотел, чтобы Афганистан ни на час не оставался без присмотра. Хотя в его бытность не только он сам, но и большая часть оперативной группы через каждые два-три месяца выезжала в Москву на один-два месяца, а иногда и на более длительный период.

Но ничего не поделаешь — пришлось тут же отправиться обратно. Я летел и все думал, что же можно предпринять, чтобы коренным образом изменить положение с Афганистаном и с пребыванием наших войск. Набрасывал себе в тетрадь варианты. Тут зашел полковник Заломин (он тоже, как и некоторые другие офицеры, летал со мной в Москву) и доложил, что звонит генерал-лейтенант Гришин (он оставался за меня в Оперативной группе) и просит к телефону — есть важное сообщение. Соединяюсь. Гришин очень взволнованно докладывает, что неподалеку от Асадабада рота спецназа попала в засаду и вся погибла. Сейчас принимаются меры по эвакуации трупов. У меня внутри все застыло. Совершенно не представляя, как, находясь в самолете и не зная точно обстановки, можно повлиять на ход событий, я ограничился распоряжением готовить два вертолета, небольшую группу офицеров и десантников. Вертолеты и все воины должны иметь полный комплект боеприпасов. Гришин ответил, что предвидел такое решение, поэтому все уже готово. До нашего прилета оставался час. Я провел его в тяжелых думах.

Еще до отлета в Афганистан в качестве руководителя представительства Министерства обороны СССР в этой стране (или иначе — начальника Оперативной группы МО СССР в ДРА) в декабре 1984 года, сразу после смерти Д.Ф.Устинова и назначения на пост министра обороны С. Л. Соколова, у нас был обстоятельный разговор с Сергеем Федоровичем Ахромеевым. Он сказал, что министр обороны очень занят(?!) и поручил ему поговорить со мной по афганским делам, чтобы я имел конкретную ориентацию о нашей линии в этой стране и соответствующих действиях. Я совершенно спокойно отнесся к сообщению, что министр «занят», хотя и понимал, что это сказано умышленно, дабы тем самым подчеркнуть личное отношение ко мне Соколова. Выглядело это смешно: Афганистан для нашей страны (тем более для Вооруженных Сил) был проблемой номер один, а у министра обороны нет времени поговорить с офицером, который туда едет старшим от Министерства обороны! В конце концов, Варенников туда ехал вместо Соколова, а Соколову почему-то Варенникову нечего сказать. Странно очень.

Сергей Федорович Ахромеев тем временем начал подробно разбирать ситуацию в Афганистане на каждом направлении. «Лазили» мы с ним по карте часа два. Естественно, он обращал внимание на особенности. Вот тогда-то он мне и сказал об Асадабаде. В то время стояла там пехотная дивизия правительственных войск, которая совершенно не была способна даже защитить себя. Выше нее по Кунарскому ущелью, в Барикоте (километрах в 70 от Асадабада), стоял один пехотный полк с

артиллерийским дивизионом. И еще один пехотный батальон стоял на реке Кунар в Осмаре (это между Асадабадом и Барикотом). Чтобы поддержать дух этой дивизии и в какой-то степени перекрыть поток душманских караванов на этом направлении, было принято решение посадить один батальон нашей 1-й бригады спецназа в Асадабаде. И этот батальон действительно сыграл решающую роль в стабилизации обстановки. Но он, как и пехотная дивизия, существовал словно на острове. К нему по дороге Джелалабад — Асадабад можно было прорваться только с боями. Возили все туда вертолетами, но для этого тоже надо было подготовить и провести целую операцию, чтобы подавить огневые средства душманов. И лишь раз в год проводили операцию с целью проводки колонны машин с запасами для дивизии, нашего батальона, а заодно кое-что везли и населению. Хотя торговцы туда просачивались даже в этих сложных и далеко не безопасных условиях.

Рассказывая об этом направлении, Сергей Федорович подчеркнул, что у не го «руки не дошли» все сделать в интересах этого гарнизона (и это вполне понятно — в Афганистане сотни проблем), поэтому я должен был полностью развязать этот узел и не откладывать «на потом». И вот сейчас там такое тяжелое происшествие. А я, к сожалению, еще там даже не успел побывать…

На аэродроме в Кабуле меня встретили мои товарищи, рассказали в общих чертах, что и как произошло. Мы пересели в вертолеты и полетели. Но не прямо в Асадабад, а сначала в Джелалабад, где базировалась наша отдельная вертолетная эскадрилья, пересели на другую пару и лишь потом полетели в Асадабад. Дело в том, что летчики этой эскадрильи имели большой опыт полета по Кунарскому ущелью и были отлично осведомлены, где какие средства ПВО у душманов, и знали особенности захода на посадку и самой посадки на площадке в Асадабаде.

В Джелалабаде, делая, как обычно, винтообразные круги над аэродромом, наши вертолеты набрали высоту три с половиной тысяч метров и, став на курс, двинулись на север. Внизу все было покрыто зеленью и водой. Рисовые чеки, различные плантации, кое-где луга, много камыша. Наконец, «вошли» в Кунарское ущелье. Летели строго над рекой, не очень широкой, но бурлящей и полноводной, с множеством порогов. Чем дальше мы продвигались на север, тем выше становились горы и скалы, особенно по правую восточную сторону. Знаменитый Гиндукуш! А река Кунар брала свое начало где-то в памирских ледниках.

Скалы и вершины гор были значительно выше нашего

эшелона полета, поэтому возникало впечатление, будто полет проходит в каменном коридоре. Душманы все время постреливали. Но, видно, это для нас опасности не представляло, так как экипажи на это не реагировали. Второй вертолет летел за нами в пятистах метрах.

В отличие от взлета на аэродромах, где нами создана охранная зона и там мы над охранной зоной винтом набирали высоту, здесь, в Асадабаде, посадка проводилась весьма оригинально. Приблизительно за километр до нашей площадки вертолеты стали резко «оседать», быстро снижаясь. Один из моих товарищей забеспокоился и спросил, не обращаясь ни к кому конкретно: «Что происходит?» А борт-техник спокойно, коротко ответил: «Посадка».

Площадка оказалась рядом с бараками, где размещался наш батальон спецназа. Здесь уже находился командир бригады. Он прибыл еще утром и успел разобраться детально в обстановке. Вначале я предложил пролететь на место трагедии, но комбриг сказал, что все охранение в том районе уже снято, всех погибших собрали и везут на БМП в Асадабад. И добавил:

— Оказалось, что из двадцати девяти человек один все-таки чудом остался жив. Мы его привезли. Это сержант Владимир Турчин. Можно с ним поговорить, но он в очень тяжелом психическом состоянии.

— Где он сейчас?

— Рядом в бараке.

— Он что-нибудь рассказал?

— Да. Он многое рассказал, и, сопоставляя все на местности, я приблизительно набросал картину, которая разыгралась в Мароварском ущелье.

— Так все-таки с ним встретиться или это не целесообразно?

— Я предлагаю прямо сейчас повидаться с ним, а уже в ходе контакта будет видно.

Меня проводили в соседний барак. Буквально через минуту ко мне подвели из темноты помещения воина, одетого в черный или темно-синий хлопчатобумажный комбинезон (видно, его уже переодели). Я поздоровался — он ответил кивком головы. Он весь дрожал. Не просто немного подрагивал, нет, у него дрожало все — лицо, руки, ноги, туловище. Я взял его за плечо, и эта дрожь передалась и по руке мне. Было такое впечатление, что у него вибрационная болезнь. Даже если что-то говорил, то клацал зубами, поэтому старался отвечать на вопросы кивком головы (соглашался или отрицал). Бедняга не знал, что делать с руками, они очень дрожали.

Я понял, что серьезного разговора с ним не получится.

Посадил и, взяв его за плечи и стараясь успокоить, стал утешать его, говорить добрые слова, что все уже позади, что надо войти в форму. Но он продолжал дрожать. Глаза его выражали весь ужас пережитого. Он был психически тяжело травмирован.

Мы распрощались. Я вызвал врача и сказал, чтобы его немедленно, с первым вертолетом, отправили в наш Центральный госпиталь в Кабул. Затем, уединившись с комбригом и еще двумя офицерами, мы стали составлять хронику и описание всех действий, которые имели место. А произошло вот что.

За каждой ротой батальона спецназа была закреплена определенная зона, где она, то есть рота, выполняла свои боевые задачи: перехват караванов и переходящих границу банд; отыскание и захват складов с боеприпасами, оружием и т. д. У комбата и самостоятельно у ротных были свои осведомители и доброжелатели из местных жителей, которые за вознаграждение приносили определенные сведения. Как правило, эти сведения подтверждались. А там, где не подтверждались, осведомитель обычно объяснял это изменившимися обстоятельствами, которые от него не зависят.

У командира 2-й роты старшего лейтенанта Иванова тоже были осведомители. На днях один из них встретился с Ивановым в условленном месте и сообщил, что в Мароварском ущелье (оно было подконтрольно Иванову и шло от реки Кунар в районе Асадабада строго на восток к пакистанской границе), в первом из трех расположенных там кишлаков в следующую ночь состоится встреча крупных главарей. Разговор пойдет о захвате Асадабада и уничтожении в нем советского и афганского гарнизонов.

Командир роты немедленно доложил об этом командиру батальона. Они обсудили план действий. Решили, что рота с этой задачей справится самостоятельно. Но средства батальона, в частности, артиллерийская и минометная батарея, были готовы поддержать действия роты. Поскольку времени для подготовки было мало, командир роты ограничился инструктажем о плане и порядке действий. Определена группа захвата огневой поддержки и блокировки ущелья: четыре поста по три-четыре человека займут позиции на высотах справа и слева по ущелью (два при входе в ущелье, два — на уровне кишлака, который будет атаковаться); группа бронетехники и резерва остается на левом берегу после перехода через реку в районе брода (относительно Асадабада ниже по реке).

С наступлением темноты рота переехала на БМП через реку на левый берег, сосредоточилась в условленном месте и выслала вперед четыре поста. Когда два первых поста стали на своих высотах справа и слева у входа в ущелье — рота подтянулась к

ущелью и стала ждать доклада двух других. Около трех часов ночи эти посты доложили, что позиции заняты и что все вокруг тихо, но осмотром в бинокли ночного видения обнаружено у последнего дома кишлака небольшое движение (что конкретно разобрать было сложно).

Получив донесения от всех постов, что они заняли позиции и, следовательно, ущелье сблокировано, ротный с группой захвата двинулся вперед. Надо было пройти около трех километров. Приблизительно в 4.00 они были у первых домов. Осмотр помещений и дворов показал, что они брошены. Начали прочесывать все остальные, а последний дом окружили и ворвались, думая, что главари собрались именно здесь (тем более что посты отмечали какое-то движение). Однако нигде ни одной души и никаких признаков жизни. Уже рассветало. Вдруг кто-то обратил внимание ротного на дорогу, по которой вдалеке в дымке тумане маячила группа людей, уходящая на восток в сторону границы, но на пути было еще два кишлака.

Командир роты сделал вывод, что это именно те самые главари, которые должны быть схвачены. Принимается решение — преследовать.

Когда подошли к следующему кишлаку, уже совсем рассвело. Начали прочесывать дворы. Рота расползлась по селению. Вдруг справа и слева с высот начали бить сразу несколько крупнокалиберных пулеметов. Все солдаты и офицеры выскочили из дворов и домов и рассыпались вокруг кишлака, ища убежище где-то у подножия гор, откуда шла интенсивная стрельба. Это была роковая ошибка. Если бы рота укрылась в этих саманных домах и за толстыми дувалами, которые не пробиваются не только крупнокалиберными пулеметами, но и гранатометом, то личный состав мог бы вести бой и сутки, и больше, пока не подошла бы помощь.

В первые же минуты был убит командир роты и разбита радиостанция. Это внесло еще больший разлад в действия. Личный состав метался у подножия гор, где не было ни камней, ни кустика, которые бы укрыли от свинцового ливня. Большая часть людей была перебита, остальные ранены.

И тогда душманы спустились с гор. Их было десять — двенадцать человек. Они посовещались. Затем один забрался на крышу и стал вести наблюдение, двое ушли по дороге в соседний кишлак (он был в километре), а остальные начали обходить наших солдат. Раненых, набросив им на ступню ноги петлю из ремня, волоком подтаскивали ближе к кишлаку, а всем убитым делали контрольный выстрел в голову.

Приблизительно через час двое вернулись, но уже в

сопровождении девяти подростков в возрасте десяти — пятнадцати лет и трех больших собак — афганских овчарок. Предводители дали им определенное наставление, и те с визгом и криками бросились добивать наших раненых ножами, кинжалами и топориками. Собаки грызли наших солдат за горло, мальчишки отрубали им руки и ноги, отрезали носы, уши, распарывали животы, выкалывали глаза. А взрослые подбадривали их и одобрительно смеялись.

Через тридцать-сорок минут все закончилось. Собаки облизывались. Два подростка постарше отрубили две головы, нанизали их на кол, подняли, как знамя, и вся команда остервенелых палачей и садистов отправилась обратно в кишлак, прихватив с собой все оружие погибших.

А в это время сержант Турчин сидел в зарослях камыша по уши в воде. Здесь застал его первый обстрел. И он, инстинктивно ища защиту, а также наблюдая, что вокруг происходит, решил укрыться в камыше, в готовности вступить в бой вместе со всеми. Но бой не состоялся. Состоялся отстрел незащищенных наших воинов, а затем жуткая казнь недобитых.

В середине дня прибыла наша бронегруппа. К исходу дня — резерв батальона и комбат. А утром начали вывозить убитых и изуродованных.

Не так давно мне посчастливилось случайно повидаться с бывшим сержантом Турчиным. Так сложились обстоятельства, что я не смог поговорить с ним обстоятельно, о чем я очень сожалею. Но надеюсь еще встретиться с ним и прояснить некоторые детали.

А меня в то время и сейчас больше всего интересует — как и где похоронены погибшие, что сделано для оказания помощи их близким и родным? Думаю, отыщу каналы, чтобы до конца высветить трагедию Мароварского ущелья.

Тогда же, когда мы восстанавливали эту трагедию, я спросил у комбрига:

— Что еще конкретно сделано, кроме того что собрали и вывезли всех убитых и спасли сержанта?

— Будем отправлять всех погибших в Ташкент. Это подготовлено.

— Это ясно. А что еще предпринято, в частности, в отношении мятежников?

— Пока ничего.

Я прямо из Асадабада отдал распоряжение на Центр боевого управления армии о снаряжении боевых самолетов с задачей — сегодня полностью уничтожить кишлак, в котором укрылись душманы. И хотя он находился в километре от госграницы, я подтвердил свое решение и добавил, что буду находиться в

Асадабаде до тех пор, пока не увижу и не услышу действия нашей авиации.

Действительно, через три часа после поставленной задачи эскадрилья бомбардировщиков нанесла мощный удар по кишлаку и разнесла осиное гнездо в прах. А месяца через четыре офицер нашего разведывательного центра предложил мне встретиться и поговорить с одним афганцем-торговцем из Асадабада.

Встреча состоялась на нашей советской площадке Кабульского аэропорта, что, безусловно, произвело впечатление на собеседника. Беседа велась втроем — в роли переводчика выступал офицер разведцентра.

Разговор начался с того, что торговец сделал подробное представление о себе и своих близких. Зовут его Магомед, и он своим именем гордится. Отец его похоронен в Кабуле. А сейчас в столице проживает его дядя — родной брат отца. Как выяснилось, об этом он сказал неспроста, потому что сразу за этим сообщил, что на дочери его дяди женат министр энергетики ДРА Пактин (я его прекрасно знал) — знай, мол, с кем имеешь дело. Потом добавил, что его два брата тоже заняты, как и он, торговлей. Один — в столице Пакистана Исламабаде, второй — в Мазари-Шарифе.

Надо иметь в виду, что во время войны торговцы занимались куплей-продажей не только различных товаров, но и различной информации. Фактически обычно они для разведок являлись хорошим информационным каналом. Что интересно — изворотливые и весьма смышленые торговцы умудрялись одновременно работать на несколько разведок, причем работали «добросовестно» и без зазрения совести. Так было всегда и везде, а на Ближнем и Среднем Востоке в особенности.

Вот и мой новый знакомый, говоря обо всем этом, дал мне понять, что он для меня может представлять особую ценность. В свою очередь, и я в конце встречи прозрачно ему намекнул, что мы будем рады, если господин Магомед будет поддерживать дружеские связи с нашим офицером. Имелось в виду разведчиком.

В ходе беседы Магомед посетовал на войну, что она уносит его большие выручки. Не о гибели безвинных людей говорил, а сокрушался о своей выручке, хотя в любые времена на войне в самом выгодном положении всегда оказывались торговцы и мародеры, правда, после политиков, которые своей жизнью вообще не рисковали. Вот и мой собеседник в этой всеобщей громадной беде, где людей убивают, как баранов, где действительно в прямом смысле течет кровь, а в жару она на броне и на камнях не застывает так быстро, как в стужу, — в этом

тяжелом дыхании войны он не улавливал трагичной ноты, как не замечал и крови. Это его не интересовало. Он озабочен был лишь утраченной возможностью получить побольше денег.

Ну, ладно — то была война и перед нами делец, который до мозга костей проникся одной страстью — деньги! И она заслонила у него все. Но ведь сейчас у нас в России войны нет, и Чечня, пусть временно, но перестала взрываться, хотя и шевелится, как и весь Северный Кавказ. Войны в России нет, а людей убивают, и помногу. Войны нет, а людям привили нравы того торговца: одна дума — о деньгах. Правда, только часть общества полностью поглощена стремлением, как им урвать еще, переделить еще раз уже дважды в государственном масштабе переделенное народное имущество. А вторая часть думает, как выжить: товаропроизводитель — как бы не обанкротиться и чтобы его не проглотили «акулы»; рабочий, крестьянин, ученый, педагог, врач, воин и т. п. — как бы не умереть, найти источник поддержать свою семью; пенсионер и даже ветеран Великой Отечественной войны, доведенный до отчаяния, не знает, где раздобыть хотя бы минимум денег на лекарства, которые сегодня достигли бешеных цен. Да и продовольствие — тоже. До 2000 года ежедневно цены даже на самые необходимые для жизни человека продукты только прыгали вверх. В 1994 году они взлетели вместе со взлетом цены доллара по отношению к рублю почти в два раза, а после 17 августа 1998 года — в четыре, а кое-где и в пять раз. Но если доллар как-то сумели «охладить» и заставили его вернуться хоть и не в первоначальное положение, но сползти со своего «пика», то цены вслед за этим отнюдь не снизились. Они лишь слегка заморозились, а потом «тихо-мирно» вновь поползли вверх.

А самое главное — за эти десять лет появилось новое племя людей, подобных моему афганскому знакомцу, для которых выручка и деньги превыше всего.

Так совпало, что тогда, к моменту нашей встречи с Магомедом, мы в течение мая 1985 года провели мощную Кунарскую операцию. И мне было интересно услышать от этого торговца его впечатление об этой операции. Зная склонность афганцев к преувеличению, особенно когда они хотят сделать приятное собеседнику, я не очень-то доверял его рассказу, даже когда он «заводил» себя и впадал в состояние аффектации. Однако же старался извлечь из этого мини-спектакля рациональное зерно для себя.

Торговец сказал, что ни моджахеды, ни пакистанцы-военные, ни он и его друзья по торговле ничего подобного не только не видели, но и не могли себе даже представить, хотя сам он —

человек с большой фантазией. По его словам выходило, что «исламские комитеты», которые стояли над полевыми командирами, и сами полевые командиры — главари отрядов и их штабы — все, предназначенные для руководства моджахедами, в Кунарском ущелье были перебиты и в незначительных количествах сбежали в Пакистан. Были также уничтожены все склады с оружием и боеприпасами, причем не только непосредственно в Кунарском ущелье от Джелалабада до Барикота, но и в выходящих в него других малых ущельях, как, например, в ущелье Печдара.

Потом он подробно обрисовал картину по каждому району.

Я все больше и больше проникался к нему доверием, потому что он называл такие фамилии и приводил такие факты, которые действительно имели место. Он говорил, что особо эффективным, оказывается, было наше решение не обстреливать те кишлаки, куда местные жители не пускали банды мятежников. И на самом деле перед началом операции ко мне на командный пункт приходила группа старейшин из одного небольшого ущелья, где находилось четыре кишлака, с просьбой не обстреливать их. Я дал согласие, но в свою очередь сам поставил условие: в кишлаках не должно быть ни одного моджахеда и чтобы со стороны их кишлаков не было ни одного выстрела. Кроме того, в случае, если правительственным или советским войскам, совершая маневр, придется проходить по их ущелью и кишлакам, то не должно быть никаких столкновений. Они согласились и заверили, что все будет выполнено. Я попросил их, чтобы они такую же работу провели и с другими их соплеменниками и соседями. Они пообещали, правда, не очень уверенно. Что же касается кишлаков на восточном берегу Кунара (т. е. ближе к границе с Пакистаном), то, по их мнению, это было делать бесполезно.

Этот факт мирного отношения к местным жителям был воспринят афганцами весьма положительно. И торговец, рассказывая об этом, совершенно не привирал.

Закончив повествование обо всей Кунарской операции, он вдруг переключился на событие, произошедшее в Мароварском ущелье. Вначале он сказал, что в это время сам лично был в Асадабаде, где у него имеется два дукана (магазина), и что он только привез из Пакистана дополнительно товар.

— А как, где и на чем ты переехал госграницу? — спросил я.

Торговец удивленно посмотрел на меня, потом на офицера-переводчика и невозмутимо ответил:

— То есть как где? Там же, где и все, кто едет на машине, — по основной магистрали Исламабад — Джелалабад. У меня

большая крытая машина. Старенький «мерседес», но надежный. Уже служит много лет.

— Но ведь там пограничные посты с обеих сторон?! — воскликнул я. — Я же бывал там и сам все видел.

— Верно, посты есть. Если я еду из Исламабада, то вначале я проезжаю пакистанский пост, а затем афганский. Всегда так было, и так, надеюсь, и будет, слава Аллаху.

— И что же — совершенно беспрепятственно? — Я уже стал говорить с напряжением.

Заметив это, он спокойно ответил:

— Я не знаю, что вы имеете в виду, но те и другие пограничники проверяют у меня документы, затем я им плачу по сложившимся тарифам, они заглядывают в кузов, сверху, снизу — не везу ли я кого-нибудь, и затем я еду дальше. Правда, когда на пограничный пост приезжают какие-нибудь начальники, то мы поодаль выжидаем, когда они уедут. По маршруту меня обычно останавливают еще в двух-трех местах и отбирают немного продуктов или керосина. А так все нормально.

— Мы отвлеклись от главного. Давайте продолжим.

И Магомед подтвердил, что действительно на базаре в Асадабаде прошел слух, будто в одном из кишлаков должны были собраться главари отрядов моджахедов из ближайших районов и разработать под руководством исламского комитета план уничтожения воинских частей правительства и Советской Армии в Асадабаде. Однако слухи надо тщательно проверять. Они довольно часто подтверждаются, а иногда их распространяют специально, в расчете спровоцировать необдуманные действия. Так произошло и с Мароварским ущельем.

— Ваших туда заманили в засаду, а осведомитель, который работал на «шурави», исчез. Думаю, его убрали, т. е. убили моджахеды», — заметил торговец. А потом рассказал о возмездии, которое постигло организаторов провокации: — Ведь у нас все делается во имя Аллаха милостивого, милосердного. А он, Аллах, к убиению неверных не призывает. Сура 109-я Корана говорит: «У вас — ваша вера, и у меня — моя вера!» А 186-й параграф второй суры Корана говорит: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не переступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!» И хоть Аллах милостивый и прощающий, но здесь налицо преступление — моджахеды преступили закон: они сами спровоцировали ваших к выступлению, сами организовали им западню, сами их перестреляли, а раненых и беззащитных зверски добили. Это претит исламу. И когда прилетели самолеты и уничтожили их кишлак и тех, кто преступил, то люди восприняли это как

справедливое возмездие. Тем более что старики, женщины и маленькие дети были давно выведены на территорию Пакистана, т. е. они заранее готовили боевые действия.

Насколько эта информация была достоверна, судить было трудно. Не исключено, что торговец все это высказал, чтобы потрафить мне и закрепиться в моих глазах как ценный осведомитель. Но нельзя исключить, что многое соответствовало действительности, особенно по Кунарской операции.

Проведение операции в провинции Кунар, которая простирается вдоль границы с Пакистаном от Памира на юг до провинции Джелалабад, явилось крупным событием и в жизни афганского народа, и в деятельности их Вооруженных Сил, и в деятельности нашей 40-й армии. Эта операция заняла особое место в истории Афганистана не только по своему размаху и масштабу, не только по количеству привлеченных сил и средств с обеих сторон, но главным образом по методам и ее итогам. В результате этой операции можно было свободно ездить по дороге Джелалабад — Асадабад — Асмар и даже в район Барикота, хотя до этого в течение нескольких лет это было совершенно исключено (моджахеды пропускали только торговцев).

Но Кунарской операции предшествовали другие события.

По просьбе Б. Кармаля (а он это делал, обращаясь к маршалу С. Л. Соколову, который руководил Оперативной группой МО СССР в ДРА, или непосредственно в Москву — к руководству страны!) в течение 1984-го и в первой половине 1985 года по всей стране были проведены значительные меры военного характера, в результате которых, по его логике, можно было ожидать серьезных изменений к лучшему. Однако этого не случилось, а даже наоборот — противостояние усилилось.

В декабре 1984 года перед тем, как выезжать в Москву для доклада об организации работ по созданию погранвойск Афганистана, я побывал в 5-й мотострелковой дивизии, которая базировалась в основном районе Герата и Шинданда провинции Герат, но сфера ее оперативной ответственности фактически распространялась на все провинции ДРА, которые граничили с Ираном.

Дивизия проводила плановую операцию по разгрому базового района мятежников в горном районе Луркох провинции Фарах. Эта база имела исключительное для моджахедов значение на иранском направлении, тем более что здесь располагался один из центров подготовки душманов.

Командир дивизии генерал Г. П. Каспирович принадлежал к числу наиболее способных. Находясь фактически в отрыве от главных сил армии, он умело организовывал жизнь и боевую

деятельность своих частей, правильно взаимодействовал с правительственными войсками и государственными органами и держал постоянно на прицеле все бандформирования, расположенные в его зоне.

Вот и сейчас боевые действия по захвату базы мятежников в Луркохе Каспирович провел по законам военного искусства, проявив при этом немало творчества. Внезапными ночными ударами с разных направлений ему удалось захватить все основные высоты в этом горном массиве и обеспечить контроль над всей местностью, как на подступах к входу в ущелье, которое разрезало горы — скалы на две части (кстати, от основного ущелья в стороны отходили ущелья поменьше), так и над горами. Поэтому с утра под прикрытием артиллерийского огня удалось разминировать все подступы, а затем, подавив противника огнем артиллерии и ударами авиации, он ввел главные силы. Перебив всех сопротивляющихся и захватив пленных, Каспирович прекрасно выполнил поставленную задачу, причем с нашей стороны во всей операции погибло три человека: один был убит снайпером, второй подорвался на мине душманов, третий сорвался со скалы и разбился в ущелье во время ночных действий по захвату высот.

Тактика действий по овладению горными массивами и находящимися внутри них базами противника весьма поучительна. В том числе и способы овладения пещерами, которые как снаружи, по периметру всего горного массива, так и внутри ущелья были заполнены мятежниками и запасами оружия, боеприпасов, продовольствия. Интересно, что в пещерах находились не только зерно, мука, рис, жиры, консервы (говядина), соль, чай, сахар, но и уже готовые хлебные лепешки, которые иногда были сложены целыми горками и хранились месяцами, а некоторые даже годами, причем не портились. В некоторых семьях, отправляя сына на войну, мать пекла лепешку, делила ее на две равные части и одну отдавала сыну в поход, а вторую заворачивала и прятала до его возвращения в отчий дом. И когда сын возвращался с войны, мать доставала вторую половину лепешки, которая как бы сохраняла ему жизнь, и сынок съедал ее.

База мятежников в Луркохе была весьма необычна. Вначале нам попадались клочки обработанной земли, где выращивалось все — от овощей до пшеницы. Затем шли учебные поля, где проводились занятия по огневой подготовке (стреляли из всех видов стрелкового оружия до гранатометов включительно), по тактике, саперному делу (установка и снятие противопехотных и противотанковых мин, фугасов, зарядов). Далее шла тюрьма. Она

представляла собой отрытый на глубину четырех метров ров шириной до пяти и длиной около пятидесяти метров. В ров спускалась массивная глинобитная лестница. Внизу справа и слева выработаны ниши — камеры приблизительно два на три метра. В каждой камере были цепи, на которые сажались заключенные (как собаки) и кандалы. Лицевая сторона закрыта решеткой из толстого металлического прута. В решетке дверца. В торце рва-тюрьмы находилась большая, почти на ширину рва, ниша-«зал», где были расставлены и разложены различные орудия пыток, начиная от плеток, палок, цепей для ударов и кончая ножами, большими ножницами, топорами, металлическими штырями и мощными клещами, а также мангалом, на котором раскаляли эти клещи и, возможно, штыри. Сверху по периметру, примерно в двух метрах от рва, была построена толстая, трехметровой высоты саманная стена, на каждом углу которой возвышалась небольшая башня для охраны. Тюрьма испускала зловоние. Видно, ею пользовались активно, но в то время мы никого в ней не застали.

Затем шли саманные казармы, где находился скорее всего переменный состав, т. е. те, кто проходил здесь обучение. Постоянный состав располагался за ним. Помещение для командования и иностранного советника было обособлено. Отдельно стояла комната для обрядов и кухня-столовая, сооруженная у небольшого проточного озерца, которое подпитывалось мощными родниками. От этого озерца тянулись многокилометровые гибкие цветные резиновые шланги, они поднимались даже вверх, на скалы, и в некоторые пещеры. Этот дар природы обеспечивал им жизнь.

Мы с интересом осмотрели одну из пещер. Кстати, пока туда забирался, думал, что сердце выпрыгнет из груди: такие «прогулки» человеку, которому перевалило за шестьдесят, тем более который привык к утренним упражнениям и ходьбе только по горизонтали, оказались весьма сложными. Отдышавшись, мы с комдивом осмотрели все «апартаменты» моджахедов. Очевидно, это было место для складирования трофеев, ибо здесь было все.

Осмотрели мы и жилье иностранного советника, который, кстати, как и командование базы, как сквозь землю провалился: то ли их не было на день боя, либо они имели потайную тропу в скалах, которую знали только они. К нашему удивлению, здесь оказалось достаточно много книг на английском и французском языках.

Когда операция была завершена и мы вышли из ущелья, комдив приказал все подорвать и заминировать. Наверное, шестое чувство подсказывало мне, что мы делаем ошибку,

осматривая пещеру и все помещения. Саперы вроде бы осмотрели все это и кое-где сняли «сюрпризы», однако это было сделано довольно бегло. Нам не следовало проявлять ухарства и ходить по пещерам. Хорошо, что все обошлось.

Для меня представляла интерес и вторая часть операции — уничтожение банды, которая гнездилась неподалеку от Луркоха — в долине реки Фарахруд. Пойма реки была широкая, но наполнение русла было незначительным, поэтому река выглядело чахло, хотя брала начало в Бамиане. Кстати, все реки Афганистана, за исключением Амударьи и Кунара, берут начало в ледниках Бамиана, высота которых 4500 метров. Это для страны главный водяной источник.

Поскольку Фарахруд временами очень сильно истощается, местные жители в километре от русла создали систему керизов (колодцев), которые отрывались глубиной три-четыре метра (а иногда и глубже) и через каждые 50—100 метров на одной линии. Внутри под землей эти колодцы соединялись и образовывали целую систему водоснабжения в несколько километров. По дну этой системы вода текла круглый год.

Мятежники использовали систему керизов в своих военных целях. Поэтому войска были вынуждены выбивать их из этих убежищ, для чего были разработаны соответствующие методы. Конечно, проводить такие действия мы не обязывались при вводе наших войск. Но вынуждены были отыскивать и уничтожать базы моджахедов, так как они являлись источником пополнения действующих и нападающих на наши гарнизоны и охраняемые объекты банд.

Как уже говорилось, к 1984 году обстановка в Афганистане не улучшалась. Однако, желая сделать уже тяжелобольному в то время министру обороны Дмитрию Федоровичу Устинову приятное, руководитель Оперативной группы МО СССР направлял в его адрес ободряющие донесения. Вот одно из них:

«Министру обороны СССР
Маршалу Советского Союза
*товарищу **Устинову Д. Ф.***

Докладываю

Военная обстановка в результате проведения целого ряда операций против контрреволюционных сил заметно улучшилась. За пять месяцев проведено 85 операций, из них 51 совместная 40-й армии и частей афганской армии и 34 самостоятельных

исключительно афганскими силами.

Особенно большое значение для улучшения военной обстановки имели Панджшерская операция и боевые действия в Герате…

В ходе боевых действий в Панджшерской и Андарабадской долинах и севернее противнику нанесено серьезное поражение. Ликвидирована его основная база…

Захваченные нашими войсками 18.05.84 г. в Панджшере секретные документы позволили раскрыть и ликвидировать широкую агентурную сеть ИОА, существовавшую в Кабуле (в центральном партийно-государственном аппарате, в том числе в СГИ, Царандое и Минобороны) и других районах страны…

В мае и особенно в июне с. г. увеличилось количество выходов на переговоры бандформирований с готовностью признать правительство ДРА, прекратить вооруженную борьбу и сдать ряд бандгрупп (в Панджшере и Андарабе без учета бандформирования главаря Джумахана (700 чел.). Сдалось 8 бандгрупп общей численностью около 600 мятежников…

В настоящее время, в соответствии с утвержденным Вами решением, в долинах Панджшера и Андараба проводятся мероприятия по закреплению государственной власти. Оказано воздействие в этих целях на руководство ДРА для активизации его работы…

В последнее время противник проявляет активность на юго-востоке и юге страны, в районе Хоста, провинциях Кунар, Кандагар, на отдельных участках коммуникаций.

С учетом этого, кроме Панджшера и Андараба, в настоящее время проводятся боевые действия войск в районе Хоста (25-я пд, 666-й полк «к», 2-я пгбр), в районе Кандагар (70-я омсбр, 15-я пд и 466-й полк «к» 2-го пгбр), в районе Фараха (21-я мпбр с 4-й трб), в районе Гуриана, западнее Герата (17-я пд с 5-й трб).

В ближайшее время начнут боевые действия в районе Джелалабад — Асадабад в провинциях Нангархар и Кунар — 66-я омсбр, 11-я и 9-я пд.

Продолжается также перекрытие возможных маршрутов движения караванов и бандгрупп из Пакистана силами трех батальонов спецназа…

40-я армия продолжает оставаться решающим фактором в стабилизации обстановки в ДРА, несет на себе основную тяжесть борьбы с контрреволюцией…

Армия боеспособна. Боевые действия в Панджшерской и Андаробадской долинах показали способность войск армии и авиации решать боевые задачи в сложных горных условиях на высотах 4–5 тыс. метров, в зонах ледников без специального

снаряжения (в чем, кстати, никакой необходимости не было: и без ледников хватало забот. — Авт.).

Личный состав действовал самоотверженно и мужественно. Подавляющее количество боевых действий авиацией выполнялось на малых высотах. Хорошие боевые качества подтвердили самолеты-штурмовики СУ-25…

Действия войск позволяют сделать некоторые выводы по дальнейшему улучшению их боевой подготовки и техническому оснащению не только 40-й армии, но и Вооруженных Сил в целом…

С министром обороны ДРА т. Кадыром и начальником Главпура т. Садеки проведено несколько индивидуальных бесед. В них подчеркивалась необходимость более активной деятельности и регулярных выездов в войска для анализа результатов боевых действий, принятия мер по повышению их эффективности, по усилению политико-воспитательной работы с личным составом, борьбе с дезертирством и оказанию другой необходимой помощи соединениям и частям афганской армии…

Маршал Советского Союза С. Соколов

Июнь 1984 года».

Какой вывод напрашивается из этого донесения? Видно, один: все развивается нормально, мятежников бьют в «хвост и гриву», власть везде утверждается, и в целом скоро можно говорить и о завершении «стабилизации» обстановки. Но фактически было далеко не так, а даже наоборот. Особо надо сказать об операции в Панджшере.

Глава IV
Обстановка в Афганистане усложняется

Хитрые ходы Ахмад Шаха в Панджшере. Командармы 40-й армии. Командир полка Л. Рохлин — драматическое восхождение. Яркие личности наших войск. Насаждаемые «Оргядра» — уродливая форма власти. Кунарская операция. Падения и взлеты в боях за Джавару. Руцкой — афганский саксаул. Парад победителей.

Как уже сообщалось, в центральном аппарате ДРА было много осведомителей, внедренных туда оппозицией, были они и в Генеральном штабе Афганской армии. Естественно, планы проведения операций правительственными войсками, и тем более операций с участием войск 40-й армии, были главным объектом их внимания. Они очень умело и своевременно передавали все сведения лидерам оппозиции и важнейшим полевым командирам, в том числе Ахмад Шаху, который базировался на Панджшерском ущелье и севернее. Этот главарь имел отличную разведку. Она ему, в частности, и доложила точные сроки проведения операции в Панджшере, данные о силах и средствах правительственных войск, которые будут привлечены к боевым действиям, и в общих чертах все то, что решено задействовать от 40-й армии. Поняв, что принять бой с такой силой, которую решили применить против его отрядов, — дело опасное, он пошел на хитрость: оставив незначительное, но очень активное и кочующее (для создания видимости больших сил) прикрытие, главные силы и все без исключения население Панджшера (а это несколько десятков кишлаков) он решил увести на север, используя перевалы в ледниках.

Замысел Ахмад Шаха стал известен нашей разведке. Начальник Главного разведывательного управления доложил об этом Н. В. Огаркову, тот вызвал меня, и мы втроем начали обсуждать, как лучше поступить: начать операцию раньше отвода отрядов Ахмад Шаха или вообще отказаться от военных действий в Панджшере. Не затрагивая самолюбие С. Л. Соколова, решили, что все это должны будут ему докладывать наши разведчики, но в настоятельной форме. Через пару дней поступило сообщение, что Сергей Леонидович объявил: «Операция будет проводиться в установленные сроки. Никуда Ахмад Шах не уйдет — это сам Ахмад Шах распространяет такие слухи».

Мы забеспокоились: если Ахмад Шах уйдет, то удар придется

по пустому месту. Петр Иванович Ивашутин получил от начальника Генштаба распоряжение, чтобы начальник разведки 40-й армии и генерал-разведчик в Оперативной группе доложили официально, что противник уходит из Панджшера. Так что если будет проводиться операция, то она может быть обречена. К сожалению, Сергей Леонидович не прислушался к тому, что ему докладывалось. Не прислушался к этому и главный координатор боевых действий генерал В. А. Меремский. В итоге проведенная двухчасовая авиационная подготовка, затем почти полуторачасовой артиллерийский огонь, вслед за этим еще один удар авиации и, наконец, атака оказались бессмысленными. Наступающие части, пронизав все ущелье, не встретили никакого сопротивления. Не было и трупов, не было и пленных, не было и населения. Тогда решили преследовать противника в направлении ледников. Но и здесь мятежников не оказалось.

А хитрый и умный Ахмад Шах Масуд вывел свои отряды и население не назад, на север, а наоборот — вперед, на юг, в районы Ниджраб, Чарикар, Хост-о-Ференг. В зеленую, хорошо обжитую зону. И выводил он их ночами по соседним ущельям и только им известным тропам.

Этот случай, конечно, не украшал ни Оперативную группу Минобороны, ни командование 40-й армии того времени. Кое-кто посмеивался над способностями наших военных руководителей. Но ради справедливости надо отметить, что Ахмад Шах долгое время водил за нос разведчиков КГБ и в итоге обвел вокруг пальца — пообещал с ними заключить договор, но в последний момент отказался. Да и то, что Ахмад Шах постоянно пасся в афганском Генштабе (как и другие шпионы), наше КГБ тоже не украшало — контрразведчики должны были пресечь все это. В этой «знаменитой» Панджшерской операции «заслуги» Министерства обороны и КГБ СССР были приблизительно равные.

Несомненно, у нас проводилось немало успешных боевых действий, и командиры, которые их организовывали, оказывались на высоте. Но общая обстановка в стране к лучшему все-таки не менялась.

Один из таких положительных примеров эффективного ведения операции описывается в докладе начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск (А.Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана», с. 286):

> «…Отмечается некоторое улучшение в организации и ведении боевых действий, в применении авиации и артиллерии. Примером хорошо продуманных и спланированных боевых действий является операция,

проведенная в районе Искаполь в июне с. г. В ходе нее была разгромлена крупная группировка мятежников (убито 70 моджахедов, захвачено три миномета, три ЗГУ, 4 ДШК, свыше 50 мин и большое количество боеприпасов к стрелковому оружию). Наши подразделения потерь не понесли. Большая заслуга в этом командира полка подполковника Л. Я. Рохлина».

В связи с тем, что в донесении упоминается Рохлин, хочу подробнее рассказать об этом человеке, используя высказывания других людей и опираясь на свои собственные наблюдения.

Лев Яковлевич Рохлин — кавалер четырех боевых орденов, человек необычной судьбы, один из рыцарей афганской войны. Он, пожалуй, единственный командир полка, которого после снятия с должности в Афганистане спустя несколько месяцев назначили командовать вновь полком. Представляли к званию Героя Советского Союза, но не присвоили — получил орден Красного Знамени.

Л. Рохлин попал на афганскую войну в конце 1982 года. Командовал 860-м мотострелковым полком, располагавшимся в излучине реки Кокча, в пяти километрах восточнее Файзабада (провинция Бадахшан). Участвовал во многих боевых операциях против отрядов вооруженной оппозиции. Отличался решительностью, смелостью и находчивостью. Однако в апреле 1983 года был снят с должности командира полка и направлен с понижением в другой полк. А случилось это так.

Поступила развединформация о скоплении мятежников в крепости, расположенной недалеко от Коран-о-Муджана. Командование 40-й армии решило нанести по ним авиационный удар, а для проверки его результатов послать 2-й мотострелковый батальон 860-го мотострелкового полка и афганский батальон Царандоя. Л. Рохлин попытался убедить руководство не посылать этот батальон, так как он находился в Бахараке, в отрыве от главных сил, снабжение его осуществлялось с большими трудностями, и в тот момент не было создано необходимых запасов горючего. Ситуация осложнялась еще и тем, что почти половина батальона была задействована для выполнения другой задачи. Но приказ был продублирован в довольно жесткой форме. Тогда командир полка решил сам возглавить боевые действия батальона по проверке результатов авиационного удара.

Преодолев сопротивление мятежников и выдвинувшись по Джармской долине к Коран-о-Муджану, наши воины обнаружили, что в крепости нет ни убитых, ни раненых, ни живых. Вообще никого. Авиабомбы в цель не попали. На обратном пути наши

подразделения сами попали под сильный перекрестный огонь моджахедов. Дело в том, что занимавший господствующие высоты и прикрывавший наши подразделения батальон Царандоя вдруг неожиданно снялся с занимаемых позиций и поставил тем самым 2-й мотострелковый батальон полка в крайне тяжелое положение. Часть машин отстала. И тогда командир полка, чтобы спасти людей, решил в невыгодных для себя условиях не продолжать бой. Он приказал взорвать отставшие машины, а остальным отходить в направлении Бахарака. В результате батальон понес незначительные потери, а Л. Рохлин, по решению маршала С. Л. Соколова, был понижен в должности и оказался на должности заместителя командира 191-го отдельного мотострелкового полка в Газни.

В этом полку он воевал достойно. В январе 1984 года командира 191-го отдельного мотострелкового полка В.Голунова отдали под суд за трусость. Л. Рохлина вновь назначили командиром полка. При нем полк действовал, как правило, результативно. Однако наиболее удачными были его боевые действия по захвату базы мятежников в районе уездного центра Ургун (провинция Пактия) в октябре 1984 года. Эта операция стоит того, чтобы о ней рассказать немного подробнее.

От советских войск в операции принимали участие 191-й омсп, 345-й опдп и 56-й одшбр. Руководил боевыми действиями заместитель командующего 40-й армией генерал В. П. Дубынин. Главная цель операции заключалась в уничтожении баз и складов моджахедов. Информацию о них выдавал лично министр государственной безопасности ДРА Наджиб (как потом оказалось, вся информация была недостоверной — ни одной базы на ее основе обнаружить не удалось). В связи с тем, что район боевых действий был буквально нашпигован минами, подразделения выдвигались вне дорог. В качестве проводников выступали боевые вертолеты, которые одновременно осуществляли огневую поддержку и вели разведку.

Операция, возможно, так бы и закончилась безрезультатно, если бы Л. Я. Рохлин не обратил внимание на то, что из района, расположенного несколько в стороне от направления действий наших войск, по вертолетам неоднократно велся огонь из крупнокалиберных пулеметов. Командир полка отдал приказ выдвигаться в этот район. Перевалив через горы, советские солдаты обнаружили крупную базу моджахедов, информация о которой ранее отсутствовала. Л. Рохлин решил не атаковать базу, а блокировать ее, выдвинуть артиллерию и уничтожить. Когда на складах начали рваться снаряды, мятежники решили разбегаться, попадая под огонь стрелкового оружия. Внезапность и

стремительность действий 191-го омсп полностью деморализовали моджахедов, и они не оказали существенного сопротивления. В считанные часы база мятежников была полностью уничтожена, все ее сооружения взорваны. Задача была выполнена без потерь. Полк захватил большое количество оружия и боеприпасов. Одних только реактивных снарядов — более 150 тыс. штук. Для Л.Я.Рохлина это была последняя операция, так как потерпел катастрофу вертолет, на котором он облетал район боевых действий. Командир полка остался жив, но у него оказались переломаны ноги, позвоночник и т. д. Долгое время он лечился в кабульском и ташкентском госпиталях. Заключение врачей было однозначным: уволить из рядов Вооруженных Сил. Но Л. Рохлин не мыслил себя без армии. Ему удалось добиться изменения формулировки заключения.

Затем он отлично командует 75-й мотострелковой дивизией в Нахичевани (Азербайджан), после чего становится командиром 8-го гвардейского Сталинградского корпуса в Волгограде.

На парламентских выборах в 1995 году руководитель партии «Наш дом — Россия» Черномырдин, дабы привлечь избирателей, включает в первую тройку списка кандидатов блока заслуженного авторитетного генерала Льва Яковлевича Рохлина. Благодаря Рохлину блок «Наш дом — Россия» сумел преодолеть пятипроцентный барьер. Но став депутатом и руководителем Комитета по обороне, Лев Рохлин не только не стал плясать под дудку Черномырдина — Шохина. Наоборот, он выступал вразрез установкам НДР, но во имя интересов народа и в первую очередь Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса России, чем создавал немало сложностей и для некоторых государственных структур, в частности, для руководства Вооруженных Сил России. Как известно, Ельцин совершенно не был заинтересован в укреплении Вооруженных Сил страны (во всяком случае все его действия говорили именно об этом). Скорее был заинтересован в их максимальном разрушении. Естественно и все ведущие государственные органы проводят эту же линию. В этом особо преуспевает Министерство финансов. Грубейшим образом попирая все законы, в том числе Федеральный закон «О бюджете на 1998 год», оно выделяет денег ровно столько, чтобы армия и Военно-Морской Флот прекратили свое существование не сразу, а «вымирали» бы постепенно. Выступая 11 декабря 1998 года в Государственной Думе, министр обороны РФ маршал И. Д. Сергеев (даже он!) заявил, что на 1 ноября 1998 года Вооруженные Силы России профинансированы всего на 39 процентов от того, что им положено на год. Причем бюджетом было предусмотрено только 60 процентов всей потребности

Вооруженных Сил. К тому же наш военный бюджет в 15 раз меньше бюджета США.

Солдаты голодают, носят шинели, которые остались в запасе со времен войны. Офицеры месяцами не получают денежное содержание и вынуждены ходить к частникам прирабатывать грузчиками, сторожами. А кто не может унижаться — стреляются. Некоторые воруют. Только в Московском военном округе за 10 месяцев 1998 года было осуждено за кражу 178 офицеров. Если в Вооруженных Силах Советского Союза где-то за что-то осудили одного офицера, так это было неслыханным чрезвычайным происшествием. А здесь в одном округе осуждены почти две сотни офицеров. Это ли не признаки разложения армии?!

Вот как раз против всего этого и выступил Лев Яковлевич Рохлин. Поэтому многим и стал неудобен. Но он был абсолютно прав. И когда Рохлин создал народное движение «За спасение армии, военно-промышленного комплекса и военной науки», это всколыхнуло Россию. Тогда Л.Рохлина и убили. Убили подло, предательски. Но дело его и созданное им движение живут. И мы надеемся, что Виктор Иванович Илюхин, которому народ вручил это движение, поведет его верным путем.

Конечно, пока все мы находились в Афганистане, ни один из нас, в том числе и Рохлин, не мог предвидеть такого развития событий.

В период с 1985 по 1989 годы в Афганистане было проведено несколько особо важных операций. На мой взгляд, они стали ключевыми, так как оказали решающее значение на принципиальное изменение военно-политической обстановки в ряде провинций и в стране в целом.

Если с 1980 по 1984 годы я в Афганистане бывал от случая к случаю, то с начала 1985 года стал здесь уже своим человеком. И было официально объявлено, что я являюсь руководителем представительства Министерства обороны СССР — начальником Оперативной группы МО. Другими словами, принял «наследство» от маршала Советского Союза С. Л. Соколова и генерала армии С. Ф. Ахромеева. Сергей Леонидович руководил здесь Оперативной группой до осени 1984 года, а Сергей Федорович — несколько меньше — до 1983 года. Его функции на один год были возложены на генерал-полковника В. А. Меремского.

Конечно, за этот период (1980–1984 гг.) сделано было многое. Создана солидная инфраструктура для стотысячной армии. Войска обжили свои военные городки, аэродромы и другие объекты. Наша армия имела хорошие арсеналы, склады, базы (в том числе хорошую госпитальную базу, в первую очередь для полевой хирургии и борьбы с инфекционными

заболеваниями, особенно с гепатитом и малярией). Имелась надежная система управления. Штабы и вообще все органы управления были обустроены. Разведка всех видов пустила глубокие «корни». Но самым главным были два фактора. Первый — 40-я армия приобрела значительный боевой опыт, и на этой базе была создана система подготовки и ведения боевых действий, боевого дежурства и поддержания постоянной боевой готовности. Второй фактор — это Вооруженные Силы Афганистана. К 1985 году они уже полностью определились не только по численности и структуре, но и по методам их подготовки и применения. Кстати, в Вооруженные Силы ДРА, в отличие от других стран, в частности Советского Союза, США и т. д., входили: армия (включая и ВВС), МВД со своими войсками «Цорандой» и МГБ со своими органами.

Таким образом, главные параметры жизни и боевой деятельности нашей 40-й армии и Вооруженных Сил Афганистана были определены и утвердились, были налажены системы обеспечения. Естественно все требовало совершенствования. Это объективное требование касалось и быта войск, и системы материального, и особенно медицинского обеспечения. Но главным было совершенствование методов подготовки и ведения боевых действий, в чем себя особенно проявили генералы: И. Родионов, В. Дубынин, Б. Громов, Г. Кондратьев, А. Сергеев, Г. Пищев, В.Кот (последний был командующим ВВС 40-й армии). Многое в этой области сделали такие командиры дивизий, как Каспирович, Учкин, Исаев (позже попал в автомобильную катастрофу — как странно, в Афганистане выжил, а на Родине в мирное время — погиб), Миронов, Барынкин, Слюсарь, Андреев. А при вводе наших войск в Афганистан большой вклад внесли Рябченко, Кузьмин, Степанов.

Как уже говорилось: и Тараки, и Амин, и новое правительство Кармаля наделало немало ошибок в области земельной и водной реформ, в отношении к религии и ее служителей, в решении проблемы положения женщины в обществе, что в целом негативно сказалось на отношении народа к правительству. Казалось бы, надо пересмотреть свою политику, поправить ошибки, извиниться перед народом. Но это не только не последовало, а стало «продавливаться» еще более настойчиво. Мало того, к этому добавились резкие и неуклюжие военно-политические действия, в чем повинен не только руководящий состав Афганистана, но и советские дипломаты, советское военное командование и представительство КГБ в Афганистане.

Речь идет о насильственном насаждении в уездах, волостях и провинциях органов власти, безоговорочно подчиненных Кабулу.

С этой целью проводились операции по «очистке» от душманов целых районов. Затем туда завозилось «Оргядро» (организационное ядро, кстати, термин взят у наших военных), в состав которого входили все начальники администрации этого субъекта, начиная от руководителя. Как правило, все они являлись членами НДПА. Для обеспечения устойчивости безопасности этого органа в его распоряжении были подразделения «Цорандой» МВД, органы МГБ, иногда части правительственных войск. Для стабилизации обстановки на некоторое время оставались даже части 40-й армии.

Как это воспринималось населением? Отрицательно.

Во-первых, все народы Афганистана, каждое племя, род привыкли к свободе и независимости. Они сами выбирают руководителя на джире (сборе) из числа наиболее авторитетных, мудрых, прославленных в бою. Выбирают вождя (главу), которому подчиняются беспрекословно. Но они никогда не покорятся тому, кого им навязывают. Тем более если они его видят впервые (а именно так часто и бывало).

Во-вторых, операция, которая проводилась по «очистке» района от душманов, не должна была затрагивать интересы местного населения. А она как раз-то и затрагивала. Не территории, где проводилась операция, нередко в роли душманов выступали местные жители. Дело в том, что все афганцы привыкли охранять свои земли — кишлак, род, племя. Для этих целей у них имеется боевое оружие. И никто без их разрешения не имеет права приходить на их землю, тем более с оружием. Таким образом в районе, где проводилась операция по «очистке» ее от бандформирований, часто таких банд фактически не было, а мужское население, коль к ним идут с пушками и танками, становились на защиту своей земли.

В-третьих. К примеру, посаженное Кабулом в «очищенном» провинциальном центре «Ядро» начинает функционировать. Но само оно, без опоры на население, ничего не могло сделать. Поэтому поневоле вынуждено было создавать различные исполнительные структуры, привлекая в них местных жителей. Питая к этому правительству патологическую ненависть, эти работники естественно саботировали, занимались проволочкой, а кое-где проявляли открытое неповиновение властям. Но самое главное — начинался «отстрел» представителей этого «Ядра». Отстреливались и силы охраны. Отсюда сама жизнь здесь оказывалась на штыках. Такое положение не устраивало никого — ни «Ядро», ни его охрану, ни тем более народ.

А возможно ли было все это разрешить мирным путем? Несомненно. Для этого правительству следовало войти в контакт

с авторитетами соответствующей провинции (уезда или волости), оговорить все вопросы о власти, составить договор, который бы отражал интересы населения этой провинции (уезда, волости), а также интересы центральной власти, избрать или подтвердить избрание главы (в провинции — губернатора), определить состав правительства, оговорить, какие и в каком количестве будут присутствовать на территории субъекта вооруженные формирования и т. д. Если бы этими проблемами занялись сразу (кстати, уже в 1987 году именно этим и занимались), то проблем больших не было бы.

Сейчас вспоминая в деталях то время, я просто удивляюсь близорукости Б. Кармаля — ведь сам афганец прекрасно должен знать народ, его традиции, общественные и моральные устои, неписаные законы, взгляды на различные общественные явления и как политик государственного масштаба должен и обязан был проводить политику с учетом этих особенностей. А делалось все наоборот. Ведь ошибки Тараки и Амина были видны. Казалось бы, учти все это. Но нет! Он не только продолжает эти же ошибки, но и увеличивает их насаждением «Оргядер».

Да и наши советчики и советники тоже хороши. Ведь все всё видели. Но чувствовалась какая-то скованность, все шло по однажды накатанной дорожке. Хотя нужен был взгляд трезвого, смелого реалиста, имеющего свое мнение.

Конечно, в связи с этим в мой адрес могут быть высказаны критические замечания: хорошо, мол, сейчас, сидя в московской квартире, распекать тех, кто в суровых условиях Афгана старался, как мог, сделать все возможное. Верно, согласен. И я никого не могу обвинить в злом умысле. Но то, что можно простить солдату, лейтенанту, капитану и даже полковнику, — совершенно непростительно генералу. Генерал — это уже государственный деятель (печально, что не каждый из них это понимает), и он обязан уметь анализировать, масштабно предвидеть то, что ожидает от нас народ при выполнении нами своего долга.

Или то, что докладывает рядовой чиновник, и то, что докладывает государственный деятель на уровне посла и посланника ЦК КПСС. Вот что, например, пишут советский посол Табеев и политический советник при ЦК НДПА Ломоносов в Москву руководству страны:

> «…В последнее время Б. Кармаль в своей практической работе стал более решительно проводить линию на дальнейшее укрепление единства партии, устранение имеющихся недостатков в деятельности партийных и государственных органов.

Дважды на заседании Политбюро ЦК НДПА, в особенности при обсуждении вопроса о ходе выполнения комплексного плана по борьбе с контрреволюцией, Б.Кармаль обращал внимание руководства ДРА на необходимость жесткого, непримиримого отношения к тем, кто не выполняет директив партии и правительства по развертыванию организаторской и политической работы в массах, по укреплению и расширению государственной власти в уездах и волостях.

Выступление Б. Кармаля на открытом расширенном заседании Совета Министров ДРА вызвало широкий положительный отклик актива партии, патриотически настроенной части руководителей и госаппарата страны. Многие афганские товарищи в беседах с нами высказывают свое положительное отношение к такой решительной постановке важных задач революционного строительства, выражают надежду, что их реализация существенно улучшит работу партийного и государственного аппарата, будет способствовать созданию условий по укреплению единства НДПА…

Табеев, Ломоносов

Декабрь 1983 г.».

А что наши военные? Они действовали приблизительно в унисон этому донесению. Ведь «раздрая» между нашими представительствами вроде не должно быть. Но в этом-то и беда. Разногласия, конечно, могут быть, и даже по принципиальным вопросам. Должны быть деловые дискуссии, в итоге которых побеждает не упрямство, а доказательные, убедительные аргументы.

Читая же подобного типа донесения о расширении и укреплении государственной, т. е., так сказать, «народной» власти в провинциях, волостях, уездах, невольно вспоминаешь статью Сталина «Головокружение от успехов», написанную в марте 1930 года.

Вот некоторые ее фрагменты (т. 12, с. 192–195):

«…Теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы…»

Действительно, у некоторых наших представительств в Афганистане вместе с Кармалем тоже вырисовывалось такое же желание — «в два счета» насадить везде свою власть и жить припеваючи.

Между прочим, Сталин, говоря о колхозном движении, подчеркивал:

> «…Эта политика опирается на добровольность колхозного движения и учет разнообразия условий в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой (выделено мной. — Автор.). Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства».

Вот и власть в провинциях Афганистана, конечно, нельзя было насаждать с пушками и танками. Власть должна опираться на поддержку народа. Но этого не произошло. И если у нас в колхозном движении были перегибы и они были связаны со стремлением ускорить процесс коллективизации, что противоречило объективным законам развития, то в Афганистане насаждение «Оргядер» было вообще антинародно, но проводилось повсеместно, и поэтому повсеместно эта власть была инородна и совершенно не имела поддержки населения. Вообще «Оргядро» было уродливой формой власти. И лишь с приходом Наджибуллы и объявлением политики национального примирения в провинциях появились ростки мирной жизни.

Каюсь, я тоже в период 1980–1984 годов заблуждался. Непосредственно боевых действий в это время не организовывал и не проводил, а 10—12-дневные наезды позволяли только в общих чертах познакомиться с обстановкой в стране. Лишь в конце 1984 года, когда мы с генералом армии В. Матросовым начали организовывать пограничные войска Афганистана, жизнь афганского народа, его дух и нравы мне уже стали ближе и яснее.

В январе и феврале 1985 года параллельно с общей координацией действий нашей 40-й армии и Вооруженных Сил Афганистана мне надо было детально ознакомиться с дислокацией, обеспеченностью, обстановкой и характером боевых действий нашей и афганской армий. Поэтому на полеты и поездки уходило почти все время, но без этого было нельзя.

В марте 1985 года состоялось что-то вроде моего боевого крещения. Было это так. Находясь в своем кабинете в штабе армии, где у меня тоже было свое рабочее место, я разбирал свои дела. Вдруг заходит взволнованный командарм генерал-лейтенант Л. Е. Генералов и докладывает: только что переговорил

с Главным военным советником Г.И.Салмановым, и тот сообщил, что в Панджшерском ущелье окружена пехотная дивизия правительственных войск, которую сейчас мятежники Ахмад Шаха уничтожают.

— Соберите всех основных начальников в центре боевого управления, — скомандовал я.

— Уже дал команду, — ответил Генералов.

— Соедините меня с генералом армии Салмановым.

Связь работала, как часы.

— Григорий Иванович, — говорю я Салманову, — мне известно в общих чертах, что происходит в Панджшерском ущелье. Скажите, вы с министром обороны Афганистана уже приняли какое-нибудь решение?

— Сейчас этим занимаемся…

— Есть ли у вас, в этой окруженной душманами дивизии, авианаводчики и корректировщики артиллерийского огня, чтобы можно было ударить нашей авиацией и артиллерией и помочь?

— Нет, таких специалистов там не имеется.

— А координаты особо опасных целей у вас есть?

— Координаты на две-три цели имеются.

— Прошу вас, прикажите срочно передать их в центр боевого управления 40-й армии — я сейчас иду туда. Одновременно минут через 10–15 определитесь, кто из руководства советнического аппарата — человека три-четыре — полетит со мной в Панджшер, имея с собой средства связи. Всё.

В центре боевого управления уже все бурлило. Данные по обстановке в Панджшере были собраны. Связь с окруженной дивизией — я переговорил с нашими советниками — устойчивая. Медлить было нельзя.

После недолгих консультаций и обсуждений я объявил решение, которое сводилось к следующему: массированными ударами авиации и артиллерии полностью подавить огневые точки выше и ниже по ущелью относительно окруженной дивизии; уничтожить цели, которые даны Главным военным советником; высадить вертолетами десант в составе усиленного батальона от 103-й воздушно-десантной дивизии, тем самым поднять моральный дух дивизии; ударом мотострелкового полка 108-й мотострелковой дивизии с юга по ущелью деблокировать афганскую дивизию и разгромить бандформирования мятежников, предпринявших действия по окружению.

В соответствии с решением были отданы все распоряжения.

Уже через 30 минут начались массированные удары артиллерии (в основном 108-й мотострелковой дивизии, которая стояла при входе в Панджшер) — и не только по группировкам

мятежников севернее и южнее окруженной дивизии, но и по высотам восточнее и западнее дивизии, где тоже господствовали банды душманов, несомненно, имеющие средства ПВО типа ДШК и Эрликон. Эти средства уничтожались с целью обеспечить пролет наших самолетов и вертолетов.

Через 45 минут начались штурмовые действия нашей авиации, которая базировалась на аэродроме Баграм (подлетное время от аэродрома до цели 7—10 минут). Эти действия продолжались 30 минут. Затем опять открыла огонь артиллерия, не «занимая» коридора пролета воздушного десанта. Транспортные вертолеты с десантом приступили к его высадке, а боевые, барражируя в районе высадки, подавляли обнаруженные цели.

Через два часа после принятия решения полк 108-й мотострелковой дивизии своими передовыми подразделениями завязал бои с бандами на юге Панджшера и стал захватывать ближайшие высоты при входе в ущелье.

Управление было четкое, а действия войск — исключительно оперативны. У частей 40-й армии выработалась мгновенная реакция на опасность, поскольку чем быстрее оказывалось давление на противника, тем меньший ущерб ему удавалось нанести нам, тем больше жизней было сохранено.

Я вызвал для своей группы в шесть человек вертолет на площадку штаба армии и вылетел в район боевых действий. Со мной хотел лететь командарм Л. Генералов, но я его отговорил, попросив остаться в центре боевого управления армии и управлять боевыми действиями.

Мы летели в паре: наша группа на транспортно-боевом вертолете, за ним шел вертолет боевой, получивший задачу поражать средства ПВО, открывающие огонь по первому вертолету. Когда мы стали подходить к площадке, где должны были высадиться, с земли сообщили: идет интенсивный обстрел душманами всего района из минометов, и кроме того, на нашей площадке догорает вертолет, который сел перед нами: душманам удалось его подбить. С земли добавили: «Пусть это вас не смущает — площадка позволяет приземлиться еще одному вертолету».

С командиром экипажа договорились, что еще до касания шасси земли он откроет дверцу, и мы без трапа выпрыгнем на грунт. Я прыгнул вторым, и неудачно — приземлился не равномерно на обе ноги, а в основном на левую (раненную еще на Висле в 1944 году). Нога подкосилась, и я упал, но быстро поднялся и побежал с площадки к ближнему дувалу — оказывается, шел обстрел не только из минометов, но и все

простреливалось из пулеметов. Несколько шагов-прыжков, и я преодолел небольшой ручеек и сразу оказался у дувала, вдоль которого шла траншея, отрытая в полный рост (в полный профиль — если говорить военным языком). Оказавшись в траншее, я наблюдал, как остальные, выпрыгнув вслед за мной из вертолета, бежали тоже в этом направлении. Вертолет, тут же взмыв, пошел на базу (мы условились, что он придет за нами по команде). Кстати, оказалось, что все, кто прыгал после меня, тоже почему-то падали. Ко мне сразу подошел старший от нашей группировки, начальник оперативного отдела армии полковник Зинкевич. Толковый, энергичный и умный офицер, с отличными организаторскими способностями и твердым характером. Когда еще в штабе армии принимались решения на эти действия и возник вопрос — кому от 40-й армии возглавить действия наших войск, в том числе авиации, то Зинкевич сказал: «Разрешите мне». Заместитель командующего армии в это время находился далеко от Кабула, начальник штаба армии тоже был в отъезде. Оставалось отправляться в Панджшер только ему. Командарму бросать командный пункт было нельзя — у него и так было много забот. Понимал это и Зинкевич, но вызвался он не потому, что так сложилась обстановка, а потому что он лучше других понимал свой долг и берег свою честь.

Зинкевич представился и предложил пройти на командно-наблюдательный пункт.

— Подождем немного. Надо, чтобы мои собрались и адаптировались, — ответил я.

— Да они, по-моему, уже собрались. Непонятно только, почему они, выпрыгнув вслед за вами, тут же все падали?

— Что уж тут непонятно? Начальник упал — и остальные за ним тоже должны падать. Вот это настоящее уважение или хорошо развитый подхалимаж. А как же иначе? Если бы кто-то не упал, что можно подумать? Я бы, конечно, подумал, что это неуважение к старшему…

У Зинкевича брови вначале удивленно поднялись, а затем он, как и все стоящие возле нас, расплылся в улыбке. Я посмотрел на всех — просто зоопарк: все, как один, «толстяки» — под стеганными куртками или шинелями бронежилеты, лица грязные, многие не бриты, на голове каски. Глядя на них, я сам не выдержал и от всей души расхохотался. А они, глядя на меня, — тоже, но уже по другой причине: видать, подействовали те «выводы», которые я сделал от падения.

Если бы кто-то глянул на нас со стороны, то подумал бы, что все нуждаются в осмотре психиатра: кругом все грохочет, свистят пули и осколки, а они хохочут. У нормальных так, наверное, не

бывает? Да нет! Как раз именно у нормальных именно так и бывает: в самую критическую, тяжелую минуту надо сказать то, что сразу снимет все напряжение.

Зинкевич пошел по траншее вперед, мы за ним. Командно-наблюдательный пункт был оборудован на северной окраине кишлака Бараки. Обзор был удовлетворительный, полковник докладывал с показом на местности, а там, где не видно, то по карте, что позволило разобраться в обстановке быстро и детально. Мы начали готовить решающий бой.

Схватка началась утром. А во второй половине дня мотострелковый полк 108-й дивизии все-таки прорвался и деблокировал части афганцев. Стрельба же из всех видов оружия с обеих сторон то утихала, то вновь разгоралась до остервенения. И так в течение всего дня.

Наконец, когда обстановка начала стабилизироваться, мы набросали рабочий план дальнейших действий совместно с афганцами. По всему было видно, что афганские друзья не хотели бы опять оставаться один на один с Ахмад Шахом. Они были крайне заинтересованы в присутствии наших войск. Учитывая, что здесь этот вопрос не решить, я до наступления темноты вылетел в Кабул и с вертолетной площадки сразу отправился в Генштаб Афганской армии. Там вместе с Главным военным советником генералом армии Г. И. Салмановым стал убеждать начальника Генштаба в том, что в Панджшере советским войскам делать нечего, там должны стать гарнизонами только правительственные войска. Мы договорились, что когда завершится этот эпизод и будет закончена подготовка к проведению полномасштабной операции в Панджшере (а она штабом армии уже подготовлена), то командарм вместе с заместителем министра обороны ДРА проведут эту операцию. Так и случилось. Однако операцию проводил уже генерал И. Н. Родионов.

Позже, когда все улеглось, я поставил вопрос: «А зачем нам вообще Панджшер? Нужен ли он или можно было бы на каких-то условиях договориться с Ахмад Шахом о том, что он пойдет на определенные уступки по части основной дорожной магистрали (не будет обстреливать), а мы выведем советские и афганские войска и станем гарнизонами при входе в ущелье? Вначале эта идея не была воспринята. Однако потом, разобравшись, пришли к выводу, что нам действительно нечего соваться в Панджшер, ничего мы там не оставили и никакого влияния на общую военно-политическую обстановку в стране он не имеет. Другое дело, что там родина и место базирования Ахмад Шаха и его отрядов. Но его отряд — это местные жители. Они в конце концов имеют

право жить на своей земле. И мы пришли в Афганистан не покорять этот народ, а помочь ему успокоиться, покончить с междоусобицей, стабилизировать ситуацию в стране и жить мирно. Другое дело — нападения на колонны, следующие по магистралям Термез — Кабул, или угрозы в адрес центральной власти. Но, во-первых, для того и существуют переговоры, чтобы устранить все эти трения, и, во-вторых, чтобы Ахмад Шах не разросся в непреодолимую силу, надо перекрыть караванные пути из Пакистана в Панджшер, по которым переправляются оружие, боеприпасы и т. п., вплоть до французских врачей и журналистов, даже женщин.

На этом, пожалуй, и закончилась эпопея с Панджшером, начатая еще в 1980 году. Удалось сохранить многие жизни, а главное — начала действовать правовая основа, силовые же факторы стали уходить в тень. Откровенно говоря, для Ахмад Шаха Панджшер был нужен не только потому, что он там родился, имеет корни родства и признан вождем, но и по экономическим причинам. В верховьях этого ущелья, там, где оно подходит к провинции Бадахшан в районе Сарысанга, (южнее и восточнее) разрабатывается лазурит. Это редкий ценный поделочный камень. Имеет темно- и светло-синюю, фиолетовую и зеленовато-голубую окраску. Из лазурита также изготавливается ультрамарин — краска удивительной синевы. Этот синий камень, хоть и строгий и холодный, удивительно притягивает взор человека.

Естественно, в планах Ахмад Шаха лазурит играл не последнюю роль. Он его потихоньку разрабатывал. И хотя лазуритовые копи находились в районах, где Гималаи поднимались до 4,5 и даже 6 тысяч метров и представляли собой самое примитивное производство (были данные, что там работали пленные афганцы, находившиеся в положении рабов), но доход казне Ахмад Шаха давали значительный. Для переброски лазурита в Пакистан он имел и тайные, известные только ему и ограниченному кругу лиц караванные пути, выходящие к истокам реки Инд и Гилгит (кстати, эта река берет начало там же, где и река Кунар).

Время показало, что решение в отношении района Панджшера и лично Ахмад Шаха было принято правильное. И если кто-то сейчас еще считает, что зря мы не уничтожили этого лидера, то он глубоко заблуждается, как заблуждался и в то время, когда всячески подталкивал меня к его ликвидации. Помню, как во время одного из последних (до завершения вывода наших войск) посещений Кабула председателем КГБ В. А. Крючковым у нас с ним разговор фактически свелся в основном к

этой проблеме. Естественно, Наджибулла нажимал на Крючкова (да он и без нажима приехал из Москвы с этим заданием), а последний — на военных. Поскольку сам Владимир Александрович Крючков человек деликатный, да и ведомство у него другое, он взял с собой «пробойника» — назначенного вместо него на должность начальника Первого Главного управления (внешняя разведка) КГБ генерала Л. Шебаршина. На эту тему у нас с последним состоялся нелицеприятный разговор в резиденции КГБ, а затем был продолжен и во время поездки по Кабулу — Владимир Александрович решил посетить некоторые афганские предприятия, в том числе авторемонтный завод. Так вот, Крючков ходил с группой афганских и наших товарищей, осматривал, беседовал с ними, а мы с Леонидом Шебаршиным отставали и, чтобы никто не слышал, выясняли отношения. Несомненно, он говорил не от своего имени.

— Ведь это же, — горячился Шебаршин, — откровенное предательство — оставлять Ахмад Шаха, а самим уходить. Это все равно, что набросить петлю на шею Кабулу, а второй конец отдать главарю — когда хочешь, тогда и затягивай.

— Не надо сгущать краски и преувеличивать опасность, — парировал я. — Это во-первых. Во-вторых, афганской армии, органам МГБ и МВД Афганистана надо же когда-нибудь действовать?! Вот и пришло это время. Мы обязаны их вдохновить и мобилизовать, а не подстраиваться под хныкающие просьбы некоторых руководителей. В-третьих, надо выполнять свои решения.

— Вопрос стоит прямо: смогут или не смогут Вооруженные Силы Афганистана гарантированно защитить главную магистраль Термез — Кабул и в первую очередь Саланг? — спрашивал Л. Шебаршин и сам же отвечал: — Я считаю, что не смогут. Ахмад Шаху достаточно в одном месте перехватить дорогу — и миллионный город, а вместе с ним и власть в Афганистане обречены. Сейчас нельзя рисковать и проводить какие-нибудь эксперименты.

— Какие эксперименты? — возражал я. — Вы и все те, кто рьяно поддерживает высказанную вами линию, просто не знаете истинного положения дел. Конечно, Наджибулле и его соратникам лучше бы и дальше «загребать жар чужими руками». Но пусть он это делает, наконец, своими руками. Возникает резонный вопрос: «Что мы здесь, в Афганистане, делали почти десять лет?»…

— Вот именно, — перебил меня Шебаршин, — десять лет проторчали и даже не смогли уничтожить Ахмад Шаха…

— Извините, но этот упрек вам надо отнести в свой адрес и

КГБ в целом, — в свою очередь перебил его я. — Задача 40-й армии — это стабилизировать обстановку в стране, а с января 1987 года — вместе с государственными органами проводить политику национального примирения, а не разжигать вражду и отстреливать авторитетов афганского народа. Вы сегодня совершенно не представляете возможности и способности Вооруженных Сил Афганистана. За эти десять лет мы не только предпринимали усилия по оказанию помощи народу и правительству Афганистана в значительной стабилизации обстановки (кстати, мы бы добились большего, если бы не вмешались США), но и создавали новую сильную армию, новые Вооруженные Силы в целом. Если говорить только об армии, то это современная военная организация государства Среднего Востока. Здесь и пехота, и артиллерия, и ракетные части, и бронетанковые войска, и части специального назначения «Командос», и военно-воздушные силы. Все они имеют то же вооружение, что и наша армия. Мало того, весь офицерский состав армии — это выпускники военных училищ и академий, т. е. они имеют в основном высшее образование и практику обучения и воспитания личного состава, подготовки и ведения боевых действий. Конечно, афганской армии далеко до Советской Армии. Но ее надо сопоставлять с теми, с кем ей приходится бороться. А это ее соотечественники. Они такие же, как и наши афганцы, только более фанатичны (лучше обработаны) и материально заинтересованы — им хорошо платят. Но это компенсируется вооружением и численностью. Поэтому проливать слезы, что они, наши афганские друзья, обречены, нельзя. Нет для этого оснований! Нам надо всем вместе подтолкнуть их на решительный поступок — полностью взваливать на свои плечи судьбу Афганистана. А мы их не бросим — поможем оружием и материально, и тогда здесь будет полный порядок.

Несмотря на, казалось бы, ясные и обоснованные наши позиции (изложенным выше обоснование не ограничивалось, я приводил много примеров, когда афганцы самостоятельно, без нашего участия, успешно решали боевые задачи), руководство КГБ СССР, солидаризируясь с МИДом, считало, что надо сначала покончить с Ахмад Шахом и лишь после этого можно говорить о полном выводе наших войск. Однако мы твердо и последовательно держались своих позиций и настоятельно просили, чтобы Женевские соглашения были выполнены в намеченный срок.

Время показало, что мы были правы.

Вопрос о подготовке и проведении крупной операции в

провинции Кунар (точнее, в главном Кунарском ущелье и во всех основных его отрогах) поднимался еще в начале 1985 года. Уже после разговора с Сергеем Федоровичем Ахромеевым, когда он в беседе перед моим отъездом в Афганистан обратил особое внимание на этот район, я усвоил, что здесь сделано очень мало, а направление весьма ответственное — за грядой гор находился Пакистан, откуда постоянно шастают караваны с оружием, боеприпасами и бандформирования. И если в районе непосредственно Асадабада (где впадает река Печдара в Кунар, стоит большой кишлак) и несколько южнее наш батальон спецназа, который здесь дислоцировался, что-то делал по перехвату караванов, то севернее, в районе Осмара, и далее на север к Барикоту — еще и «конь не валялся». Мятежники чувствовали себя вольготно, и государственная граница для них существовала лишь символически. Ранее боевую операцию по ликвидации банд и складов с оружием здесь проводили в 1984 году, но только южнее Асадабада.

Учитывая, что для проведения крупномасштабной операции достаточных данных не было, мы решили максимально активизировать разведку. Одновременно офицерский состав частей изучал местность. Чтобы не было утечки о предстоящей операции, было объявлено, что занятия проводятся для того, чтобы офицеры знали условия проведения боевых действий вдоль всей восточной, южной и юго-восточной границы Афганистана.

В марте план проведения операции в Кунаре послали на утверждение в Москву, и к апрелю у нас все было готово. Однако меня вызвали в Москву с докладом о состоянии дел. Вернувшись, я включился в разбирательство трагедии в Мароварском ущелье. Сроки проведения операции были перенесены.

К этому времени сменился командующий 40-й армией. Генерал-лейтенант Е. Генералов улетал в Москву принимать в Солнечногорске Центральные курсы Министерства обороны «Выстрел», а ему на смену на пост командарма прилетел генерал И. Родионов с Дальнего Востока, где тоже командовал армией, и весьма успешно.

Коль речь зашла о командующих 40-й армией, необходимо о каждом из них сказать. Думаю, что я не ошибусь по принципиальным вопросам.

На мой взгляд, самое тяжелое бремя пало на плечи первых трех командармов.

Первым командармом был генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов. На момент назначения его командующим армией он занимал должность первого заместителя командующего Туркестанского военного округа. Генерал Ю. В. Тухаринов

получил задачу развернуть армию (т. е. отмобилизовать ее части), ввести ее в Афганистан и встать гарнизонами в соответствии с предписанием нашего Генерального штаба. Читатель, надеюсь, может себе представить, какой огромный объем работы надо было выполнить, чтобы разрешить эти проблемы. Он их разрешил успешно. И хотя Тухаринов был в должности командарма непродолжительное время, он оставил о себе хорошую память.

Вторым командармом стал генерал-лейтенант Б. И. Ткач. Это был уже опытный генерал, в деле руководства армией не новичок, но такой армией и в таких условиях вообще никто еще не командовал. Ткач — тоже. И хотя боевые действия частей армии начались еще при его предшественнике, но основной вал пришелся на Ткача и заменившего его В. Ф. Ермакова. Генерал Ткач фактически был «первопроходцем» всех крупномасштабных операций, а также обустройства наших войск в Афганистане. Дело было очень сложное, но он справился со своими задачами.

Настоящий шторм моря я видел на северном и западном берегу полуострова Рыбачий в годы моей там службы. Представьте, как подходящие к берегу огромные валы накрывают один другой. А на их гребнях кое-где громадные бревна, очевидно, сброшенные с верхних палуб лесовозов, мотаются и переворачиваются, как спички. Все в зоне одного километра от берега кружится как в водовороте. И вдруг в такое бушующее море бросается человек…

Вот в таком бушующем «водовороте» принимал 40-ю армию генерал-лейтенант Виктор Федорович Ермаков. В крайне короткие сроки надо было все изучить, понять, предвидеть возможное развитие событий, чтобы безошибочно принимать решения и твердо управлять ситуацией. Ряды армии несколько увеличились — отпор мятежникам надо было давать достойный, и генерал Ермаков это сделал успешно. Приобретя прекрасный боевой опыт, он после этого умело командовал Центральной группой советских войск в Чехословакии, затем — Ленинградским военным округом, а на завершающем этапе службы был авторитетным заместителем министра обороны по кадрам.

Генерал-лейтенанту Леониду Евстафьевичу Генералову, который принял армию от Ермакова, конечно, надо было удержать захваченную инициативу частями 40-й армии. И с этой задачей он справился. Особо успешно вел боевые действия в провинциях. Лично являясь храбрым и энергичным человеком, он мотался по всему Афганистану, побывал во многих переплетах, рискуя своей жизнью. И, несомненно, это положительно сказалось на ходе боевых действий.

Ему на смену прибыл генерал-лейтенант Игорь Николаевич Родионов. Удивительно, но факт: в период 1972–1974 годов оба они командовали полками в Прикарпатском военном округе, т. е. были в моем подчинении. Игорь Николаевич Родионов прекрасно командовал мотострелковым полком подчиненной округу 24-й «железной» мотострелковой дивизии (отличился с этим полком на учениях министра обороны А. А. Гречко), а Леонид Евстафьевич Генералов отлично командовал мотострелковым полком 128-й мотострелковой дивизии, который стоял в Ужгороде. Они встретились в Афганистане как братья и как братья распрощались.

Главной заслугой Родионова было внесение во все процессы жизни и деятельности армии строгой, четкой системы, которая позволила максимально эффективно использовать возможности армии. Естественно, этот подход, в первую очередь, положительно сказался на подготовке и проведении боевых действий всеми видами родов войск, а также на подготовке органов управления армии. Педантичное выполнение лично им своих обязанностей и предъявление таких же требований к штабу и службам армии, к подчиненным войскам, несомненно, быстро и весьма положительно отразилось на всей жизни армии. Но главное — меньше стало потерь. А эта цель лежала у нас в основе всей деятельности.

При подготовке операции в Кунаре именно Родионов ввел порядок детального разыгрывания вариантов действий в предстоящих боях на макете местности (ящике с песком). Это занятие проходило хоть и долго, но живо, и самое главное — все уходили, понимая, что именно требуется от него лично и подчиненных ему подразделений, какой будет порядок действий (взаимодействие) при выполнении боевой задачи.

Мы все сожалели, что на втором году командования этой армией Родионову пришлось из-за почечно-каменной болезни покинуть этот пост. Но след в Афганистане он оставил значительный, и проведенные им операции были на высоте. Затем он стал не просто командующим округом, а командующим войсками выдающегося Закавказского военного округа, где, как и в Прибалтике, в то время псевдодемократы, а точнее, контрреволюция и бандитизм подняли голову, прикрываясь горбачевским лозунгом «Больше демократии». К сожалению, в 1989 году не было той силы в стране, которая могла бы защитить Закавказский военный округ от лжи и посягательств на него со стороны грузинской контрреволюции и псевдодемократии. Я и себя корю за то, что проявил наивность и поддался идее парламентского разбирательства тбилисского события (комиссию

Верховного Совета возглавлял А. Собчак). И. Н. Родионов делал это сам и успешно.

После Закавказья Родионов отлично руководил высшим органом подготовки элиты Российской Армии, вооруженных сил наших друзей, а также высоких чиновников государственного аппарата — Военной академией Генерального штаба ВС. Каждый раз, выступая перед новым набором слушателей, он говорил: «Учитесь хорошо, старательно. Используйте все возможности академии для пополнения своих знаний. Ведь вы же пойдете на высокие посты, будете вершить су дьбу наших Вооруженных Сил, а это — судьба Отечества. Чтобы не получилось так, как с некоторыми: в академии два года проиграет в волейбол, а затем ему погоны с большой звездой и соответствующую должность. А у него ума нет, знаний никаких не получил, и вот мы все теперь страдаем».

Всё довольно прозрачно и достаточно рискованно — такие наставления слушателям, несомненно, докладывались этим «некоторым».

На завершающем этапе своей службы Родионов был назначен министром обороны России. Считаю, что назначение было достойное. Но никакой поддержки ни со стороны президента, ни со стороны его окружения (что еще важнее, чем поддержка Президента — так показала жизнь), ни со стороны правительства России, ни со стороны Федерального Собрания РФ он не получал. Поэтому все его попытки удержать падение и разрушение Вооруженных Сил закончились тем, что самодур Ельцин его снял. Сейчас И.Н.Родионов депутат Государственной Думы РФ.

Первый заместитель командующего 40-й армии генерал Виктор Петрович Дубынин принял армию от Родионова. Фактически не принял, а стал на пост командарма. Он сам лично обладал весьма высокими качествами, но к тому же многое он унаследовал и от Родионова. Потому и дела в армии шли нормально. Вступил в должность, будто уже давно командуя армией, — он все знал. Дубынин — это эталон честности и добросовестности. Обладая незаурядными организаторскими способностями и проницательным умом, а также проявляя лично мужество и храбрость, он организовывал и успешно проводил весьма сложные и ответственные операции. Это была яркая фигура. И неспроста на завершающем этапе своей службы он прекрасно выполнял обязанности начальника Генерального штаба Вооруженных Сил России. Все мы, военные, скорбели, что тяжелая болезнь унесла его из жизни в расцвете сил.

В 1987 году на 40-ю армию был назначен седьмой командарм. Им был генерал-лейтенант Борис Всеволодович

Громов. Он прибыл с должности командующего 28-й армии (Гродно, Белорусский военный округ). Борис Всеволодович не только не был новичком в афганских делах, а знал Афганистан и его проблемы в совершенстве. Это был его третий заход в эту страну. Вначале он служил здесь начальником штаба 108-й мотострелковой дивизии, стоявшей севернее Кабула. Затем был командиром 5-й мотострелковой дивизии, которая в основном располагалась в районе Герата и Шинданда, контролировала всю обстановку на ирано-афганской границе. После окончания Военной академии Генерального штаба и службы в Прикарпатском военном округе в должности первого заместителя командующего 38-й армии (Ивано-Франковск), он опять прибывает в Афганистан — уже в роли генерала для особых поручений — руководителя группы представителей начальника Генерального штаба. Главная задача этого генерала и его группы состояла в том, чтобы, находясь в положении полной независимости, проверять выполнение приказов и директив министра обороны и начальника Генштаба ВС СССР, давать объективные оценки всем явлениям (особенно боевым действиям) и начальникам, которые проводили те или иные мероприятия. Естественно, надо было действовать не формально, а с пользой для дела, поэтому часто приходилось ему оказывать всяческую помощь командирам в подготовке и проведении боевых операций. Естественно, если кто-то из руководства армии, какой-либо дивизии или полка что-то приукрашивал, то он перепроверял и говорил соответствующему начальнику в лицо: «Это выглядит не так. Фактически там следующая обстановка…» И далее он излагал то, что есть на самом деле, поскольку проверял перед этим лично (или по его поручению кто-то из группы). Естественно, и Громову, и возглавляемому им коллективу (полковники Ю.Котов, Г. Громов, В. Петриченко) пришлось вести челночный образ жизни: обстоятельства требовали многое держать на особом контроле, а поэтому в буквальном смысле мотаться по стране, детально ее изучать и знать всё и всех. Ведь речь шла о жизни наших людей.

Приняв 40-ю армию, Борис Всеволодович Громов не тратил времени ни на моральную и физическую адаптацию, ни на изучение корней в мятежном движении или особенностей партийного и государственного руководства Афганистана, ни тем более на изучение войск 40-й армии. Все это было ему известно до тонкостей, а отдельные изменения существа дела не меняли. Поэтому он сразу начал командовать так, будто командармом в Афганистане он был давно.

Б. В. Громов — это человек удивительной, трагичной судьбы.

Многое в жизни ему пришлось пережить. Поэтому сердце его, израненное переживаниями, очень чутко реагирует на людские страдания. Вот почему он вместе со мной был тверд в проведении в жизнь девиза: «Максимально сократить потери личного состава 40-й армии». Он умело и профессионально готовил и проводил все операции и так же умело решил историческую задачу по выводу армии из Афганистана.

Являясь умным и одаренным военачальником, он на завершающем этапе заслуженно был назначен на Киевский военный округ. Затем стал заместителем министра обороны (побывав между этими должностями в положении первого заместителя министра внутренних дел СССР) — и это вполне естественно и заслуженно.

Заняв принципиальную позицию в отношении Чечни, разоблачая с началом ведения боевых действий авантюризм, а также расхищение военного имущества на ее территории, Б. Громов пошел на разрыв с министром обороны. Его всегда отличали принципиальность и последовательность. Вполне понятно, что современная жизнь его выдвинула на выборную должность (народ ему верит) губернатора Московской области — самой большой и насыщенной области страны, но и самой опущенной и разлаженной его предшественником. Однако Б. В. Громову все по плечу. Мы уверены, что Московская область будет на высоте, как в свое время была и 40-я армия.

Теперь вернемся к операции, которая была проведена в мае 1985 года в Кунаре.

Поскольку небольшими ударами мы не достигали цели, то есть ликвидировать главные бандформирования не удавалось (мы не успевали отыскивать и уничтожать склады с оружием и в целом не могли в перспективе обеспечить в этом районе стабильность), то было решено в Кунарскую долину вместе с ее отрогами привлечь значительные силы, и капитально и одновременно всё «провентилировать», лишив бандитов возможности маневрировать. И на операцию отвести столько времени, сколько требовалось для разрешения всех проблем и сообразуясь со складывающейся в ходе боев обстановкой. А так как подготовку к операции удержать в секрете не удалось, мы решили готовиться к ней открыто. Тем более агентурная разведка доносила, что оппозиция приняла решение максимально усилить Кунарское ущелье силами и средствами и преподать нам хороший урок. Разведданные все больше и больше подтверждали информацию о том, что в этот район подходят новые банды. Видно, думали, что операция пройдет в тех же рамках, что и в 1984 году. Что ж, мы вызов приняли.

Для более точного воспроизведения некоторых фрагментов операции приведу текст телеграммы, которую я послал министру обороны в Москву в качестве донесения по итогам боевых действий.

«Несмотря на возрастающие усилия, мятежникам не удалось добиться дестабилизации в Афганистане. В ряде случаев, по причине военного положения, они утрачивают на определенное время свое влияние и контроль в некоторых районах страны и вынуждены ограничиваться подрывной деятельностью, нападением на колонны и посты, обстрелом населенных пунктов, военных городков и минированием отдельных участков, коммуникаций.

Большие потери контрреволюции (только в 1985 году 17 тысяч человек) ее не обескураживают. Активная, значительная и всесторонняя помощь США, Пакистана и некоторых других стран позволяет контрреволюции постоянно наращивать свои военные усилия. В 1981 году отряды и группы мятежников составляли 30 тысяч, в 1983 году — около 40 тысяч, в 1985 году — 70 тысяч человек в активно действующих бандформированиях.

Постоянно совершенствуются формы боевых действий противника. Это наглядно просматривается на событиях в провинции Кунар. В 1984 году при проведении нами совместных боевых действий привлекалось значительное количество войск с учетом соответствующей группировки противника — 66-я Отдельная мотострелковая бригада и 45-й инженерно-саперный полк 40-й армии, а также часть сил 9-й пехотной дивизии армии ДРА… Боевые действия длились одну неделю. Задачи были полностью выполнены. При этом противник не оказывал большого сопротивления, старался маневрировать, уйти от прямого столкновения с нашими войсками.

Иной характер приняли боевые действия в этом районе в мае — июне с. г. Количество задействованных наших войск значительно увеличилось: 103-я воздушно-десантная дивизия, 66-я Отдельная мотострелковая бригада, 56-я Отдельная десантно-штурмовая бригада, часть сил 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 45-го инженерно-саперного полка и большая часть ВВС 40-й армии; 1-й армейский корпус в составе 8-й, 9-й, 11-й пехотных дивизий, а также 37-я бригада «Командос», 10-й инженерно-саперный полк и 10-я пехотная бригада армии ДРА. Таким образом, это составляло четыре наших расчетных дивизии, в том числе одна воздушно-десантная.

Привлечение такого количества войск вызвано тем, что противник, располагая бандами общей численностью более 6000 человек, значительно увеличил свою группировку в этом районе.

Кроме того, зная о нашей подготовке к боевым действиям, он не только не предпринял меры к отводу своих банд, а, наоборот, дополнительно выдвинул накануне наших действий с территории Пакистана 2500 человек, а в ходе боевых действий еще около 3000 человек. Мятежниками были проведены большие инженерные работы по оборудованию рубежей и районов обороны. Проведено значительное минирование, установлено более 100 фугасов…

Бои в Кунаре и особенно в ущелье Печдара, в районах н. п. Мена, севернее Осмара, юго-восточнее Нарая приобретали ожесточенный и затяжной характер. Отмечались случаи перехода мятежников в контратаки. Только благодаря мощным и точным ударам авиации и огня артиллерии удалось сломить сопротивление. Противник против нашей авиации применял большое количество зенитных средств, а севернее Осмара — даже первые в то время ракетные комплексы земля — воздух «Стингер».

В течение мая — июня с. г. мятежники только в провинциях Кунар и Гильменд потеряли убитыми более 4900 человек (из них в Кунаре — 4200 чел.). Кроме того, уничтожено и захвачено более 100 орудий и минометов, около 200 крупнокалиберных пулеметов ДШК и ЗГУ, более 160 различных складов, 2,5 млн. различных боеприпасов и учебный центр. Характерно, что пакистанская печать не комментирует это крупное поражение афганской контрреволюции…

В то же время пассивно выглядят действия партийных и государственных органов ДРА по использованию результатов успешных боевых действий 40-й А и ВС ДРА в Кунаре и Гильменде. Только после неоднократных и настоятельных требований уже в ходе самой операции были предприняты ограниченные шаги по расширению зон влияния центральной власти в тех кишлаках, в которых находятся гарнизоны афганских войск. Новых «Оргядер» в освобожденных районах нигде не выставляется, имея в виду, что после операции здесь будут организованы выборы. Безвозмездная материальная помощь, поступающая по государственной линии, для провинции Кунар пока доставлена в незначительном количестве. Намерены увеличить.

Поэтому результаты проведенных боевых действий для стабилизации обстановки в стране могут иметь только временный характер. С истечением определенного срока мятежники в этих районах способны восстановить утраченные позиции, если Кабул не предпримет решительных мер.

Варенников

6.06.85 г.»

Понимая, какое огромное значение имеет весь этот район для переброски караванов с оружием и боеприпасами, а также бандформирований из Пакистана на территорию Афганистана, мы ясно отдавали себе отчет, что противник окажет жесткое сопротивление. Так оно и получилось. Но самым примечательным было то, что душманы переходили в контратаки с целью отбить объект обратно. Раньше такого не отмечалось. Обычно когда они хотели вернуть утраченное, то готовили нападение тихо, хитро и внезапно. А здесь — открыто, во весь рост идут в контратаку с возгласами: «Аллах акбар! Аллах акбар!»

О решительном характере действий оппозиции говорили не только признаки того, что группировка здесь значительно увеличилась (обычно, когда противник узнавал, что в таком-то районе в такое-то время будет проводиться операция, мятежники старались из этого района заранее выскользнуть, чтобы свои силы сохранить, а наш удар пришелся бы по пустому месту), но и применение здесь сверхсовременных видов оружия. В частности, по нашим самолетам, а они проводили в этом районе бомбоштурмовые удары по целям, которые могли стать препятствием высадки воздушных десантов, — были применены одни ракеты переносного комплекса ПВО США «Стингер». Это многие наблюдали и затаив дыхание следили, как первая ракета, оставляя за собой инверсионный след, стремительно сближалась с целью. Не долетев буквально 300–500 метров, она «погасла», самолет же, ничего не подозревая, следовал своим курсом. Видно, он шел выше возможностей «Стингера» (3000 м). Но в условиях Афганистана «Стингер» достает и на 3500 и даже до 4000 метров. Если стрельба ведется с горных высот, где воздух разряжен и аэродинамическое сопротивление для ракеты значительно меньше, — она летит значительно выше.

Отметив факт применения «Стингера», мы немедленно дали команду авиации: самолетам выполнять задачи с высот 4000 и более метров (относительно местности), а вертолетам — на предельно малой высоте (если летящая цель на фоне местных предметов, то «Стингер» действует неустойчиво).

Через несколько минут приблизительно из того же района (г. Осмар), но с разных точек почти одновременно по нашему штурмовику было пущено сразу две ракеты. Но команду уже все получили и действовали, как приказано.

Результат был тот же. Это нас приободрило. Я отдал распоряжение, чтобы об этом подробно было доведено до всего

личного состава 40-й армии и Вооруженных Сил ДРА (особенно авиации).

Однако у нас было много и других проблем. Май месяц оказался очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада (в низовьях реки Кунар, откуда начиналась наша операция) температура уже в тени была плюс пятьдесят градусов, а влажность — сто процентов. Нашим ребятам, не привыкшим к высоким температурам, грозили тепловые удары. А откуда взяться тени в голых скальных горах, когда солнце в зените, а ты на вершине? Поэтому такие случаи были не единичны. И это было целой проблемой. Человека не просто надо было спасать, а оказывать немедленную медицинскую помощь. В таких случаях пострадавшего спускали вниз, делали это как минимум два, а чаще три солдата. Почти бездыханное тело они передавали из рук в руки, поочередно занимая новую, «ступенькой» ниже, площадку и подхватывая ношу так, чтобы не упустить ее в пропасть, да и самому не свалиться. Внизу у реки его раздевали, укладывали на плащ-палатку и отливали водой. Как правило, «жертвой» солнца становились физически слабо развитые, неупитанные солдаты. Посмотришь на него, обнаженного, — одни косточки. Просто беда! Дело еще в том, что в жару многие плохо ели. «Не лезет и все!» А тут еще нашу воду медики «жестко» хлорировали. В общем, все было не просто. Я постоянно «давил» на медиков, чтобы солдатам и офицерам систематически давали аскорбинку, поскольку аскорбиновая кислота является не только витамином С, но и вызывает аппетит. Из всего этого мы делали дополнительные выводы об усилении подготовки наших воинов на полигонах Термеза перед тем, как попадать к нам. Рекомендовалось также на юге и на востоке страны в летнее время, в период с 12 до 16 часов от особо активных боевых действий воздерживаться.

Немало хлопот вызывали желудочно-кишечные заболевания. Причем эти болезни косили всех, невзирая на звания и служебное положение. Поэтому у каждого, кроме медицинского пакета, было полно антисептических таблеток. Каждый в этой области через год пребывания в Афганистане становился профессионалом.

Операцию мы проводили особо: огнем артиллерии и штурмовыми действиями авиации наносили удары по всем районам расположения противника одновременно (чтобы душманы не маневрировали) а затем нашими подразделениями (в основном десантами) последовательно, «накрывая» один район за другим, уничтожали все банды.

Долина реки Кунар (а также реки Печдара) была разбита на участки глубиной и шириной приблизительно в 20–30 км. Схема

действий приблизительно была одинаковой. Вначале действовали артиллерия и авиация, затем вертолетами выбрасывались группы захвата командных высот и площадок высадки главных сил десантов (это в основном части 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й десантно-штурмовой бригады и 66-й отдельной мотострелковой бригады). Одновременно начинали наступательные действия вдоль дороги и русла реки Кунар наши подразделения и пехотные дивизии афганских друзей.

Когда мы разгромили банды в первом районе, при входе в ущелье Кунар и приступили к действиям в районе Асадабада, к нам на командный пункт пришла группа стариков из шести человек из соседнего ущелья-отрога с просьбой не обстреливать их кишлаки. Они обязуются не пускать в свое ущелье ни одного моджахеда. Я был поражен смелости этих аксакалов — кругом идет стрельба, а они, невзирая ни на что, открыто шли по дороге. Один из них немного говорил по-русски. Я спросил, есть ли на территории их кишлаков склады с оружием и боеприпасами. На что они ответили, что имеются три пещеры, где, возможно, все это есть. Они готовы эти пещеры показать.

Мною был выделен мотострелковый батальон на БМП с артиллерийской батареей. Плюс авианаводчик (точнее, группа боевого управления — ГБУ — управление авиацией), которому была поставлена задача просмотреть в течение дня все ущелье и доложить. Задача была выполнена. Душманов не было, пещеры были взорваны вместе с боеприпасами. Интересно, что, когда мы закончили Кунарскую операцию и уже начали выходить из ущелья, эти старики снова пришли и благодарили за то, что у них не упал ни один снаряд, ни одна бомба. Они сказали, что сдержат свое слово и никого в свое ущелье не пустят. «Аллах все видит и все слышит, что говорим», — заключали аксакалы. Это выглядело очень трогательно. Я их поблагодарил тоже и пообещал прислать отряд с гуманитарной и медицинской помощью. Затем попросил их сообщить в другие ущелья и кишлаки о том, что им тоже будет оказана материальная и медицинская помощь. «Было бы хорошо, если бы они последовали вашему примеру», — сказал я на прощание. Старики пообещали выполнить просьбу.

Этот случай фактически явился для меня главным толчком в поиске правильного подхода к мирному разрешению всех проблем и стабилизации обстановки. Кстати, когда закончилась операция и все войска разъехались в пункты своей дислокации, я, направляясь в Кабул, прибыл на аэродром в Джелалабад и здесь случайно оказался среди руководителей этой провинции. Они встречали самолет из столицы, откуда прибывала большая группа партийных и государственных чиновников для установления

власти в Кунаре.

Прилетели секретарь ЦК, член Политбюро ЦК НДПА Зерай и с ним большая команда, в том числе основной состав так называемого «Оргядра». Остальное они были намерены добрать здесь, в Джелалабаде. Мы с ним уединились, и он подробно рассказал, как намерен действовать. И опять во главу угла был поставлен не оправдавший себя метод. Я вынужден был в деталях пересказать ему наши беседы с аксакалами. Спасибо, что он прислушался, и в ущелье, о котором я сказал (и показал на карте), «Оргядро» не внедрялось, но там все-таки под руководством центра была проведена джирга (типа собрания) всех кишлаков и они сами выбрали свою власть — фактически подтвердили ту, которая у них уже была. Этим примером я и мои единомышленники постоянно пользовались. Особенно когда была объявлена политика национального примирения (чего пришлось ждать еще полтора года).

Говоря о чисто боевых действиях, хотелось бы выделить несколько моментов.

Ожесточенный характер приняли бои в долине реки Печдара. Это очень живописное место. Многие горы имеют здесь почему-то сглаженные вершины, а кое-где — переходящие в плато. Приблизительно километрах в пяти от впадения Печдары в Кунар, справа по ходу движения (т. е. на правом берегу реки), высилась огромная скала, с которой, как с неба, сваливался водопад. Рядом стоял красивый двухэтажный домик, который резко отличался от других своим европейским видом. Вокруг зеленела довольно приличная растительность и даже несколько небольших деревьев.

Но не эти красоты вынуждали душманов биться за каждый камень, а склады с оружием и боеприпасами. Оказывается, они находились непосредственно на плато или сразу за ним, с тыльной стороны, где тоже проходили ущелья.

В одном из боев за такое плато, несмотря на мощную обработку его артиллерией и авиацией, противник нас не подпускал, буквально зарывшись на кромке обрыва, откуда выкурить его было чрезвычайно трудно. Решили ночью обойти его, подняться на гору с тыла и с рассветом нанести удар. Маневр удался. Были захвачены крупные склады. На следующий день такая же обстановка складывается и на очередном плато. Принимается аналогичное решение: мотострелковому батальону, который находился в резерве, под покровом ночи обойти плато слева, вдоль реки, и с наступлением рассвета ударом с тыла (а главные силы в это же время ударят с фронта) выбить душманов и овладеть плато. Кстати, на этот раз подтянули несколько танков

и боевых машин пехоты. Мы и рассчитывали выкурить их огнем прямой наводки орудий. Однако как только наши атакующие подразделения начинали шевелиться, душманы снова открывали огонь. Конечно, никто у нас не имел права поднимать людей в атаку, пока не будет подавлен противник.

Командир батальона при мне получил задачу, уяснил ее, здесь же поставил задачу командирам рот. Затем на упрощенном макете местности провел занятия со своими офицерами. И только после того, как все убедились, что и комбат, и офицеры усвоили порядок действий по выполнению предстоящей задачи, они были отпущены в свои подразделения для завершения подготовки их к бою. Казалось, предусмотрели всё, и все-таки была допущена ошибка, которая для батальона оказалась роковой. Дело в том, что в ходе ночного выдвижения идущее впереди охранение перепутало место, где надо было свернуть, а командир батальона, не перепроверив, потянулся с батальоном за охранением. В результате свернули вправо, в небольшое ущелье, считая, что оно выведет в тыл группировки противника. Но оказалось, надо было пройти еще около полутора километров. Ущелье же, в которое свернули, оказалось к тому же хорошо охраняемым. Батальон фактически попал в западню. Находясь под перекрестным огнем, подразделения батальона стали выходить из боя, неся большие потери.

Конечно, случай был детально со всеми разобран. Раненым оказали помощь, убитых — вынесли. Плато и вся оборона бандформирований в течение ночи и следующего дня была «перепахана» нашей авиацией и артиллерией, и через сутки она была взята. Но вот такой печальный факт имел место. Что же касается противника, то он продолжал жесточайше сопротивляться.

Бои за Печдара еще продолжались, а наши уже продвигались вверх (т. е. на север) по Кунарскому ущелью. В районы, примыкающие к ущелью, воздушным десантом были высажены 56-я десантно-штурмовая и 66-я отдельная мотострелковая бригады. Пока они очищали от банд захваченные районы, по основной дороге, которая идет вдоль реки Кунар вначале по западному берегу, а в районе Осмара (где построен отличный бетонный мост) она «перебегает» на восточный берег), продвигался отряд обеспечения движения — ООД — в составе нашего армейского инженерно-саперного полка. За ним шла пехотная дивизия афганцев. У военного читателя может возникнуть вопрос: зачем такой большой ООД? Но дело-то в том, что решать приходилось сразу несколько задач: подрыв и разборка (расчистка) завалов; снятие мин и фугасов; параллельно

прокладка основной дороги проезжего пути прямо у уреза воды; строительство канатных пешеходных переходов через Кунар; восстановление главной дороги в тех местах, где подорвана полка, выбитая в скале.

Поясню, что такое «полка». Когда дорога идет по уклону горы, то ее строительство не представляет большого труда — часть уклона «обрезается» вертикально, и получается та самая «полка», по которой проходит полотно дороги. Но когда гора никакого уклона не имеет, а представляет сплошную вертикальную гранитную стену, то приходится «вгрызаться» в эту вертикаль, вырубая «полку» под дорогу в несколько сот метров. Душманы же, отступая, подрывали эти «полки», и нам такие участки приходилось восстанавливать. Методы работы применялись разные, но во всех случаях это был адский труд, с двойным риском для жизни: можно было запросто сорваться в пропасть, или засевший в скалах душманский снайпер мог «снять» любого, хотя мы места таких работ и окружали заставами.

Вспоминая Кунарскую операцию, необходимо отметить, что это единственная своего рода операция, в ходе которой было выброшено воздушными десантами почти 12 тысяч человек, а вообще перевезено вертолетами более 17 тысяч воинов.

В итоге этой операции фактически была открыта дорога Джелалабад — Асадабад, и безопасность проезда существовала до 1989 года, хотя рядом, в 7—12 километрах, параллельно с дорогой шла государственная граница с Пакистаном. Конечно, поездки проводились с охраной, но без боевых действий.

Проведя Кунарскую операцию и направив в центр донесение по этому поводу (изложено выше), я через некоторое время посылаю министру обороны еще одно донесение:

> *«Министру обороны СССР*
> *Маршалу Советского Союза*
> товарищу **Соколову С. Л.**
> *(дано сокращенно).*
>
> …40-я армия ТуркВО продолжает нести основную тяжесть вооруженной борьбы с оппозицией в Афганистане. Афганские войска участие принимают недостаточное.
>
> Все это может вызвать необходимость дополнительного увеличения нашего контингента войск, хотя последний раз такое увеличение было проведено в декабре 1984-го — январе 1985 года. Такое предложение может последовать от руководства ДРА.
>
> Всеми признано, что только военным путем решить

вопросы Апрельской революции невозможно. На деле же по причине отсутствия других эффективных мер масштабы боевых действий расширяются, что кроет в себе много отрицательных последствий.

Обстановка требует переоценки сил, возможностей и определения дальнейших путей и способов политических и государственных преобразований в стране.

Представляется целесообразным, чтобы представительная партийно-государственная комиссия СССР рассмотрела военно-политическое положение в Афганистане и вокруг него и с учетом дееспособности нынешнего афганского режима выработала конкретные предложения, которые могли бы изменить развитие обстановки в стране в целом…

У оперативной группы МО СССР по этой проблеме есть конкретные предложения.

Варенников

г. Кабул, июнь 1985 г.».

Как видите, мы постоянно напоминали руководству страны о том, что афганскую проблему надо решать политическим путем и советские войска из Афганистана надо выводить. Кстати, здесь приводится одно такое донесение, но фактически донесения с такими выводами нами посылались в Москву ежемесячно.

Мы были заинтересованы в максимальной открытости всего того, что происходит в Афганистане: каковы роль наших войск в этой стране, боевая деятельность подразделений 40-й армии, ее жизнь, быт, взаимоотношения с населением и т. п. В связи с этим мы совместно с КГБ (генерал В. Кирпиченко) составили соответствующий перечень сведений, которые разрешалось публиковать (оглашать). Этот перечень был утвержден Министерством обороны, Министерством иностранных дел и Комитетом госбезопасности на уровне заместителей министров — С.Ахромеева, Г. Корниенко и В. Крючкова. Вот текст этого документа:

«Перечень сведений, разрешаемых к открытому опубликованию относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории ДРА

(в соответствии с постановлением ЦК КПСС № П206/2 от 7.6.85 г.)

1. Продолжать публиковать разрешенные ранее сведения о действиях ограниченного контингента советских войск на территории ДРА и показывать:

— наличие частей и подразделений, входящих в общевойсковые соединения, автомобильного полка подвоза, подразделений истребительной и транспортной авиации без указания принадлежности к конкретным соединениям, округам, показа их участия в боевых действиях;

— организацию и ход боевой подготовки, размещение во временных городках воинских частей, их повседневную деятельность, проведение совместно с подразделениями ВС ДРА тактических учений в масштабе не выше батальона;

— посещение советских частей руководителями партии и правительства ДРА, другими афганскими делегациями и проведение мероприятий партийно-политического характера и культурно-массовой работы;

— награждение советских военнослужащих без показа их конкретной боевой деятельности, послужившей основанием для награждения;

— привлечение летательных аппаратов и автотранспорта для перевозок грузов местному населению и выделение боевых подразделений для сопровождения колонн и охраны отдельных строящихся объектов;

— наличие и работу советских военных специалистов по оказанию помощи афганским военнослужащим в освоении поставляемой боевой техники;

— применение одиночными советскими военнослужащими, отделениями (экипажами, расчетами) и взводами штатного вооружения в целях самообороны при нападении на них мятежников в ходе занятий и учений, в период передвижения и патрулирования, при выполнении других повседневных задач, охране и обороне своих и совместно с воинами ДРА афганских объектов, разминировании, доставке грузов, сопровождении транспортных колонн, проведении повседневных полетов боевых вертолетов и самолетов;

— отдельные факты ранений или гибели советских

военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнении заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу;

— строительство, эксплуатацию, вооруженную охрану и оборону трубопровода, построенного советскими подразделениями, и их повседневную деятельность;

— работу советского военного госпиталя по оказанию врачебной медицинской помощи местному населению, раненым афганским и поступившим на излечение советским военнослужащим;

— присвоение советским военнослужащим звания Героя Советского Союза с показом их мужества и героизма, проявленных при оказании интернациональной помощи ДРА, без приведения сведений об участии подразделений и частей, где они и служили, в боевых действиях;

— возвращение после излечения военнослужащих, бывших в составе советских войск на территории ДРА, в ряды тружеников народного хозяйства и проявление заботы о них со стороны местных советских и партийных органов, учреждений социального обеспечения, руководителей предприятий.

2. Дополнительно разрешить публикацию в центральной печати, печати военных округов, республиканских, краевых и областных изданий:

— действия советских воинских подразделений по отражению нападения на них и охраняемые ими объекты, по оказанию помощи афганским войскам в разгроме бандформирований и защите населения ДРА;

— об отдельных случаях героических действий советских военнослужащих при выполнении ими боевых заданий, с показом их мужества и стойкости;

— о повседневной деятельности подразделений, до батальона (дивизиона) включительно, всех родов войск: Сухопутных войск, ВВС и служб тыла, а также инженерных войск и войск связи;

— факты проявления заботы о советских военнослужащих, проходивших службу в войсках на территории ДРА и ставших инвалидами, членах семей погибших в Афганистане;

— сведения и описание боевых подвигов, героизма и мужества советских воинов, проявленных при проведении боевых действий на территории непосредственно ДРА, и факты их награждения.

3. По-прежнему запрещается в открытых изданиях информация, раскрывающая участие советских войск в боевых действиях на территории непосредственно ДРА — от роты и выше, об опыте их боевых действий, конкретных задачах войск и

прямые репортажи (кино, телесъемки) с поля боя.

4. Публикация любой указанной в пунктах 1 и 2 информации разрешается по согласованию с Главной военной цензурой и органами военной цензуры военных округов, групп войск и флотов.

5. Продолжить широкую публикацию контрпропагандистских материалов советских и иностранных авторов, разоблачающих фальсификацию западных средств информации.

В. Варенников

В. Кирпиченко

19 июня 1985 г.».

Возможно, представители наших СМИ оценят этот акт с позиций сегодняшнего дня невысоко, но в то время это был значительный шаг, позволяющий приоткрыть таинственность вокруг афганской проблемы.

В 1985 году был проведен ряд успешных операций, в том числе совместно с афганскими войсками, особенно вокруг Кабула, в районе Герата и Газни. А на начало 198бгода Главный военный советник в Афганистане вместе с Генеральным штабом армии ДРА планировали проведение самостоятельной операции по овладению Джавара — крупной базой мятежников в округе Хост. Эти планы вызвали у нас большой интерес, тем более что база расположена на границе с Пакистаном.

Как оказалось, группировка для проведения операции создавалась в основном в районе Кабула, Джелалабада и Гардеза. Всего привлекалось шесть неполных афганских дивизий, часть сил оставалась нести службу в пункте постоянной дислокации. Предусматривалось привлечение большого количества артиллерии и авиации. Эти войска должны были в конце февраля 1986 года сосредоточиться против Парачинарского выступа в районе Алихейль — Секандархейль — Миразикалай, что в 7—10 километрах от государственной границы с Пакистаном. Затем двигаясь с севера на юг на этом же удалении от границы, выйти в течение недели в район Хоста (в прошлом назывался Матун), там привести группировку в порядок и начать наступательные действия в 20 километрах юго-восточнее Хоста, в горном массиве, с целью овладения базой душманов Джавара.

План проведения этой операции был утвержден министром обороны С. Л. Соколовым еще в конце января 1986 года, т. е. за месяц до ее начала. Формальное утверждение было сделано министром обороны ДРА генералом Рафи по согласованию с

главой государства Кармалем еще раньше. В разговоре со мной главный военный советник генерал армии Г. И. Салманов сказал, что они уделяют этой операции очень большое внимание, так как от разгрома и захвата Джавары будет зависеть общая обстановка в округе Хост, что в значительной степени повлияет и на Гардез.

Но меня крайне удивляло время, избранное для такой операции. Даже силами 40-й армии мы старались в зимнее время действовать в основном поблизости от пунктов постоянной дислокации. Проводить же такую операцию с частями афганской армии, хоть они и окрепли, но в таком отрыве зимой и фактически два месяца, на мой взгляд, было рискованно.

Для того, чтобы иметь полное представление о районе, я на вертолете слетал в район Алихейля, облазил и посмотрел все прилегающие маршруты. Затем на самолете АН-26 слетал в Хост, покружил над горным районом, где будут проходить основные боевые действия, и провел консультации с местными жителями и афганским командованием в Хосте о погоде в феврале — марте в районе Алихейля, Хоста, Джавары. Все говорило не в пользу проведения этой операции. Учитывая такую ситуацию, я в общих чертах высказал свои сомнения и тревогу Григорию Ивановичу Салманову, однако он был настроен оптимистически. Тогда я позвонил Сергею Федоровичу Ахромееву:

— Изучив всю обстановку по предстоящей операции в районе Хоста, считаю, что ее надо перенести на полтора-два месяца позже и провести в конце апреля или в мае.

— Вы с Салмановым на эту тему говорили?

— Не только говорил, но и приводил доводы.

— Какие именно?

— Во-первых, здесь в феврале и марте идут дожди со снегом, часто бывают туманы; во-вторых, холодная, мокрая погода максимально снижает моральный дух солдат афганской армии; в-третьих, дороги здесь не просто грунтовые, а очень скверные, в непогоду ими вообще пользоваться нельзя; в-четвертых, коль маршрут проходит поблизости от государственной границы, душманы будут постоянно и непрерывно обстреливать колонны правительственных войск; в-пятых, авиация не сможет поддержать свои войска в связи с непогодой; в-шестых, эвакуация раненых и больных, а также подвоз необходимых запасов будут крайне ограничены. Все это я рассказал Салманову, но Григорий Иванович настроен операцию проводить. Он сказал, что «машина» уже запущена. Хотя я лично считаю, что даже если что-то уже и двигается, надо срочно остановить и переоценить обстановку.

— Хорошо. Я поговорю с Сергеем Леонидовичем (министром обороны. — Автор), — сказал Ахромеев.

— Заодно спросите его и о моем выезде в Москву на съезд.

Ахромеев помолчал, а затем говорит:

— В отношении поездки на съезд вам лучше самому обратиться к нему, тем более что до съезда еще далеко (XXVII съезд КПСС проводился с 25 февраля по 6 марта 1986 года. — Автор). А что касается операции, то я все выясню.

Сергей Федорович был прав: конечно, мне лично надо было выяснить у Соколова — ехать мне на съезд или не ехать. Но у меня не было желания ему звонить. А вот в отношении операции Ахромеев хоть и выслушал меня внимательно, но не сказал — согласен ли он с моими доводами или нет, будет меня в разговоре с министром поддерживать или не будет.

Однако уже на второй день он мне сообщил:

— Сергей Леонидович при мне переговорил с Салмановым и тот его заверил, что успех обеспечен и операцию поэтому надо проводить.

Вот так. Переговорил с Салмановым, а со мной говорить не захотел. Выглядело это очень странно.

— Григорию Ивановичу Салманову с позиций сохранения престижа не хочется менять сроки. Я же летал в эти районы. Садился с трудом в нескольких местах — там уже сейчас фактически бездорожье. Совершенно не представляю, как будут двигаться здесь войска и на что они будут способны после этого марша? Вообще будут ли они способны вести боевые действия?! Мне также совершенно непонятно, чем обусловлены сроки проведения операции? Что это, горит, чтобы обязательно проводить ее в марте? Что изменится в военно-политической обстановке в целом по стране и в округе Хост, если операция состоится в мае?

Сергей Федорович со мной соглашался: да, действительно, можно было бы осуществить ее попозже, но решение уже принято… Будто это стартовала ракета, и уже вернуть ее на стартовую площадку нельзя. Ведь пока идет всего лишь «говорильня». Можно тысячу доводов найти, чтобы обосновать этот перенос, но проводить зато операцию без риска и сомнения. Я знал, что переубеждать Салманова — бессмысленно. Поэтому как-то после очередной утренней работы в Центре боевого управления 40-й армии по реализации обнаруженных разведкой данных я пригласил к себе в Оперативную группу (наш двухэтажный домик стоял метрах в 250–300, не доезжая до КПП штаба армии) начальника штаба советнического аппарата, который тоже был в ЦБУ, генерал-лейтенанта Л. Печвого. В прошлом он был командиром одной из дивизий, которая входила в Прикарпатский военный округ, поэтому я знал его отлично. Мы

поговорили с ним начистоту. Он прямо сказал, что Григорий Иванович ничего переделывать не будет, тем более что днями должна приехать ему замена. Действительно, приехал генерал-полковник Владимир Андреевич Востров — прекрасный офицер, я его службу наблюдал, начиная с лейтенанта. Вместе мы долгое время служили в Заполярье.

Шло время, и вот в самый канун съезда я получил официальное решение министра, что мне, делегату XXVII съезда КПСС, необходимо вылететь в Москву и принять участие в его работе. Одновременно быть в готовности доложить о состоянии дел в Афганистане.

XXVII съезд проводился под лозунгом «Перестройка, гласность и демократия». Прошло ровно десять месяцев, как генеральным секретарем стал М. Горбачев. Съезд утвердил новую редакцию Программы КПСС, а также «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Началась так называемая перестройка. Народ жил надеждами. В стране во всем чувствовалась невостребованность, неиспользованные возможности, громадный незадействованный потенциал. Во времена Косыгина это не было так выражено. До нас доходили его мысли о перспективе развития страны. Это действительно были взгляды на перестройку, достойную нашего народа и нашей великой державы. И если бы не ревностная позиция Брежнева (к чему довольно успешно его подталкивал Устинов), то вопросы повышения темпов развития нашего народного хозяйства, конечно, еще во второй половине 70-х годов могли быть более высокими. Косыгин ушел из жизни в декабре 1980 года. Вместо него утвердили Тихонова, который был у Алексея Николаевича первым заместителем.

Тихонов, конечно, не Косыгин. Никаких новаций ждать от него было нельзя. Все его взоры устремлены были на генсека — как скажет, так и будем делать. А поскольку тот был больной и сказать уже ничего не мог, то дело закисало. С приходом Андропова ожили и наши надежды. Но безвременная (и все-таки загадочная) его смерть оборвала и эти чаяния. Совершенно больной Черненко окончательно «зацементировал» предсовмина Тихонова. Конечно, за свои пять лет председательствования он экономику не двинул. Она вяло поворачивала свои шестеренки еще по инерции, выдавая «на-гора» всего лишь 3–4 процента ВВП в год. Естественно, тогда мы это считали застоем, хотя в капиталистическом мире в таких процентах трагедии не видели.

В 1985 году к руководству страной пришел Горбачев. Хоть и за его плечами никакой производственной практики не было

(только комсомольско-партийная работа), но он разделял прогрессивные взгляды Андропова (так нам казалось), а последний унаследовал это от Косыгина. Особо положительно расценен был факт назначения председателем правительства Н. И. Рыжкова. Это и отличный производственный практик (один только «Уралмаш» чего стоит), государственный масштабный деятель (Минтяжмаш, Госплан, заведующий отделом ЦК). Ну, у кого могли быть сомнения в том, что мы раскрутим маховик экономики на полную мощь? Ни у кого!

Я не хочу цитировать Горбачева и других выступавших на съезде, но вывод был один: «Неконец-то!» Имелось в виду, что период с конца 70-х и до середины 80-х, отмеченный траурными событиями, закончился: страна проводила в последний путь А. Н. Косыгина, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, других видных государственных деятелей. И каждый раз создавалось впечатление, что они уходят и что-то «уносят» с собой, не оставляя всего необходимого, чтобы стартовали новые силы и тем самым обеспечивалось бы поступательное движение вперед.

И вдруг на орбиту восходят Горбачев и Рыжков. Программу нового экономического и социального развития принимает XXVII съезд. Конечно, этого ждали все — народ, страна в целом, наши друзья, весь мир.

Правда, справедливости ради надо сказать, что у нас и в этот, так сказать, «застойный» 5—6-летний период были и такие события, которыми можно гордиться и по сей день. Назову хотя бы некоторые из них (хотя это была инерция еще от А. Косыгина).

Во внутренней политике: была проведена перепись населения (высокий прирост); на стройки Западной Сибири был торжественно отправлен 50-тысячный отряд комсомольцев; завершено строительство большого Ставропольского канала; введена на полную мощность Нурекская ГЭС в Таджикистане; завершено строительство Армянской АЭС; на Белоярской АЭС введен новый энергоблок с реактором на быстрых нейтронах; завершено строительство мощного угольного разреза «Богатырь» Экибастузского комплекса, а также Северного горнообогатительного комбината имени Комсомола Украины и первой очереди цеха холодной прокатки стали на Новолипецком металлургическом заводе; введены в действие: Навоийская ГРЭС (Узбекистан), Зейская ГЭС (Дальний Восток), вторая очередь КамАЗа; сдан в эксплуатацию первый энергоблок Ровенской АЭС; стартовала орбитальная научная станция нового поколения «Салют-7»; запущен космический корабль «Союз Т-5» и т. д.

В области внешней политики: подписан Договор между СССР

и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2, подписали Брежнев и Картер); отмечалась тридцатая годовщина ГДР; введена в действие межгосударственная линия энергопередач СССР — Венгрия; введен в строй магистральный газопровод «Союз» — в строительстве принимали участие СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия; в Москве проходили XXII Олимпийские игры; с территории ГДР выведена часть группировки советских войск; советским ракетоносителем выведен индийский спутник «Бхаскара-2» на околоземную орбиту; СССР и США подписали соглашение о модернизации специальной линии связи «горячая линия»; в Москве проведены Игры доброй воли, в которых приняли участие ряд стран.

Ничего себе «застой», не правда ли? Если бы сейчас повторился такой «застой», вся пресса била бы в литавры по поводу неслыханного успеха ельцинских «реформ».

Все это и многое другое говорило о мощи Советского Союза, его высоком престиже. Для меня лично, как и для других соотечественников моего поколения, важным событием было восстановление В. М. Молотова в рядах КПСС. Это произошло 5 июня 1984 года. Спасибо К. У. Черненко — хоть это успел сделать. Вячеслав Михайлович был исключен из партии и снят со всех постов Хрущевым — интриганом и авантюристом. Полезно знать читателю, что расправа над Молотовым и другими произошла именно в период так называемой «хрущевской оттепели», о которой так много теплых слов было сказано в свое время Горбачевым и его тенью Яковлевым.

Конечно, в это время у нас были и тяжелые явления: ввод советских войск в Афганистан; политическая эпопея в связи с появлением в Польше «Солидарности» (Англия против СССР ввела экономические санкции); сбитие южнокорейского лайнера «Боинг-747»; принятие Постановления ЦК КПСС от 7.05.85 года (т. е. сразу, как Горбачев стал у власти) «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» — эта кампания нанесла колоссальный экономический и социально-политический ущерб; роковое назначение Шеварднадзе министром иностранных дел СССР; такое же роковое назначение (не избрание) Ельцина первым секретарем МГК КПСС… Но основной рок, главная трагедия в жизни нашего общества, конечно, были связаны с появлением Горбачева у власти, а вместе с ним и предателя Яковлева, которому впоследствии российское телевидение так много уделило и уделяет внимания, что возмутился даже Юрий Михайлович Лужков.

Но многие перечисленные и неперечисленные личности

проявились и стали для нас явными значительно позже. А на XXVII съезде КПСС мы все были исполнены больших надежд.

В перерывах между заседаниями съезда я, конечно, находился в Генеральном штабе (в основном в вечернее время). Отдельно доложил о ситуации в Афганистане начальнику Генштаба маршалу Советского Союза С. Ф. Ахромееву, министру обороны маршалу Советского Союза С. Л. Соколову. Повстречался со всеми, от кого зависит состояние наших дел в Афганистане, и со всеми обо всем договорился, кроме министра обороны. Хотя Сергей Федорович и предупреждал меня, что не надо поднимать вопрос о предстоящей Хостской операции, я все-таки попытался логически убедить Сергея Леонидовича в необходимости перенести операцию месяца на два. Но министр обороны даже не стал меня слушать — решение принято, надо выполнять. Было странно — даже Д. Ф. Устинов прислушивался к тому, что я говорил, хотя и не переносил меня (как и Огаркова).

Вернувшись в Афганистан, я сосредоточил основные усилия оперативной группы и свои лично на том, чтобы всячески помочь правительственным войскам провести операцию в округе Хост по овладению базой противника Джавара. К этому же, когда позволяла погода, максимально привлекалась и боевая авиация 40-й армии.

Но оппозиция, ее отряды, находившиеся вдоль государственной границы в районе Парачинарского выступа и южнее, до Хоста включительно, буквально измывались над правительственными войсками. Поэтому последние не столько продвигались, сколько «топтались» на месте, намереваясь нанести поражение нападающим бандам, а фактически сами несли большие потери.

Первоначально всей группировкой командовал командир 3-го армейского корпуса афганской армии генерал Делавар. Однако осложнившаяся обстановка потребовала укрепления руководства. Для проведения этой операции министр обороны ДРА, по согласованию с Кармалем (который к этому времени уже совсем утратил свой авторитет), назначил руководителем операции первого заместителя министра обороны генерал-лейтенанта Азими. В помощь ему была выделена оперативная группа Генерального штаба.

Но и это не изменило обстановку. Она становилась все хуже и хуже. Я с группой офицеров вылетел в Хост, чтобы на месте разобраться в обстановке. Затем провел беседу с генералом Азими. В итоге понял, что ни Азими, ни его аппарат совершенно не знают обстановки и не способны дальше управлять войсками.

Понеся потери от 60 до 70 процентов боевых подразделений

(убитые, раненые, дезертиры), войска, выйдя через 1,5 месяца выдвижения в район Хоста на последнем дыхании, фактически уже не были способны даже пошевелить пальцем. Они пришли и просто легли. А попытка командования на второй день поднять их в наступление закончилась тем, что душманы отбросили правительственные части на 5–7 километров и стали уже угрожать Хосту. Пришлось принимать экстренные меры (в основном авиацией), чтобы пресечь эту тяжелую тенденцию.

Делая для себя вывод о том, что Азими надо немедленно заменить боевым генералом, я намекнул ему в беседе, что после всех этих передряг ему лучше отдохнуть. «Тем более, — сказал я, — мне известно, что у вас не все в порядке со здоровьем». Азими сразу ухватился за эту «соломинку» и начал мне рассказывать, сколько у него болезней и что, конечно, ему надо подлечиться.

Отдав на месте все необходимые распоряжения о закреплении занимаемых рубежей и проверив непосредственно в войсках их способность выполнить эту задачу, я отправился в Кабул.

Кстати, в отношении проверки способностей и возможностей приведу один пример. На окраине Хоста имеется гора Матун с крепостью. Наверху, в этой крепости, стоят на прямой наводке 130-мм орудия. Это мощные дальнобойные средства. Стрельбой этой батареи в течение часа фактически были рассеяны все банды, которые группировались восточнее и юго-восточнее Хоста. Наблюдая эту картину, особенно как душманы старались укрыться от обстрела, я понял, что силы есть, их надо только хорошо организовать и мобилизовать.

В Кабуле я сразу договорился с Главным военным советником (уже новым), министром обороны и с Генеральным штабом армии ДРА о том, что надо срочно заменить руководство. Вместо генерала Азими, который «болеет», предложил назначить генерала Гафура — первого заместителя начальника Генштаба ДРА. Это не вельможа, а боевой полевой генерал, с хорошими организаторскими способностями и твердым характером. Одновременно решили немедленно направлять транспортной авиацией: пополнение (несколько тысяч человек) в имеющиеся в Хосте части и дополнительные войска из афганской армии, а также подразделения КГБ и МВД.

С командованием 40-й армии договорились, что в эту операцию надо немедленно включить советские войска — наша артиллерия и авиация, имея своих корректировщиков и авианаводчиков непосредственно на наблюдательных пунктах, афганских командиров будут поддерживать огнем, а наши

мотострелковые подразделения и десантники станут во второй линии за афганскими частями, имея с ними визуальную связь. Решено было направить пять батальонов: три — из 56-й десантно-штурмовой бригады и два — из 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Руководителем всей советской группировки (в том числе артиллерией и авиацией) был назначен начальник штаба 40-й армии генерал Ю. П. Греков. Общее руководство всеми силами можно было бы возложить на Главного военного советника (тем более что инициатива исходила именно отсюда) или взять все на себя. Учитывая, что генерал-полковник В. А. Востров только вступил в должность советника, ставить его в сложное положение (фактически под удар, так как не известно, чем все это закончится) было бы неправильно. Поэтому, как и в Кунарской операции, я решил руководить действиями лично.

Для того, чтобы у афганцев не возникло никаких недоразумений и вопросов, я ввел в курс дела в полном объеме нашего посла Ф. А. Табеева. Фикрят Ахмеджанович прекрасно ориентировался в обстановке и пообещал довести до всех руководителей, в том числе и до Б. Кармаля, добавив: «Хотя ему можно ничего не говорить, так как его песенка уже спета и его скоро сменит Наджиб». Такая перспектива в афганских делах меня, конечно, обрадовала, но я попросил все-таки обстановку Кармалю сообщить (конечно, это мог бы сделать и я, но именно из соображений его смены, о чем мне тоже было известно, я счел нецелесообразным с ним встречаться).

Одновременно я послал на имя министра обороны донесение следующего содержания (донесение характерное, поэтому прошу читателя обратить внимание, хотя дано в сокращенном варианте):

«Министру обороны СССР
Маршалу Советского Союза
товарищу Соколову С. Л.
Докладываю

Боевые действия афганской армии в районе Хоста могут оцениваться по своим предварительным результатам как неудовлетворительные, хотя мятежники и понесли большие потери в личном составе и вооружении.

Причины:

1. Плохая выучка привлеченных к операции войск и авиации, низкий морально-боевой дух личного состава. В связи с этим боеспособность дивизий и их возможности крайне ограничены. Кроме того, командиры 7-й, 8-й, 14-й пд и особенно 3-го АК не подготовлены в полной мере к управлению войсками в таких сложных условиях.

2. Недостаточно вскрыт и неправильно оценен противник до начала боевых действий. Он оказался сильнее, чем предполагалось. Близость территории Пакистана позволила ему беспрепятственно наносить огневые удары по частям правительственных войск и постоянно маневрировать и беспрепятственно восполнять потери в живой силе и оружии. Кроме того, мятежники пользовались сильной огневой поддержкой с территории Пакистана, особенно при движении войск вдоль границы. Непосредственно в боях за базовые районы Джавара, Мирахаза (южнее Хоста) принимают участие пакистанские малиши, обладающие хорошей выучкой и устойчивостью.

3. Неудачный выбор времени проведения боевых действий. Наиболее благоприятным периодом для этого района являются январь — начало февраля или апрель — май. Конец февраля и март характеризуются обильными дождями со снегом (особенно в этом году), что вынудило войска двигаться в распутицу по единственной дороге под обстрелом противника.

4. Сложные погодные условия, затяжные (30 суток) и «неудобные» для войск бои (в колонне) при выдвижении вдоль госграницы измотали личный состав, он утратил и без того низкий моральный дух. Краткая подготовка к боевым действиям в районе Хоста с 31 марта по 4 апреля не позволила восстановить силы.

5. В ходе боевых действий руководители допускали необъективные оценки обстановки, неправдивые доклады о положении и характере действий войск, что не позволяло должным образом влиять на обстановку.

6. Ошибки в применении десантов. Планирование десантирования было осуществлено правильно. Однако практическое применение организовано неудовлетворительно. Из-за просчетов ведущего экипажа десанты были высажены на площадки, находящиеся в 4—20 км от запланированных, что позволило мятежникам разбить десанты в течение одного дня. Неудовлетворительная штурманская подготовка экипажей, плохое ориентирование на местности при десантировании (только по курсу и времени) — основная причина уничтожения десанта противником.

Принятые меры:

1. Дополнительно спланированы и осуществляются массированные удары авиации и огонь артиллерии по опорным пунктам и разведанным огневым точкам противника, в том числе с применением боеприпасов «Штурм» (на подступах к базам опорные пункты оборудованы бетонными укрытиями,

бронеколпаками, имеются окопанные танки).

2. В район боевых действий переброшены и перебрасываются дополнительные силы — 50-й пп 18-й пд, 8-й пп 11-й пд, пп 21-й мпбр, б-н СПН правительственных войск.

Для поддержки афганских войск переброшены: наша десантно-штурмовая бригада (три батальона) и отдельный парашютно-десантный полк (два батальона).

3. Усилена разведка всех видов, в том числе против племени джадран (наиболее агрессивное).

4. Укреплено руководство афганскими войсками. С этой целью вместо генерал-лейтенанта Азими (болен) руководителем боевыми действиями назначен генерал-лейтенант Гафур…

Руководство частями 40-й армии осуществляет начальник штаба 40-й армии генерал Ю. П. Греков. Координация действий всех войск проводится Оперативной группой МО СССР в ДРА непосредственно в районе боевых действий.

Предварительные выводы (уроки):

1. Необходимы радикальные меры по укомплектованию войск афганской армии (особенно 1-го и 3-го АК) — в том числе войск в районе Хоста — сейчас в воюющих дивизиях по 200–300 чел. в цепи… (сказались огромные потери на марше).

2. Воздерживаться от крупномасштабных боевых действий самостоятельно афганскими войсками большой продолжительности и в отдаленных районах от пунктов дислокации. Продолжительность боевых действий не должна превышать 10–12 дней.

3. Боевые действия против базовых районов, находящихся вблизи границы или в районах, исключающих их изоляцию от притока резервов противника, войскам не проводить. Такие районы подвергать массированным ударам авиации с применением дистанционного минирования, авиационных бомб объемного взрыва и т. п.

Дальнейшие действия:

…Учитывая, что результаты ведущихся боевых действий будут носить значительный военно-политический смысл, целесообразно постоянно максимально наращивать удары авиацией по обнаруженным целям противника с одновременным проведением более эффективных мероприятий по дальнейшей подготовке афганских войск к решительным наступательным действиям и применить максимальное количество афганских боевых частей для достижения успеха.

Варенников

Апрель 1986 г.».

Таким образом, из этого донесения видно, что всё то, о чем я предупреждал (а я говорил, что может произойти такая беда), — все произошло. В то же время мною определены меры для окончательного решения стоящей задачи, а также уроки, которые мы извлекли для себя.

Но каково было мое удивление, когда я на свое донесение буквально на второй день получаю от министра обороны шифровку-ответ, в котором он отмечает, что допущены ошибки (именно те, от которых я хотел всех оградить) и что ни новый Главный военный советник Востров (который никакого отношения к этим ошибкам не имеет), ни Оперативная группа МО СССР (имеется в виду Варенников) не приняли должных мер, чтобы своевременно эти ошибки были исправлены. И далее ставились задачи, которые мы уже выполняли и которые составляли лишь часть от того, что уже организовано. Вот так-то! Все то, что я написал в донесении, Сергей Леонидович вернул мне бумерангом. Мол, чтоб не подавал голоса.

У военных прижилась байка, которая очень хорошо показывает, что такое «требовательный» командир. А суть ее в следующем.

В одном из подразделений произошло происшествие. Старший начальник вызывает командира этого подразделения и сразу же задает вопрос:

— Почему это происшествие произошло у тебя в подразделении?

— Докладываю. Вчера…

— Молчать! Я спрашиваю тебя, почему произошло это тяжелое происшествие?

— Товарищ полковник, вчера…

— Молчать! Я еще раз спрашиваю…

И так бесконечно.

Конечно, все, что было приказано, мы полностью уже и без этой телеграммы выполнили, за исключением срока представления на утверждение плана на ведение дальнейших боевых действий. Мы его представили не 17-го, а 12-го апреля. А уже 17.04.86 начали активные боевые действия. Хотя мне лично было совершенно непонятно — к чему представлять в Москву этот план? Даже в годы ВОВ такого не было.

Отдав все необходимые распоряжения, я со своей группой управления, а также генерал Греков со своими офицерами отправились в Хост. Первое, с чего начали, это определились с командными пунктами. Я принял решение наш основной командный пункт расположить непосредственно в районе боевых

действий. За базу под КП были взяты развалины кишлака Тани (15 км юго-восточнее Хоста). Запасной командный пункт мы сделали в Хосте, здесь же был главный узел связи, через который мы сносились со всем миром и могли использовать для дублирования команд в подчиненные части, если вдруг наша прямая связь из Тани с ними будет разрушена.

В Хосте было все устроено, зарыто, защищено, обеспечивались и управление, и быт. А в Тани все делалось с «чистого листа» и на «целине». Там не было ничего, кроме трех полуразрушенных саманных домов. Один взяли мы с генералом Грековым и, отрыв по соседству ряд окопов, соединив их и дом траншеями, получили то, что надо. Внутри дома, состоявшего из одной уцелевшей большой комнаты с толстыми саманными стенами, мы расположили узел связи и оперативно-разведывательную группу. А наверху, на плоской толстой крыше, мы расположили наблюдательный пункт, где кроме нас, разведчиков с приборами наблюдения и связистов были артиллеристы и авиаторы, в том числе авианаводчики (до сих пор не могу понять, почему не обвалилась крыша — ведь все из самана).

В двух других домах, в 50–60 метрах от нас, расположился командный пункт генерала Гафура. У нас было визуальное общение, и если не было обстрела, то можно было переговариваться — он понимал по-русски, к тому же у нас были переводчики. Гафур приблизительно так же, как и мы, оборудовал, точнее, приспособил свои дома под военные нужды! В тылу у нас был глубокий высохший арык, где размещался весь быт, медпункт и небольшие склады с имуществом, а также подразделения охраны, БТРы и боевые машины пехоты (БМП). Дома наши вместе с наблюдательными пунктами были накрыты маскировочными сетями песочного цвета, что соответствовало местности — нигде поблизости никакой растительности не было. Кстати, отправляясь по полевой дороге-тропе из Хоста в Тани на бронетранспортере, мы пересекли небольшую речушку Вурзихвара, у которой было твердое, из гальки, дно и почти пустынные берега.

Наше небольшое плато находилось на высоте 1200–1300 метров над уровнем моря. На севере его граница проходила от Хоста около десяти километров к Айубхейль на восток, а на запад — тоже в пределах десяти километров к Ходжа-Рахиму. На юг плато простиралось километров на двадцать, приблизительно в центре его и находился кишлак Тани. Далее, там, где кончалось плато, начинались горы высотой 2500–3500 метров. У подножия гор, в расщелинах и небольших ущельях росли небольшие

деревья и кустарники.

Подножия всех гор, их склоны и вершины занимали душманы. Поэтому во время подготовки наших действий, приблизительно с 7 апреля и до начала наступления, всю боевую авиацию нашей 40-й и афганской армий мы вынуждены были сосредоточить на эти цели. С 7 по 12 апреля выбивали «духов» из предгорья и с гор, расположенных восточнее плато: здесь засели бандформирования и здесь находились подступы к укрепленному району Джавара.

Оттеснив противника в горы и выдвинув на определенные рубежи афганские войска, мы смогли полностью занять плато, предгорье и склоны гор, обращенные к нам. В «затылок» афганским частям были поставлены на визуальную видимость наши подразделения, причем между нами установили проводную и радиосвязь. Естественно, была и единая для всех таблица сигналов.

Учитывая, что войскам на пути к Джаваре придется прорывать фактически три оборонительных рубежа, хорошо оборудованных в инженерном отношении, я принял решение — прямо здесь, неподалеку от Тани, в предгорье и на склонах гор, провести показное батальонное тактические учение с боевой стрельбой. Для этого мы создали мишенное поле, т. е. построили оборону противника и провели с одним из батальонов 56-й десантно-штурмовой бригады тактико-строевые занятия по прорыву этой обороны. А 12 апреля вызвали всех командиров рот, батальонов и полков афганской армии, оставив за них штатных офицеров. Приглашены были и офицеры наших частей.

Это был большой, даже двойной риск. Во-первых, оставшись без своих непосредственных командиров, подразделения значительно снижали свою устойчивость. Во-вторых, проводя занятия в предгорье и на склонах гор, мы уже находились в зоне интенсивных обстрелов реактивными снарядами. Если до Тани противник немного не доставал, то предгорье он ежедневно и многократно обстреливал на всех основных направлениях. Однако, изучив в течение нескольких дней эту стрельбу, мы установили, что у противника есть система, а в этой системе имеются «окна», когда обстрел не ведется. Вот в такое «окно» мы и поставили свое занятие.

Конечно, разгадав нашу задумку, противник вполне мог нанести огромный ущерб, накрыв весь командный состав — наш и наших афганских друзей. Но такую возможность он не использовал. Видно, не имел данных и не просматривал тот участок, где проходило это учение. Военные знают, что такое тактическое учение с боевой стрельбой артиллерии, танков, всех

видов стрелкового оружия и бомбо-штурмовых действий боевых самолетов и вертолетов. А для всех остальных я поясню — всё происходит, как в бою: применяется всё вооружение и боевая техника, но стрельба ведется по мишеням. При этом отрабатывается взаимодействие всех наступающих подразделений между собой и согласование их действий с огнем артиллерии и авиации. Это архиважно и архисложно претворить всё в реальных действиях. И это опасно даже без присутствия реального противника.

Для того, чтобы все офицеры хорошо усвоили, как выполняется тот или иной тактический прием, мы в ходе учений делали паузы и поясняли. А если были просьбы показать еще раз, то мы отводили подразделения на определенный рубеж и повторяли этот прием.

В целом учения прошли нормально и, конечно, сыграли свою роль в будущем. Однако в ходе их я был напряжен до крайности, опасаясь обстрела, хоть мы и «провентилировали» капитально в этот день все возможные площадки противника, откуда делались пуски реактивных снарядов (нанесли авиационные и артиллерийские удары).

Особое внимание я уделил не только методам штурмовых действий (что ожидало нас при штурме Джавары), но и использованию артиллерийских корректировщиков огня и авианаводчиков. В оставшееся до 17 апреля время я рекомендовал всем, кто может, кому позволяет обстановка, провести поротно такое учение с боевой стрельбой, но накоротке. Одновременно сказал, что еще лучше будет, если до назначенного времени (до 17.04) частными боями (согласовывая это с соседями и советскими командирами, которые стоят во второй линии) удастся улучшить свои позиции и выйти к первому кольцу обороны Джавары.

Фактически так было и сделано. К исходу 15 апреля войска уже изготовились для штурма. 16 апреля было отведено для уточнения задач и взаимодействия, пополнения вооружения боеприпасов, продовольствия, медикаментов и прочего. Весь день 16 апреля авиация наносила бомбоштурмовые удары по первой позиции и по отдельным целям в глубине. Дальнобойная артиллерия и реактивные установки «Град» и «Ураган» обрушили свои удары непосредственно по ущелью, где находилась база Джавара, а также по целям на территории Пакистана.

По поводу ударов по особо важным целям на территории Пакистана надо остановиться подробно. Дело в том, что после двух провалившихся войн, организованных Англией против Афганистана (1878–1880 годы) и имевших цель присоединить эту

страну к Индии, западные земли которой были британской колонией, Англия в 1893 году вновь начала угрожать Афганистану войной. Не желая кровопролития, эмир Афганистана Абдулрахман решил пойти на компромисс и согласиться с предложением секретаря по иностранным делам колониального правительства в Индии Дюранда о присоединении к Западной Индии некоторых восточных районов Афганистана. Была создана смешанная комиссия во главе с Дюрандом, которая провела соответствующую линию, назвав ее государственной границей. К сожалению, в 1919 году в г. Равалпинде (Индия) был подписан договор, который признавал «линию Дюранда». В 1921 году в Кабуле был ратифицирован договор, по которому Англия признала независимость Афганистана, но напряжение по этой проблеме не было снято. «Линия» резала по живому племена (в основном пуштунские), они искусственно разрывались. Даже некоторые роды и семьи частично проживают в Пакистане, который в итоге Второй мировой войны был создан за счет земель Индии и Афганистана.

Поэтому коренное население и в первую очередь пуштуны не признавали и не признают сейчас «линию Дюранда». Она формально на картах государств присутствует, а на месте люди как ходили, так и ходят по обе стороны и не намерены даже и слушать о существовании такой границы. При этом такое мнение бытует на уровне самых высоких авторитетов, имеющих прекрасное европейское образование. Мне приходилось встречаться с ними и у президента Наджибуллы, и в советском посольстве.

Вот почему мною иногда принимались решения о нанесении огневых ударов по объектам, представляющим особую опасность и расположенным вблизи госграницы на территории Пакистана (земля-то фактически афганская). Конечно, приведенное выше, так сказать, обоснование не было основным. Главное было в другом. В приграничной зоне, приблизительно в полосе до 5–7 километров от границы, противник, как правило, сосредоточивал свои отряды или караваны перед переходом на территорию Афганистана. Здесь же размещались приграничные склады (оружие, боеприпасы, продовольствие, имущество). Наконец, в этой же полосе, как правило, находились огневые позиции реактивных установок или площадки под реактивные снаряды с дальностью действий до 20 километров, т. е. они прекрасно простреливали приблизительно 15 километров афганской территории.

Спрашивается, в условиях, когда я располагаю достоверными данными о наличии такой цели, надо действовать или сидеть

сложа руки. Конечно, надо действовать, и немедленно! Ведь если душманы, да и малиши (добровольные пограничные поздразделения, находящиеся на службе в пакистанской армии) постоянно со «своей» территории обстреливают части правительственных войск Афганистана, то почему мы должны соблюдать какие-то правила?! Тем более что эта приграничная зона фактически является исконно территорией Афганистана.

Разумеется, я никому не разрешал принимать решение на обстрел объектов на территории Пакистана, дабы не ставить этого командира или начальника в сложное положение, если вдруг вопрос приобретет обостренный официальный характер. Поэтому удары артиллерии (в том числе реактивной) и боевой авиации наносились только по моему решению и с моего ведома. При этом нашей авиации категорически запрещалось приближаться к границе ближе пяти километров, поэтому бомбовые удары они часто наносили из положения кабрирования — не залетая на территорию Пакистана.

Это положение, кстати, грубо было нарушено в этом районе в 1988 году летчиком А. В. Руцким. Его самолет был подбит, сам он катапультировался и приземлился на территории мятежников (в Пакистане). Используя каналы связи наших военных разведчиков и разведчиков КГБ с душманами, а также каналы Наджибуллы (т. е. все было поставлено «на ноги»), мы сделали всё, чтобы его «выкупить» — а у душманов купить можно было все. Решив эту задачу и приведя Руцкого в порядок после тяжелых испытаний, — направили его, как исключение, учиться в Военную академию Генерального штаба. Он получил «полковника». Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Некоторые шутили: «Героя» за то, что по своей нерадивости попал в плен». Правда, не выполнили в те годы еще одного его пожелания — не присвоили по окончании академии звания генерала. Это ему не понравилось, хотя он прекрасно знал, что таких прецедентов не было. Однако ему пообещали генеральскую должность, а звание это он может получить уже в войсках.

Нет, Александр Владимирович кровно на всех обиделся и ушел из Вооруженных Сил, став сподвижником Ельцина. Они вдвоем захватили на выборах высшие посты России — президента и вице-президента. И вдруг события августа 1991 года. Руцкой летит в Форос «спасать» Горбачева, хотя, как известно, «спасать» этого «узника» было не от кого. На обратном пути убеждает Горбачева, чтобы Крючков и Язов были арестованы (видно, в порядке благодарности — ведь по их приказу Руцкой был освобожден из плена и был представлен к Герою), а за «спасение» получает от Горбачева долгожданного «генерала». Правда, в

последующем пути-дороги Ельцина и молодого генерала разошлись, хотя последний всячески старался отношения с Ельциным сохранить. Потом вдруг Руцкой переодевается в патриотические одежды, начинает блокироваться с Хасбулатовым. На сессии Верховного Совета заявил, что у него есть одиннадцать чемоданов с компроматом на Ельцина и его окружение. Затем наступил сентябрь 1993 года. Ельцин подписывает Указ № 1400 о роспуске съезда народных депутатов. В ответ съезд отрешает его от должности и избирает исполняющим обязанности президента борца с коррупцией Руцкого. Но кроме громких речей перед депутатами и телекамерами генерал и и. о. президента не сделал ничего, чтобы выполнить конституционные решения последнего в истории съезда народных депутатов России.

А когда Ельцин расстрелял Верховный Совет и безоружных людей из танков, бедный Александр Владимирович весь извелся, доказывая всем (когда его арестовали), что он ни разу из автомата не выстрелил, и показывал при этом, что его оружие еще в заводской смазке. Но все равно его посадили в Лефортовскую тюрьму. Спасла амнистия. После этого он снова ударился в политику — создает фиктивное политическое движение с эффектным названием «Держава». И просит, чтобы его приняли в народно-патриотический союз России, который возглавляли Г. А. Зюганов и Н. И. Рыжков.

Аппетит приходит во время еды: захотелось ему стать губернатором Курской области и, естественно, автоматически войти в Совет Федерации. А у КПРФ уже кандидатом на эту должность со стопроцентной гарантией был готов Александр Николаевич Михайлов, в чем я лично убедился, работая по этой теме в Курской области. Но Руцкой не дремлет. Он в буквальном смысле зацеловал и Геннадия Андреевича, и Николая Ивановича, выпрашивая эту должность и давая торжественную клятву, что будет не покладая рук работать на благо народа и на народно-патриотический союз России. В Курск на имя Михайлова летит распоряжение: «Надо уступить место Руцкому». Михайлов собирает обком КПРФ. Все единогласно отстаивают кандидатуру Михайлова. Тогда в Курск приезжает Николай Иванович Рыжков с решением НПСР и принуждает Михайлова выступить в средствах массовой информации в пользу Руцкого. Культурный и порядочный А. Н. Михайлов, конечно, не мог противиться. Поскольку это касалось его лично, было просто неприлично устраивать тяжбу. И он снял свою кандидатуру в пользу Руцкого, призывая всех своих избирателей голосовать за него.

Ну, а что из этого вышло, мы знаем. Руцкой сразу же после

восхождения на губернаторский трон скрутил две фиги — одну Зюганову, а вторую — Рыжкову. В тот же день этими же руками написал и направил послание Ельцину в признании своей неугасшей к нему любви, одновременно покаялся, что когда-то заблуждался и был не прав, а сейчас будет верен до гроба и всячески будет его поддерживать. И в этом он, наконец, откровенно продемонстрировал свою последовательность — все делает, как обещал. Так, по мелочам только прокуратура занимается отдельными моментами его титанической деятельности, что не помешало ему найти время и отбить у лейтенанта жену, которая моложе его лет на тридцать, и жить в свое удовольствие.

А как же Г. А. Зюганов и Н. И Рыжков? Да никак! Обмолвились как-то: «Ошибка получилась…» И все! Но чтобы не ошибаться, надо советоваться. Тем более что есть люди, которые знают таких патологических предателей как облупленных.

Вот такой мы вырастили в Афганистане саксаул.

Да, действительно, я отдавал приказы на проведение ударов по особо опасным объектам на территории Пакистана в приграничной зоне. В то же время в этой ситуации возникает резонное опасение — ведь может возникнуть конфликт между СССР и Пакистаном, а следовательно, и с Соединенными Штатами. Не лучше ли было для личной безопасности согласовать это с Москвой? Для меня это означало, что я должен был бы каждый раз спрашивать разрешения на такую акцию у министра обороны. Уверен, что никакой министр или другой государственный деятель на такой шаг никогда разрешения не даст. Это во-первых. А во-вторых, он еще и подумает: «Зачем тебя туда посылали? Чтобы по каждому поводу испрашивать разрешения? Да здесь и солдату понятно, что надо бить, и бить, не мешкая!» Понимая все это, я уверенно практиковал такие действия, не втягивая в это дело Москву, но издалека намекал об этом Наджибулле и нашим послам, а в мою бытность их было четыре: Ф. Табеев, П. Можаев, Н. Егорычев и Ю. Воронцов. Все они меня поддерживали. Но я их информировал не для того, чтобы заручиться поддержкой в их лице, а тем более найти опору — нет, я готов был взять всю полноту ответственности на себя. Но делал это для того, чтобы они в случае, если этот вопрос вдруг всплывет, могли бы сразу его парировать: душманы и даже пакистанцы постоянно из пограничной зоны обстреливают и советские войска, и войска афганской армии.

Итак, 17 апреля войска, заняв фактически на всем фронте исходное положение непосредственно перед первым рубежом обороны противника, после артиллерийской и авиационной

подготовки атаки перешли в наступление. Надо сразу отметить, что наши учения и в целом подготовка к действиям оказались эффективными — в течение дня мы захватили оборонительные сооружения фактически на всем фронте. Этому уже способствовала и погода. Но дальше афганцы двигаться не стали. Они хорошо устроились в окопах и блиндажах, захватили небольшие трофеи и решили, очевидно, на этом все закончить. Нам пришлось потратить целые сутки, чтобы убедить, в том числе офицеров, что надо идти до конца. Наконец, генерал Гафур мне откровенно сказал: «Мы в прошлом году и до этого не выходили даже на этот рубеж. Отгоняли душманов от Хоста и докладывали, что Джавара взята. А на самом деле никто там и не был. Ограничивались ее обстрелом дальнобойными средствами, в том числе авиацией. И это помнят многие участники этих событий, в том числе офицеры. Вот почему сейчас бытует такое настроение. Но сейчас надо что-то предпринять. Я полностью поддерживаю ваше решение — Джавару надо взять».

Но что именно предпринять, чтобы поднять людей в атаку, никто не знал. Хотя все офицеры и солдаты афганских подразделений были согласны, что душманов надо выбить из Джавары. Переоценив обстановку и повстречавшись со многими офицерами, а также послав генерала Грекова непосредственно на передний край наших афганских войск — с целью изучения истинной обстановки, я пришел к выводу: афганские солдаты и офицеры просто боятся идти дальше в наступление, — и противник силен, и местность очень тяжелая. Чтобы выйти и атаковать второй рубеж, надо было около километра спускаться по крутому скалистому уклону, а затем столько же подниматься вверх. Конечно, если противника не подавить, он сто раз убьет каждого наступающего.

Принимаю решение — всем нашим батальонам войти в траншею, которую занимают афганские войска, и огнем с места из всех видов пулеметов (в том числе крупнокалиберных), 82-мм минометов и ПТУРСов (по особо важным целям мы их тоже применяли — эффект отличный) полностью подавить противника и не позволить ему даже поднять головы. Причем стрелять до тех пор, пока афганские подразделения не сблизятся с противником и не перейдут в атаку. В это же время артиллерия с закрытых позиций будет также вести огонь — вначале по переднему краю, а затем по сигналу перенесет удар по глубине. Авиация будет проводить бомбоштурмовые удары по третьему рубежу и непосредственно на базе Джавара.

Все это было детально рассказано в каждом афганском подразделении, и это возымело действие. Но какой это был

адский труд.

Кстати, я очень переживал, когда кого-то посылал на вертолете в горы ближе к переднему краю. В частности, несколько раз летал Ю. Греков. Этот мужественный, бесстрашный человек и в последующих операциях проявлял себя отважно. Но каждый раз, когда вертолет с ним улетал и кружил уже далеко над вершинами скалистых гор, я весь был в напряжении и заклинал, чтобы его не сбили. А это запросто могло произойти.

С приходом наших подразделений в подразделения афганцев последние сразу воспряли духом. А когда был доведен наш план дальнейших действий, то уже появились и улыбки, и шутки. Солдаты начали меняться значками, головными уборами и прочими вещами.

Наступление возобновилось, и второй рубеж был взят без особых потерь. Таким же методом мы действовали и при наступлении на третий основной рубеж. Здесь, однако, было посложнее. Противник защищался фанатически и, несмотря на наш ураганный огонь, жестко сопротивлялся.

Непосредственно в наших действиях тоже было немало курьезных случаев, о чем свидетельствует беседа А. Ляховского с Ю. Грековым (А. Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана», с. 306):

«Генерал-майор Ю. Греков, вспоминая Джавару, рассказывал мне, как они попали под минометный обстрел мятежников. И, как говорится, еле унесли ноги: «Когда мы садились на вертолете на площадку подскока, то заметили, что на ней то тут, то там отмечаются разрывы снарядов. Я увидел начальника штаба 56-й одшбр майора В.Евневича, который сидел под одиноким деревом и махал нам рукой, чтобы мы бежали к нему. На краю поляны в яме сидел солдат и тоже подавал знаки, пытаясь привлечь к себе наше внимание. Когда вертолет приземлился, люди из него стали разбегаться кто куда. Я сначала хотел бежать к Евневичу, но увидел, что генерал армии В. Варенников побежал к солдату, и кинулся за ним. Спрыгнув в яму, мы долго не могли отдышаться — сказывалось высокогорье. Когда обстрел закончился, Варенников, поблагодарив солдата, сказал, что он выбрал самое лучшее место для укрытия.

Пару дней спустя при штурме Джавары я вдруг заметил, что одно орудие стреляет в сторону и разрывы снарядов ложатся в месте расположения афганской дивизии, куда уехал генерал армии Варенников. Я тут же принял меры, чтобы остановить стрельбу. И вовремя. Как потом выяснилось, ошибся наводчик орудия, установив прицел на одно деление левее. Проверяющие тоже не заметили ошибки. Из наших никто не пострадал, а у

афганцев погибло одиннадцать человек. Варенников, выйдя из-под обстрела и разобравшись в чем дело, только и сказал: «Прискорбный случай». Этим и закончилось».

После того, как мы овладели третьим рубежом, у нас вдруг все окончательно застопорилось. А уже наступило 21 апреля. Никто не может мне объяснить, почему афганские подразделения, захватив третий рубеж, не хотят сделать последний рывок и овладеть непосредственно базой. Ведь уже «рукой подать», цель вот она, рядом! Возможно, сказались потери при штурме третьего рубежа, не исключено, что влияло отсутствие наших солдат, которых мы оставили на втором рубеже, откуда они и поддерживали наших друзей-афганцев.

Мне все-таки хотелось, чтобы афганские части сами взяли Джавару и тем самым подняли свой боевой и моральный дух, утвердились в мысли, что они способны самостоятельно выполнять самые сложные задачи. Поэтому втягивать наши подразделения на третий рубеж не хотелось. Тем более это уже совсем близко от Пакистана — артиллерия противника могла вести прицельный огонь.

Но что же делать, чтобы в последний раз поднять афганскому солдату дух и стимулировать активные действия? Говорю генералу Гафуру:

— Ну, растолкуйте наконец солдатам и офицерам, что главная задача — прорыв обороны — уже решена! Надо теперь спуститься с гор в ущелье и дружной атакой захватить базу. И у нас будет победа.

— Мы именно так и рассказывали. Все соглашаются, но, наверное, чего-то боятся…

— Ну, чего же бояться, когда там все перебито? Только сегодня сделано около ста самолето-вылетов.

— Боятся.

— Гафур, а если сказать солдатам, что там, в Джаваре, несметные богатства, и все, что они захватят, возьмут себе?.. — У меня уже больше не было аргументов, и я пошел на такой шаг. Но я смотрю — генерал Гафур весь расцвел:

— Генерал Варенников, вы отлично знаете афганского солдата. Отлично! Я думаю, что это уж их поднимет, обязательно!

Машина закрутилась. Гафур переговорил со всеми командирами. Все отлично восприняли эту идею. Учитывая, что день уже шел к концу, атаку назначили на завтра. С наступлением утра предварительно нанесли массированный огневой налет артиллерии и удары авиации. Удары планировались также по объектам вблизи Джавары на территории Пакистана.

Невозможно передать предчувствие уверенности в успехе, какое появляется у человека на войне. У меня это бывало в годы Великой Отечественной войны накануне какого-то боя или операции, когда фронт готовился к наступлению, завтра утром должна быть атака и я, как видно и все, чувствовал, что все пройдет успешно. Такое ощущение пробуждалось и в Сирии, точнее, в Ливане, когда мы разъезжали и бегали по долине Бекаа. Это же я испытывал и на переднем крае на юге Анголы, когда был конфликт с ЮАР. Это чувство проснулось у меня и сейчас, в Афганистане: я уверовал, что завтра, с утра, все решится положительно.

В связи с этим и желая, чтобы этот успех был как следует использован в пропагандистском плане, я позвонил в Кабул и приказал передать мою просьбу послу Ф. Табееву о том, что желательно перебросить в Хост к следующему утру все возможные средства массовой информации, в том числе телевидение, чтобы широко показать взятие «неприступной» базы моджахедов Джавара. Вскоре мне сообщили, что все будет исполнено.

Утром, получив доклады о готовности, мы предварительно нанесли мощный огневой удар, а затем всё двинулось вперед. Наблюдая эту картину в бинокль, я не мог понять, что там происходит. Поэтому начал вызывать к аппарату наших офицеров, находившихся с афганскими частями на переднем крае. Они докладывают, что действительно все двинулось вперед, однако никакой боевой цепи нет и никто — ни противник, ни солдаты правительственных войск — не стреляют. Противник частично перебит, а частично оставил позиции и ушел. Редко кое-где «огрызались» заслоны. Что же касается афганских солдат, то они собрались группами по три-пять человек и, забросив автоматы за плечо, с мешками и различными чувалами, быстро, быстрее, чем обычно идут в атаку, бросились вперед. Их «ждали» трофеи. Я сказал об этом генералу Гафуру и предупредил, что можно попасть в западню, но он меня успокоил: «Все будет хорошо».

Через два часа командир 25-й пехотной дивизии афганской армии доложил, что они ворвались в Джавару. Я передал в ответ, что вылетаю к нему на вертолете, который у меня был уже на «подогреве» на аэродроме в Хосте — до нашего командного пункта пять минут лёта. Собрав небольшую группу, мы полетели. Условились, что садиться на площадку будем без захода и кружения, что мы всегда делали в случае высокой опасности. Обычно сразу, не выключая двигателей, выскакиваем, чтобы не дать противнику собраться и обстрелять. Но в этот раз так не получилось. Подлетая к намеченной площадке, мы опять увидели,

что она вся в дыму и пыли, шел обстрел реактивными снарядами и минометами. Мы вынуждены были немного «отойти», сделать пару кругов в стороне, и когда, на наш взгляд, несколько утихло, пошли на посадку — другой, запасной площадки у нас не было. Как только вертолет коснулся земли, мы, как горох, высыпались на землю — и врассыпную — и солдаты, и генералы. Оказывается, обстрел продолжался. Вертолет, высадив наш десант, взмыл вверх и пошел на аэродром. Добежав до обрыва площадки, я кубарем скатился вниз. И надо же — сразу попал на командира 25-й пехотной дивизии и его советского военного советника полковника С. Коренного.

Приведя себя в порядок и отдышавшись, я попросил доложить обстановку, а про себя подумал: хорошо, что я не побежал в другом направлении. Через пять — десять минут поодиночке начали собираться те, кто был в нашей группе. Оказалось, что все невредимы, не считая синяков и шишек. Позже в шутку и всерьез я все-таки сказал, вспоминая этот эпизод: «Хороши боевые друзья — бросили начальника и разбежались по кустам и щелям». Конечно, я понимал, что никто этого не хотел, но ситуация внезапно сложилась именно так, что надо было спасаться.

Командир 25-й пехотной дивизии сообщил, что особого сопротивления они не встретили. И добавил: «Но тех, кто нам попадался, мы уничтожали, в плен никого не брали». Я промолчал, а затем мы пошли осматривать сооружения. Вот она, знаменитая Джавара! Это была мощная, современного типа база. В отвесе горной стены были прорублены множественные выработки типа тоннелей, глубиной до 50 и даже 100 метров. Здесь находился и командный пункт с пультами телефонной и радиосвязи. Кстати, сам командный пункт был оборудован ультрасовременной мебелью. Я мысленно представил, как здесь восседал предводитель племени джадран, который отвечал за сохранение этой базы. Только тяжелое ранение в бедро и контузия (между прочим, у него обгорела еще и борода) в боях за Джавару отвели от него тяжелую кару, которую должен был понести он за утрату этой базы.

На базе находилось множество различных складов, мастерских. В одном из тоннелей обнаружили линию подготовки патронов. Здесь же были госпиталь, столовая, душевая. Перед входом в большинство тоннелей, которые в свою очередь закрывались, в нескольких метрах была построена мощная каменная стена высотой более двух метров. Таким образом, если снаряд или бомба разрывались в ущелье, то стена могла прикрыть от осколков входы в эти укрытия. Но было совершенно непонятно,

почему караульное помещение и библиотека стояли в этом ущелье отдельными домами.

Все было разбросано, перебито. Афганские солдаты лазили по этим тоннелям, не обращая внимания ни на своих начальников, ни тем более на нас. Командир дивизии доложил, что боеприпасов, вооружения и вообще имущества на базе оказалось незначительное количество. Оказывается, всю последнюю ночь противник вывозил из базы все возможное на ближайший учебный центр Мирам-Шах. Я поинтересовался, откуда такие данные, а командир дивизии ответил:

— Это показания пленного.

— Приведите его, я с ним побеседую.

— Это, к сожалению, невозможно, так как его расстреляли.

— Кто и за что его расстрелял?

— Солдаты. После допроса. Думаю, за то, что моджахеды вывезли имущество…

Вполне вероятно, что именно за это афганские солдаты могли его прикончить, так как рассчитывали капитально поживиться, а тут вдруг у них все увели из-под носа.

Несмотря на то, что душманы многое успели вывезти, на базе было обнаружено значительное количество боеприпасов, в том числе реактивные снаряды и даже переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) «Блаупайб». Непосредственно на базе были оставлены противником БТРы, но сожженные (видно, сожжены умышленно при отходе), а наверху, непосредственно перед ущельем, было захвачено несколько исправных танков противника, ведя из которых огонь прямой наводкой, противник наносил большой ущерб афганским войскам. Снарядом одного из этих танков в прямом смысле разорвало советского военного советника 21-й пехотной дивизии подполковника Куленина — замечательного человека и прекрасного офицера…

Осмотрев базу и отдав генерал-майору В. В. Келпшу (заместитель начальника Оперативной группы МО СССР по инженерным вопросам) все необходимые распоряжения о проведении взрывных работ с целью ликвидации тоннелей и других сооружений на базе, я вызвал вертолет и улетел на свой командный пункт. Здесь уже суетились представители средств массовой информации, группа генерала Гафура. Я всех их собрал и отправил вертолетом в Джавару уже по проторенной «дорожке». Теперь я был спокоен — Джавара действительно была взята! Да и есть что там посмотреть телевизионщикам.

Пока решались вопросы с Гафуром, я связался с Кабулом и через генерала В. А. Богданова (начальника штаба нашей Оперативной группы) договорился с советским послом в

Афганистане Ф. А. Табеевым и секретарем ЦК НДПА Наджибуллой (который должен был на днях принять дела у Кармаля) о проведении парада победителей штурма базы Джавара. Все со мной согласились. Парад назначили на 24 апреля на центральном аэродроме г. Кабула. Там же наметили провести и митинг жителей столицы и представителей от некоторых провинций.

Приблизительно часа через два генерал Гафур возвращается из Джавары. Сияющий, в окружении корреспондентов, идет ко мне и докладывает, что мои указания выполнены: засняты все сооружения, а также отдельные элементы, представляющие особую ценность, боеприпасы (в первую очередь РС и ПЗДК «Блаупайб») и даже бронетанковая техника. В заключение Гафур выступил перед телекамерами, как я ему и рекомендовал. Между прочим, генерал, являясь в целом остроумным человеком, любил оригинальничать. И на этот раз он не изменил своим принципам — свое выступление он начал со слов:

— Рейган, ты слышишь? Это я — Гафур! Я говорю из Джавары. Ты со своими дружками Зия-уль-Хаком и Гульбетдином Хекматиаром объявил ее неприступной, а мы в прах повергли всю ее оборону и перебили всех ее защитников. Так будет со всеми, кто будет мешать спокойно жить нашему народу!

И в этом же духе он говорил еще двадцать минут. Я просмотрел и прослушал кассету с записью его выступления и пришел к выводу, что оно произведет отличное впечатление. Естественно, если до и после этого сделать необходимый комментарий.

К началу торжества, т. е. к началу митинга и парада, к 10 часам утра 24 апреля 1986 года на аэродроме Кабула собралось около 20 тысяч жителей города. С цветами, нарядные, они расположились слева и справа от специально построенной большой трибуны, где поместились: всё руководство Афганистана (кроме Кармаля), советский посол со своим окружением, руководители советских представительств в Афганистане (МО, КГБ, МВД) и Главный советский военный советник.

На противоположной стороне были построены афганские войска, участвующие в параде: около 50 процентов привезенных из Хоста в Кабул самолетами, весь кабульский гарнизон и части, расположенные неподалеку от Кабула. Всего около 15 тысяч воинов.

Митинг, посвященный победе афганских войск над мятежниками в Джаваре, открыл секретарь ЦК НДПА Наджибулла. Он произнес действительно пламенную речь. Наджибулла говорил, что афганскому народу давно пора жить в

добре и мире, однако американцы, пакистанцы и другие не хотят этого. Они нашли среди афганцев наемников, и те за деньги убивают мирных жителей. Фактически было именно так. Но как бы враги афганского народа ему ни вредили, он добьется победы и мира, залогом тому являются поддержка советского народа и победа в Джаваре, которую противник считал неприступной.

Затем выступали участники боев, в том числе генерал Гафур, представители общественности и различных министерств. Особое впечатление произвело выступление солдатской матери, у которой уже три сына погибло в этой войне и два еще воюют. Люди плакали, слушая ее.

Несмотря на то, что никаких официальных сообщений об избрании Наджибуллы генеральным секретарем еще не было, он выступал от имени партии и как глава государства. Во всяком случае по тону и идеям можно было сделать такой вывод. Кстати, уже тогда он сказал, что проводимая ныне политика завела народ в тупик. «Мы обязаны ее изменить, и мы это сделаем».

По окончании митинга множество женщин и детей с цветами и скромными подарками бросились через широкую асфальтированную полосу к воинам. Они общались минут десять, если не больше, и это была трогательная картина. А в это время оркестр наигрывал какую-то национальную мелодию. Затем все стали на свои места и начался парад. Воины с фронта прошли первыми с боевыми знаменами и цветами. За ними — кабульский гарнизон. Последним, чеканя шаг, прошло Высшее военное общевойсковое училище Афганистана.

Конечно, операция по овладению Джаварой не только имела большое военно-политическое значение, но и осталась в памяти как знаменательное событие. О нем можно вспомнить значительно больше, чем я это сделал. Но, на мой взгляд, эти воспоминания будут интересны не только участникам тех событий. В частности, замечу, что Ю.Греков сегодня является генерал-полковником, командовал Уральским военным округом, а сейчас в отставке.

24 апреля 1986 года мы фактически подвели итог операции в Хосте по овладению базой Джавара, а 26 апреля у нас в стране произошла чернобыльская катастрофа, которая коснулась и меня.

Глава V
Из Афганистана в Чернобыль и обратно. Боевые операции продолжаются

Трагедия Чернобыля меня не обошла. Из ада в пекло. Организация работ по ликвидации последствий аварии. Главные усилия — АЭС. Создание полевого НИИ. Инженерные работы по всей пойме Припяти. Очистка населенных пунктов. Щербина и Легасов — сильные фигуры.

Сообщение о чернобыльской трагедии застало меня в Шинданте — в штабе 5-й мотострелковой дивизии. Мы готовили операцию в зеленой зоне западнее Герата с выходом на границу с Ираном. Информация об аварии носила весьма общий характер, но в то же время в ней не было ничего успокаивающего, и нельзя было сделать однозначный вывод: опасно это для народа или не опасно. Конечно, я не удержался и, чтобы прояснить ситуацию, начал по закрытой связи названивать в Генштаб, в Управление начальника химических войск Министерства обороны. Ведь это наше Отечество! Наконец, я вышел на заместителя начальника химических войск Министерства обороны генерала А. Д. Кунцевича.

— Что произошло, Анатолий Демьянович?

— По-моему, самое плохое, но еще не все ясно.

— А все-таки из того, что уже ясно, что прозошло?

— Взрыв в реакторе четвертого блока Чернобыльской станции. Естественно, в атмосферу был выброс. Сейчас на блоке пожар. Формируют правительственную комиссию.

У меня вопросов не было. Но и радостей — тоже. Ясно, что это громадная для страны беда. Вдобавок присутствие наших войск в Афганистане обыграно администрацией США так, будто мы выступаем в роли оккупантов. И что самое странное — подавляющее большинство стран мира придерживались именно такой формулы, совершенно не зная истинного положения дел. Это была уже беда для нашей страны. И вдруг к ней добавляется вторая — катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Забегая вперед, должен сказать, что мы с Виктором Петровичем Поляничко — политическим советником Наджибуллы — не один раз обсуждали все напасти, которые обрушились за последние годы на наше Отечество. Сюда относятся, кроме двух указанных, еще и катастрофа в водах близ

Новороссийска, где в результате столкновения двух теплоходов погибли сотни людей. Плюс катастрофа нашего теплохода в водах Индонезии с огромными жертвами. Еще несколько катастроф на железных дорогах со взрывами и тоже колоссальными жертвами.

Как-то Виктор Петрович приезжает ко мне и говорит: «Есть интересное сообщение. В Москве поговаривают, что глава нашей Православной церкви был у Горбачева и сказал ему: «Все беды, которые обрушились на наш народ, — это небесное знамение, связанное с вами, Михаил Сергеевич. Вам надо уйти со своего поста, чтобы оградить народ от дальнейших бед». Действительно, до него такого не было. Естественно, я поинтересовался, какая была реакция Горбачева.

— Отрицательная, какая еще могла быть реакция у ограниченного человека, — сказал Поляничко.

— Но ведь даже у ограниченного человека должно быть чувство ответственности за свой народ!

— Конечно, должно быть! Но поскольку Горбачев под каблуком у Раисы Максимовны, то самостоятельных решений он принимать не может, тем более таких громких.

Этот разговор у нас состоялся в 1988 году. А приблизительно через полгода Виктор Петрович сказал мне: «Пимен умер. Видно, бедный, очень переживал, потому и умер». Вполне вероятно, что смерть пришла на почве тяжелейших переживаний. Но как далеко смотрел патриарх Пимен! Он предвидел, что правление Горбачева может привести к трагическим последствиям, и, чтобы предотвратить эту беду, нашел в себе мужество сказать могущественному генсеку правду в глаза. К сожалению, никто из богослужителей не сказал Ельцину, что в нем дух сатаны и он измучил людей, что ему надо уйти со своего поста.

Но вернемся к Чернобылю.

Организовав все необходимые мероприятия, прямо или косвенно обеспечивающие операцию в районе Герата, я поручил ее проведение заместителю командующего армией генералу Г. Г. Кондратьеву, а сам отправился в Кабул. Но ни посол СССР в Афганистане Ф. Табеев, ни руководитель представительства КГБ СССР в Афганистане Н.Калягин ничего нового не сообщили. Я же никому больше не звонил, чтобы не раздражать.

Наши государственные праздники в Афганистане отмечались, как повелось на фронте, скромно. Только в посольстве, согласно международному этикету, устраивали прием. А в этот раз первомайские праздники вообще были, как похороны.

3 мая вечером, на второй день после того, как Н.И.Рыжков с группой руководителей побывал в Чернобыле, звонит мне — первый раз за все дни этих событий — С.Ф.Ахромеев:

— Вы, конечно, уже знаете, что произошло у нас в Чернобыле. Вначале думали, что это происшествие локального характера, оказалось, что оно вышло за рамки даже общегосударственного. Создана Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий во главе с Н. И. Рыжковым. Туда вошел и наш министр обороны С.Л. Соколов. Для принятия мер на месте действует правительственная комиссия под руководством первого заместителя председателя Совмина Б. Е. Щербины. От Министерства обороны туда вошел генерал-полковник В.К.Пикалов — начальник химических войск. Сейчас кое-что подтянули и кое-что подтягиваем в этот район для того, чтобы решать задачу по ликвидации последствий аварии.

— Но, наверное, самое главное — это как закрыть четвертый блок — источник всех бед? — спросил я.

— Это верно. Забрасывают его с воздуха различным балластом, чтобы погасить пожар, а пока других конкретных предложений нет. Принято решение эвакуировать всех в радиусе 30 километров от АЭС.

Вот так — решений по четвертому блоку нет, а это главное. Что касается эвакуации из всех населенных пунктов в радиусе 30 километров от станции, то это уже трагедия. Можете себе представить: прожили в доме всю жизнь, и вдруг его надо покидать. Куда? Кто там ждет? А какая судьба ждет отчий дом? Короче, одни вопросы без ответов. А ведь таких населенных пунктов оказалось 188. Решение принял председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков 2.05.86 г., и сразу все закрутилось.

У меня было какое-то предчувствие, что Чернобыль мимо меня не пройдет. Хотя оснований — никаких: нахожусь в Афганистане, война в разгаре, занимаю пост руководителя, заменять меня здесь сейчас нет смысла ни по каким соображениям. И все-таки где-то там, глубоко, шевелилось предчувствие, что меня тоже могут приобщить к чернобыльскому делу.

И действительно, через десять дней мне вторично позвонил по этому вопросу Ахромеев и сказал: «Я больше так работать не могу — каждый день «сижу» только на Чернобыле. Но у Генерального штаба много и других забот. Поэтому, Валентин Иванович, вы сейчас два-три дня по телефону врастайте в обстановку, а потом придется на пару месяцев ехать в Чернобыль и все взять на себя, в том числе организовать все основные работы по ликвидации последствий аварии и снять с меня эту обузу».

Особой радости я не выразил, хотя почему-то чувствовал, что мое место в это время должно быть именно там. Поэтому ответил

буднично: «Готов». И хотя я был доволен (не знаю почему) тем, что меня включили в разрешение самой важной в то время для нашей страны проблемы, но все же поневоле возникал вопрос: неужели в Вооруженных Силах невозможно было найти генерала необходимого калибра, который бы действительно смог взвалить на себя все, что связано с Чернобылем? Разумеется, начальник Генерального штаба постоянно должен быть в курсе дела, иметь всегда под рукой справки и выводы, но организаторскую работу могли сделать другие. Почему из ада надо посылать в пекло? Ведь было много таких, кому и не снилось пекло. Это можно было только предполагать. И я, разумеется, предполагал… почему послали именно меня.

Однако вопрос был решен. Я немедленно включился в организаторскую работу. Находясь еще в Кабуле, начал создавать в Москве свою Оперативную группу для работы в районе аварии. Но чем дальше, тем больше я стал убеждаться в том, что нам надо иметь хоть какую-то научно-исследовательскую базу, опираясь на которую можно было бы делать обоснованные шаги в вопросах ликвидации последствий аварии. В связи с этим я предложил Ахромееву создать на базе Вооруженных Сил, не привлекая никого извне, так сказать, полевой «научно-исследовательский институт» и дать ему наименование — Научный центр МО, а во главе поставить генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Федорова. Последнее время он был первым заместителем начальника Главного штаба Сухопутных войск, а до этого длительное время проходил службу в Киевском военном округе — в роли начальника штаба округа. Естественно, в Киеве и на Украине он знал многих, хорошо знали и его. Тем более что он к тому же был депутатом Верховного Совета Украинской ССР и даже членом Президиума Верховного Совета. А это не последний фактор, когда приходится создавать какой-то орган и проводить организационную работу.

Начальник Генштаба не только поддержал меня, но и предоставил свободу действий, сказав, что штат, состав и персоналии я волен подбирать по моему решению. Естественно, в состав института были включены лучшие научные силы Министерства обороны, в том числе и гражданской обороны страны. В частности, начальником штаба этого НИИ стал генерал-лейтенант Борис Павлович Дутов — начальник Института гражданской обороны, доктор технических наук, профессор. А первым заместителем Научного центра был назначен полковник (сейчас генерал) Роберт Федорович Разуванов — начальник Института химических войск Министерства обороны, кандидат (сейчас доктор) технических наук.

Как ни печально, но А. К. Федоров и Б. П. Дутов преждевременно ушли из жизни. И причиной тому явился Чернобыль.

В середине мая я уже был в районе аварии, и в самый раз: Б. Е. Щербина уже сдал дела председателя комиссии И.С. Силаеву, а сейчас прибыл вновь, чтобы оказать необходимую помощь.

Иван Силаев никогда — и будучи министром, и после — не был мне по душе. Я считаю, что Д. Ф. Устинов, конечно, в кадрах разбирался. Но как он мог на авиационную промышленность пропустить министром Силаева — ума не приложу! Правда, потом его потихоньку отвели с самостоятельного участка на зампреда, а позже и вовсе вытолкали в правительство РСФСР, ошибочно считая, что там делать нечего. Однако все это было позже. А в Чернобыле он был председателем Правительственной комиссии, с которым невозможно было ничего решать. Зато после него дела резко пошли на поправку. Вначале пришел Лев Алексеевич Воронин, который больше смахивал на делового Б. Е. Щербину и, конечно, двинул многие вопросы вперед. А с приходом Юрия Дмитриевича Маслюкова вопросы вообще решались оперативно, по-деловому и в полном взаимопонимании. Эти же традиции были сохранены и значительно развиты Владимиром Кузьмичом Гусевым. Не было у нас никаких проблем и в период, когда председателем комиссии был Г. Г. Ведерников. Как видите, мне пришлось поработать фактически почти со всеми союзными председателями Правительственной комиссии — это вторая половина мая, июнь и июль месяцы (они менялись через две недели, а я оставался).

Заложив все основы нашей будущей работы, а главное — решив создать свою основную базу в Овруче, я отправился в Москву. Доложил начальнику Генштаба, что имею общее представление о состоянии дел (ни министр обороны, ни начальник Генштаба к этому времени в Чернобыле еще не бывали; кстати, Ахромеев там так и не появился, а Соколов приезжал на один день в июне или июле месяце). Доложил также, как я представляю себе стоящую задачу и методы ее выполнения — а они для меня были на поверхности, никто их мне не ставил, да и ставить их не надо было.

Итак, на мой взгляд, необходимо (как шаги первостепенной важности):

Во-первых, ежедневное ведение воздушной и наземной радиационной разведки непосредственно в районе станции и прилегающего к ней промышленно-складского района. Такая разведка должна проводиться как минимум дважды в сутки. Все изменения должны докладываться «наверх» и в комиссию на

месте.

Во-вторых, постоянное проведение радиационного и дозиметрического контроля среди личного состава и на объектах, ведение соответствующего учета.

В-третьих, организация дезактивации сооружений и территории АЭС (эти мероприятия кардинально отличались от таких же в 30-километровой зоне).

В-четвертых, то же самое, но в 30-километровой зоне.

В-пятых, одновременно с выполнением перечисленных задач провести обустройство всех прибывших в район катастрофы войск для ликвидации последствий аварии (а это десятки тысяч людей).

Решая вопросы дезактивации сооружений и территории АЭС, мы обязаны были совместно с Министерством энергетики (А. И. Майорец) и с ученым миром (А. П. Александров, Е. П. Велихов, В. А. Легасов и др.) искать пути тампонирования реактора и сбора разбросанных по плоским крышам зданий АЭС излучающих твел и других опасных элементов. И мы делали это, а затем уже контактировали с Минсредмашем и даже с министром угольной промышленности Михаилом Ивановичем Щадовым.

Кстати, большой труд был вложен в бетонирование ряда элементов, прилегающих непосредственно к разрушенному реактору снизу. Штольню (проходку) делали угольщики, а минсредмашевцы и минэнерговцы бетонировали, так сказать, строили подстилку (под разрушенный реактор) размером 30 на 30 метров и толщиной 2,5 метра. Это был тяжелейший труд. Мир узнал в свое время, что этих самоотверженных людей возила на работу на бронетранспортерах группа военных под руководством подполковника Бельченко.

Кроме того, военные обязаны были создать дезактивационные пункты при выезде из АЭС и вторично — из десятикилометровой зоны.

Далее необходимо было содействовать гражданским органам: в организации и проведении эвакуации; в поддержании порядка и недопущении мародерства в районах, где население эвакуировано; в укреплении правопорядка во всей чрезвычайной зоне.

Наконец, особую важность представляла проблема защиты водных ресурсов от радиоактивного заражения. В связи с этим предусматривалось строительство новых дамб и укрепление существующих, проведение обвалования реки Припяти и основных ее притоков.

Разъясняя все эти меры (кстати, Сергей Федорович Ахромеев внимательно слушал и не задавал никаких вопросов — видно, многое он услышал впервые), я логично подвел к одному весьма

принципиальному выводу: катастрофа произошла в условиях двух положительных факторов. Первый фактор: 26 апреля — это пик вешних вод, поэтому облако взрыва, вылетев из кратера 4-го блока, поднявшись на километровую высоту, упало на пойму реки Припяти, переполненной быстро идущей в Днепр вешней водой. Миллиарды зараженных частиц угодили в воду. Вначале падали, естественно, тяжелые, затем — полегче, наконец, оседал дым — туман с микрочастицами. И все это поглотил могучий Днепр. Поэтому опасность, заключенная в облаке, фактически миновала. Анализ же воды в Днепре ниже впадения в него Припяти показал, что никаких отклонений не было до самого устья. Воду можно было пить.

Второй фактор — облако от взрыва легло также в основном на песчаную почву. А песок, как известно, обладает хорошими абсорбирующими свойствами и склонностью соединяться с нуклидами (радиационно опасными частицами). Поэтому там, где на почве был дерн, с ветром могла еще «гулять» радиационная пыль. Но где дерн был снят или вообще его не было, а имелись песчаные пролысины, — там можно было считать, что нуклиды схвачены. Осталось только перевернуть верхний слой почвы, как безопасность значительно повысится (разумеется, такие мероприятия могут проводиться только в местах скопления народа).

Учитывая два этих фактора, можно заранее отвергать любые программы-фолианты, рассчитанные в первую очередь на выполнение частных задач, а не на разрешение принципиальных общегосударственных проблем в связи с бедой, которая обрушилась на страну. А такие уже появились.

Начальник Генштаба отнесся к моему докладу одобрительно и утвердил программу действий на июнь и июль месяцы. В эти месяцы по графику Генштаба еще продолжали прибывать в район катастрофы воинские части. Их надо было встретить, временно разместить, определить задачи и режим работы, одновременно организовать обустройство (точнее, строительство военного городка). А поскольку перспектива ведения здесь работ определялась не месяцами, а годами, то и обустройство войск проводилось соответствующее.

Утром 24 мая я вылетел из Москвы обратно в Чернобыль уже с основным составом оперативной группы и руководством Научного центра. На душе было спокойно, так как все вопросы предварительно на месте я уже на прошлой неделе обговорил. И сейчас летел, как домой. Предстояло только развести соответствующих начальников по объектам, определить им задачи и приступить к действиям.

В состав оперативной группы входили: генерал-лейтенант Г. С. Стародубов, генерал-лейтенант А. Д. Кунцевич, генерал-майор Г. В. Прокопчик, генерал-майор С. Н. Лиховидов, полковник В. С. Тушнов.

В числе Научного центра, кроме его руководителей — генералов А. К. Федорова, Б. П. Дутова и полковника Р.Ф.Разуванова, летели лица технического состава, взятые в основном из Института гражданской обороны и частично — Института химических войск. С их помощью уже с первых дней можно было наладить делопроизводство, издание документов, дежурство, передачу и принятие распоряжений, информации и т. д.

Мы приземлились, как и заказывалось, на военном аэродроме Овруч. Проехав в город и показав вместе с командованием дивизии место расположения Научного центра его руководителям, я вернулся на аэродром, пересел на поджидавший нас вертолет и отправился в Чернобыль. Полет занимал всего десять минут.

На всем лежала печать осиротелости. Все села — как вымерли, ни души. Не долетая до Чернобыля, я сказал, чтобы вертолет дал круг вокруг города Припять. Чудесный ультрасовременный, многоэтажный город с бассейнами, теннисными кортами и прочими спортивными площадками был мертв.

Перед посадкой я приказал несколько раз на небольшой высоте облететь разрушенный четвертый блок станции, чтобы можно было хорошо осмотреть картину катастрофы с правого борта.

Облетая саму АЭС, заметили только нескольких человек, и то у административного корпуса. Четвертый же блок был разворочен так, будто кто-то вырвал его нутро и при этом «наломал дров» рядом. Однако я почему-то ожидал большего, считал, что коль произошел взрыв реактора, то там уж если не Хиросима, то нечто тоже грандиозное в печальном смысле слова. Однако увиденное такого впечатления не оставляло. Позже, когда мы мотались на АЭС дважды в сутки, то обратили внимание на то, что внешне, если созерцать станцию с дороги, разрушения явно не были заметны. Однако это ядерное чрево еще дышало, и в атмосферу выбрасывались все новые и новые порции нуклидов, хотя и в небольших дозах.

На вертолетной площадке в Чернобыле уже было оживленно — люди, машины, мотоциклы и даже велосипеды. У многих на шее белеет упрощенный фильтр воздуха — при необходимости (если поднималась пыль или в особо опасной зоне) маска из

бинта и ваты быстро натягивалась на рот и нос, гарантировала от попадания частиц изотопов урана, плутония, стронция и т. д. в легкие. Конечно, они многих спасали, но, к сожалению, помогли не всем. Так же, как и свинцовые листы на полу вертолета: хоть они и были толщиной в палец, а дозиметр во время нашего полета над АЭС показывал 10–15 рентген/час (!).

С вертолетной площадки отправились в здание, где уже располагались военные — генерал армии Иван Александрович Герасимов со своей группой, группа генерал-полковника Владимира Карповича Пикалова, военные летчики, инженеры, связисты, строители и т. д.

Сам В. К. Пикалов заболел и уже уехал. О том, что плохо себя чувствует И. А. Герасимов, я узнал от него лично. Видно, тоже подхватил большую дозу облучения. Часто военачальники считают, что они, мол, неуязвимы. А иногда им просто как-то неудобно соблюдать элементарные требования, которые обязаны выполнять все — от солдата до маршала. Пренебрежение элементарными нормами безопасности может обернуться трагедией. Я и себя не хвалю за то, что допускал нарушения. И бывало это частенько, в том числе не только здесь, на Чернобыльской АЭС.

Заслушав все представительства Министерства обороны о состоянии дел, о решаемых задачах и особенно о проблемах, я хорошо «вооружился» к совещанию у председателя Правительственной комиссии, где и выступил с конкретными предложениями (они вырисовывались еще при первом моем заезде) об улучшении взаимодействия группы Министерства обороны, держателя основных сил и средств на тот час, с другими министерствами и ведомствами. Многие работы выполнялись или совместно, или только силами Министерства обороны по заказу другого министерства. В этот раз на совещании у И. С. Силаева присутствовал «кворум» и мне довелось познакомиться со всеми. Я сообщил им, что любой вопрос, любую проблему нужно передать к нам в Оперативную группу. Через каждые два часа я звоню туда, мне докладывают эту просьбу с уже наведенными по ней справками, я принимаю решение, и в этот же день вопрос начинает исполняться, о чем сообщается заявителю.

На совещание к председателю Правительственной комиссии я брал генерала Кунцевича и полковника Разуванова. Сразу после совещания мы отправились на АЭС. Во всех административных ролях в то время на станции выступало одно лицо — главный инженер АЭС Штремберг. Он кратко, в популярной форме рассказал, как они дожили до такой жизни. Оказалось, что дежурная смена инженеров решила провести эксперимент

(кстати, с этой идеей носились давно). Суть его сводилась к тому, что они хотели определить наивысшие параметры напряжения работы реактора, при котором можно максимально снимать количество электроэнергии.

Главный инженер с удовольствием сопровождал нас по всем блокам. В огромном, очень длинном светлом зале, на равном удалении стояли реакторы, а перед ними и рядом — турбины. Все строго, аккуратно и понятно.

Четвертый блок уже был бутафорно отгорожен. Поэтому мы туда зашли особо. Главный инженер поставил нас на площадке, откуда было видно все, и сказал: «Не задерживайтесь. Идет излучение в несколько сот рентген в час!» Сам встал в каменный простенок. А через 20–30 секунд сказал: «Надо идти». И мы тронулись в обратный путь.

Дорогой я думал об увиденном и о создании защиты для тех, кто будет здесь работать по локализации кратера, о создании роботов для сбора особо опасных элементов территории АЭС. Угадывая мои мысли, главный инженер по мере нашего движения к его кабинету стал высказывать свои соображения: «Если мы не уберем куски твел и других элементов на земле вокруг станции, мы ничего не сможем сделать». В этом же духе он говорил еще минут пятнадцать, уже находясь в кабинете. Я сказал, что усвоил все и оставляю пока здесь для детального изучения обстановки полковника Разуванова. Затем сюда переведем Оперативную группу Министерства обороны со средствами связи, чтобы можно было говорить с Москвой. В ее подчинении будут силы и средства для проведения работ. Надо организовать здесь пункты помывки личного состава, пищеблоки, санузлы, медпункты и места для дневного и ночного отдыха.

Мы с Кунцевичем уехали в Чернобыль, а Разуванову оставили «уазик». Но мысль о том, какая громадная беда свалилась на плечи нашего народа, не покидала меня ни на минуту. Однако вздохами не поможешь, надо работать, и работать капитально, чтобы хоть как-то смягчить эту беду. Уже начали «закипать» соседние страны, даже Скандинавские.

К 18.00 я успел вернуться в Чернобыль в Оперативную группу, где уже все собрались для получения конкретных задач.

Структура сил и средств Министерства обороны, находящихся в районе катастрофы, представляла следующее.

Руководство всеми силами и средствами военных осуществляла Оперативная группа Министерства обороны, у которой для этой цели был штаб и Научный центр. В штаб, кроме операторов, которые работали по направлениям (по военным округам и объектам), входили еще и службы центрального

подчинения: химическая, ВВС, отдельно дорожностроительная, техническая, связи, тыла, медицинская служба, управление строительством и расквартирования войск.

Научный центр работал в тесном взаимодействии со штабом Оперативной группы, и часто не только не ограничивался разработкой способов и методов проведения дезактивации какого-нибудь объекта или населенного пункта, но и занимался непосредственной организацией и проведением этих работ.

Объектом номер один во всей нашей деятельности, конечно, была АЭС. Затем шли три сектора, на которые разбили всю зону в радиусе 30 километров вокруг АЭС. Оттуда эвакуировали население и требовалось проводить дезактивацию домов (внешне) и территории населенного пункта. За каждым сектором был закреплен военный округ: за восточной и южной частью зоны — Киевский военный округ; за западной — Прикарпатский военный округ; за северной частью зоны — Белорусский военный округ. Еще одним важным направлением было строительство нашими инженерными войсками гидросооружений, обеспечивающих защиту воды в бассейне реки Припять. Итак, всего пять важнейших оперативных направлений, которые прямо относились к разделу «Ликвидация последствий». Ниже мы разберем подробнее, как конкретно выглядело наше участие. Но, кроме этого, было полно и других забот. Расскажу об одной из них — обустройство всех прибывших войск, учитывая, что им придется зимовать.

Фактически на каждую бригаду и полк приходилось строить отдельный военный городок, который включал в себя казармы (это были или бараки из сборно-щитовых элементов, посаженных на бетонный фундамент, или двойные утепленные большие палатки), в которых личный состав, как правило, располагался в одном ярусе. К каждой казарме была сделана кирпичная пристройка, где размещался отличный санузел (умывальник, туалет, душевые установки). Столовые-клубы собирались из крупных металлических арочных элементов и состояли из обеденного зала на весь полк в одну смену. К этому залу с двух сторон примыкали две пристройки — с тыла кухня со всеми цехами и офицерской столовой, с фронта — кинобудка, так как столовая использовалась и под клуб (в некоторых частях клуб строили отдельно). Спортивный зал был такого же типа, как и столовая, рядом с ним располагались спортивные гимнастические и игровые площадки. Непременным атрибутом были комбинат бытового обслуживания и санитарной обработки, где солдат ежедневно после работы должен был привести себя и свое обмундирование в порядок, очистив от загрязненной пыли, а

также помещение для медпункта и библиотеки. Наконец, в отдельно выделенной со своим въездом парковой зоне располагались боевые, специальные и транспортные машины — открыто, поротно и побатальонно, с табличкой над каждой машиной (ее номер и фамилия водителя). В парковой зоне строились: стационарные контрольно-технический пункт и пункт радиационного контроля, заправочная станция, а при ней склад горючесмазочных материалов, пункт технического обслуживания, где проводились ремонты до среднего включительно, и, наконец, пункт холодной и горячей мойки машин (правда, горячая мойка была не в каждом полку). Если машина прибывала со значительно превышающими нормы уровнями радиации, то ее отмывали до тех пор, пока она не переставала излучать.

Что касается складов, то мы их размещали тремя группами: продовольственные — в тылу за столовой; вещевые — рядом с комбинатом бытового обслуживания; материально-технические — на территории парков.

Естественно, все военные городки были ограждены, имели добротные приветливые контрольно-пропускные пункты. При въезде в военный городок был обязателен строевой плац со всеми атрибутами — полосой с твердым покрытием для прохождения торжественным маршем, чтобы именно торжественно, каждый день отправляться на поле «боя», как 7 ноября 1941 года с Красной площади уходили в бои под Москвой. Здесь же были трибуна, наглядная агитация и, конечно, вымпел с Государственным флагом СССР.

Неподалеку от въезда в часть располагался штаб. Здесь же находился и переговорный телефонный пункт для личного состава. Не только офицер, но и солдат в любое время мог поговорить со своими близкими. Забегая вперед, должен сказать, что конец июня и начало июля особо отмечались «наплывом» родственников. Они ехали со всей страны. И каким-то образом находили часть, где служит их сын. Приходилось кое-где рядом с военными городками разбивать небольшой лагерь с минимальными коммунальными услугами: палатка на двоих, койки, постели, тумбочки, туалеты, водоснабжение для бытовых целей. В общем, мороки с ними было много, но в итоге, когда они группами под руководством офицера штаба в порядке экскурсии осматривали условия жизни и быта своих сыновей, то успокаивались и потихоньку разъезжались.

Военные городки, конечно, испытывали трудности с электро- и водоснабжением. Но со временем проблемы были решены. Личный состав, как правило, пребывал у нас в условиях, которые сами по себе уже обязывали каждого отдавать все силы и знания

на оказание помощи своему народу.

Решение вопроса обустройства войск хоть и было делом очень сложным, но оно составляло лишь одну, не самую большую часть наших забот и труда. Основное, конечно, было на перечисленных выше пяти направлениях.

Атомная электростанция. Несомненно, главную скрипку здесь старалась играть элита наших ученых во главе с А.П.Александровым — президентом Академии наук Советского Союза и его академики. Однако, не дождавшись от них четких и ясных решений, что же делать с реактором и тем ураном, который там остался, Минсредмаш, набрав еще при министре Ефиме Павловиче Славском мощные обороты, сейчас поддерживало инерцию работы. Совместно с Минэнерго выработали пути действий и выступили в роли мастеров, а мы, военные, в роли подмастерьев. Но это относилось только к четвертому реактору. Что же касается всего остального на АЭС, то там действовали в основном только военные или военные совместно с кем-то еще.

В подвале (а он был жилой) административного здания АЭС мы расположили Оперативную группу от нашего Чернобыльского штаба со всеми средствами связи. Здесь было все для жизни, быта и боевой деятельности.

Первые шаги по «уборке» территории АЭС налаживались очень тяжело. Но когда все-таки у наших военных инженеров, инженерных войск и специалистов химических войск появился наконец танковый тягач с мощнейшей лобовой броней, экраном телеобзора местности и сильной длинной и гибкой «рукой», которой можно было подбирать особо опасные элементы и складывать их в контейнер, а затем перевозить контейнер в могильник здесь же, в тылу АЭС, — это уже была победа. И очистку мы вели от менее сложных операций к более сложным: вначале подчистили с восточной стороны, где радиация выше 5—10 рентген/час не была (но читатель должен знать, что и это смертельно); затем переключились на северную дорогу, где уровни доходили до 120–150 рентген/час; и, наконец, самые опасные — южная и западная часть: здесь зашкаливало за 1000–1500 рентген/час. Особенно сложно давалась очистка по железной дороге, что находилась перед главным производственным залом ближе к «рыжему лесу» — так мы окрестили относительно молодую сосновую рощу, которая шла почти от левого крыла главного корпуса (т. е. от 4-го аварийного блока) на юго-запад. Эта сочная, темно-зеленая роща на глазах стала чахлой и рыжей, фактически умерла, но продолжала стоять.

Не дожидаясь, когда уберут излучающие элементы со всех сторон АЭС, мы приступили к дезактивации местности там, где

уже не было большой опасности. Я лично обошел эти восточные и северные дворы и отдал распоряжение о срезе грунта на 30–40 сантиметров и затем захоронении его в могильнике. Все асфальтированные дороги мылись растворами, и всё, что смывалось, отправлялось в ямы-могильники, которые затем предполагалось забетонировать. По мере снятия грунта и очистки территории от излучающих элементов… сюда завозились и укладывались по всей территории монолитные бетонные плиты.

Первые наши замеры показали: результаты отличные, но еще безопасность людей в должной мере не обеспечена. Давали знать о себе элементы, выброшенные взрывом из реактора и заброшенные на крыши практически всех зданий АЭС и даже на технические балкончики вытяжных труб, смонтированных на двух уровнях, да еще и с ограждающими их перилами. Там оказались даже куски твел. Естественно, они «светили» не на метры, а на километры. Поэтому, приезжая на АЭС, старались останавливаться и затем ходить так, чтобы тебя «не видела» труба (на войне знаешь, где засел снайпер противника, поэтому передвижения должны быть с учетом его охоты за тобой).

Вместе со специалистами Минсредмаша наши военные «золотые головы» и бесценные руки наконец дошли до создания робота с управлением его действиями из защищенного пункта управления на значительном расстоянии. Вначале, правда, пока еще не на таком, как хотелось бы. Но и это шаг! В итоге мы, конечно, смогли убрать непосредственно с территории АЭС все, что угрожало, затем начали обмывать все здания снаружи. Одновременно проводили дезактивацию и внутри помещений. В итоге у нас получались изумительные результаты. В районе 1-го и 2-го реакторов радиационный фон стал меньше, чем был до аварии.

Большую проблему для нас представляла складская промышленная зона, где были сосредоточены на значительной территории строительные материалы, металлоконструкции, различное железо, рельсы и т. д. На эту территорию после взрыва попало тоже изрядно зараженных материалов. Организовывать какие-то активные действия на этой территории было невозможно, но ее надо было нейтрализовать. Приняли решение залить ее с вертолетов сплошь клейким составом, после чего никакой ветер с нее ничего не сдует, а что прилетит, то прилипнет. Кроме того, провели детальную разведку по этой территории и засекли точки, которые особо «светят». Затем их забросали мешками с песком, а складскую территорию отделили от производственной стеной из бетонных блоков.

Когда все здания АЭС помыли снаружи вторично (внутри мы

мыли раз 10–12), а снятый верхний слой грунта на всей территории АЭС убрали в могильники и уложили бетонные плиты, провели генеральную промывку всех дорог и этих плит. После чего уложили второй слой бетонных плит. А колодцы, куда стекала после помывки вода, были забетонированы. Вот теперь здесь можно было ходить босиком и в майке.

Какой это был труд! Полковник Разуванов стал синий от напряжения и бессонных ночей. Он фактически жил на АЭС безвыездно. Да и не только он. Большая часть Научного центра МО трудилась именно здесь. А бригада химзащиты Киевского военного округа была главной и решающей силой по проведению всех работ на АЭС. Уборка особо опасных элементов — это предел риска и самопожертвования. Такими были действия офицеров и солдат инженерной бронетанковой и химической служб. Наши мощные вертолеты МИ-26, набирая тонны балласта, сбрасывали его в эпицентр 4-го блока. А затем они же «поливали» складскую зону. Заодно я распорядился «подлакировать» развалины блока, чтобы пыль от него не распространялась повсеместно. Это же сделали и с «рыжим лесом». Интересно, что много лет хвоя с ветвей не падала, хоть и засохла — возможно, от этого ее удерживал наш «лак»?

Весь остаток мая основные усилия мы сосредоточили на АЭС. Но когда я почувствовал, что работы здесь приобрели системный характер, то начал заниматься всеми тремя секторами, начиная с Белорусского.

Как-то летел с группой офицеров в Белорусский сектор. Вместе с нами отправился в путь академик В. А. Легасов, к которому я питал особое уважение за его глубокие мысли и манеру держаться просто и доступно, а также за способность в любое время обсудить интересующий вас вопрос. Возможно, меня еще подкупала в нем не просто искренность, но и глубокая душевность, когда он давал оценки действиям наших воинов. Они действительно заслуживали всяческого уважения.

Правда, я таким же образом относился и к академику Анатолию Петровичу Александрову. Он часто бывал на заседаниях коллегии Министерства обороны, приезжал по делам к министру обороны или к начальнику Генштаба (последний меня всегда приглашал на такую встречу). Анатолий Петрович нередко вспоминал о войне, о своих открытиях в области вооружений (особенно для Военно-Морского Флота). У него всегда были разумные взгляды и на современные виды оружия.

До событий 1991 года у меня были ровные отношения и с академиком Евгением Павловичем Велиховым. Одно время нам суждено было даже вместе возглавлять весьма важную

государственную комиссию (в основном ученых и промышленников), которая несколько дней за Москвой заседала в бункере, принимая важное решение. А решение не только стоило многих миллиардов, но и определяло общую стратегическую линию нашего военно-промышленного комплекса (речь шла о том, какие должны быть у нас предприняты ответные меры на декларирование американцами своей программы СОИ). Тогда Велихов занимал правильную позицию, а затем у Евгения Павловича начались изломы во взглядах, в своих принципах. То ли на него подействовали отрицательно события последнего десятилетия, то ли американцы как-то заарканили его и подтянули к себе, то ли были другие причины… В общем, он стал больше смотреть по ту сторону.

Нормальные у меня были отношения и с академиком Письменным, который всегда действовал совместно с А.П.Александровым. Но академика Флерова я так понять и не мог.

А вот с В. А. Легасовым мы сошлись сразу и очень часто вместе бывали в поездках. И на этот раз в Белорусский сектор мы отправились вместе с ним. Есть такая категория людей, в которых я видел безусловных сторонников моих принципов и идей. У меня не бывало с ними каких-либо объяснений или дискуссий. Я этих людей просто чувствовал. Чувствовал и понимал, что в рамках сложившейся политической ситуации внутри страны с ними можно говорить откровенно. То есть рассуждая в целом откровенно, не переходить тот рубеж, который бы ставил собеседника в неловкое положение, вроде вопроса в лоб: «Вы за красных али за белых?» А он, может, сам за себя.

— Валерий Алексеевич, — начал я издалека, — я сейчас служу за рубежом — в Афганистане, вы знаете. И нам, находясь в чужой стране, глядя на свое Отечество со стороны, просто удивляться приходится — что дома происходит? Порой в газетах можно встретить такие статьи, да и по телевидению услышать такие речи по поводу жизни советского народа, что самые отпетые наши враги могут им позавидовать. Откуда все это вдруг потекло-полилось? Вам, наверное, виднее все эти процессы…

— Так у нас же теперь гласность и демократия, — улыбаясь одними глазами, заметил академик, давая тем самым понять, что собеседник может продолжать высказываться.

— Верно! И я поддерживаю этот курс. Но если говорить о гласности, то она должна быть для всех, а не для избранных. Мне довелось быть на XXVII съезде от начала до конца. И весь дух съезда, на мой взгляд, именно этим и был наполнен — говорить всю правду, а не полуправду. Следовательно, если обсуждается

какое-то общественное явление, то в равной степени должно быть предоставлено слово тем, кто положительно оценивает и кто отрицательно характеризует это явление. А мы в положении гоголевской унтер-офицерши. Вот сейчас, буквально через полтора месяца после съезда, стряслась беда, которую, на мой взгляд, мы еще толком не оценили. Какая должна быть принципиальная позиция всего общества? Сплотиться! Как на войне. А у нас идет сплошная демагогия, какие-то разборки. И думаю, что тон такому деловому разговору должны были задать ученые. К ним прислушиваются, более того, события в Чернобыле ближе к компетенции ученых.

— Полностью согласен. В условиях катастрофы, конечно, мы должны мобилизоваться и максимально вложить свою энергию в локализацию всех процессов. Очевидно, в средствах информации в рубрике «Чернобыльская АЭС» надо давать народу более широкую информацию, что конкретно делается на станции и в окрэге. Среди людей не должно быть безразличных, тем более что наша экономика требует побольше крепких и добрых рук. Что касается роли и места наших ученых, — Легасов решил меня деликатно поправить, и правильно сделал, — то они уже определились, и от каких-либо выступлений и заявлений в печати, думаю, их надо уберечь. Мы ведь можем поднять такую никому не нужную дискуссию, что она только отнимет силы и время. Думаю также, что надо больше слова сегодня давать практикам-промышленникам. Надо популяризировать героический труд наших воинов при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

— 14 мая Горбачев в своем обращении по телевидению дал оценку событий в Чернобыле. Кстати, он назвал число погибших — 9 человек. А фактически погибло 20 и более 200 госпитализировано. Но самое главное — из его обращения следует, что, оказывается, мы не видим серьезных последствий этой аварии, так как их не может быть. Честно говоря, я был крайне удивлен. Возможно, это был политический шаг, связанный с решением Европейского экономического сообщества временно прекратить экспорт товаров и продовольствия из СССР и даже из некоторых стран Восточной Европы. Я думаю, Горбачеву надо было найти какие-то другие аргументы. А так получается, что все в мире обеспокоены аварией в Чернобыле, кроме нас.

В. А. Легасов, естественно, молчал. Не критиковать же ему генсека! В моих рассуждениях, собственно, критики тоже не было. А было лишь не совсем лестное высказывание в адрес Горбачева. Хотя на критику генсека я к тому времени уже имел право: в декабре 1984 года на заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС

по Афганистану, еще будучи вторым секретарем ЦК, Горбачев заявил, что надо немедленно принимать меры и выводить войска из Афганистана, решая проблему политическим путем. Но закончился 84-й, прошел 85-й, прожили уже половину 86-го года, а «воз и ныне там».

— Чувствую, что вам, Валерий Алексеевич, не нравится тема о гласности и демократии. Готов обсудить наши чернобыльские дела. Хотя я относительно демократии придерживаюсь очень четких убеждений: чем выше социалистический строй — тем выше требования к государству в части соблюдения им законов, в свою очередь, должны быть выше требования к гражданам по выполнению ими своих обязанностей по отношению к государству и обществу. Другими словами — чем выше мы поднимаемся в социалистическом развитии, тем более совершенными должны быть и люди, и государство. Демократия — это не игра в вольность и анархию.

На мой взгляд, выплеснутая в народ еще Н. Хрущевым эта болезнь («игра в вольность») все время бродила в обществе, постепенно проходя многолетний инкубационный период. Я против, так сказать, казарменного коммунизма, как модно стало сейчас говорить в печати, но я еще больше не приемлю вакханалию в обществе. То, что произошло на Чернобыльской АЭС, — это проявление лишь толики брожения в умах людей. Вроде с благими намерениями, но специалисты станции перешагнули через каноны, которые регламентируют жизнь АЭС. А в настоящем демократическом обществе этого не должно быть. Такое может иметь место в анархическом обществе. Дисциплина должна быть обязательной для всех, она предполагает подчинение всех установленному порядку. Это отнюдь не угнетение личности, как некоторые «демократически» настроенные публицисты выпячивают это в своих опусах в угоду Западу.

Поговорим теперь о наших земных делах. Какая, на ваш взгляд, перспектива с Чернобыльской АЭС? Постоянная помывка всех зданий снаружи и особенно внутри коренным образом изменила ситуацию для продолжения дальнейших работ. А меры, принятые нашими угольщиками, Минсредмашем и Минэнерго под четвертым реактором, позволяют делать вывод, что настало время приступить к строительству для этого блока мощного саркофага. Но мне кажется, по этому поводу будет еще не один сбор. Дело в том, что нет единства взглядов между академиками Александровым и Велиховым. Почему?

— Анатолий Петрович утверждает, что бетонировать и строить саркофаг уже можно, а Евгений Павлович говорит, что

этого делать нельзя, будто в бетон могут попасть частицы, излучающие радиацию, и мы создадим, мол, такое сооружение, которое само будет представлять опасность.

— А вы за какой вариант?

Легасов, не задумываясь, ответил:

— Несомненно, саркофаг строить надо, и чем раньше, тем лучше. А чтобы не было каких-либо тревог и сомнений типа тех, что у Велихова, надо определить четкие нормы и условия выполнения работ и создать жесточайший контроль за их выполнением. Тогда все будет нормально. Мы же в свое время задались целью — любой ценой погасить пожар в реакторе и приглушить брожение-реакцию, которая имела место с горючим (ураном). Мы поставили такую цель и добились ее выполнения. Благо наши вертолетчики в буквальном смысле ювелиры: огромное количество мешков с песком высыпали точно в кратер.

Песок — это лучший физико-химический фильтр. Он связывает аэрозоли и радиоактивные газы. Кроме того, расплавляясь, он обволакивает уран, снижает температуру, проникает в нижние этажи и создает необходимую «подушку». А чтобы одновременно поглощались свободные нейтроны, мы забрасывали вместе с песком борную кислоту и доломитовые глины. Особый разговор о свинце. Я настоял на его применении, потому что это средство, которое решительно снижает температуру в активной зоне. Я понимал, что часть этого свинца могла парами выделяться в «дыхании» четвертого реактора. Но мы должны были выбрать меньшее зло: либо мы применим все средства и гарантированно добьемся погашения активной зоны, либо будем ждать, когда произойдет новый взрыв, — ведь никто не мог даже предположительно сказать, сколько осталось урана в реакторе. А что такое еще один взрыв, а может, и не один?! Да еще и неизвестно какой мощности. Взрыв может разнести остальную часть АЭС, принести колоссальные жертвы, и весь адский труд, который мы сюда вложили, улетит, как дым. Взрыв повергнет в шок всех — и правительство, и ученых, и промышленников, и военных, а мир скажет, что СССР совершенно не способен управлять процессами ядерной реакции. А ведь это не так. И первую АЭС создали именно мы, т. е. Советский Союз, создали и продемонстрировали миру способность управлять ядерными процессами.

Кое-где можно встретить вдоль дорог посадки фруктовых деревьев, но их плоды для пищи непригодны, так как в их составе большое количество свинца, который микроэлементами выделяется у автомобилей вместе с выхлопными газами. Но со временем придорожная зелень все это приобретает в таких

концентрациях, что эти яблоки или сливы становятся ядом. Так же, как и молоко у коровы, которую выгоняют пастись по кюветам магистральных дорог (в траве тоже много свинца). В результате заброски сотен тонн свинца в четвертый реактор выход plumbuma с парами и дымом, конечно, в тысячи раз больше, чем у дорог, и мы это знаем, но просто иного пути у нас не было. А вот цели своей мы достигли — зону погасили, — рассуждал Легасов.

— Верно, верно, Валерий Алексеевич, это ахиллесова пята для всех последующих действий. Мы полностью поддерживали и разделяем сейчас это решение. Но, возможно, уже на сегодняшней стадии можно было бы ограничиться (и то, если обстановка требует вмешаться) только песком. Мы уже у себя в Научном центре этот вопрос обсуждали, и наши ученые склонны именно к такой позиции, — заметил я.

— Да и я с ними общался, в том числе с Федоровым, Разувановым, и у нас единое мнение.

Контактируя с такими учеными, как Валерий Алексеевич Легасов, не только обогащаешься знаниями, но и одухотворяешься. Вообще приятно общаться с культурным, эрудированным и порядочным человеком. А как интересно, поистине вдохновенно проводил Легасов беседы с офицерами или солдатами! Во-первых, разговор шел только на равных! При этом он, Легасов, задавал тон и вел беседу тонко, понимая, с кем имеет дело, но не заигрывая с ним и не подыгрывая ему. Наоборот, разбирая методы, например, дезактивации зданий, различных помещений, территории, он убедительно и настоятельно рекомендовал выполнять необходимые условия, перечислив их, так же как и соблюдение мер предосторожности, ведения контроля и учета за облучением. Это педагог высшего класса.

Взгляды Валерия Алексеевича и близко не попахивали космополитизмом, хотя он полностью был за соблюдение общепринятых мировых канонов. А вот у некоторых других ученых уже проглядывали симптомы космополитизма. Тем более что почва для него старательно удобрялась Горбачевым и Яковлевым. Кстати, когда я употребляю фамилию «Яковлев», то, разумеется, делаю такую «любезность» только А. Н. Яковлеву, все остальные яковлевы — это тоже фигуры в «нашей демократии», но они сегодня значительно, на несколько порядков, ниже, хотя, возможно, и масоны и находятся в особой папке в ЦРУ, являются близкими в кругу бжезинских, перед ними снимают шляпу горбачевы, ельцины, гайдары, шахраи, шумейки, бурбулисы, шеварднадзе и прочие поповы гавриилы харитоновичи. Естественно, среди яковлевых есть и настоящие люди, патриоты, выдающиеся личности. Например, Александр Сергеевич Яковлев

— генерал-полковник, дважды Герой Социалистического Труда, авиаконструктор; или Иван Кириллович Яковлев — генерал армии, прошел всю Великую Отечественную войну, после войны командовал полком, дивизией, был начальником управления в Главкомате Сухопутных войск и заместителем командующего Московского военного округа и, наконец, командовал внутренними войсками МВД — на всех постах проявил себя блестяще, служил на благо Отечеству. Можно было бы еще перечислять (маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев и др.), но хотелось бы отметить, что есть люди, личности, которые на любом изломе остаются самими собой и не изменяют своим принципам. И есть нелюди, для которых все остальные — это стадо. У них нет не только любви к Родине, но и чувства обычного гражданского долга. Они могут предать, продать и разграбить «эту страну», которая их, выродков, породила на свою голову. Наглядным примером может служить ныне несчастная Россия, где так много развелось сейчас перевертышей всех мастей и предателей.

Коль уж я отклонился от основной темы, выскажу еще несколько отвлеченных мыслей.

Любой гражданин, мало-мальски представляющий азы политэкономии и объективно оценивающий предвоенный (хотя бы 10 лет) период, а также непосредственно Великую Отечественную войну и две послевоенные пятилетки, может безошибочно сделать вывод, что Советский Союз — это уникальное государство, в котором все нации, независимо от их веры, уровня развития и культуры, нашли общие идеалы, были монолитно сплочены, а их общественно-политический строй объективно обеспечил им такие темпы и уровень развития экономики, что элита Запада хваталась за голову. Плюс к этому общество обрело такую форму демократического государства, как Советы, которым нет альтернативы и сегодня.

Жизнеспособность такого государства, его способности и возможности развиваться сказочными темпами, конечно, были явно не по вкусу самой богатой капиталистической державе. Приобретя огромные капиталы, элита капиталистического мира решилась пойти на все, лишь бы удержать свой избранный миропорядок. А для этого надо было разрушить Советский Союз изнутри.

Чтобы осуществить эту сокровенную мечту, естественно, надо было, в первую очередь, покончить с той силой, которая привела народ к власти. Это — КПСС. Как? В условиях Хрущева — Горбачева добиться этого было уже и не так сложно. Надо распахнуть в ней, в партии, все окна и двери — пусть валом валят

все, и в первую очередь те, которыми можно будет потом манипулировать и затем использовать их в своих целях. Если при Сталине, когда отбор в партию проходил весьма тщательно, проводились все-таки и «чистки», и это, как показала жизнь, был для того времени верный метод сохранения чистоты рядов партии, то после Сталина в партию действительно повалили косяком. Если Великую Октябрьскую революцию в 1917 году мы начинали с Ленинской партией во главе в составе всего лишь 350 тысяч человек (это значительно меньше, чем сегодня КПРФ), то в последующие годы партия росла стремительно, принимая в свои ряды всех и каждого.

В 1941 году, т. е. за 40 лет своего существования, в КПСС было всего лишь около трех миллионов членов партии и 800 тысяч кандидатов в ее члены. В годы войны вступило несколько миллионов, но несколько миллионов коммунистов и погибло. Однако в целом к 1 января 1946 года в рядах КПСС насчитывалось лишь 5,5 миллиона членов партии. Из них одна треть находилась в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. А вот за последующие 40 лет в нее вступило в три раза больше ее послевоенной численности. К концу 80-х годов партия уже была аморфной, бесформенно-расплывчатой, хотя все структуры ее от ЦК до первичной парторганизации вроде бы действовали. И не только потому она стала аморфной, что в ее рядах было около 19 миллионов членов партии (это почти каждый четвертый-пятый из относительно трудоспособного населения), а в первую очередь из-за низкого уровня духовности и идейной убежденности основной массы. Не хочу еще раз раскладывать по полочкам пример с Собчаком, который побыл в партии полтора года лишь для того, чтобы его гарантированно избрали народным депутатом СССР. Ну, вышел из партии так вышел — туда ему и дорога. Но это ведь прецедент! И не один. Действительно, партия стала проходным двором, а членство в ней можно было использовать как ширму для прохождения в депутаты, повышения, возвышения и т. д. А возьмите «отцов духовных». К примеру, того же Яковлева, к которому КГБ по заявлению председателя комитета имел реальные претензии за связь с ЦРУ США. Однако он в своих руках сосредоточил все средства массовой информации. Ну, на какой патриотизм можно было рассчитывать в СМИ, выпестованных Яковлевым?! Конечно, он подобрал такие кадры, чтобы с их помощью разложить наше общество и в первую очередь КПСС.

Добившись, наконец, с помощью Яковлева и всех им ведомых (Горбачева, Шеварднадзе, Медведева и т. п., а в последующем — Ельцина и его команды) того, что КПСС вышибли из Конституции, где в статье 6-й она значилась как руководящая и направляющая

сила нашего общества (что было действительно так исторически), т. е. выдернув стержень, на котором держалось государство, «демократы» начали раскачивать уже и Советский Союз, полностью действуя в границах предписаний ЦРУ на разрушение нашей великой державы.

Добились своей цели — развалили СССР. Но ведь «труд» надо же оплачивать. То, что все главари лично получили свое, в этом никто не сомневается, — с ними поступили «честно» и сейчас «честно» их финансируют. В результате движения по пути «перестройки» и «реформ» в стране не только все разрушено, как хотел того Запад, но Россия еще и влезла в колоссальные долги. Но почему должен страдать народ России? Надо проявить Западу «честность» до конца. Даже бегло сравнивая затраты США и Запада в целом на развал СССР с тем, что предполагалось затратить, видно, что обошлись мизерной платой. Поэтому в сложившихся условиях, конечно, надо простить все долги России. Ведь такой шаг в отношении Польши сделан, хотя у нее «заслуг» значительно меньше.

Это первая мысль.

Вторая мысль — о создании условий для развития интеллекта наших людей. Народы России в целом одаренные, и это должно быть достоянием человечества. Для того, чтобы наши таланты могли раскрыться, конечно, нужны условия. Эти условия были, но сейчас утрачены. Их надо возродить. Не раскрыв талант, которым в потенциале обладает молодой человек, планета тем самым теряет больше, чем если бы, допустим, не был добыт и обработан большой алмаз, который мог украсить корону государства. Родившийся в глубинке и не раскрытый дар значительно большая утрата. Это утрата человечества.

Мне понятен замысел многих воротил, проводящих линию Запада в России на развал, к примеру, металлургии, эксплуатируя все на износ. Но совершенно непонятно, почему Запад хотел бы видеть Россию павшей ниц во всех отношениях. В том числе в области образования и науки. Ведь Запад (рассуждая прагматически) может собирать здесь «сливки». Превращать же Россию в дремучую страну бессмысленно, не выгодно и порочно для Запада. Что же делать? Надо адресно помогать народному образованию и развитию науки в России. Как говорят: «Игра стоит свеч!» Поэтому Западу надо призадуматься. Здесь явно присутствуют его интересы.

Но вернемся к Чернобылю.

Итак, три военных округа разделяли всю зону заражения на три сектора, отдельно шли: Чернобыльская АЭС и строительство гидроочистительных сооружений в пойме реки Припять.

Радиационная разведка ВВС ежедневно докладывала свои донесения. Каждый округ в составе своих войск в районе Чернобыля имел воинские части (в основном химзащиты и инженерные). Кроме того, в оперативное подчинение им давалось по несколько специальных полков, которые прибывали сюда из других военных округов (практически из всех, кроме групп войск).

Наладив капитально работы на АЭС, я вместе с Научным центром провел в каждом секторе показные учебно-методические занятия с демонстрацией методов проведения дезактивации населенных пунктов (домов, других сооружений, огородов, садов, прилегающих земель) и соединяющих их дорог. Несомненно, это принесло большую пользу. Наш Научный центр выпустил в помощь войскам необходимые методички. В то время мне постоянно приходилось летать в Белорусский и Прикарпатский военные округа, а в Киевский — выезжали на машинах. Посадку производили в населенном пункте, где стоял командный пункт Оперативной группы округа. Кстати, уже в конце мая везде были построены для вертолетов посадочные площадки из бетонных плит, а вся прилегающая к ним местность, как и вокруг АЭС, облита клейкой жидкостью, поэтому облака пыли при посадке и взлете не поднимались…

Обычно мы всегда кратко заслушивали обстановку, отчет о том, как идет ход эвакуации населения (а если оно уже эвакуировано, то соблюдение режима), каково состояние с дезактивацией. Затем выезжали в населенные пункты, где велись работы. Должен отметить, что значительное количество жителей все-таки не уехало. В основном в возрасте 60–70 лет и старше. Никто их насильно не вывозил, однако рассказывали, какие беды со здоровьем могут случиться. Тем, кто никак не хотел расставаться с родным домом, давались рекомендации, как вести себя в этих условиях, как поступить с домашней птицей и животными.

Как правило, на наши предупреждения были одни и те же ответы:

— Пусть будет, что будет. Но я из своего села никуда не уеду, прожила здесь со дня рождения и буду жить, пока живется. А ваши советы я учту.

— Если у вас возникнут вопросы или просьбы, то надо будет обращаться…

И далее разъяснялось, где, в каких поблизости деревнях были медпункты, почта, телефоны (в том числе междугородние), продовольственные ларьки (специализированные) и, наконец, районная администрация. Люди весьма внимательно относились

ко всем разговорам. Между населением и войсками были отличные контакты. Солдаты по-хозяйски ремонтировали, что могли, особенно изгороди. И даже кое-где во дворах ставили (врывали в землю) деревянные столы и скамейки — благо имелся строганый пиломатериал.

Несмотря на внешнее спокойствие, которое проявлялось оставшимися жителями (приблизительно одна семья — старик и старушка — на 10 дворов), они все-таки частенько приглашали к себе, чтобы проверили приборами радиационный фон.

— Сынки, — обращалась хозяйка к солдатам, — пойдите в мой огород, пошукайте там Родиона.

— Радиация это, бабушка, а не Родион.

— Та хай ему грец, — продолжает бабуся, — он это или она, мне надо знать, что у меня в огороде.

Группа отправлялась к просительнице. Выкашивали бурьян, высокую траву, вырубали ненужные кусты, собирали весь мусор и зарывали в яме, которую делали заранее в конце огорода. Проводили осмотр приборами жилого дома, сарая, двора и затем приступали к главной работе — очистке.

Дома у всех в основном были добротные, и их наружная помывка особых проблем не представляла. Выкапывали только вокруг сточные канавки, которые затем зарывали. А вот с сараями часто была морока, потому что у многих крыши были из камыша или соломы, а в них-то как раз и задерживались зараженные пылинки. Такое покрытие надо было снимать и закапывать. Но хозяин или хозяйка категорически не соглашались лишиться привычной крыши на сарае, приходилось находить решения. Чаще всего строили деревянные крыши.

Хорошо, когда село стояло на магистральной дороге с асфальтовым покрытием — его обмывали раствором, а прилегающие к нему земли авторазливочная станция обливала соответствующим клейким раствором. Сложнее, когда село находилось в глубинке и через него проходила грунтовая дорога. Здесь приходилось возиться капитально.

Всего у каждого военного округа, привлеченного к работе, было в пределах 90—100 сел, и все они требовали своего решения. В каждом (или почти в каждом) находилось несколько семей. Конечно, забота об этих людях — сфера обязанностей местных органов власти. Но пока они сами находились в шоковом или подвешенном состоянии, военные, как могли, помогали населению. Но делать это в тех условиях было очень сложно.

Были у нас, конечно, и неприятные истории. О некоторых из них придется рассказать.

Например, о желании руководства Украины построить за счет

союзных средств канал. Поскольку большие площади на севере и северо-востоке от АЭС были заражены, а бассейн реки Припять располагался именно здесь, предлагалось построить канал в несколько сот километров, который бы перехватывал воды всего этого района и не допускал сброса загрязненных вод в Днепр. Сторонники строительства канала аргументировали эту идею тем, что ниже по течению Припяти и без того все загрязнено, канал же значительную часть зараженных вод брал бы на себя. К тому же его можно было бы использовать и в народно-хозяйственных целях, то есть сделать судоходным и соединить с Днепром. Однако для очистки его вод нужна была сложная промышленная система. Все это требовало много времени, больших сил и выходило стране в копеечку! Но самое главное — он, этот канал, был совершенно не нужен. Я дважды ездил к Щербицкому и рассказывал об этом. Один раз в присутствии предсовмина Украины Ляшко поведал, как и в какое время произошла катастрофа, о том, что поднявшееся над АЭС зараженное-загрязненное после взрыва облако упало на вешние воды Припяти, которые в это время были самыми большими, и потому всё страшное уже ушло в Днепр. Как можно подробно рассказал о плане строительства различных гидросооружений на самой Припяти и ее притоках с установкой различного рода фильтрующих плотин и просто фильтров. Планировалось также поднять дамбы, ограничивающие русло Припяти до уровня, который был бы выше самых больших паводков.

Вопрос о строительстве канала не раз обсуждался у нас в Чернобыле на правительственной комиссии, и все единогласно считали, что это ненужная затея. Наконец украинские товарищи вопрос этот сняли.

Второй случай был связан с одним крупным днепропетровским предприятием (не называю точного адреса, дабы не поставить коллектив завода в неловкое положение).

Дело в том, что наш Научный центр развернул кипучую деятельность по отысканию наиболее эффективных материалов — абсорбентов, которые бы активно поглощали (присоединяли к себе) образованные радиацией нуклиды — зараженные частицы различных элементов. Такая лаборатория была организована генералом А. Федоровым прямо на берегу водохранилища АЭС. Какие только материалы не испытывались! Вплоть до армянского туфа.

Об этих поисках стало известно и упомянутому заводу, и он вышел с инициативой использовать в качестве абсорбента золу, которая у них остается в результате отработки руды. Заводчане прекрасно знали А. Федорова: в свое время он в Днепропетровске

командовал армией, а затем в Киеве был начальником штаба округа, поэтому они рассчитывали на его содействие, в то же время устроили своей золе отличную рекламу — лучшего средства для нейтрализации загрязненной территории, чем зола этого завода, нет! К тому же продают по дешевке, но вывозить ее нам придется своими средствами: можно железной дорогой, а со станции — самосвалами.

Мне доложил А. Федоров:

— Нажимают изо всех сил: «Ведь для дела предлагаем!»

— А вы сопоставляли их золу с нашим основным материалом — песком?

— Конечно, разницы почти никакой.

— Надо отказаться, и пусть они успокоятся. Видно, у них этой золы в избытке.

— Вы правы. Я уже выезжал к ним — все дворы забиты.

Конечно, подозревать днепропетровских товарищей в том, что в тяжелое для страны время они хотели бы нажиться на горе, мы не имеем никаких оснований, но сбагрить под шумок свою золу — такое поползновение было. Однако не прошло.

За два с половиной месяца пребывания в Чернобыле трижды я выезжал в Москву на заседание Оперативной группы Политбюро ЦК. Обычно приезжал накануне, вместе со своими товарищами готовили к выступлению начальника Генштаба С. Ф. Ахромеева — выясняли с ним все вопросы, если требовалось — поправляли наши карты, схемы. А на следующий день я вместе с Сергеем Федоровичем, а также другими товарищами присутствовал на этом слушании. Докладчиков было много. Один раз заседание вел Н. И. Рыжков и два раза — Е. К. Лигачев. Мне показалось, что Николай Иванович больше склонял заседание к нашим практическим делам и особенно к тому, как намерен он решать задачи, что нас ждет, какие меры следует принять. А Егор Кузьмич упор делал на познавательную сторону, перебивал выступающих (у него вообще это в манере), тут же давал слово другому. Внешне заседание проходило живо, но все приобретало форму незаконченности. Правда, военных Лигачев не перебивал.

После этих поездок я не чувствовал себя обогащенным. Помню, в бытность командующим войсками Прикарпатского военного округа я приезжал, как и все командующие, на совещание к министру обороны, получал весьма конкретные и четкие задачи. Тогда же определялся порядок их выполнения и во имя чего все это делается. Уезжая к себе в округ, знал, что конкретно мне надо делать и даже каким методом (хотя последнее не сковывало собственных инициатив). Все было ясно. А здесь возвращаешься «к себе» в Чернобыль — и не только нет

никакой ясности, но чувствуешь себя обворованным — ухлопал целых два дня, хотя там вполне могли бы обойтись и без меня. Дали лишь один раз выступить по оценке обстановки. На мой взгляд, главенствовала не столько деловая озабоченность в связи с обстановкой на АЭС, сколько состязательность между ведомствами. Не знаю, может, в верхнем эшелоне и ставилась такая цель, но это ничего не давало. Необходимо было взаимодействие, а не соревнование, кто эффективнее доложит.

Единственно, чем я оставался все-таки доволен, так это тем, что руководство страны обогащалось достоверной информацией, это позволяло ему правильно ориентироваться в перспективе и принимать нужные решения.

Фактически все действовали на основании тех решений, которые принимались Правительственной комиссией на месте, в Чернобыле. Мы же там все больше отлаживали систему взаимоотношений и взаимодействия, иногда даже подкрепляя ее различными документами. Вот некоторые примеры.

На АЭС одновременно работало несколько научных коллективов — от каждого ведомства. Все «изобретали велосипед»! Военные неоднократно ставили вопрос об объединении их усилий — быстрее достигнем цели. Нас поддерживал директор АЭС. Однажды председатель Правительственной комиссии (на этот раз — Владимир Кузьмич Гусев) на очередном заседании зачитывает заявление директора:

«Председателю
Правительственной комиссии
тов. В. К. Гусеву

В настоящее время методическое руководство работами по дезактивации и связанными с этим задачами поручено Минсредмашу, Минэнерго и МО. От Министерства обороны в особой зоне руководство осуществляет группа Научного центра МО полковника Р. Ф. Разуванова.

Анализ проделанных и предстоящих работ показывает целесообразность объединения всех научных групп в единый научно-технический комитет (НТК) по ликвидации последствий аварии во главе с научной группой полковника Р. В. Разуванова.

Основу группы, владеющей всем ходом работ, составляют следующие офицеры:

1. Полковник В. С. Юлин;
2. Подполковник Ю. Б. Андреев;
3. Старший лейтенант А. В. Шанин.

Необходимо усиление группы дополнительно 15-ю офицерами.

Научно-технический комитет необходимо оперативно подчинить руководству АЭС. Председателем НТК целесообразно назначить заместителя главного инженера АЭС по ликвидации последствий аварии.

Место нахождения комитета определить на АЭС с принятием мер по радиационной безопасности с целью максимального продления времени их пребывания на станции.

Директор АЭС Э. Н. Поздышев».(См. А. А. Дьяченко. «Москва — Чернобыль», кн. 1, с. 146).

Добиваясь предельно ясной конкретности в работе и ответственности за ее организацию и проведение, мы, военные, настояли и на заседании Правительственной комиссии и утвердили «Положение по улучшению организации работы на АЭС». Кроме других положений, в четвертом пункте этого документа записано: «Для войсковых подразделений определить работы с конечной целью и соответствующих постоянных технических руководителей от АЭС. При этом указанные руководители должны ежедневно принимать подразделения на работу (постоянно с ними находятся) и сдавать по окончании смены, оценивая работу подразделения, а при необходимости и отдельных лиц».

Это означало, что непосредственно на самой АЭС не только будут совместно вырабатываться методы и способы дезактивации агрегатов, зданий и территории станции единым Комитетом (НТК), но и сама организация и проведение всех работ будут под жесточайшим контролем. Что же касается секторов загрязненной зоны, а также строительства гидротехнических сооружений в бассейне реки Припяти, то эти работы полностью зависели от Министерства обороны и мы проводили их самостоятельно, в соответствии с поставленными Правительственной комиссией задачами. Там же выполнялось и задание по ведению повседневной радиационной разведке.

Когда все работы приняли системный характер, а прибывшие в район катастрофы войска наших Вооруженных Сил были уже в основном капитально устроены по форме лагерного расположения (но оно почти не отличалось от хороших стационарных военных городков), я стал подумывать о перемещении Научного центра поближе и к Чернобылю и к штабу Киевского военного округа. Было перебрано несколько вариантов. После рекогносцировок остановился на доме отдыха «Ирпень».

Приняв решение и согласовав его с руководством Украины и Киевского военного округа, а также доложив в Генштаб и получив одобрение, я отдал все необходимые распоряжения.

Жаль, конечно, что я лично не помог Научному центру передислоцироваться и устроиться на новом месте, как в первый раз в Овруче, но на то возникли причины — мне надо было возвращаться в Афганистан. Там с приходом жаркого лета наступила и пора жарких схваток.

Но чтобы покончить рассказ о чернобыльской эпопее, я должен сообщить читателю, что, улетев в конце июля из Чернобыля в Кабул для решения задач в Афганистане, я в конце сентября вернулся обратно и пробыл там весь октябрь. Дело в том, что с наступлением зимы возникли новые проблемы: надо было завершить обустройство войск на зиму, создать необходимые запасы для жизни и деятельности войск, разработать методику ведения зимних работ по дезактивации, уточнить все планы на зиму. Наконец, внести необходимые изменения в планы взаимодействия.

Моя осенняя поездка началась с неприятностей. В 1986 году осень стояла холодная, дождливая, что для радиационной обстановки хорошо, а для людей — плохо. По прилету из Кабула в Чернобыль мне доложили, что прибывший месяц назад (это уже без меня) из Прибалтики полк химзащиты «бунтует». Точнее, у личного состава очень плохое настроение, крайне негативные высказывания, полк плохо устроен, обеспечен, в связи с чем требуются экстренные меры. Я приказал на следующий день, независимо от погоды, отменить все работы и к 10.00 построить весь полк к моему прилету. Буду с ними говорить.

Утром следующего дня — обложной дождь. Видимость плохая. Но мы полетели. В установленное время полк был построен.

Я вышел из вертолета и направился к полку. К сожалению, только в это время понял, что сделал ошибку, которую уже нельзя было поправить: не взял даже легкой плащ-накидки, а одет был в легкое, афганского (и чернобыльского) типа обмундирование, под которым, кроме майки и трусов, ничего не было, плюс полусапожки и фуражка.

Дождь моросил капитально, то усиливаясь, то сдерживая свой напор. Командир полка доложил, я поздоровался громко и четко, но услышал вялый, несогласованный ответ. Командир полка, как бы извиняясь, начал говорить мне, что вынужден всех одеть, так как холодно, всего плюс два-три градуса. Действительно, личный состав был одет в шинели. Сверху на шинели солдаты надели резиновые плащи из комплекта химзащиты, на головы подняли

капюшоны, а на ногах — резиновые сапоги. В таком одеянии их никакой дождь, никакой холод не проймет. Я же на этом фоне выглядел довольно странно — приблизительно как купальщик на берегу моря в зимнюю холодную, штурмовую погоду.

Но отступать было некуда. Я сказал о том, что вчера только прилетел из Афганистана и мне доложили ряд писем из полка, в которых солдаты жалуются на бытовые условия и высказывают ряд пожеланий. В связи с этим я заметил, что сначала хочу высказаться по общим и известным мне частным проблемам, а затем, после общего разговора, готов принять персонально каждого, у кого есть вопросы, вот в той большой палатке (я показал, какую именно пал атку имею в виду). «Поскольку здесь работал несколько месяцев, с обстановкой знаком, все проблемы мне известны, мы их, конечно, разрешим, — заметил я. — Но я хотел бы обратить внимание личного состава полка на следующее».

И далее я подробно рассказал об обстановке в стране, о том, что народ включился в перестройку с надеждой на лучшее. К сожалению, мы еще не развязали афганский узел, но не теряем надежды. А вот чернобыльская трагедия добавила нам забот, она требует от нас сплочения и мобилизации всех усилий, чтобы бороться с бедой сообща.

Тут из строя послышался выкрик, но я его решительно пресек. Затем еще один демагог начал рассуждать: «Все, что здесь делается, это не наше дело, наше дело в Прибалтике». Я его вывел из строя, поставил рядом и разложил по полочкам перед строем: «А если бы эта беда случилась не на украинской АЭС, а на литовской, не дай Бог? Что, народы Советского Союза, в том числе Украины, были бы в стороне? Нет, конечно, как и сейчас здесь, в Чернобыле, так и в любом случае мы будем действовать только вместе».

И в таком духе мы почти два часа беседовали под дождем. Раскрутив себя внутренне до предела, я не чувствовал «собачьего» холода. На мне не осталось сухой ни одной ниточки, вода с меня буквально лилась. Фуражка стала пудовой, а из сапожек с каждым моим шагом (я, высказываясь, расхаживал вдоль строя) «выстреливали» струи воды.

Я ходил, говорил и одновременно думал о своих подчиненных, которые прилетели со мной и стояли в отдалении группой, напялив на себя плащи химзащиты: неужели нельзя сообразить, что надо хоть для приличия предложить мне плащ. Однако, видимо, из опасения «испортить обедню», никто ко мне не подходил; когда я говорю перед строем — лучше меня не трогать. И это правильно.

Закончив свою тираду, я еще раз напомнил, где буду вести прием по личным вопросам, и пообещал принять необходимые меры. Однако указал, что и личный состав полка тоже должен постараться, в том числе и о своем благоустройстве.

После этого дал команду развести полк по подразделениям, а сам отправился в большую палатку. Там было тепло — «работали» сразу две печки. Несмотря на присутствие солдат и офицеров, я снял фуражку и повесил недалеко от печки, чтобы стекла вода. Расстегнул «молнии» и снял сапожки, демонстративно вылил из них воду, выжал и, пододвинув табуретку, поставил их так, чтобы они сохли. Снял и выжал носки и тоже устроил их рядом с сапогами. Дал команду (сами не догадаются), чтобы принесли два солдатских полотенца. Снял вначале куртку, а затем майку, выжал и их. Куртку и одно полотенце отдал солдату, чтобы он, протирая, ее просушивал. Сам же как следует до пояса растерся. Затем этим же полотенцем протер брюки. Сразу полегчало.

Стал одеваться. Кто-то подал мне сухую тельняшку. Я посмотрел — сержант, улыбается, немного покраснел. А может, мне показалось. В палатке уже было не тепло, а жарко: народу набилось полно. Я поблагодарил его и пожал руку. Надел тельняшку, затем мокрые носки и полусапожки. Надел теперь уже полусухую куртку. Принесли большую кружку крепкого, сладкого, горячего чая. Я сел на табуретку у стола и, обжигаясь, стал попивать этот изумительный напиток. Вокруг в ожидании беседы толпились солдаты и сержанты.

Закончив все процедуры, я усадил к столу своих офицеров и приказал записывать все наши беседы, обратив особое внимание на фамилию, имя и отчество заявителя, его адрес, суть вопроса и принятые мною решения. Объявил это громко, чтобы все знали, как все будет организовано. Добавил, чтобы заявители стали в определенной мной последовательности. При этом полковое руководство отсутствовало, чтобы не стеснять своим присутствием тех, кто хотел бы сделать заявление в их адрес.

И так, не присаживаясь, я провел еще четыре часа. Личный состав попеременно ходил на обед и возвращался, а мы продолжали прием по личным вопросам. Считаю, что это возымело действие. Хотя полк был в целом с «гнильцой» — почти все были призваны из запаса, ощущалось уже и дуновение лжедемократии (этот процесс в Прибалтике начался раньше, чем в остальных районах страны). Командование полка — особенно командир полка, заместитель по политчасти и начальник тыла — было крайне неорганизованное, а ведь решение многих вопросов зависело непосредственно от них.

Под конец состоялись встречи по личным вопросам и с некоторыми офицерами. Разговор получился хороший. В заключение я встретился с командованием полка и командирами батальонов. Откровенно сказал, что многое зависит от них самих, поэтому они обязаны в течение десяти дней обустроить полк и только после этого приступить к работам (полк оперативно подчинялся Прикарпатскому военному округу). Понимая, что в лице командира имею дело с крайне неорганизованным человеком, я приказал временно передать дела начальнику штаба полка, который произвел впечатление делового и способного офицера. «А завтра, — заметил я, — окончательно объявлю вашу судьбу». Начальника тыла и заместителя командира по политчасти, у которых было много упущений, строго предупредил, что через неделю проверю, как они поправляют дела. А остальным офицерам сказал, чтобы они не отгораживались от солдат, тем более таких, как у них, — семейных, которым в основном тридцать и за тридцать лет. С ними надо работать особо.

Уже вечерело, когда я полетел обратно. Дождь продолжался.

На следующий день с утра я встретился с Б. Е. Щербиной. Он был в роли председателя Правительственной комиссии, но уже на постоянной основе. То есть замены уже к этому времени были прекращены. Шло активное строительство саркофага на четвертом блоке.

Учитывая необычную ситуацию в полку, в котором я побывал, рассказал ему все подробности. Внешне он сильно изменился: осунулся, лицо серое, вокруг глаз черные круги, да и глаза стали не такие живые… А ведь недавно был даже румянец. Видно, устал. Человек он исключительно обязательный и крайне активный. Если вцепился — все! Задача будет выполнена. Обладал незаурядными организаторскими способностями. Когда проблема была ему полностью неизвестна — тщательно изучал ее, одновременно решая частные задачи. Его высокая требовательность сочеталась с большим вниманием к подчиненным и всесторонним обеспечением их всем необходимым для выполнения заданий. Это был руководитель высшего класса. Не зря именно на него пал выбор, как на первого председателя Правительственной комиссии. Именно он смог раскрутить на голом месте «маховик» этой комиссии, да еще в условиях, когда все руководство АЭС несколько дней пребывало в шоке и не способно было даже разговаривать.

По ходу моего рассказа он как бы между прочим отпускал оригинальные непарламентские фразы, давая оценку этому и высказывая свое личное отношение. Закончив, я спросил у него:

— Борис Евдокимович, ведь у нас было достаточно частей, которые могли бы справиться с задачами. Зачем вытянули еще этот полк?

— Это я должен у вас спросить — на кой хрен он нужен, этот полк? Ведь с ним будет одна морока. А нам надо, чтобы он дело делал, а не отвлекал нас от работы. Вы спросите у Генштаба — зачем его прислали? Тем более, насколько мне известно, вопрос так вообще не стоял. Хотите, я спрошу — зачем нам эти «партизаны»?

— Да нет уж. Я сам переговорю с Генштабом. Но коль полк оказался здесь, то ему надо поработать.

— А теперь, Валентин Иванович, у меня к вам вопрос из другой области. Вы что, в Афганистане уже решили все проблемы, что летаете туда-сюда, как челнок?

— Дело в том, что я здесь все закручивал, как вам известно, и сейчас, накануне первой чернобыльской зимы, надо, наверное, именно мне проверить готовность.

— Ладно. У меня есть дельное предложение — поехать посмотреть город Припять. Там проведены большие очистительные мероприятия. Наши товарищи предупреждены.

Я согласился, и мы поехали. Борис Евдокимович ударился в воспоминания о том, что и как было, начиная с первого дня. Оказывается, и Правительственнная комиссия первоначально размещалась не в Чернобыле, а в городе Припяти.

— Бестолково всё было — город дышал радиацией, а мы в нем сидели. Почему? Не было решения правительства об эвакуации. Заходит ко мне генерал ПВО Кузиков (неподалеку находился их большой объект) и говорит: «Я прибыл с задачей эвакуировать весь личный состав объекта — приказ Главкома ПВО»… А я ему отвечаю: «Решения правительства на эвакуацию нет. А если вы это будете делать самостоятельно и сеять панику, я передам дело в военный трибунал». Тогда мне генерал предложил переехать из Припяти к ним на объект — там значительно чище в радиационном отношении. Что мы и сделали. Потом уж подготовили Чернобыль и переехали туда.

Полдня мы потратили на Припять. И не зря. Объехали буквально всё. Конечно, в сравнении с тем, что было, к примеру, в мае, общая обстановка изменилась значительно к лучшему: наведен общий порядок. Дважды провели очистку зданий, различных построек, дорог, и сейчас уровень радиации значительно ниже (в том числе в той части, которая ближе всего к АЭС), хотя и не позволяет еще пользоваться этим современным городом.

Б. Е. Щербина принял правильное решение о создании

смешанной комиссии, которой поручалось всесторонне изучить ситуацию в городе и доложить комиссии возможные варианты решений.

Еще не раз и не два мы о многом беседовали с Борисом Евдокимовичем, разговор шел вокруг многих событий, но главным образом о Чернобыльской АЭС. Одной из основных проблем была скудная информированность нашего населения. Как плохо осведомлены наши люди обо всем, что касается радиации. Нет никакого сомнения в том, что наша цивилизация будет развиваться, а это потребует еще больших затрат энергии. Поэтому развитие ядерной энергетики — это требование времени (во Франции 70 процентов электроэнергии получают за счет АЭС, в чем я лично убедился в 1990 году. Причем многие атомные электростанции там расположены в городах). Но для правильной их эксплуатации граждане страны должны соблюдать порядок и располагать элементарными знаниями. Даже интеллигенция делает круглые глаза, когда начинается конкретный разговор. А ведь это тоже часть современной культуры. Кто же отвечает за подготовку и переподготовку людей? Государство. К сожалению, государство просветительством граждан через средства массовой информации у нас занимается крайне недостаточно, считая, очевидно, что хватит школьных и вузовских программ. А ведь это почти ничего, если, к примеру, говорить о том, как надо пользоваться ядерной энергией в мирных целях, какие предпринимаются меры безопасности и что, как минимум, должен знать каждый гражданин. Ясное дело, безопасность любого производства должна быть обеспечена, но ясно и другое: каждый человек должен быть просвещен, как надо действовать во время чрезвычайной ситуации. Ничто не должно захватить его «голым», совершенно не вооруженным хотя бы элементарными знаниями, чтобы не оказаться в положении профана. Как вы, читатель, помните, в случае с Чернобыльской АЭС даже все сотрудники станции, начиная от директора, несколько дней были в трансе. Что можно говорить тогда об их семьях, а тем более о жителях прилегающих населенных пунктов?!

Да и Борис Евдокимович Щербина, критикуя существующую ситуацию с информированием и просвещением народа, сам оказался жертвой такого положения. Мощная фигура — ничего не скажешь. Но подставленный под удары смертельных лучей незащищенный организм был, конечно, обречен. Вот и потеряли мы преждевременно замечательного человека и прекрасного государственника.

А сколько еще умерло и умирает по этой причине, в том

числе и среди военных? Особо трагично сложилась судьба у начальника Научного центра генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Федорова. После Чернобыля его назначили в 1988 году начальником штаба Группы войск в Германии. Однако по болезни он вскоре уволился. Долго врачи толком не могли определить, что у него. Но, оказывается, альфа-лучи от частицы, которая попала вместе с воздухом в легкое и осела там, несколько лет разрушая организм. Алексей Константинович перенес ряд сложнейших полостных операций. В итоге потерял полностью одно легкое и почку. Я встретился с ним в госпитале, куда временно был помещен для проведения диспансеризации. Это было в 1996 году, а уже весной 1998 года мы его похоронили.

Бороться с такой силой, как радиация, надо умело. И готовиться к борьбе надо до прихода беды. Мы же стали этим заниматься, когда «гром грянул». Именно в связи с Чернобылем мы поставили перед Киевским, Калужским, Мелитопольским и Челябинским НИИ, соответствующими предприятиями сразу две принципиальные задачи: создать радиоуправляемое устройство (типа трактора с «рукой»), которое могло бы проводить очистку местности или объекта от излучающих элементов, и подготовить специалистов, которые могли бы управлять таким изделием из соответствующего пункта управления. И такая машина была создана под кодовым названием «Клин». Однако со временем пришлось перейти от радиоуправляемых устройств к управлению по кабелю — слишком сильное излучение давало мощные помехи. А по кабелю — нормально.

Но ведь все это пришлось делать день и ночь, в авральном порядке, впопыхах, когда катастрофа не просто уже имела место, а стремительно развивалась. Все это можно и нужно было предвидеть и готовиться к возможным ЧП заранее.

Закончив свою работу во время второй поездки в Чернобыль, я возвращался в Афганистан с тяжелым чувством неопределенности: чем все кончится в Чернобыле, если даже среди наших ученых-ядерщиков нет единства во взглядах.

Мне было ясно, что недисциплинированность сотрудников-экспериментаторов во время эксплуатации АЭС обернулась на четвертом блоке ужасными последствиями. Положительный скачок реактивности привел к разгону реактора с периодом менее одной секунды. При такой скорости нарастания мощности попытка «обуздать» ситуацию опусканием твел приводит только к их разрушению ядерным топливом, поскольку в реакторе резко возрастает давление и происходит взрыв. В результате верхняя плита взлетает, как крышка кастрюли. Но резкий разгон реактора на ускоряющихся нейтронах и его разрушение первым взрывом —

это еще не все. Вслед за этим, секунд через двадцать, последовал второй взрыв, значительно мощнее первого. Он произошел внутри реактора из-за быстрого скопления большого объема водорода, который начал образовываться в результате реакции имевшегося в реакторе циркония с паром (при температуре 900 градусов и выше идет интенсивное выделение чистого водорода). Второй взрыв и сделал основной выброс в атмосферу.

Уже значительно позже, возвращаясь к событиям катастрофы на Чернобыльской АЭС, я проводил для себя аналогию с теми общественно-политическими явлениями, которые имели место в 80-х и 90-х годах в СССР и Российской Федерации.

Да, сходство по последствиям было.

Глава VI
Война в Афганистанепродолжается

Наджибулла оправдал надежды. Подготовка и вывод шести боевых полков из Афганистана. Взгляды на наших воинов, выполняющих свой долг за рубежом. Политика национального примирения. Подготовка Женевских соглашений. Операция в Кандагаре. Лойя Джирга утверждает политику Наджибуллы и избирает его президентом. Операция «Магистраль». Вывод наших войск из Афганистана: первый этап — нормально, второй этап — с большими трудностями. Судьба южных соседей связана с судьбой России.

Фактически весь полет из Москвы в Кабул размышлял о положении в нашей стране. И хотя опять я возвращался на афганскую войну, а следовательно, и мысли как будто должны были касаться именно этого, все-таки думы были о родном доме — о Советском Союзе. Сложная ситуация внутри страны и вокруг не давала покоя. Просто беда. С Афганистаном еще никак не развяжем узлы — и вдруг на нас обрушился Чернобыль!

В конце февраля — начале марта прошел XXVII съезд КПСС, утвердивший новую редакцию Программы партии и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Не успели еще затихнуть послесъездовские голоса, как вдруг — взрыв и пепел чернобыльской катастрофы окутал страну, словно тяжелое небесное знамение. Конечно, налицо серьезные нарушения в эксплуатации АЭС, отсутствие дисциплины. Однако, может, поэтому и знамение?

Забегая вперед, хочу отметить, что в том же, 1986 году, в декабре месяце на нас опять свалилось несчастье, и я опять вспоминал Чернобыль. Дело в том, что по рекомендации Горбачева на пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана фактически был назначен Г. В. Колбин, который до этого пробыл три года первым секретарем Ульяновского областного комитета КПСС. Но самое главное — кого он сменил. Это был Динмухамед Ахмедович Кунаев. На мой взгляд, для Советского Союза в целом, а для Казахстана тем более, это была легендарная личность. Окончив в 24 года Московский институт цветных металлов, он прошел на Балхашском медеплавильном комбинате путь от машиниста, мастера и сменного инженера до директора

комбината. Затем Риддерский рудник, Лениногорское рудоуправление. Он становится доктором технических наук, академиком Академии наук Казахской ССР. В годы войны вырос до заместителя Председателя Совета Министров Казахской ССР и на этой должности проявил себя как незаурядный организатор. В 1952 году избирается Президентом Академии наук Казахской ССР. В 1955 году назначается Председателем Совмина республики, а через пять лет избирается первым секретарем ЦК Компартии Казахстана и работает на этом посту 25 лет. 20 лет он был в составе Политбюро ЦК КПСС, 15 лет из них — членом Политбюро. Трижды Герой Социалистического Труда.

Из руководства у нас в стране старше его был только А.А.Громыко. И приблизительно такого же возраста — М.С. Соломенцев.

Кунаев был здоров, подтянут, у него был ясный, живой ум. И когда его начали сталкивать со всех постов (естественно, по инициативе Горбачева), то это выглядело крайне неуклюже и как-то оскорбительно. Особенно мерзко выглядело выступление на Пленуме ЦК КПСС Н.А.Назарбаева. Уж как он только не обливал Кунаева в угоду Горбачеву! А ведь именно Кунаев вырастил его, бывшего рабочего Карагандинского металлургического комбината, до Председателя Совета Министров Казахской ССР в 1984 году. Я слушал Назарбаева и удивлялся его коварству. Одновременно поражался горбачевскому цинизму, который выворачивался в этом «спектакле». Зачем все это? Ведь можно и нужно было поступить благородно. Кунаев заслуживал этого. Я близко с ним не был знаком, но видел в его лице личность, политического деятеля, который был у нас действительным авторитетом.

Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана в Алма-Ату «привезли» Геннадия Васильевича Колбина. Он был ставленником Горбачева, отсюда и все последствия — убирались люди, которые внесли огромный вклад в развитие экономики и культуры Казахстана.

Сегодня с прискорбием можно сказать, что происходила полная смена руководящих кадров, начиная от колхозов и совхозов и кончая партийными комитетами. Этим создавалась благоприятная почва в республике для работы спецслужб Запада.

Даже нам, сторонним наблюдателям, было странным назначение Колбина, тем более что совершенно не учитывался национальный фактор. Правда, тогда кое-кто пытался оправдать Горбачева в этой провокации, объясняя все, мол, уже имевшим место прецедентом — Л.И.Брежнев пребывал в этой должности. Верно. Но там все обстояло совершенно иначе. В связи с

решением ЦК КПСС и Совмина СССР об освоении целинных и залежных земель Брежнева направляют в Казахстан, где он в 1954 году избирается вначале вторым, а через полтора года, когда республика уже узнала его, — первым секретарем ЦК КП Казахстана. Колбина же буквально навязали Казахстану.

Демонстрации националистически настроенной молодежи не могли возникнуть сами собой. Были, конечно, силы, которые провели необходимую «организаторскую работу». Это был первый серьезный конфликт с момента начала перестройки. Теперь в Казахстане считают, что это были первые демократические выступления в стране. Однако нет сомнения, что эти проявления «демократических свобод» были инспирированы, в том числе и извне, и мастерски организованы. Лично у меня события в Алма-Ате вызвали тревогу. На мой взгляд, демонстрации и митинги протеста могут иметь место только в классовом обществе, при обострении противоречий между классами, между трудящимися и властями («хозяевами», эксплуататорами).

В общем, горбачевская перестройка принесла много бед. События в Казахстане увязывались с общими бедами у нас в стране, в том числе с Чернобылем, пребыванием наших войск в Афганистане. В те годы я много размышлял о их причинах и взаимосвязи.

Было ясно, что в Алма-Ате, в связи с назначением Колбина, в знак протеста выступила большая группа молодежи. Это, несомненно, являлось результатом работы определенных сил, в том числе и спецслужб Запада. Мы с полным основанием можем утверждать, что события в Тбилиси, Вильнюсе, Фергане, Риге и т. д. инспирировались по одному сценарию. И что бы ни говорилось об этих событиях сегодня, какие бы усилия ни предпринимали поклонники Горбачева и Ельцина, что, мол, надо просто зарегистрировать те события и не показывать их авторов, любой здравомыслящий человек сегодня понимает, что именно тогда закладывались основы развала Советского Союза, а теперь и нашей России.

…В Кабуле меня встретили как обычно товарищи из нашей Оперативной группы и генерал-лейтенант М.М.Соцков, который был моей «правой рукой» при подготовке к возвращению в СССР 12 тысяч воинов (или 6 боевых частей). Они были выведены нами из Афганистана осенью 1986 года — то есть еще задолго до Женевских соглашений. Надо было подталкивать наше руководство снизу. Об этом выводе войск вскользь я уже говорил, сейчас же хочу остановиться на этом подробнее.

За несколько дней до моего первого вылета из Кабула в Чернобыль, т. е. в мае 1986 года, я уже официально поздравил

Наджибуллу с избранием его на пост Генерального секретаря ЦК НДПА (вместо Б. Кармаля). Конечно, было много сторонников, но были и противники его назначения. Альтернативной фигурой называли полковника Саввари (в свое время руководил МГБ), который для военного положения Афганистана и по другим качествам якобы больше подходил на роль лидера. Но в 1981 году Кармаль отправил его послом в Монгольскую Народную Республику, тем самым избавился от возможного конкурента. Учитывая длительное отсутствие Саввари в стране, большинство предпочло на посту лидера Наджибуллу, точнее, согласилось с советским предложением, несмотря на его якобы «слабые» стороны (кроме тех, о которых я уже говорил): из аристократической семьи, женат на внучке короля, не имеет военного образования (врач), не так близок к Советскому Союзу, как многие из руководителей, которые или учились в нашей стране, или часто бывали там по делам службы. Считалось, что он будет далек от нужд народа.

Но жизнь показала, что все претензии, предъявлявшиеся Наджибулле, отпали сами собой. Он оказался настоящим патриотом и прекрасным государственным деятелем. Наджибулла по природе был масштабным и талантливым человеком, поэтому впитывал в себя все необходимое с первого захода. Вот почему он приглянулся и всем нам.

В то же время я понимал, что с приходом Наджибуллы нужен был поступок, который бы поднял авторитет и Советского Союза, и Афганистана. Надо было обозначить новую политику. Этим шагом мог стать вывод войск, хотя бы в незначительном составе, — допустим, 10–12 процентов от имеющейся численности.

Переговорив предварительно об этом с Виктором Петровичем Поляничко, я вместе с последним прозондировал настроение Наджибуллы — как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности, в области стабилизации ситуации. Особенно горячо и аргументированно его убеждал, конечно, Поляничко. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и, полностью разгадав наш замысел, сказал: «Вывод Советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких

захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил». Это было прекрасно. Наджибулла дословно высказал наши мысли.

В тот же день я переговорил по телефону с начальником Генштаба С. Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и сказал, что перезвонит через час. Действительно, через непродолжительное время позвонил (видно, с кем-то посоветовался) и начал сразу с вопросов:

— А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим согласием?

И в таком духе было задано еще несколько вопросов. Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Посоветовал также переговорить на эту тему с В. П. Поляничко, что Ахромеев и сделал. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск:

— Какие части вы предполагаете выводить? На каких направлениях? Как это отразится на общей обстановке?

— Думаю, что это будет пять-шесть боевых полков. Именно боевых — другие не прозвучат. Но в числе боевых могут быть и такие, которые фактически на боевую обстановку особо не влияют…

— Например, зенитно-артиллерийские полки ПВО, — перебил меня Сергей Федорович.

— Верно, зенитно-артиллерийские полки. Или танковый полк.

— Согласен. Но если в числе этих полков не будет мотострелковых, то мы только дадим пищу оппонентам.

— Надо подумать. Позвольте мне завтра подробно доложить предложение и одновременно согласовать его здесь, на месте.

Вообще-то мы давно эти полки определили и капитально их готовили к выводу, будучи уверенными, что с нашими предложениями согласятся. Но мне надо было окончательно затвердить это решение с командованием армии и дивизий, после чего выходить на Генштаб. Поэтому в этом разговоре я воздержался называть Ахромееву номера полков.

На следующий день после обсуждения этого вопроса у себя в Оперативной группе, а также с командующим 40-й армией и Главным военным советником мы пришли к выводу, что выводить

советские части надо там, где достаточно сильны афганские войска или наших войск в избытке: из 5-й мотострелковой дивизии через Герат на Кушку можно вывести мотострелковый, танковый и зенитно-артиллерийский полки; из 201-й мотострелковой дивизии, через Кундуз на Термез, — мотострелковый и зенитно-артиллерийский полки; из 108-й мотострелковой дивизии, из Кабула на Термез, можно отправить один зенитно-артиллерийский полк. Если учесть, что с этими боевыми частями мы рассчитывали отправить множество различных других подразделений, то в целом набиралось до двенадцати тысяч человек.

Такой состав был доложен Генеральному штабу ВС СССР.

Это, конечно, выглядело уже солидно. Получив от начальника Генштаба добро, я отдал все необходимые дополнительные на этот счет распоряжения по завершению подготовки войск, предназначенных для вывода, назначил соответствующую команду, а сам по указанию Ахромеева вылетел в Советский Союз — вторично в Чернобыль. В это же время Горбачев, находясь во Владивостоке, сделал следующее заявление: «До конца 1986 года шесть советских полков… будут возвращены из Афганистана на Родину вместе с табельным имуществом и вооружением. Эти подразделения вернутся в район своей постоянной дислокации на территории СССР, причем с таким условием, что все заинтересованные стороны смогут в этом убедиться».

Несомненно, это произвело впечатление. Но меня начала беспокоить концовка фразы нашего генсека: «…все заинтересованные стороны могут в этом убедиться». Из этого следовало, что на выводе войск могут и даже должны будут присутствовать наблюдатели различных стран. А если это так, то надо обеспечить их полную безопасность, а на войне это сделать не так-то просто. Но надо было вывод войск вообще сделать гарантированно безопасным, что в первую очередь было в наших интересах.

Вернувшись после первой поездки в Чернобыль обратно в Афганистан, я с Оперативной группой МО развернул кипучую деятельность по подготовке конкретных войск к выводу. В числе других мероприятий предусматривалось провести операции по разгрому непримиримых банд, расположенных вдоль маршрутов, по которым пойдут войска. А с бандами, настроенными не особенно агрессивно, проводились соответствующие переговоры по принципу: нас не трогай — мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим.

Однако «партнеры» были весьма коварны. Руководство оппозиции, так называемый «Альянс семи» (семь главарей

основных оппозиционных партий), и в первую очередь ярый фундаменталист Гульбетдин Хекматиар, прослышав о предстоящем выводе наших войск (с учетом заявления Горбачева), объявил, что они устроят русским «кровавую баню», подразумевая под «русскими» все наши войска. При этом они потребовали от банд, чтобы они ни одного нашего солдата и офицера не выпустили живыми.

Ведя агентурную разведку с целью установления истинных планов мятежников и используя при этом данные не только наших военных разведывательных органов, но и таких же органов КГБ СССР, я пришел к выводу, что нападения банд не исключены. Поэтому предпринял следующие меры.

Начало вывода войск условно мы назначили на конец августа 1986 года. Затем определил конкретную дату и время начала движения головной колонны на каждом маршруте. Все это сразу же становится известно всей стране. В средствах массовой информации Афганистана изо дня в день разъясняются народу цели и задачи советского контингента в период его пребывания в Афганистане — это стабилизация обстановки. А также причины вывода наших войск — стремление советского руководства и военного командования разрешить афганскую проблему политическим путем и показать это мировой общественности.

Одновременно с этим в наиболее опасных районах, где предполагалось возможное нападение банд мятежников (в 15–20 километрах от этих участков), сосредоточивались артиллерийские (в основном реактивная артиллерия) части, готовые по команде занять поблизости огневые позиции и открыть огонь на поражение по объявившимся душманам. Кроме того, самолеты-разведчики на значительной высоте, чтобы не спугнуть мятежников, делали съемку, а также вели визуальную разведку полосы местности в 10–15 километрах справа и слева от дороги.

В день вывода представители местной афганской власти и общественности прибыли в соответствующие наши полки для участия в церемонии прощания. Однако в связи с тем, что буквально в нескольких километрах от магистрали, где должны проходить наши части, были обнаружены (как и следовало ожидать) большие скопления банд мятежников, готовых выдвинуться и массированным огнем взять в свинцовые клещи наши колонны, войскам была дана команда: «Отбой!» А артиллерийские части и особенно авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. После чего дано разъяснение произошедшему.

Первые два часа удары наносились фактически непрерывно.

Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбо-штурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла свои удары через каждые два-три часа (отдельно самолетами и отдельно — вертолетами). Остальное время заполнялось методическим огнем артиллерии с отдельными огневыми налетами. На протяжении всего дня велась разведка и уточнялись цели.

Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения советского командования не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во многих местах банды изготовились к нападению на колонны частей 40-й армии, предназначенные для вывода. В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Альянса семи», в ущерб афганскому и советскому народу. В целях избежания больших потерь наших войск советское командование вынуждено было применить силу против тех, кто мешает мирному процессу в Афганистане. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены.

Гульбетдин Хекматиар хотел «баню»?! Он ее получил! И мы постарались это разъяснить народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходоков в кишлаки. Мятежники «сорвали» вывод войск, и командование вынуждено назначить второй срок вывода — середину сентября 1986 года. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последуют наши удары во много крат мощнее предыдущих.

Это был военно-политический маневр с целью максимально ослабить наличные силы банд вдоль магистралей, чтобы никакой соблазн не мог бы их толкнуть на развязывание боевых действий. И свой замысел мы воплотили в жизнь.

Ко «второму» нашему выводу войск (фактически тоже фиктивному) оппозиция опять попыталась подтянуть свои силы к магистралям. Местных банд, судя по докладам агентурной разведки, было очень мало. В основном действовали пришлые, переброшенные из других районов страны и из Пакистана — из центров подготовки моджахедов.

И опять, как и в августе, в назначенное время вместо выхода войск на маршруты наша артиллерия и авиация обрушили мощные удары по всем скоплениям банд, готовых напасть на наши колонны. Это был полный провал всех планов оппозиции. Ее формирования понесли тяжелые потери. Но самое главное —

это стало широко известно и в Афганистане, и за его пределами (в первую очередь в Пакистане и Иране). Как и в первый раз, в средствах массовой информации и по всем другим традиционным каналам было объявлено, что советское военное руководство не стало рисковать в условиях, когда оппозиция не сделала для себя выводов из августовских событий и опять вывела на различные участки маршрута несколько своих банд для нападения на колонны советских войск.

В связи с этим намечен новый срок для вывода — теперь уже на начало октября. Оставшиеся до этого две недели были посвящены «чистке» районов, прилегающих к маршрутам вывода войск. Были также подготовлены места для размещения наблюдателей от различных стран за этим процессом. В короткое время здесь выросли не только сооружения типа просторных трибун с шатром, защищающим от палящих лучей солнца, откуда на многие километры вверх и вниз по маршруту видны колонны на марше, но и просторные, с кондиционерами палатки для отдыха и получения телеинформации, переговорные пункты, пункты питания, медицинского и санитарно-бытового обслуживания. Наконец, неподалеку были оборудованы вертолетные площадки с автобусами-пикапами, которые перебрасывали прибывающих гостей от вертолетной площадки к месту наблюдения. Естественно, что все это в радиусе 20–30 км гарантированно охранялось. Так же, как и аэродромы, куда прибывали гости.

Кстати, представители некоторых стран изъявляли желание направить своих посланцев вместе с колонной до государственной границы, при этом высказывалась просьба обеспечить безопасность как самой поездки, так и возвращения обратно. Мы принимали такие просьбы и исполняли их.

Итак, третий срок вывода наших войск был назначен на начало октября.

А во второй половине сентября мне пришлось вторично вылетать в Чернобыль и работать там по октябрь включительно, готовя войска к действиям, жизни и быту в условиях зимы, в обустроенных лагерях — полевых военных городках. Таким образом, мне не довелось непосредственно участвовать в самом акте вывода. За меня оставался генерал-лейтенант М. М. Соцков, с которым я поддерживал надежную связь и который меня информировал по обстановке, при необходимости я принимал дополнительные решения.

Генерал-лейтенант М. М. Соцков бывал в Афганистане много раз и в разном качестве: вначале — как заместитель начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск; затем

— как представитель Главной инспекции Вооруженных Сил. С ним была группа 12–15 офицеров. На период пребывания в Афганистане эта команда органически вливалась в состав Оперативной группы МО СССР в Афганистане и действовала по нашему общему плану, сосредоточивая основные усилия на боевой подготовке войск 40-й армии и афганских Вооруженных Сил. А в 1988-м году Михаил Михайлович Соцков прибыл в Афганистан уже в качестве Главного советского военного советника.

Наконец, всё для вывода войск было готово. Перед моим отлетом в Чернобыль мы условились, что на третий раз, при всех условиях, войска задерживать не будем. И их вывели. Практически без потерь. Правда, все проходящие колонны сопровождались до госграницы боевыми вертолетами и самолетами, а на особо опасные участки выдвинули наши войска (которые оставались) и максимальное количество артиллерии. Предварительно оппозиция получила грозное предупреждение: если кто-то посмеет обстрелять наши колонны, мы ответим ударами максимальной мощности, которые в соответствующем районе сметут все без исключения.

Уверен, что это предупреждение плюс преподанные моджахедам уроки в августе и сентябре и, наконец, всестороннее обеспечение вывода войск — сопровождение авиацией, блокирование особо опасных участков нашими войсками и т. п. — сыграли решающую роль. Это был настоящий триумф. Всему миру было блестяще продемонстрировано наше желание и готовность уйти из Афганистана хоть сегодня, но предварительно нужен конструктивный диалог, чтобы развязать затянувшийся узел политическим путем.

Досадно, конечно, что в свое время наши политики и дипломаты не обставили как следует сам факт ввода войск в Афганистан. А ведь можно и нужно было сделать это. Открыто заявить о своих намерениях, завоевать общественное мнение, а затем действовать. Что в этих действиях может быть секретного? Ведь не нападаем, а оказываем помощь. Возьмите Буша — как мастерски с точки зрения пропаганды в свое время он обставил «Бурю в пустыне»! А ведь он фактически защищал свои личные экономические интересы в Кувейте, свой бизнес.

У нас же пребывание наших войск в других странах рассматривают (особенно сейчас) односторонне, только как негатив. А почему? Не потому ли, что отдают дань моде? Или подстраиваются под общую линию наших бывших правителей-предателей, действующих в угоду Западу. Ведь Западу, и особенно США, выгодно внушить мировому сообществу, что

любые наши акции за пределами Советского Союза, в том числе на территории сопредельных дружеских нам стран, были порочны, что они якобы несли горе и слезы другим народам. А вот США, которые уже не один год бомбят мирное население Ирака и Югославии, несут народам этих стран радость и счастье.

Считаю, что оценка наших акций за рубежом имеет принципиальный характер. Ведь даже некоторые прогрессивные и уважаемые мной историки иногда до того заблуждаются или завираются, что мне становится их жалко. Один из таких «авторов» пишет: «Вообще с судьбами и жизнями людей за всю историю Советского Союза никогда не считались (надо бы добавить: а вот когда Советского Союза не стало, то стали считаться, и подтверждением этого является война в Чечне. — Автор). Их клали «на алтарь Отечества» когда было надо и не надо. Ведь на протяжении длительного времени политика внешней безопасности Советского Союза строилась в значительной степени на основе идеологических догм. Именно они выступали критерием правильности при оценке принимаемых тогда решений. Им же были подчинены государственные и национальные интересы страны. Особое внимание уделялось поддержке своих идеологических союзников».

И далее автор приводит «примеры»: Германия 1953 года (кстати, у Советского Союза никаких потерь — ни физических, ни морально-политических — не было), Карибский кризис 1962-го (тоже), Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года. Действительно, в те годы были обострения. Верно и то, что в Венгрии и Чехословакии при подавлении контрреволюционных выступлений были и потери.

А кого же нам поддерживать в первую очередь, как не наших друзей и союзников? И разве не идеологические постулаты должны быть в основе всех наших решений по всем проблемам государственных и национальных интересов?! Можно подумать, что США действуют по-иному. Ничего подобного! Собственная идеология и интересы у них всегда ставятся во главу угла. США со своими солдатами лезут везде. Да и сейчас присутствуют во многих странах мира, начиная от стран Западной Европы до Японии и атолла Диего-Гарсия в Индийском океане. А вспомните многолетнюю кровавую войну США во Вьетнаме!

Но особо я хотел бы остановиться вот на таком принципиальном моменте. Как ныне иные разглагольствуют о том, что будто бы в период советской власти у руководства страны начисто отсутствовала ответственность при вводе наших войск и проведении соответствующих акций. Конечно, это

злобный навет. Цель его — потрафить антисоветчикам во главе с Ельциным.

Сравним отношение руководства страны к нашему народу в советский и другие периоды истории. Можно с полной ответственностью сказать, что более пошлого, низкого и безнравственного отношения к нашему народу, как проявил себя Ельцин, у нас в России никогда не было. Дело дошло до того, что сегодня не какое-то количество жизней положено «на алтарь Отечества», а судьба и жизнь всего народа. Причем это сделано ради интересов и благополучия горстки грабителей и своих личных интересов. Слава Богу, что Ельцин отошел от престола. Но ведь заданную инерцию не остановить.

Несостоятельны и упреки в том, что советское руководство вводило войска в другие страны якобы из-за своей безответственности или «кровожадности». Когда требовали интересы государства, то и русская армия до семнадцатого года участвовала в различных компаниях за рубежом, и они отличались от ввода советских войск в Венгрию (1956 года) и Чехословакию (1968 года) еще большей активностью. Но ими мы гордимся. И это правильно.

Во время семилетней войны 1756–1763 годов, после разгрома прусским королем Фридрихом II французских и австрийских армий, войска Российской империи (а Россия состояла в коалиции с Францией и Австрией) получили приказ наступать. В итоге армия С. Ф. Апраксина разгромила пруссаков в районе Грос-Егерсдорфа и в 1758 году заняла Восточную Пруссию; армия П. С. Салтыкова в 1759 году в сражении при Кунерсдорфе нанесла поражение прусской армии и вторглась в Померанию. Мало того, корпус этой армии под командованием генерала Захара Григорьевича Чернышева в 1760 году овладел Берлином, о чем, к сожалению, наши историки часто умалчивают (в последующем З. Г. Чернышев стал генерал-фельдмаршалом — в нашем современном понимании — генералом армии). Эта победа предопределила последующие события: в 1761–1762 годы Пруссия полностью потеряла Померанию, Силезию, Саксонию и фактически была на грани полной катастрофы. А дальше на престол в России приходит Петр III. Вместо того чтобы добить врага, он, ко всеобщему изумлению и негодованию, внезапно прекратил боевые действия и заключил с Фридрихом II мирный договор. Вполне вероятно, что на Петра III могла повлиять его родословная: сын гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и дочери императора Петра Великого Анны Петровны. Императрица Елизавета Петровна, тетка Петра III, в свое время объявила его наследником престола.

По своему внутреннему содержанию и уму Петр III явно недотягивал до уровня государственного деятеля. Увы, важнее всего для него были придворные развлечения. А его невежество и хамство многих отторгало от себя (обратите внимание на эти черты, уважаемый читатель, и зеркально перенесите их на конец XX века. Закономерно, что пренебрежение всем русским, антинациональная внешняя политика, игнорирование устоявшихся русских обычаев и стремление насадить в армии и в стране прусские порядки вызвали рождение оппозиции в лице гвардии, которую возглавила жена царя — будущая императрица Екатерина II. Хотя она по происхождению тоже была немкой (принцесса Софья Фредерика Анхаль-Цербская), но чувство ответственности за Российское государство у нее было, как у истинного россиянина. Петр III был свергнут с престола, сослан в Ропшу и там по приказу Екатерины II — убит. Встав на престол, она расторгла союз с Пруссией, но по понятным причинам боевых действий против нее не возобновила.

Нелюбовь Петра III к России, пренебрежение ее национально-государственными интересами можно объяснить тем, что все-таки его отец был немец. Поэтому, мол, и тяга к прусским порядкам частично объяснима. А вот у нынешних горбачевых, ельциных, гайдаров, черномырдиных, яковлевых и прочих чубайсов американской крови в венах вроде нет, а их дух и позиция — проамериканские. Отсюда их продажность, отдача ими нашего народа на заклание в интересах США. Вот когда судьбы и жизни наших людей ничего не стоят!

Можно вспомнить другие примеры пребывания наших войск за пределами России, когда они отстаивали интересы державы. Итальянский и Швейцарские походы А.В.Суворова в 1799 году — сражения при реке Треббия, при Нови, у Сан-Готарда и Чертова моста. Поход Русской армии в Западную Европу в 1813–1815 годах. Именно тогда парижане впервые увидели у себя русских солдат и офицеров. Именно тогда появились у них кафе и закусочные с названием «бистро». Русские воины просили обслужить их быстро, и так это слово и вошло в обиход у французов и осталось по сей день. Мне довелось видеть эти «бистро» в Париже в 1990 году, что совсем не удивительно. Удивительно другое — у нас в России и особенно в Москве в последнее время получили распространение забегаловки под названием «Русское бистро». Всем понятно, что это уродство, но эти «бистро» остаются на своих местах — рядом, но ниже «Макдоналдса».

Вот так! Наши далекие, но яркие походы, прославлявшие Россию и российское воинство, его оружие, не подпадали и не

подпадают под формулу: «с судьбами и жизнями людей у нас никогда не считались». И это верно. Я не могу отнести к таковым и наши действия в отношении народов Западной Белоруссии и Западной Украины, а в последующем и народов Прибалтики. Кто бы что ни говорил, это были освободительные походы. Еще в 1831 году Александр Сергеевич Пушкин в своем стихотворении «Клеветникам России» словно стальным мечом вырубил каждое слово в адрес тех, кто пытался бросить «тень на плетень» — мы сами разберемся в наших делах:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага,
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас…
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Наш народ вечно будет благодарен своим предкам, которые, не щадя себя, созидали наше Отечество, отстаивали его интересы. К примеру, в итоге Второй мировой войны были уточнены границы Советского Союза. По решению Потсдамской конференции 17.07—2.08.45 года часть бывшей Восточной Пруссии передана СССР вместе с городом Кенигсбергом. По советско-чехословацкому Договору от 29.06.45 года Закарпатская Украина была воссоединена с УССР вместе с городом Ужгород. По мирному договору от 10.02.47 года с Финляндией область Печенга (Петсамо) возвращена СССР. По решению Каирской конференции от 01.12.43 года Советскому Союзу возвращены Южный Сахалин и Курильские острова. Все это отвечало национальным интересам нашего народа и его государства.

Принципиально интересам нашего народа отвечают и добрые дружеские отношения с каждым из наших соседей, а также стабильная обстановка внутри государств-соседей. И когда возникал вопрос о вводе наших войск на территорию, к примеру, Венгрии, Чехословакии или Афганистана, то речь шла не об оккупации или захвате их территорий и национальных богатств, как это представляла общественности желтая пресса Запада. Цель была одна — помочь народу этой страны и его правительству стабилизировать обстановку. Ведь во всех этих случаях фактически шла речь не о демократии, хотя демагогии вокруг этого было предостаточно. На самом деле велась борьба за власть. В Венгрии и Чехословакии непосредственно эту борьбу организовывало Центральное разведывательное управление США, а в Афганистане первоначальные действия в этом отношении были со стороны администрации Пакистана, которая всегда мечтала об организации вассальной зависимости Афганистана от Пакистана, а уже затем открыто подключились США.

В каждом из названных случаев наши воины с честью выполнили свой долг и были окружены заботой и вниманием своего народа и правительства. Правда, надо откровенно сказать, что в отношении воинов, воевавших в Афганистане, первоначально не только не проявлялась должная забота, но местные органы власти всячески уклонялись от выполнения своих обязанностей. Чиновники стыдливо отводили свои глаза от собеседника-афганца, потерявшего ногу или руку в этой стране. Некоторые же, не краснея, отвечали на просьбы инвалидов: «А мы вас туда не посылали!» И даже хоронили погибших втихую, а на скромном памятнике писали: «…погиб при исполнении служебных обязанностей». Хотя погиб на войне в Афганистане, выполняя свой воинский долг перед Отечеством. Об этом и надо было писать. И тогда на этом настаивали все военные.

Подобные чинуши находились и на самом верху — фигуры типа М. Суслова. Он хоть и не отражал мнение всего Политбюро ЦК, но, являясь по природе догматиком и зашоренным, но влиятельным политиком, выкидывал такие «коники», которые, конечно, сыграли свою отрицательную роль в отношении воинов-интернационалистов. Например, в рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС от 30.07.81 года обозначен следующий разговор:

> «…**Суслов**. Хотелось бы посоветоваться. Товарищ Тихонов представил записку в ЦК КПСС относительно увековечивания памяти воинов, погибших в Афганистане. Причем предлагается выделять каждой семье по тысяче рублей для установления надгробий на могилах. Дело, конечно, не в деньгах, а в том, что если сейчас будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробиях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно… Спрашивается, почему мы должны скрывать от народа, что их солдат погиб в чужой стране, выполняя свой воинский долг?
>
> Следовало бы подумать и об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей. Ответы должны быть лаконичными и более стандартными…»

Разумеется, эта беда Суслова лично не касалась — его сынок в Афганистан ни под каким видом попасть не мог (тем более участвовать в боях), поэтому можно и давать рекомендации о коротких стандартных ответах родителям и о том, чтобы на надгробиях не писать об Афганистане. А соответствующие

угодники, не желая портить отношений с «серым кардиналом», принимали эти рекомендации как директивы.

В этих просчетах, безусловно, просматривалась безответственность к судьбе и жизни наших воинов. Но, к счастью, это был весьма краткий период. Разумеется, всё это потом поправили. А в целом забота о людях, в том числе о воинах в период Советской власти, действительно проявлялась значительно выше в сравнении с тем, что было до Советской власти, и тем более после ее ликвидации, т. е. при Ельцине.

После вывода наших шести полков из Афганистана главные усилия мы сосредоточили на развитии обозначившегося политического процесса, поскольку вывод значительной группировки боевых войск из состава 40-й армии был самым лучшим способом доказать мировой общественности наши принципиальные намерения в отношении Афганистана.

В связи с этим все советские представительства в Афганистане (начиная от посольства) каждый по своей линии настоятельно предлагали всячески развить политический успех. При этом главное внимание обращалось на разрешение принципиальной задачи, то есть на выводе всех советских войск из Афганистана. На наш взгляд, центральные московские органы начали шевелиться, хотя конкретных результатов мы не имели ни в 1986-м, ни в первой половине 1987 года.

Что же касается действий руководства самого Афганистана, то его политика должна была с приходом Наджибуллы коренным образом измениться, как мы все и договаривались. Виктор Петрович Поляничко был в центре этого бурления. Как-то он приезжает ко мне и говорит, что наконец не только определились с принципами новой политики, ее основным содержанием, но и со сроками и методами действий. Ориентируя меня, он сказал, что новая политика охватит внутренний и внешний фактор и будет называться «Политикой национального примирения». Ее суть состоит в следующем: первое — с назначенного срока (предполагалось, с первых чисел января 1987 года) враждующие стороны немедленно прекращают ведение боевых действий, обстрелов и других враждебных выпадов по отношению друг к другу; второе — от враждующих сторон должны быть выделены представительства с достаточными полномочиями, которые в определенное, по договоренности, время собираются в Кабуле (или в любом другом городе Афганистана) за «круглым» столом на равных; третье — эти представительства избирают временное правительство; четвертое — временное правительство готовит, а затем проводит открытые всеобщие выборы президента страны.

При этом существующее правительство Афганистана давало

гарантию обеспечения безопасности работы временного правительства и проведения выборов, подчеркивая при этом, что не будет возражать, если некоторые представители от оппозиции возьмут с собой необходимую личную охрану, о чем также можно будет договориться.

Принципиальная суть «Политики национального примирения», несомненно, была приемлема для всех. Учитывая, что Наджибулла, уже будучи президентом Афганистана (это я забегаю вперед), на определенном этапе заявил, что он готов сложить с себя полномочия президента, если это положительно скажется на примирении, то можно себе представить, как реально близки были к цели те, кто действительно думал о стабилизации обстановки.

До нового 1987 года было проведено много различных подготовительных мероприятий. Причем идеей проведения в жизнь «Политики национального примирения» были охвачены буквально все слои населения, в том числе воины армии, МВД и МГБ. К разъяснению существа этой политики подключились наши советские специалисты и весь личный состав 40-й армии. Все верили и надеялись, что наступил переломный этап, затянувшаяся война закончится, народ наконец облегченно вздохнет и начнется мирная жизнь.

3 января 1987 года принимается декларация «О национальном примирении в Афганистане», в которой говорится, что с 15 января 1987 года «Политика национального примирения» вступает в силу и что все без исключения обязаны ее выполнять. Документ гласит: прекращаются все виды боевых действий, запрещается ведение огня из всех видов оружия; все войска возвращаются в пункты постоянной дислокации и приступают к учебе по программам мирного времени; в случае обнаружения вооруженного отряда мятежников, если достоверно подтверждается, что этот отряд никакой агрессивности не проявляет и опасности не представляет — огневые удары артиллерии и бомбо-штурмовые действия авиации по ним не применять; основные усилия армии МВД и МГБ будут сосредоточены на охране важнейших объектов, прикрытии государственной границы и обеспечении проводки колонн с грузами по основным магистралям.

Создается механизм претворения в жизнь «Политики национального примирения» — чрезвычайные комиссии на всех уровнях: кишлак — волость — уезд — провинция — столица. В Кабуле находилась Всеафганская чрезвычайная комиссия, которая являлась высшим органом примирения.

Кроме того, созывались джирги (собрания) мира с широкими

полномочиями. Они имели право перераспределять землю и воду, делить получаемую из Советского Союза гуманитарную помощь, распространять бесплатно товары и продукты питания, поступающие из Кабула (фактически это были товары и продовольствие в основном тоже из СССР), запрашивать различных специалистов, медицинскую помощь и лекарства. Но чаще всего джирга занималась умиротворением враждующих кланов и племен. Кстати, им же предоставлялось право проводить амнистию (в том случае, если осужденные давали гарантии о прекращении антинародной деятельности), призывать в армию, назначать народных судей. Священнослужители, т. е. муллы, брались на государственное содержание, им выделяли небольшие хорошие дома.

Там, где результаты «Политики национального примирения» были реальными, то соответствующий уезд или даже провинция объявлялись «зоной мира», и они получали от правительства большие материальные льготы.

Во многих провинциях (в уездах и волостях) руководителями назначались (избирались) местные беспартийные авторитеты. Это укрепляло власть. Сюда съезжались афганцы различных убеждений. Особо ярким примером «зоны мира» был Герат.

Как же отреагировала на все это оппозиция?

Прежде чем ответить на этот вопрос, зададим еще один: могла ли оппозиция рассматриваться сама по себе? Была ли она независимой? Нет, она была инструментом правящих кругов США, которые преследовали в этом регионе свои цели.

Могла ли надеяться оппозиция на то, что при самом лучшем, в ее пользу, раскладе сил во время голосования, а также при полном соблюдении положения о выборах она получит уверенное большинство? Нет и нет, ибо за многие годы войны народ уже разобрался, откуда исходит зло и откуда исходит добро. Могли ли США хотя бы гипотетически представить, что они с проведением в жизнь «Политики национального примирения» смогут достигнуть своей цели, т. е. что Афганистан будет настроен проамерикански. Конечно, нет. Наоборот, на территории Афганистана народ был настроен против США.

Понятно, почему на Западе в целом, и особенно в Пакистане, а также в Афганистане через заброшенных сюда провокаторов, сеявших слухи на базарах, в дуканах и других общественных местах распространялись всевозможные ложные измышления, будто «Политика национального примирения» — это всего лишь уловка Советского Союза и его марионеток в руководстве Афганистана, чтобы увести народ Афганистана в сторону от главной цели. А цель они ставили: сначала ликвидировать в

Кабуле и во всех провинциях «антинародный» режим и только потом можно говорить, мол, о выборах.

Таким образом, лидеры оппозиции, преследуя свои цели и выполняя «рекомендации» своих хозяев, приняли однозначное решение — ни при каких условиях на компромиссы с Наджибуллой не идти. Они активизировали свою деятельность, в том числе обстрелы и нападения на колонны и населенные пункты, которые контролировались правительством, проводили террористическо-диверсионные акции, максимально усилив пропагандистскую деятельность и распространение слухов, порочащих правительство Афганистана и лично Наджибуллу.

А самое главное — оппозиция представила мирные инициативы Наджибуллы как проявление слабости Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА) и правительства ДРА. Она стремилась показать общественности не просто слабость НДПА, но и безвыходность ее положения, ее полную обреченность, из-за чего они, мол, и решили использовать последнюю возможность для своего спасения — примириться.

Надо отметить, что значительное число людей поверило в эту ложь. Печально, что легковеры оказались не только среди обывателей, но и в достаточно высоких кругах. Объяснялось это тем, что обычно афганцы на компромиссы не шли. Им нужна была победа или выгодная — в материальном отношении — сделка (что они тоже считали победой).

Тем не менее объявленная Наджибуллой «Политика национального примирения» первоначально вызвала переполох в рядах оппозиции и у ее западных покровителей. Поскольку выгодные ее моменты, особенно возможность установления мира были как на ладони, в стане «Альянса семи» усилились разногласия и противоречия. Опять стало проявляться соперничество между лидерами, каждый из них хотел убедить, что его партия и подчиненные ему боевые силы имеют значительно больший вес, чем до того считалось. Обострились, естественно, и отношения между полевыми командирами оппозиции, а в некоторых районах дело доходило даже до столкновений.

Что касается афганской эмиграции, то она восприняла «Политику национального примирения» неоднозначно. Большинство, однако, склонялось к тому, чтобы поддержать ее. Такой точки зрения придерживался и бывший король Афганистана Захир Шах, который в то время проживал в Италии.

Отдельно хотелось бы отметить позицию полевых командиров, начиная с Ахмад Шаха Масуда. Являясь человеком умным, способным делать прогнозы, правильно и умело

реагировать на любые изменения, он отдал своим подчиненным приказ прекратить боевые действия и обстрелы правительственных и советских войск. И сделал это не потому, что поддерживал политику Наджибуллы, а для того, чтобы осмотреться: как будет вести себя режим на самом деле (одно дело — объявил о политике национального примирения, а другое — реальные действия), как будут себя вести другие полевые командиры, и самое главное — как будет реагировать на все это население. Фактически несколько месяцев Ахмад Шах активно себя не проявлял.

А вот ряд полевых командиров, и в первую очередь на северо-западе, западе и юге страны, сами пошли на переговоры с местными органами власти. Особенно хотелось бы отметить целую группу таких командиров в районе Герата: Дауд, Фазыл Ахмад, Амир Саид Ахмад. После переговоров они официально подписали с губернатором Герата договоры о сотрудничестве.

Независимую позицию занял командир отряда по имени Пехлеван, располагавшийся восточнее Герата. Он специально приехал в Кабул, оставил свой отряд в пригороде, затем разыскал нашу резиденцию и явился ко мне. В целом он поддерживал «Политику национального примирения», но заявил, что никаких договоров ни с кем заключать не будет. Однако пообещал, что его отряды нападать на правительственные органы и советские войска тоже не будут. Он назвал зону своего влияния, перечислив все кишлаки, и попросил, чтобы артиллерия и авиация их не обстреливала. В завершение своего визита он сказал: «Мне известно, что Наджибулла занимается борьбой. Передайте ему, что если он хочет получить удовольствие, то пусть пригласит меня — мы с ним поборемся. Я когда-то был чемпионом Афганистана». Это было неожиданно и очень интересно. Конечно, при удобном случае я рассказал Наджибулле о нашей встрече с этим командиром и о его предложении побороться. Наджибулла широко улыбнулся и сказал, что знает Пехлевана и что было бы интересно с ним повидаться, но сейчас не до этого — сейчас другая борьба.

Были, на мой взгляд, и курьезы. Например, с такой личностью, как Исматулла Муслим. Когда-то он окончил нашу Военную инженерную академию и в звании подполковника служил еще в армии Дауда. Но начал заниматься махинациями, о чем стало известно, и его должна была уже схватить прокуратура, но он бежал в Пакистан и попросил там политического убежища. Затем создал отряд и уже в бытность Тараки, Амина и Кармаля засылал на территорию Афганистана группы диверсантов (сам он инженер и подрывное дело знал отлично). За проявленную

активность получил от пакистанских властей звание полковника. С объявлением в Афганистане «Политики национального примирения» смекнул, что здесь можно кое-что приобрести. И вот он обращается с письмом лично к Наджибулле, клянется, что верой и правдой будет служить народу Афганистана, и если его примут, то он придет вместе со своим отрядом. Конечно, переход целого отряда из оппозиции во главе с полковником в состав правительственных войск Афганистана был очень соблазнительным. Наджибулла соглашается. Более того, присваивает Муслиму воинское звание генерала. Это был фурор! Генерал Муслим не сходит со страниц газет и журналов. Кстати, его портрет поместил и наш журнал «Огонек».

А Муслим действовал дальше так, как и подобает проходимцу и авантюристу. Перебравшись со своим отрядом на территорию Афганистана, он развернул кипучую деятельность с целью подчинения себе племен на территории вдоль магистральной дороги от городка Спинбульдак у границы с Пакистаном (откуда был родом сам Муслим) до центра провинции Кандагар. Разумеется, это не только не стабилизировало обстановку, а наоборот — еще больше ее раскачало. Народ стал возмущаться, и если племя, из которого он происходил и где в настоящее время пребывает его род, признало Муслима своим предводителем, то другие и слышать об этом не хотели. Племя Муслима располагалось южнее магистрали, а основные его противники — севернее ее. Исторически сложилось так, что сама дорога проходила по нейтральной зоне. А Муслим хотел «сесть» на нее и тем самым контролировать всю торговлю с Пакистаном, которая шла на этом направлении. А торговля здесь была, несмотря на войну, интенсивной, и доход от контроля мог быть приличный.

Узнав о раскольнической агрессивной деятельности новоиспеченного генерала, я вынужден был дать информацию Наджибулле для принятия мер. Как потом мне сообщили, последний беседовал с Муслимом несколько раз, но в деликатной форме, призывая к благоразумию и действиям, способствующим стабилизации и «Политике национального примирения». Однако тот хоть и клялся, что именно этому он и будет служить, но на самом деле продолжал свою линию.

Видя такую картину, я через наших разведчиков вызвал его к себе в Кандагар (у нас к 1987 году фактически во всех основных провинциальных городах или местах расположения штабов дивизий и бригад были небольшие дома — резиденции Оперативной группы Министерства обороны СССР. Как правило, располагались они обособленно). Генерал прибыл в назначенное

время и, оставив свою охрану на трех джипах в километре от резиденции, ко мне явился один и доложил по-военному.

Мы начали с ним по обычаю чаевничать и одновременно обсуждать деловые вопросы. Наш диалог не переходил в спор, а тем более в пререкания. Мы мирно беседовали, высказывали друг другу свои оценки сложившейся ситуации и вытекающие из этого задачи. Они у нас совпадали, разговор шел с взаимным пониманием. Я его начал, правда, издалека, затронув даже войны афганского народа против англичан. Постепенно дошли и до пребывания советских войск в Афганистане, их целей и задач. Подробно поговорили о силах, разжигающих гражданскую войну в ДРА, кто и что является первоисточником боевых столкновений, какие цели и задачи у оппозиции. Естественно, очень подробно разобрали продвижение «Политики национального примирения», кто и какой вклад делает в это важное дело. Наконец, я детально проанализировал его, Муслима, действия, направленные на порабощение других племен, заметив при этом, что никогда ни один афганец не будет рабом, а племя в целом — тем более! «И это, — добавил я, — вы должны знать лучше меня». Он согласился со всеми моими доводами и предложениями. Вроде понял и свои ошибки и уже дал слово, что поправит обстановку и установит перемирие со всеми соседями.

Довольные друг другом, мы поднялись и начали прощаться. Я был рад, что не пропало зря 5 (пять!) часов непрерывной беседы. Как вдруг уже у двери он говорит мне:

— И все-таки прежде, чем налаживать нормальные отношения с моим главным соседом, я должен сначала отстрелять у них всех мулл…

— То есть как — отстрелять?! — опешил я.

— А вот так: пах, пах, пах! Я сам это сделаю. Возьму снайперскую винтовку и отстреляю. Их всего 20 человек. Всего лишь двадцать! Как только их не станет — все племя повернется ко мне лицом, вот увидите. И тогда все пойдет как по маслу. «Политика национального примирения» будет действовать. Но пока будет препятствие в лице мулл — мы ничего не сделаем.

Я смотрел на моего собеседника и не верил своим ушам (он неплохо говорил по-русски, все-таки учился в нашей Военной академии). Какое коварство и какая наглость! И при этом — исключительно любезный тон и вежливая улыбка.

Я сказал ему, что я против таких его действий. Мы распрощались. В этот же день я позвонил по закрытой военной связи в Кабул. Переговорив с начальником штаба нашей Оперативной группы генерал-лейтенантом В.А.Богдановым, передал ему содержание моей встречи с Муслимом и попросил

обо всем сообщить Наджибулле, В.П.Поляничко и послу П. П. Можаеву.

Вскоре Муслим совершенно распоясался и, захватив в Кандагаре несколько хороших двухэтажных домов для своей шайки, стал открыто вести бандитский образ жизни — грабил жителей, торговцев, пьянствовал и распутствовал. Я вынужден был попросить командира армейского корпуса вызвать к себе в штаб ближайшего заместителя Муслима, которому объявил: «Если все вы вместе с Муслимом через два дня не покинете Кандагар и не отправитесь в Кабул, я лично всех перестреляю как бешеных собак! Повторяю: даю ровно два дня! Всё!»

В этот день они еще балагурили, а утром следующего дня, когда мы выкатили одну «Шилку» (боевая машина с четверенной установкой автоматических пушек) и несколько БМП (тоже с автоматическими пушками) и дали залповые очереди поверх крыш домов, где обитала шайка Муслима, все утихло. А еще через сутки их вообще здесь не стало — они отправились в Кабул.

Так что не со всеми, кто переходил на сторону правительственных войск, все обстояло гладко.

Оппозиция, очнувшись от шока, который все-таки поразил ее в первые дни объявления «Политики национального примирения», вновь начала с еще большим остервенением нападать на различные объекты (советские и афганские правительственные) и колонны. Но эта волна в результате наших ответных мер вскоре погасла — по ряду банд мы сосредоточили такие авиационные и артиллерийские удары, какие им не снились даже в самом страшном сне. Таким образом, примирение примирением, но защита жизней людей должна стоять на первом плане. И если кто-то на эту жизнь посягает — надо давать сокрушительный отпор. Что мы и делали.

В то же время принципиальная линия — первыми не нападать — проводилась строго. И если какая-то банда прекращала свои налеты, агрессивности не проявляла и даже посылала своих визитеров, то к ней относились весьма лояльно. В итоге эта позиция во многих случаях привела к переходу ряда банд на сторону правительства или к заключению договорных условий, обеспечивающих мир и невмешательство.

На наш взгляд, хотя «Политика национального примирения» так и не достигла конечной цели, но ее объявление и усилия Наджибуллы всячески провести ее в жизнь принесли афганскому народу немало пользы. Стремление повесить на эту политику ярлыки типа — «уловка НДПА», «пустая затея Наджибуллы», «мыльный пузырь» и т. п. — объяснимы: оппозиция и личные враги Наджибуллы внутри НДПА всячески старались опорочить

эту политику. Но она не была пустоцветом. Наоборот, пускала корни. И как оппозиция ни старалась обострить обстановку, все-таки в центральных районах Афганистана, на западе и во многих районах севера страны ситуация все больше склонялась к лучшему.

Как уже отмечалось выше, альтернативы «Политике национального примирения» не было и нет. Только отсутствие у США желания утвердить мир на земле Афганистана не позволило претворить эту благородную идею в жизнь.

Но «лед был взломан и лед пошел» — люди жаждали мира. Оппозиция отреагировала козырем: «советская оккупация» не объединяет, а разъединяет братьев-мусульман. Однако вывод наших шести боевых полков плюс «Политика национального примирения» полностью опрокинули этот довод. Все увидели: советские войска могут уйти из Афганистана немедленно — так же, как они в свое время сюда вошли.

Поэтому уже в середине 1987 года в тихих кабинетах ЦРУ США началось «шевеление»: а вдруг советские войска действительно уйдут из Афганистана?! Это совершенно не отвечало интересам и курсу США. Но обстановка все-таки склонялась к тому, что 40-я армия может уйти. А когда в ноябре 1987 года на основе «Политики национального примирения» была проведена Лойя Джирга (Высшее Народное Собрание), на которой Наджибуллу избрали президентом республики, и даже на семь лет, то это «шевеление» перешло в настоящее бурление, которое охватило в целом администрацию США и Пакистана. Дальновидный и мудрый Наджибулла, памятуя о том, что главная его цель — объединить самые широкие слои населения, вышел с инициативой дать стране название «Республика Афганистан», убрав слово «Демократическая». Тем самым Наджибулла рассчитывал привлечь к согласию те пласты народа, которые выступали против демократизации, особенно в уродливых ее проявлениях в виде изгнания мулл и т. д. Лойя Джирга его поддержала. Этот шаг сыграл положительную роль — к Наджибулле потянулись афганские авторитеты не только внутри страны, но и из-за рубежа. А самое главное — стали возвращаться беженцы. За один 1988 год только по официальным данным их вернулось более 120 тысяч, а ведь многие возвращались скрытно — это еще столько.

Как-то в очередной раз в Кабул прилетел министр иностранных дел Шеварднадзе (в другие города Афганистана, в отличие от председателя КГБ В. А. Крючкова, он не ездил) и сообщил нам, что в Женеве намечается встреча с американцами с целью выработки соглашения на предмет вывода наших войск из

Афганистана. У нас возник резонный вопрос: «В связи с чем эта проблема должна обсуждаться с Соединенными Штатами? Это же ведь наш вопрос!» Министр отвечал долго и витиевато, но ничего убедительного сказать не мог. Тогда мне пришлось поставить перед ним категорическое условие, хотя вроде и нетактично было говорить в таком тоне, а тем более ставить какие-то условия министру другого ведомства, да еще в области, которая нас, военных, касается побочно. Однако я все-таки высказался:

— Если руководством принято решение подключить к проблеме вывода наших войск и американцев с пакистанцами, то, на наш взгляд, в соглашении необходимо оговорить определенные позиции. Хотя мы, все советские представительства в Афганистане, считаем, что вывод 40-й армии можно было бы провести без участия каких-то посредников, так же как и ввод проводился без них.

— Какие позиции, вы считаете, надо оговорить? — спросил Шеварднадзе, опуская вторую часть моего высказывания.

— В принципе и США, и Пакистан, коль они включены в процесс обсуждения вывода наших войск, должны нести свою ношу и разделять ответственность за стабилизацию обстановки в Афганистане.

— Вы конкретнее! — бросил Шеварднадзе.

— Вывод советских войск из Афганистана не может рассматриваться в отрыве от возможного развития событий в этом регионе. Все, кто заинтересован в стабилизации обстановки, обязаны предпринять шаги, позволяющие полностью погасить боевые действия на всей территории Афганистана и вернуть народу этой страны мир. Что касается конкретных шагов, то они, на мой взгляд, должны включать в себя следующее.

Во-первых, одновременно с выводом определенной советской воинской части из Афганистана на территории Пакистана ликвидируется один из объектов оппозиции типа арсенала, склада боеприпасов или другого военного имущества, центра подготовки моджахедов, командного пункта и т. п. Сделать это просто, так как у нас есть перечень этих объектов и их координаты. Кстати, на территории Афганистана насчитывается 183 наших военных городка, а подобных им объектов оппозиции на территории Пакистана — 181 единица.

Во-вторых, действия, изложенные в пункте первом, могут быть не синхронными, а с корректировкой по времени, но не более месяца. То есть после вывода нашей воинской части оппозиция вправе ликвидировать свой объект в течение месяца, что должно быть отражено в соглашении или другом официальном документе.

В-третьих, за действиями той и другой стороны должен осуществляться контроль со стороны соответствующего органа ООН, у которого должна быть схема всех объектов и хотя бы на месяц вперед план вывода войск или ликвидации объектов.

В-четвертых, вывод советских войск из Афганистана должен быть разбит на два этапа, а между этапами должна быть пауза не менее полугода. После первого этапа необходимо будет подвести всесторонние итоги, в течение же паузы приучить к режиму самостоятельной жизни там, откуда выведены наши войска.

В-пятых, средства массовой информации должны широко освещать порядок выполнения плана по обе стороны.

Шеварднадзе внимательно выслушал мое заявление, а также выступления других наших товарищей, поддержавших меня, и сказал, что в этом есть резон и что они постараются это учесть. В то же время дал понять, что из всех перечисленных вопросов самое главное — это, конечно, вывод наших войск. Чувствуя в его словах определенный подтекст, я продолжил свою мысль:

— На мой взгляд, все проблемы здесь взаимно увязаны и ни одну из них выделять нельзя. Особенно важно решение об одновременном выводе наших войск из Афганистана и ликвидации инфраструктуры оппозиции на территории Пакистана. Если мы ликвидируем эту инфраструктуру, то оппозиция будет лишена возможности продолжать войну против своего народа, поскольку будет лишена базы, которая обеспечивает им эту войну. Кроме того, фундаменталисты лишатся возможности перебросить «джихад» («священную войну») с Афганистана на территорию советской Средней Азии, о чем постоянно говорит один из лидеров оппозиции Г. Хекматиар.

— И все-таки… — перебил меня Шеварднадзе.

— Эдуард Амвросиевич, мне кажется, это должно быть поставлено во главу угла, — решительно продолжил я. — Иначе теряется весь смысл присутствия США в проблеме вывода наших войск из Афганистана. Мы можем их вывести без американцев, было бы решение руководства нашей страны. А Вооруженные Силы Афганистана уже способны самостоятельно отстоять свою независимость.

— Не уверен, не уверен. Да и Наджибулла не высказывает такой уверенности в своих Вооруженных Силах.

— Но мы уверены! А если у самих афганцев чувствуются нотки неуверенности, так это потому, что они за много лет уже привыкли к военной поддержке и расстаться с ней им даже психологически сложно. Но при всех условиях — станут США участвовать в процессе вывода наших войск или нет — американцы никогда не будут на стороне Советского Союза или

правительства Наджибуллы в Афганистане. Мало того, они будут всячески вредить, и мы обязаны это учитывать.

В итоге нашего непростого разговора мы все-таки поняли, что министром Шеварднадзе наше предложение, кажется, принято.

На второй день после его отлета ко мне по поручению Наджибуллы прибыл Лаек — он не просто член Политбюро ЦК НДПА и министр, а весьма авторитетная в Афганистане и за его пределами личность (ученый, историк). Занимаясь племенами, Лаек имел широкие контакты со всеми, в том числе с советскими представителями, был очень близок к Наджибулле. Последний делился с ним по всем вопросам. Однако частые поездки Наджибуллы в наше посольство или в резиденцию определенными кругами Афганистана могли быть расценены отрицательно, что было ни к чему. Если я был в Кабуле, то со мной Наджибулла ежедневно встречался на заседании Ставки ВГК. И как минимум два-три раза в месяц я встречался с ним капитально и обсуждал все вопросы, касающиеся и Афганистана, и войск 40-й армии. Но чтобы обсудить особо важные вопросы, необходимо было уединиться, что тоже крайне нежелательно, ибо могло вызвать недовольство: почему это Верховный обсуждает с Варенниковым вопросы без силовых министров? В таких случаях Наджибулла прибегал к помощи политического советника Виктора Петровича Поляничко и министра члена Политбюро Лаека.

Вот и в этот раз Лаек с вечера заслал ко мне своего помощника, чтобы договориться о времени и месте встречи, а утром следующего дня явился самолично. Разговор был добрый, откровенный. Правда, немножко нудный и излишне продолжительный, но таким уж был Лаек — он не мог обойтись без философии. При обсуждении любого вопроса любил подробно рассказывать об истории афганского народа, о его племенах. Естественно, пуштуны у него занимали всегда и во всем центральное место. Дабы не пересказывать эту встречу, я прилагаю донесение, которое после встречи с Лаеком я направил в Москву.

Министру обороны СССР
генералу армии
товарищу Язову Д. Т.

Докладываю

…После визита т. Шеварднадзе Э. А. т. Наджибулла попросил меня встретиться с т. Лаеком для беседы. Следует отметить, что между Наджибуллой и министром по делам племен и народов Лаеком существуют очень близкие отношения. Они часто встречаются наедине для обсуждения различных вопросов, прежде чем вынести их на Политбюро или Совет обороны. За последние полтора года Наджибулла неоднократно направлял ко мне Лаека для откровенных бесед, содержание которых, несомненно, передавалось Наджибулле.

10 января с. г. встреча с Лаеком состоялась. Он прибыл под видом обсуждения обстановки в районе Гардез — Хост. На самом же деле его интересовало мнение советских представителей об итогах визита т. Шеварднадзе Э. А. в Кабул и о наших взглядах и предложениях по действиям на ближайшую перспективу.

В начале беседы я поделился с Лаеком о состоявшейся встрече с Шеварднадзе, а также нашими оценками обстановки в целом. Лаек при этом подтвердил наш вывод о том, что афганское руководство окончательно поняло, что советские войска вскоре начнут выводиться из Афганистана, и это предопределяет необходимость решительных шагов по закреплению позиций режима НДПА, дальнейшей стабилизации обстановки в стране.

Далее изложил Лаеку важнейшие проблемы, которые должны быть разрешены в кратчайшие сроки. Он согласился. Крайне необходимо было:

1. Форсировать проведение выборов в местные органы власти (кишлак, уезд, провинция). В ходе выборов народ сам должен решать, кого выбирать. Смело идти на привлечение в органы власти любых авторитетов, в том числе и главарей местных банд (фактически местного ополчения).

2. Упрочить позиции государственной власти. Главной фигурой в провинции должен стать губернатор, который должен работать без оглядки на Кабул. Пересмотреть руководящее звено провинциального уровня и убрать лиц, не пользующихся авторитетом у населения…

3. Укрепить партию. На предстоящем Пленуме ЦК НДПА определить роль и место НДПА в новых условиях (многопартийность, коалиция, предстоящий вывод советских войск) и тактику ее дальнейших действий сейчас и на перспективу…

4. Форсировать укрепление блока левых сил и активное

подключение его к политическим процессам в стране (а не имитировать это).

5. Сосредоточить усилия на 8–9 ключевых позициях (Кабул, Герат, Кандагар, Пактия, округ Хост, Нангархар, Джаузджан, Балх, Кундуз), прочно удерживая запад и центр, частично юг и восток Афганистана. Но при всех условиях удерживать магистраль Кабул — Термез.

6. Приступить к созданию коалиционного правительства сейчас, пока в стране находятся советские войска. Для этого необходимо искать неординарные пути. Устанавливать контакты и использовать все возможности для работы с наиболее влиятельными главарями, такими, как Ахмад Шах, Джелалуддин.

Сказал Лаеку, чтобы руководство Афганистана активно поддерживало нашу позицию о ликвидации инфраструктуры оппозиции на территории Пакистана с одновременным выводом наших войск, на что он реагировал однозначно положительно.

По вопросу об укреплении партии Лаек заверил, что это не трудно достичь. Достаточно пресечь фракционизм в высшем эшелоне, и все будет в порядке. По его словам, разногласия в среднем и низшем звеньях партийного аппарата не носят острого характера и легко устранимы. Необходимо добиться единства Политбюро, выведя из его состава 3–4 членов, активно занимающихся фракционной деятельностью. Кто эти члены — Лаек не назвал.

…Лаек отметил, что «Политика национального примирения» является единственно правильным путем решения афганского вопроса. При ее проведении афганские руководители не должны спугнуть оппозицию — «двери для переговоров должны быть открытыми».

В свою очередь я сказал Лаеку, что оппозиция в эти двери сама не поползет. Ее нужно настойчиво приглашать к переговорам, при этом к переговорам на равных, а чтобы оппозиция могла сохранить свое политическое лицо, — заинтересовать ее. Только в этом случае можно на что-то рассчитывать. Длительное время в отношении непримиримых главарей применялся только один метод — активные боевые действия. Сейчас настало время еще раз пересмотреть отношение к авторитетным главарям и по каждому персонально принять решение. Главное — решительно тянуть их на контакты, на переговоры, к участию в коалиционных органах власти, предлагать им конкретные престижные посты в провинциях и в центре. Одновременно решать проблему сужения влияния крупных главарей путем откола мелких отрядов и групп.

Не все афганские руководители правильно понимают этот

вопрос. До сих пор не отменен приговор Специального ревсуда ДРА, который в 1986 году вынес заочно смертный приговор семи крупным и авторитетным главарям, в том числе А. Шаху и Джелалуддину. По афганскому телевидению раздаются угрозы в адрес этих главарей. Все это явно не способствует установлению с ними контактов.

Лаек согласился с этими доводами. Однако выразил сомнение в том, что А. Шах и ему подобные смогут сесть за стол переговоров (хотя афганские товарищи еще и не пытались предложить это), так как надеются на то, что о тсутствие единства в НДПА приведет к уничтожению партии и это облегчит им захват власти…

В заключение мною были обозначены вопросы, связанные с продолжением укрепления армии, как гаранта защиты интересов народа Афганистана.

Варенников

Январь 1988 г.».

Проблема порядка и способов вывода наших войск, а также одновременного контроля за действиями оппозиции на территории Пакистана начала занимать фактически главное место во всех наших ежедневных делах. Остальное как-то было отодвинуто в сторону. А жизнь продолжалась. Страна оставалась в состоянии гражданской войны, поэтому шли боевые действия. Экономика же и политическая жизнь тем не менее пульсировали.

Проходили различные спланированные визиты. Но случались и неплановые. Например, в Афганистане вдруг появился крупный американский бизнесмен А. Хаммер. И, что меня особо удивило, он приехал в советское посольство и пробыл там фактически весь день. Наш посол Николай Григорьевич Егорычев позвонил мне и пригласил приехать «для компании». Прибыв в посольство, я уже застал там Хаммера — он приехал раньше. Мы познакомились. Кроме помощника, с ним был еще сотрудник американского телевидения, который сопровождал его и делал телесъемки. Как позже оказалось, они были друзьями и их дома расположены по соседству.

Хаммер был не по годам живым и разговорчивым. Фактически он вел всю беседу, которая длилась несколько часов — вначале в гостевом зале за журнальным столиком (где ему поставили по его просьбе бутылку водки и рюмку — он периодически делал глоток водки и закусывал только хлебом), а затем беседа перекочевала в обеденную комнату. Затрагивались многие темы, но больше всего он говорил о России, о Советском

Союзе. Возможно, потому, что с нашей страной он был связан чуть ли не с первых дней ее существования. Как мне показалось, он искренне гордился личным знакомством со многими нашими партийными и государственными деятелями. Кстати, он подарил мне свою большую книгу с дарственной надписью. В ней оказалось немало интересных фотографий. Например, подаренная ему Владимиром Ильичом Лениным. На лицевой ее стороне значилось: «Товарищу Арманду Хаммеру от В. Ульянова (Ленина)». Есть снимки с Хрущевым, Косыгиным, Громыко, Микояном, с Брежневым — два снимка, с Фурцевой, с советским послом в США Добрыниным, с Черненко, дважды — с Горбачевым. И еще ряд фотографий с советскими гражданами — медиками, учеными и т. д. Естественно, на фотографиях были Рейган, Картер, Тэтчер, Индира Ганди, Миттеран и другие. И везде рядом с ними, как правило, улыбающийся Хаммер. Но фотографии, связанные с Россией и СССР, занимают почти половину книги. Среди них есть и снимки, сделанные во время похорон Брежнева и Черненко.

Разумеется, в Россию его тянет тоска отнюдь не по Родине, а по не свершившимся полностью программам выкачивания добра (хотя он и прихватил достаточно много, особенно произведений искусства), а также стремление и сейчас, даже в свои девяносто лет, пробить новые программы, например, в области химии (в США химические производства развивать не разрешают по соображениям экологической безопасности).

Однако мне было совершенно неясно, зачем понадобилось такому деятелю в октябре 1988 года мчаться в пылающий Афганистан?! Просто так эти люди не летают. Ясно, что движущей пружиной была корысть. Прилетел на своем лайнере, провел зондаж, оценил обстановку и улетел, сделав для себя выводы, прежде чем вкладывать деньги.

Встреча с Армандом Хаммером — один из многих небольших эпизодов в моей афганской эпопее. Конечно, главным содержанием моей афганской жизни было проведение военно-политических мероприятий.

В период моего пребывания в Афганистане был проведен целый ряд интересных и сложных операций с участием командующих 40-й армии генералов Генералова, Родионова, Дубынина, Громова и ряд операций с моим участием. Немало операций было проведено командармами Тухариновым, Ткачом и Ермаковым. Но это еще до меня.

Конечно, операция операции — рознь. Одни не оставили никаких воспоминаний. Другие же никогда не поблекнут. Для меня особо памятны операции в Кунарском ущелье, при штурме

базы Джавара, на Парачинарском выступе, в районе Кундуза, западнее Герата (до базы Кокари — Шашари на иранской границе), в горном массиве Луркох, в районе Лашкаргаха, в провинции Кандагар и непосредственно за Кандагаром. Об операциях в Кунаре и штурме Джавары я уже рассказывал. Не менее интересны и все остальные, но я их описывать не буду, остановлюсь лишь на некоторых фрагментах операции в Кандагаре.

Длилась эта операция полгода (с апреля по октябрь 1987 года), и почти все это время я пробыл там. Надо было переломить обстановку, и мы этого добились. Причем операция включала в себя комплекс различных действий, и не только боевых. Что касается боевых, то они велись одновременно: в некоторых районах самого города, особенно у тюрьмы, в районе Черной площади, склада ГСМ и элеватора; южнее и особенно западнее города, вдоль дороги на Герат (наиболее острые схватки проходили в зеленой зоне южнее города); в районе кишлака Кишкинахуд, что около 50 километров западнее Кандагара, и у границы с Пакистаном — в районе населенного пункта Спинбульдак. Периодически вспыхивали боевые действия и в районе аэродрома, хотя он и хорошо охранялся, а вокруг него находились сплошные минные поля.

Мятежники были непримиримые. Особенно злая банда была у муллы Насима. Какие только подходы мы не делали, однако склонить его к мирному диалогу не удавалось. Поэтому были вынуждены принять решение: непосредственно в городе, на его окраинах, а также в зеленой зоне южнее и западнее Кандагара все банды — разгромить. Задача была очень сложной. Город живет, население большое, торговое общение с другими городами страны, а также с Ираном и Пакистаном нарушать нельзя. А банды выбить надо!

Что касается других районов, то там развязывались «узлы» значительно проще и, на мой взгляд, именно так, как это следует делать в условиях введения «Политики национального примирения». Через военных разведчиков (ГРУ МО) или разведчиков КГБ мы устанавливали контакты с главарями банд и часто договаривались решить все вопросы без боя. Направляли туда материальную помощь — муку, рис, жиры, консервы, сахар, предметы первой необходимости, керосин, мыло и т. п. Во многие районы одновременно выезжали и медицинские группы, на месте осматривали практически всех жителей кишлака, которые приходили сами, и обеспечивали их лекарствами первой необходимости — антибиотиками, от кишечных заболеваний, валидолом, анальгином, йодом, зеленкой и, конечно, в большом

количестве аспирином. Эти медицинско-гуманитарные отряды имели колоссальный успех. В ряде районов мы строили мосты, дороги и даже колодцы: пробивали артезианские скважины, ставили автономные дизельные двигатели, которые и качали воду и одновременно раскручивали генераторы, дающие электроэнергию. Для темного, отсталого кишлака это было настоящей революцией. Неспроста наших мастеров, хоть они и православные, на Джирге нескольких кишлаков, например в Кишкинахуде, объявляли святыми.

Советские воины вместе с афганскими специалистами провели грандиозную работу по восстановлению линии электропередачи от Кандагара до гидроэлектростанции, построенной вместе с плотиной и водохранилищем в верховьях реки Гильменд неподалеку от большого волостного кишлака Мусакала. Главным организатором и руководителем этой стройки был полковник Анатолий Семенович Козин. Этот удивительный человек постоянно бурлил, заражал своей энергией всех окружающих, вносил инициативные разумные предложения. К тому же он безупречный исполнитель, доступный, общительный, корректный, но самое главное — одаренный организатор, неповторимый воин исключительного мужества и настоящий патриот своего Отечества. Он решал многие вопросы и часто — самостоятельно. Но эпопея с высоковольтной линией электропередачи была по-своему уникальной. Если бы банды не подрывали ночами огромные железобетонные стойки, несущие толстые медные провода, привезенные из Алма-Аты, то работа была бы завершена и две мощные текстильные фабрики шерстяных и хлопчатобумажных тканей с ультрасовременным оборудованием были бы запущены. А это стало бы огромным вкладом в развитие экономики Афганистана. Но оппозиция не смогла смириться с тем, что с помощью советских воинов произойдет оживление экономики, а следовательно, и улучшение жизни народа. Поэтому главари «Альянса семи» делали всё, чтобы сорвать эти работы. До сих пор удивляюсь, как вообще остались живы наши самоотверженные воины вместе с полковником Козиным. Конечно, я их на верную смерть не посылал, но то, что их многомесячная работа в пустыне была сопряжена с колоссальным риском, — это факт.

Между прочим, именно благодаря инициативе и незаурядным организаторским способностям наших людей на окраине Кандагара был собран и смонтирован полевой асфальтовый завод, присланный из Советского Союза. Этот завод производил продукцию в достаточном количестве, и мы быстрыми темпами вели асфальтирование улиц Кандагара. Это было необходимо не

только с точки зрения эстетики современного крупного города, но и с военных позиций. Дело в том, что в грунтовых дорогах моджахеды ночами свободно устанавливали противотанковые мины и даже фугасы, искусно маскируя свою «работу». Поэтому хоть с наступлением рассвета наши саперы под прикрытием боевых подразделений ежедневно осматривали все основные улицы города и очищали их от взрывоопасных предметов, но иногда и пропускали одиночки, а они оказывались роковыми для первой же машины. Покрытие же улиц асфальтом исключало незаметное минирование. Правда, мятежники тут же стали использовать другие виды диверсий, но, безусловно, наши действия их максимально ограничивали.

Мне часто задавали один и тот же вопрос: почему в Кандагаре так затянулись боевые действия? Причина была одна: не допустить излишних жертв — и наших воинов, и солдат афганской армии, и, конечно, населения. Поэтому шаг за шагом мы постепенно затягивали кольцо над мятежными зонами.

К нам в Кандагар приезжали практически представители всех основных служб Министерства обороны СССР. Однажды с группой различных специалистов прибыл командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск Владимир Михайлович Михалкин. Мы предложили ему побывать в районе боевых действий, с чем он охотно согласился, а потом и убедился, что условия в Кандагаре были крайне тяжелыми. При нем тоже случались различные «картинки», например, стрельба кочующего, с приглушенным выстрелом, миномета. Южнее Кандагара, рядом с зеленой зоной, у афганцев находилась система колодцев (керизов), соединенных между собой хорошими, приспособленными для хождения почти в рост человека ходами сообщения. Вот из этих колодцев и постреливали два-три миномета, постоянно меняя позиции и создавая тем самым видимость массовости. Но самое интересное то, что невозможно было точно засечь место, откуда производился выстрел. Причиной тому было максимальное приглушение звука выстрела (раздавалось типа чиха). Оказывается, стреляли на значительной глубине, к тому же в казенник миномета наливалось немного воды (до жала, на который накалывается капсюль вышибного патрона опущенной в ствол мины) — она частично поглощала звук и абсорбировала в значительной части дым, образованный при выстреле. Расставленная нами батарея звуковой разведки, к сожалению, из-за значительного количества других шумов не могла запеленговать стреляющий миномет такого типа.

И все же как непримиримые ни сопротивлялись, но к осени 1987 года непосредственно в Кандагаре и в подавляющем

большинстве уездов провинции обстановка коренным образом изменилась к лучшему. Даже первый губернатор провинции Сахраи в откровенной беседе сказал, что не верил, будто обстановку можно изменить. В городе стало спокойно. Все магазины-дуканы заработали. На базаре (а это основной барометр социально-политической и военной обстановки) с утра до вечера полно народу.

Очевидно, не веря этому, в Кандагар (как мне позже рассказал губернатор) прибыл американец, видимо, разведчик. Он договорился с Сахраи встретиться. Рассказывая американцу, как было и как стало, губернатор видел, что собеседник не верит ему, и прямо спросил об этом:

— Мне кажется, вы не верите во все то, что я рассказываю…

— Откровенно говоря, есть сомнения, — признался американский «гость».

— Так вот, чтобы рассеять эти сомнения, предлагаю вам вместе со мной пройтись по городу, поговорить с любыми встречными людьми, посетить несколько дуканов и обменяться впечатлениями с их хозяевами. Тогда у вас сложится объективная картина.

— Да нет, — ответил американец и положил ноги на журнальный столик, за которым они сидели.

Видя, что губернатор с удивлением смотрит на его ноги, американец промолвил:

— Извините, но я чертовски устал…

— Да нет, ничего! Можете положить на стол все четыре ноги.

На что американец ответил «благодарной» улыбкой.

Проведение в жизнь «Политики национального примирения» поставило оппозицию в сложное положение. И хотя эта политика не нашла в ее рядах поддержки, а, наоборот, после шока и мощного давления своих хозяев (в первую очередь США и Пакистана) она перешла к более жестким шагам, — все-таки ростки мирной жизни пробивались, появлялись «зоны мира», которые в связи с прекращением боев находились на льготном обеспечении правительства. Конечно, «Политика национального примирения» имела бы еще большие результаты даже в условиях непрекращающихся действий непримиримой оппозиции, если бы все партийные и государственные деятели выкладывались бы так, как это делал Наджибулла, министр племен и народностей Лаек, министр внутренних дел Гулябзой, министр энергетики Пактин.

И все же оппозиции стало ясно, что может прийти конец и ей, а значит, надо немедленно выступить с альтернативой. В связи с этим опять был поднят на щит вопрос, который будировался еще с 1980 года, но потом заглох, — о создании афганского

альтернативного правительства, в которое войдут только оппозиция и ее сторонники.

Если в начале 80-х годов речь шла о создании правительства в «изгнании», то теперь было решено сделать это на территории Афганистана, т. е. не в изгнании, а у себя дома. Это могло прозвучать, к тому же оппозиция рассчитывала, что оно будет признано ООН и войдет в АСЕ в качестве равноправного члена, а также это правительство будет представлено во всех основных международных органах. Разумеется, все это требовало дополнительных материальных и финансовых затрат. Но игра стоит свеч и финансовых затрат. И США, как и другие союзники по афганской проблеме, начали подталкивать «Альянс семи» к активным действиям, поощряя одновременно их в финансовом плане.

Возник вопрос о месте размещения такого правительства. Конечно, желательно было расположить новую столицу в таком месте, куда можно было бы в любой момент «дотянуться» союзникам с целью оказания помощи. Такими городами могли быть Джелалабад, Хост и Кандагар. С давних времен в Джелалабаде находилась резиденция короля. Поэтому этот город считался второй столицей страны.

Однако рассчитывать на Джелалабад было опасно, так как здесь стояла значительная группировка правительственных войск, да и близко располагался Кабул, откуда могли быстро подойти необходимые резервы. Поэтому если даже советские войска и уйдут, закрепиться здесь оппозиции будет очень сложно, что, кстати, в последующем и подтвердилось. Когда 40-я армия полностью оставила Афганистан, оппозиция, сосредоточив у границы крупные силы, с помощью и при непосредственной поддержке пакистанских войск провела генеральное наступление с целью захвата Джелалабада. Однако ее многомесячные бои с правительственными войсками закончились полным провалом планов оппозиции, а вместе с ней и планов США и Пакистана.

Сосредоточить основные усилия на Кандагаре было тоже рискованно. Во-первых, он расположен все-таки на значительном удалении от центра страны; во-вторых, там менее зависимые от Пакистана племена и, в-третьих (что самое главное), в течение лета 1987 года после проведенной здесь многомесячной операции обстановка основательно изменилась в пользу кабульского правительства.

Таким образом, оставался только Хост. Он, правда, значительно меньше по размерам и по количеству населения, но расположен во всех отношениях очень выгодно: вблизи границы; блокирован со всех сторон на десятки и сотни километров

враждебными Кабулу племенами; имеет вполне приличный аэродром, а гарнизон небольшой, и местные правители еле-еле держатся, так как находятся на голодном пайке. Продовольствие, боеприпасы, горючее и другие запасы здесь всегда на исходе, а их доставка производится только по воздуху и в ночное время.

Окончательно решив сделать ставку на Хост, оппозиция начала форсированную подготовку к действиям. Сооружения базы Джавара были разрушены, однако расположение ее в отношении местности было очень удачное. К тому же из разрушенного кое-что использовать было можно. Поэтому оппозиция решила восстановить базу. Кстати, этим шагом они решали и военно-политическую задачу — в своей пропаганде могли сводить к нулю победы, одержанные правительственными войсками весной 1986 года.

Получив от нашей разведки достоверные данные о замыслах оппозиции, мы поняли, что возникшая в связи с ними проблема сливается с другой нашей проблемой — капитальным завозом в Хост всех видов запасов. Предварительный расчет показывал, что доставить необходимо около 25 тысяч тонн грузов. Поскольку аэродром тяжелые самолеты не принимал, небольшими транспортными самолетами эти грузы пришлось бы возить более двух лет, тем более что в Хост можно было летать только ночью. Напрашивался один вывод — проводить колонну. При этом могло быть два варианта. Первый: Кабул — Парачинарский выступ — Хост; второй: Кабул — Гардез — Хост. По первому варианту мы уже ходили войсками в феврале — марте — апреле 1986 года и имеем тяжелый опыт. А если теперь проводка начнется в ноябре, когда здесь уже пойдет дождь со снегом, то такой поход сам по себе уже будет не из легких. А ведь еще на каждом шагу банды мятежников…

Второй вариант более приемлем: предварительно все имущество и колонны сосредоточить в Гардезе, а затем сделать бросок на Хост — это всего около 70 километров. Правда, тут могли возникнуть серьезные препятствия. Главное из них — непримиримая позиция племен, проживающих от Гардеза до Хоста. В первую очередь, это наиболее многочисленное и агрессивное племя джадран во главе с Джелалуддином — основным полевым командиром всего этого района. Фактически все племена подчинялись ему.

Первоначально мы надеялись уговорить Джелалуддина и через него — племя джадран (если оно согласится, то остальные последуют его примеру) пойти на компромисс — они открывают дорогу, а мы беспрепятственно завозим все необходимое в Хост и в знак благодарности снабжаем племена вдоль дороги, прежде

всего, естественно, племя джадран, всем необходимым для жизни и быта. Затем, в зависимости от договоренности, дорога будет открыта и станет охраняться племенем джадран совместно с правительственными войсками или только последними, либо племя джадран закроет дорогу снова — до следующей договоренности.

Как и в других случаях, мы уже в сентябре стали искать через разведчиков контакты с Джелалуддином. Одновременно приступили к подготовке операции с привлечением значительного количества сил армии Афганистана и советских войск. Непосредственное руководство операцией было возложено на командующего 40-й армии генерал-лейтенанта Б. В. Громова и министра обороны ДРА генерал-полковника Шах Наваза Таная. Операция получила название «Магистраль».

Учитывая исключительное значение операции в политическом отношении, мы все детально разобрали с Наджибуллой. Было решено, что мы предпримем все необходимые меры к тому, чтобы договориться с племенами и в первую очередь с племенем джадран и лично с их предводителем Джелалуддином о мирном разрешении проблемы — кровь никому не нужна, и никто не намерен посягнуть на свободу племен. Но если вдруг этот вариант не получится, то мы начнем проводить боевую операцию по деблокированию дороги на Хост и самого города Хост. При этом учитывался один важный фактор — в ноябре в Кабуле планировалось провести Лойя Джиргу, которая обсудит «Политику национального примирения», утвердит программу дальнейшего государственного строительства, изберет президента республики. Фактически сроки операции и Лойи Джирги совпадали.

Но возникали «ножницы»: с одной стороны, проводится «Политика национального примирения» и необходимость ее будет подтверждена на Лойе Джирге, а с другой — ведутся широкомасштабные боевые действия вдоль магистрали Гардез — Хост. Чтобы избежать политических теней, решено было идти по следующей схеме. До начала открытия Джирги и начала боевых действий попытаться договориться с Джелалуддином о мирном исходе проводки колонн. В случае же непримиримой его позиции — начать проведение операции «Магистраль». И проводить ее в два этапа: первый (до Джирги) — по захвату перевала Сатыкандав, что в 15 км юго-восточнее Гардеза, затем сделаем паузу в две-три недели, в ходе которой Лойя Джирга призовет племена этого района пойти по мирному пути и пропустить колонну машин в Хост, тем более что одновременно предполагается гуманитарная помощь этим племенам. Если эти

призывы не достигнут цели, будем проводить операцию до победного конца. Но и на второй этап операции тоже должна дать санкцию Лойя Джирга. Это в политическом отношении было очень важно.

Конечно, такая схема несколько затягивала операцию, но другого выхода не было. Политические мотивы требовали этого. Важно, чтобы Лойя Джирга могла себя продемонстрировать как миролюбивый стабилизационный орган. Кроме того, на мой взгляд, даже неискушенному должно стать ясным, что в случае нашего захвата перевала Сатыкандав исход операции будет уже предрешен (перевал доминировал над всей местностью до Хоста включительно).

В конце сентября мне доложили, что в первой декаде октября можно будет встретиться с посланцем Джелалуддина. В установленное время я прилетел в Гардез. Разведчики доложили, что с наступлением темноты они приведут посланца в дом, стоящий рядом с нашей 56-й десантно-штурмовой бригадой. Мы отправились в назначенный пункт. Я строго предупредил разведчиков, чтобы не вздумали обыскивать моего будущего собеседника: этим действием можно сорвать все.

Разумеется, организовать такую встречу было не просто, и, прождав несколько часов, я уже начал было терять надежду. Однако он пришел. Встреча состоялась ночью. Разговор был деловой, в ровном тоне. Собеседник оказался близким родственником Джелалуддина, а это много значило. Мы обсудили буквально все возможные вопросы. Наконец, договорились, что встречаемся с ним через два дня: он должен принести ответ. Однако перед расставанием собеседник как бы между прочим заявил, что от Джелалуддина зависит не все — важна позиция авторитетов племен и решение вождей оппозиции. В ответ я сказал ему, что мы считаем первым авторитетом в этом районе именно Джелалуддина (надо было потрафить Джелалуддину) и поэтому многое зависит именно от него. Одновременно попросил передать, что мы готовы обеспечить племена всем необходимым.

Два дня вместе со своими офицерами из Оперативной группы я потратил на детальную рекогносцировку района, а в условленное время вновь ждал «визита» своего нового знакомого. Он прибыл, как и обещал, но был весьма мрачен и неразговорчив. Я понял, что он принес отрицательный ответ. Мой собеседник долго молчал, а затем стал выдавливать из себя короткие фразы. Я деликатно остановил его и спросил в лоб: «Да или нет?» Он подумал и с трудом сказал: «Нет». Я попросил передать Джелалуддину, что очень сожалею, но мы вынуждены провести колонны с применением силы. И мы сделаем это, независимо от

привлеченных оппозицией отрядов, то есть все сомнем. В Хосте дети, женщины и старики без продовольствия. Мы обязаны им помочь. Но если Джелалуддин одумается, то мы готовы продолжить разговор о мирном пути. На этом расстались. А приблизительно через месяц, когда началась операция «Магистраль», мне сообщили, что моего собеседника из племени джадран прилюдно судили и убили за общение с неверными. Очевидно, его встречи с нами стали достоянием многих, что могло вызвать возмущение, и в результате последовала казнь бедняги, хотя на роль «посланника» его определили главари.

В назначенное время 23 ноября 1987 года начался первый этап операции. Когда перевал Сатыкандав был захвачен, я прилетел в район боевых действий, и из Гардеза отправились на передний край. По пути я заехал на объединенный командный пункт и посетил генералов Б. Громова и Ш. Тани. Они дали мне подробную справку, что уже сделано и что еще предстоит сделать. Детально изложили все по карте и объявили план их дальнейших действий.

Перевал расположен на высоте приблизительно 2800 метров. Здесь как бы «сталкивались» массивы гор: с востока — Логаригар, с запада — Гумбархулегар. Преодолев высшую отметку, наши БТРы пошли легко, так как дорога стала спускаться вниз. Слева возвышались отвесные скалы, справа — обрыв. И вдруг справа у дороги увидели хорошую смотровую площадку. Мы остановились, да и ехать дальше было нельзя, поскольку местность обстреливалась. С площадки открывалась чудесная панорама: горы причудливых форм, местами — хвойный, хоть и не густой, но лес. На вершине лежал снег. Дорога, извиваясь, бежала вниз, и видно ее было километров на 10–12. Кое-где к ней прижимались небольшие кишлаки, однако без признаков жизни. Я спросил у наших товарищей — а что с населением? Мне ответили, что Джелалуддин приказал всем уйти в горы. Пожалуй, в этих условиях это правильно — не будет напрасных жертв. Мне было ясно, что стоит подать команду — и войска покатятся вниз, к Хосту. Но пока все стояло.

С конца ноября в Кабуле начала заседать Лойя Джирга. Надо отметить, что этот шаг (с паузой в операции) имел для Наджибуллы большое значение. Он лично выглядел на Джирге как истинный и мудрый миротворец. Лойя Джирга в первые же дни своей работы делегировала министра по делам племен и народностей Лаека в Гардез с целью провести переговоры с племенами и избежать кровопролития. Чем он и занимался. Однако — безуспешно. Операцию пришлось продолжить, теперь уже с учетом решений Лойя Джирги, которая отдала

распоряжение афганской армии деблокировать Хост и провести туда колонны с продовольствием и другим имуществом для спасения населения от голода. Естественно, операция проводилась совместно с советскими войсками.

Подробно эта операция изложена у Б. Громова в книге «Ограниченный контингент». Однако я хочу отметить, что эта операция по своим масштабам, размаху, участвующим силам и особенно по военно-политическим результатам относится к числу наиболее крупных и знаменательных операций. Накануне нового, 1988 года в Хост пришла первая колонна с продовольствием, а 19 января из Хоста в Гардез вернулась колонна, которая отвезла туда последнюю тысячу тонн груза. На следующий день мы начали снимать войска с блока дороги, мятежники вслед за нами тут же выставляли свои посты и закрывали дорогу вновь.

Теперь мы уже верили, что вопрос о выводе наших войск из Афганистана приобрел материальное выражение — до нас доходили слухи, что идут консультации между государствами, что по этому поводу готовится соглашение с различными приложениями, что к этой проблеме будут подключаться и органы ООН.

В начале 1988 года у нас в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе вся группировка 40-й армии делилась ориентировочно на две равные части, каждая из них составляла около 50 тысяч личного состава.

В начале апреля 1988 года министр обороны СССР генерал армии Д. Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. В том числе указывалось, что все войска выводятся за 9 месяцев. Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 года, второй — с 15 ноября 1988 года по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось по три месяца и на перерыв между ними еще три месяца. Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки. Но надо было время, чтобы власть и народ в целом могли адаптироваться в условиях, когда советские войска ушли.

В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40-й армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же и особенно Яковлев проявляли исключительную активность в обсуждении проблем. Но в итоге все улеглось. Однако по двум вопросам решение было принято в сложных условиях.

Шла речь о способности афганской армии защитить власть и

народ от агрессивных действий банд оппозиции. Вполне естественно, что под давлением Наджибуллы и его соратников в нашем Политбюро сложилось впечатление, что мы, советские воины, нанесли недостаточное поражение мятежникам, а поэтому возможности правительственных войск защищаться сомнительны. Отсюда вывод: в оставшееся время пребывания частей 40-й армии в Афганистане постараться нанести поражение наиболее опасным группировкам противника (и в первую очередь Ахмад Шаху Масуду). Мне совершенно ни к чему было разжигать эту дискуссию, к примеру, таким заявлением: «Правительственные войска способны защищать власть, а если кто-то думает иначе, то заблуждается».

Вполне понятно, что это взорвало бы ситуацию, хотя соответствовало действительности и было подтверждено жизнью (почти три года они держались без наших войск). Поэтому я говорил уклончиво: «Будут приняты меры».

Второй вопрос — об участии корреспондентов средств массовой информации СССР и всех представленных в Афганистане государств. Причем вопрос не стоял: участвовать им или не участвовать, ибо всем было ясно, что такое событие должно широко освещаться. Но проблема состояла в обеспечении их безопасности. Если в пунктах дислокации, которые покидались нашими частями, а также в районах ночевок или у государственной границы безопасность обеспечивалась с высокой гарантией, то во время движения колонн — а все журналисты хотели следовать с колоннами — сделать это было сложно. Журналисты, не имея оружия и средств защиты, при первом же нападении любой банды станут первыми жертвами. Тем более что мы уже имели в этом плане не один горький опыт.

Когда дебаты подходили к концу, обратились с вопросом ко мне: а как вы считаете? Я ответил:

— Дело добровольное. Все будут предупреждены о возможной опасности. В случае нападения банды каждый должен выполнить команды командира подразделения, с которым следуют корреспонденты. За свою жизнь каждый отвечает лично. Кто опасается — может поприсутствовать при проводах и на госгранице, куда мы постараемся перебросить желающих.

Я высказался за такой вариант, чувствуя, что вывод войск будет все-таки безопасным. Кроме того, имел в виду, что почти всем корреспондентам мы все-таки сможем выдать бронежилеты.

Со мной согласились.

Решение о выводе войск не принималось просто так, «арифметически». Учитывалась военно-политическая обстановка в стране в целом и в каждой провинции отдельно. Особенно

важно было представить, где конкретно противник предпримет после ухода советских войск свои первые удары с целью захвата соответствующих городов. Эти удары надо было во что бы то ни стало парировать силами правительственных войск. А кое-где, если эти города не имеют большого значения для страны, можно было бы и закрыть глаза на то, что там происходит (другого решения не могло быть).

Направления, представляющие особую значимость, например, Джелалабад, Кандагар, заблаговременно (т. е. до вывода советских войск) максимально усиливались. Туда перебрасывались дополнительно армейские части правительственных войск, боевая авиация, направлялось пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, увеличивались не менее чем на три месяца материальные запасы, подавались боевая техника и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерия). Шла большая организаторская работа, и мы выкладывались максимально, не зная покоя ни днем, ни ночью, — строилась оборона, проводились тренировки.

На первом этапе наши войска были выведены: на востоке страны — из Асадабада, Джелалабада, Гардеза и Газни; на юге — из Кандагара и Лашкаргаха; на севере и северо-востоке — из Файзабада и Кундуза. Конечно, не обходилось без излишнего напряжения и даже скандальных ситуаций.

Например, на третий день после ухода всех наших частей из Джелалабада местные военные и административные органы доложили Наджибулле, что их группировка войск совершенно не имеет боеприпасов, а переданная им от советских частей бронетанковая техника и артиллерия неисправны. Разумеется, я немедленно вылетел в Джелалабад вместе с теми, кто передавал все это имущество, и с документами о приеме техники, вооружения и запасов, которые были подписаны теми, кто теперь докладывает, что якобы ничего этого нет, а то, что есть, — неисправно. Цель таких нечестных докладов была ясна: если вдруг мятежники перейдут в наступление и добьются успеха, то это можно будет объяснить тем, что у правительственных войск якобы не было боеприпасов. Конечно, я в самых жестких формах навел должный порядок и потребовал от местного руководства письменного заверения президента Наджибуллы, что вкралась досадная ошибка и что у них имеется все, в соответствии с утвержденными планами и договоренностями.

Обострилась обстановка и в Кандагаре. Новый командир корпуса генерал-лейтенант Улюми (он же губернатор) потребовал, чтобы ему доставили авиацией десять БМП и большое количество боеприпасов к артиллерии. Пришлось заново

выбрасывать на аэродром Кандагара нашу комендатуру, чтобы она обеспечивала прием наших самолетов, а также необходимое количество боевых подразделений, которые бы охраняли в этот период аэродром, самолеты и комендатуру.

Еще тяжелее развернулись события в Кундузе. В результате предательства небольшая банда пришла из Ханобада и буквально на второй день после ухода нашей 201-й мотострелковой дивизии захватила город, хотя гарнизон правительственных войск в Кундузе был в три раза больше. Банда не просто захватила город, а постреляла весь актив, разрушила и подожгла многие здания, в том числе мечеть, грабила и насиловала. Буквально за сутки город преобразился.

Пришлось с группой офицеров и ротой мотострелков вылететь в Кундуз. В течение ночи мы организовали управление всеми правительственными частями, подготовили их к боевым действиям, а с утра нанесли по банде удар. И хотя он был несколько вялый, однако в течение дня город удалось очистить и даже несколько десятков мятежников взять в плен.

Таким образом, в период вывода наших войск в жизни афганского народа и его армии на первом этапе не все проходило гладко.

Зато советские войска вышли без царапины. И нигде даже не было попытки организовать обстрел наших колонн, а тем более напасть на них. Прощание же афганцев с нашими воинами было просто трогательным.

В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66-я отдельная мотострелковая бригада и 1-я бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания. Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей. Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству — в Асадабаде), — переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов.

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде, в

военных городках только населения собралось более 15 тысяч человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 года по решению Ельцина мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты — с помощью талибов они вообще разрушили страну.

И на всем движении колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и проводы колонн.

А в Кабуле творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах города было так много разряженной публики. При выходе из города воинов Советского Союза провожали лично президент Наджибулла, все Политбюро ЦК НДПА, все правительство, многие общественные организации. Около ста тысяч жителей пришли, чтобы в торжественной обстановке проводить советские войска. А по самому городу во время движения войск возникали импровизированные митинги. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка, разодетый народ. Я вспомнил города и народ в дни праздников.

Да, хоть многие из нас и разной веры, но породнились с афганцами капитально, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда. Хотя, забегая вперед, могу сказать, что лидеры наших стран менялись, и чем дальше, тем хуже, что, конечно, бросало тень на наши народы.

На выходе из города была найдена удобная площадка, где можно было построить огромную трибуну-шатер для руководства страны, разместить большой оркестр и несколько тысяч горожан.

В назначенное время приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных был чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане и руководящий состав посольства, командующий 40-й армией, Военный совет и основные начальники армии, представительство Советского Союза в Афганистане — от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., Главный советский военный советник в Афганистане и его основные заместители, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство от ООН во главе с генералом Раули Хельминеном — руководителем комиссии ООН, осуществляющей

наблюдение за выводом советских войск, и Бенoном Севаном — помощником Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса.

Мы с Севаном капитально подружились, и он меня снабжал достаточно ценной информацией в отношении линии США и Пакистана, критикуя их и прогнозируя, к чему могут привести нарушения Женевского соглашения. А учитывая, что Севан был родом с Кипра, то можно представить, каких трудов ему стоило не обнаружить свое истинное отношение к американцам и соблюсти официальное лицо ООН.

Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана и видные фигуры Советского Союза (посол и т. д.).

Но в целом торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее действительно невозможно. И то, что будет говориться об этом ниже, это лишь схематичное изложение того, что происходило на самом деле.

Когда все было готово, прозвучали фанфары, после чего было четко объявлено:

— Перед народом Афганистана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан — Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере — страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть, а для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднократной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США, Пакистан и оппозиция — «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию — мы за мир на любых условиях и, в первую очередь, с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, — говорил Наджибулла. — Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что

не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане».

В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь его прерывалась аплодисментами. Затем была дана команда на движение. А колонны уже растянулись на несколько километров по всему городу. Первой пошла колонна 1-й бригады спецназа полковника Старикова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможенные, всегда настороженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще прощание с советскими солдатами было трогательным, а с такими героями — тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол.

Генерал Б. В. Громов, естественно, постоянно отлучался к своему пункту управления, через который он поддерживал связь со всеми колоннами и со всеми заставами, которые находились на маршруте следования до Амударьи.

В это же время часть руководства страны и представители СССР и ООН находились на Гератском направлении, через которое выводили группировку войск из Кандагара и Лашкаргаха.

Яркими свидетельствами, которые характеризовали вывод наших войск из Афганистана, стали выступление Наджибуллы в июне в ООН и донесение советского посла в Афганистане и руководителя Оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане по этому поводу.

Президент Наджибулла, в частности, заявил:

> «Гибкость теперешнего руководства Афганистана включает также его решение отказаться от монополии на власть, введение парламента на основе партийного соперничества и представление всех политических, социальных и экономических прав и привилегий тем, кто возвращается».

Предпринимаемые меры могли бы привести к положительному сдвигу в деле урегулирования «афганской проблемы» мирным путем, однако все они носили половинчатый характер, да и противоположная сторона (Пакистан и США)

продолжала откровенно нарушать Женевские соглашения. Вооруженная оппозиция, пользуясь поддержкой своих покровителей, пошла на обострение ситуации в стране. После сокращения численности советских войск в Афганистане и отвода некоторых афганских воинских частей от границы с Пакистаном она создала там свои базы.

Конкретные факты нарушения Пакистаном Женевских соглашений за несколько месяцев были изложены в многочисленных нотах МИДа Республики Афганистан, представленных в миссию ООН в Кабуле. Основными нарушениями являлись оказание Пакистаном помощи афганской оппозиции в подготовке мятежников в учебных центрах и лагерях, их формирование и снаряжение, а иногда и прямое участие пакистанских военнослужащих в переброске вооружения и боеприпасов на территорию Афганистана.

После завершения первого этапа вывода ОКСВ резко увеличилось количество перебрасываемых в Афганистан караванов с военными грузами. Только в сентябре — октябре на его территорию прибыли 172 крупных каравана с оружием, предназначенным для активизации боевых действий против госвласти.

Характерно, что переброски караванов и отрядов мятежников осуществлялись с разрешения пакистанских властей, которые выдавали специальные пропуска на автотранспорт и утверждали списки личного состава направляющихся в Афганистан. Для пополнения запасов стрелкового оружия и боеприпасов оппозиция переправляла в Пакистан захваченное у афганских частей тяжелое вооружение, где его обменивала или продавала пакистанским властям.

По данным советских спецслужб, неоднократно отмечалась переброска мятежников, оружия и боеприпасов к афганской границе на автомашинах ВС Пакистана. Так, в конце сентября пакистанские ВС доставили в район Парачинар из Пешавара около четырех тысяч реактивных снарядов, которые впоследствии были переброшены в провинции Кабул, Логар, Пактия.

После подписания Женевских соглашений руководство оппозиции при помощи властей Исламабада взяло курс на всяческое воспрепятствование процессу возвращения афганских беженцев на родину, привлекая для этого пограничников, отряды малишей и мятежников. Особенно частыми были случаи насильственных действий по отношению к беженцам в районах пограничных пунктов Ланди — Котал, Тери — Мангал и Чаман. Кроме того, в лагерях беженцев в Пакистане с ведома и при участии властей Исламабада была развернута активная

пропагандистская деятельность по пресечению переселенческих настроений, вплоть до запугивания и публичных расправ. Поэтому, несмотря на усилия Афганистана по приему беженцев (развертывание сети палаточных городков, подготовка гостиниц, организация медицинского обслуживания и питания, выделение крупных финансовых средств в основном за счет безвозмездной помощи СССР), количество семей, возвращающихся из Пакистана, практически не увеличилось. При этом необходимо отметить, что около 80 процентов беженцев вернулись в Афганистан, минуя пограничные пункты.

Прямым нарушением Женевских договоренностей являлось также предоставление Пакистаном средств массовой информации для выступления ведущих лидеров оппозиции. В Пешаваре, Исламабаде и Кветте неоднократно организовывались крупные пресс-конференции и митинги с участием зарубежных журналистов. При штаб-квартирах мятежников продолжали действовать издательства, выпускающие агитационно-пропагандистскую литературу, которая впоследствии перебрасывалась в Афганистан.

Не прекратилась засылка на его территорию иностранных советников и специалистов для оказания помощи вооруженным отрядам мятежников. Например, отмечалось, что в провинциях Бамиан, Вардак, Урузган и Газни активно действовали арабские советники, в провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Пактика — пакистанские военные специалисты. Наиболее весомую материальную, финансовую и советническую помощь мятежникам на территории Пакистана в это время оказывали Саудовская Аравия и США.

Материальная и финансовая помощь США предоставлялась не только ИПА (Г. Хекматияр), но и другим партиям, входящим в «семерку». Подтверждением этому может служить тот факт, что во время нахождения делегации оппозиции в Вашингтоне (6—10 ноября 1988 года) президент США Д. Буш заверил их, что «Альянс семи» может полагаться на новую администрацию США даже больше, чем на Р. Рейгана.

Американские спецслужбы, обосновавшиеся в Пакистане, перешли к организации непосредственного руководства вооруженной оппозицией, для чего в Пешаваре было создано специальное представительство по связям с «движением афганского сопротивления» во главе с помощником посла США в Исламабаде Эдмондом Маквильямсом (бывшим первым секретарем посольства США в Кабуле, с которым лично знаком: скажу откровенно — довольно неприятная фигура). По докладам представителей советской военной разведки, появление

специальных групп, возглавляемых эмиссарами этого представительства, в сентябре — октябре 1988 года было отмечено в провинциях Бадахшан, Парван, Каписа, Тахар, Кандагар и Гильменд.

В то же время со стороны Пакистана стали выдвигаться претензии к Советскому Союзу, который необоснованно обвинялся в наращивании группировки своих войск в Афганистане, переброске туда дополнительного числа боевых самолетов, а также поставке советских ракет, предназначенных якобы для нанесения ударов по пакистанской территории. Это, конечно, было домыслами пакистанских властей, ведь за все годы войны советская авиация специально никогда не бомбила объекты оппозиции (кроме тех, кто был у границы и двигался в Афганистан), расположенные в Пакистане, хотя афганцы настойчиво подталкивали к этому командование ОКСВ. Но такие заявления были нужны Зия-уль-Хаку для оправдания нарушений Пакистаном Женевских соглашений.

В целом можно констатировать, что различное понимание и интерпретация Женевских соглашений обеими сторонами создавали много трудностей и недоразумений. Позиция США, как одного из гарантов выполнения этих договоренностей, оказывала прямое влияние на поведение администрации Пакистана по «афганскому вопросу».

В уже упомянутых донесениях посла и моем говорилось:

«С целью обеспечения оперативной координации с деятельностью Миссии был установлен контакт с ее руководством. С Миссией налажена оперативная связь по военной линии. Приняты меры по прекращению вмешательства со стороны Пакистана в ее дела на территории Афганистана. Разработана и согласована с афганской стороной схема наших совместных действий. Накапливается информация о лагерях, базах, снабжении вооружением афганской контрреволюции на пакистанской территории, которая через начальника управления внешних сношений ВС РА передается в МИД и включается в официальные ноты протеста.

Деятельность Миссии добрых услуг распространялась фактически на два процесса: во-первых, на прекращение вмешательства с территории Пакистана в дела Афганистана; во-вторых, на осуществление наблюдения за выводом советских войск.

Штабная группа ООН в Кабуле осуществляла контроль за выводом войск с самого начала. Ей была представлена информация об общей численности Ограниченного контингента советских войск (100 300 чел.), гарнизонах дислокации и другие

данные.

Наблюдатели ООН находились во время вывода войск на контрольных постах в пограничных пунктах Хайратон и Турагунди, посещали оставляемые нами гарнизоны Джелалабада, Кандагара, Файзабада; периодически присутствовали на аэродромах Кабула, Шинданда, Кандагара. Поэтому они лично подтверждали строгое и точное выполнение Советским Союзом своих обязательств и информировали об этом руководство ООН.

Пакистанская же сторона затягивала выполнение своих обязательств по свертыванию вмешательства во внутренние дела РА под предлогом «симметрии» военной помощи. После вступления в силу Женевских соглашений усилилась диверсионно-террористическая деятельность оппозиции, рассчитанная на деморализацию населения, разложение вооруженных сил и дестабилизацию обстановки. Она обеспечивалась непрекращающимся потоком оружия американского и другого производства, поступающего в бандформирования через пакистано-афганскую границу, нередко на пакистанском транспорте.

На встречах с представителями ООН (Д. Кордовесом, Р.Хельминеном, Б. Севаном) они уведомлялись о фактах нарушения Пакистаном принятых на себя обязательств. Им было предложено с нашей помощью изготовить карту объектов, подлежащих ликвидации на территории Пакистана (лагеря, базы, учебные центры мятежников), по которой можно было бы вести конкретные наблюдения за выполнением Пакистаном Женевских соглашений. Однако такой документ так и не был представлен. Контрольному органу ООН напоминалось о том, что ООН следует контролировать не только вывод советских войск, но также и ход ликвидации баз и центров подготовки мятежников в Пакистане.

Представители ООН, соглашаясь с нами, часто ссылались на невозможность осуществления жесткого контроля из-за позиции пакистанского руководства, которое оказывало всестороннюю поддержку мятежников «Альянса семи», всячески препятствовало работе наблюдателей ООН, не создавало нормальных условий для посещения районов, где дислоцировались мятежники и находились их центры подготовки.

ООН не смогла употребить свое влияние, чтобы прекратить вмешательство Пакистана и США в дела Афганистана и остановить кровопролитие в этой стране.

Руководитель Оперативной группы МО СССР в Афганистане Варенников.

Сентябрь 1988 г.».

Когда приблизительно за месяц до начала вывода войск меня вызвали из Кабула в Москву для доклада на заседание комиссии Политбюро ЦК по Афганистану о готовности войск 40-й армии к выходу, то я, проинформировав ее о главном, еще раз подчеркнул наши надежды на то, что американская и пакистанская стороны тоже будут нести нагрузку и что параллельно с выводом советских войск из Афганистана будет обязательно разрушена инфраструктура оппозиции на территории Пакистана. Это имело бы колоссальное значение и для народа Афганистана (прекратится война), и для народов Средней Азии, поскольку возможность войны и на нашей территории, чем угрожали моджахеды, сводилась к нулю. Конечно, я рассчитывал на вдохновляющее всех нас в Афганистане решение. Надеялся услышать, что, мол, мы ваши предложения устные и письменные получали, они, несомненно, основательны и нашли свое подтверждение в Соглашении, которое подписано в Женеве, и мы будем добиваться, чтобы все это было выполнено.

Но вместо этого я услышал от председателя комиссии Шеварднадзе нечто вялое:

— Вы уже об этом говорили… Надо будет иметь это в виду…

После чего он тут же перешел к другому вопросу.

Поразительно! Всего лишь: «надо будет это иметь в виду». Кому и что иметь в виду? Вместо того, чтобы категорически заявить, что мы иначе и не мыслим, что именно так и будет все выполняться. Но хороши и другие члены комиссии — ведь никто активно меня не поддержал. Допустим, министру обороны Дмитрию Тимофеевичу Язову в то время высовываться было и ни к чему — только назначили, да и я сам тоже из Министерства обороны. Надо, чтобы выступил кто-то из других ведомств. Но… все промолчали.

Конечно, это меня озадачило. И вообще, сколько бы я ни поднимал перед руководством страны эту проблему, всегда она оставалась в подвешенном состоянии. Я ничего не мог понять. Как можно такой масштабный вопрос оставить без решения. Нет, это просто поразительно. Но значительно позднее, опираясь на факты, а также на все, что последовало за этим, я пришел к безошибочному выводу, что, несомненно, здесь налицо заговор: с одной стороны — Горбачева и Шеварднадзе, а с другой — Рейгана и Шульца. Мы были преданы нашими «вождями» в пользу американцев. Это мерзко. И хотя в ходе вывода наших войск от имени Советского Союза и высказывались протесты в отношении США и Пакистана о том, что они нарушают подписанное Соглашение и т. п., но делалось это скорее для вида. Фактически это была ширма, которая прикрывала истинные цели сторон и

обеспечивала их действия по известному только им плану.

Об этом наглядно свидетельствует заявление государственного секретаря США того времени Шульца, которое он сделал сразу же после подписания Женевских соглашений по афганскому вопросу: «В Соглашении нет ничего, что ограничивает США в представлении военной помощи сопротивлению (т. е. мятежникам. — Автор)!» Вот так нагло, но ясно! Конечно, Шульц полностью выразил мнение американского правительства. Но просто так такого рода Соглашения составляться не могут. Естественно, за этим стояла значительная благодарность, в том числе в материальном выражении. Таков капиталистический мир. Причем он ничего не прощает.

Я вполне могу предположить, что между Шульцем и Шеварднадзе (а через них, следовательно, и между Рейганом и Горбачевым) была особая договоренность о порядке действий в связи с выводом наших войск из Афганистана. То есть провести его так, как это ими было задумано и как было сделано фактически на первом этапе.

По Женевским соглашениям, с 15 мая по 15 июля мы вывели 50 процентов состава нашей 40-й армии (при этом предусмотрительно сохранили боевую мощь своей артиллерии и авиации). А в этот же период оппозиция, т. е. подопечные США и Пакистана, палец о палец не ударили, чтобы хотя бы для вида показать, что они что-то делают в этом духе. Открыто и нагло они отказывались допустить к себе кого-либо из ООН. Мало того, США делали всё, чтобы максимально усилить группировку оппозиции, оснастить ее всем необходимым. Мы об этом официально писали и звонили в Москву (каждое ведомство по своей линии). Руководство Афганистана непрерывно делало заявления (в том числе в ООН). Но все шло так, как надо было США.

Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства… Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется, сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши

части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей.

Выше я написал «заняты». Не заняты они были, а держали нос по ветру: куда генсек-президент («Ген-президент») — туда и мы! А поскольку Горбачев нашу армию не только не уважал, а ненавидел, но всеми силами старался это скрыть, то, естественно, ни он сам, ни кто-либо из его соратников необходимую инициативу не проявили.

Хочу остановить внимание читателя на весьма интересном моменте, который по определенным причинам в свое время не получил яркого выражения, но кое-что в этом плане все же было выполнено. Речь шла о пересмотре сосредоточения военных усилий по всему Афганистану в связи с предстоящим выводом советских войск и тех устремлений оппозиции, которые она в связи с этим может проявить.

На одном из заседаний Ставки ВГК я поставил вопрос умышленно сразу перед всем ее составом, хотя, конечно, предварительно надо было бы оговорить это наедине с Наджибуллой. Но чтобы мои действия не выглядели бестактно в отношении президента, я за два-три дня до этого переговорил с Виктором Петровичем Поляничко — фактически самым близким президенту после родственников человеком. Виктор Петрович был ошарашен моей идеей, воспринял ее безоговорочно и считал, что проведение ее в жизнь станет одним из самых важных условий удержания власти в Афганистане после вывода советских войск. Он обещал также, что в этот же день доведет идею до Наджибуллы, попросит его ни с кем по этому поводу не делиться, поскольку Варенников объявит обо всем на заседании Ставки.

Почему я «пошел» через Поляничко? Хотелось, чтобы в его лице у меня был непоколебимый сторонник (а в этом я был убежден). Но если бы я эту идею начал обсуждать вначале с Наджибуллой, а тот по ряду направлений проблемы мог не согласиться и под это несогласие склонял бы, конечно, Поляничко, то ситуация оказалась бы сложнее.

Все, что я изложил перед Ставкой ВГК, позднее сообщил в своем докладе министру обороны СССР. В нем говорилось следующее (цитируется тезисно):

«Вооруженные силы Афганистана сегодня в состоянии самостоятельно противостоять давлению оппозиции только в случаях, когда они представлены крупными частями. Мелкие подразделения (посты, заставы) и небольшие — до батальона — гарнизоны крайне неустойчивы.

Лидеры оппозиции, США, Пакистана при всех вариантах

развития событий после вывода советских войск рассчитывают на свержение существующего режима и захват власти в стране. При этом в случае подписания Женевских соглашений, когда Афганистан получит определенные гарантии невмешательства, действия мятежников будут в значительной мере сковываться обязательствами пакистанцев и американцев, не станут носить открытого характера, скажем, при переброске через госграницу оружия, боеприпасов. Следовательно, контрреволюция вынуждена будет действовать в более сложной для себя обстановке.

Важно иметь в виду, что главную ставку контрреволюция, очевидно, станет делать не на широкомасштабные выступления вооруженных банд, а на внедрение в партийно-государственный аппарат агентов. Занимая солидное служебное положение, они будут проводить работу по разложению и вербовке. В установленное время контрреволюция попытается этими силами захватить соответствующие позиции в госпартаппарате, поддерживать их действия отрядами мятежников, которые могут проникнуть вместе с беженцами (оружие есть в каждом крупном населенном пункте)…

Военная доктрина Республики Афганистан с объявлением «Политики национального примирения» — полностью подчинена задаче прекращения войны. Она носит миролюбивый характер, имея главной целью обеспечение безопасности государства, относительную стабильность обстановки в основных районах страны.

Но в достижении намеченных стратегических целей и тем более тактических задач руководство республики опиралось не только на свои собственные силы, но и на интернациональную помощь Советского Союза, войск 40-й армии.

Вывод советских войск из Афганистана кардинально изменит военно-политическую обстановку, значительно снизит возможности афганского руководства по ее стабилизации. Если заблаговременно не принять меры, то многие жизненно важные районы, объекты могут оказаться вне контроля правительственных сил — в руках противника. Этого допустить нельзя, т. к. разрушится государство.

Для охраны таких районов и объектов требуются значительные силы и средства. Учитывая большую рассредоточенность войск по стране сегодня и недостаточную боевую устойчивость ряда афганских частей, можно сделать вывод: только смелые, решительные шаги по концентрации армии на особо важных провинциях и объектах, а также в использовании реально имеющихся других сил могут позволить рассчитывать на успех в удержании важных объектов.

В связи с этим целесообразно:

1. Критически рассмотреть существующую разбросанность войск Вооруженных Сил РА по всей стране (особенно армейских, в том числе пограничных). Стремиться не к удержанию всех районов, как это обеспечивалось присутствием 40-й армии, а сосредоточить усилия только на избранных направлениях, обеспечивающих жизнедеятельность государства и стабильность обстановки в ключевых районах.

Создать в Афганистане сконцентрированную группировку вооруженных сил. Все гарнизоны, которые даже сейчас, в присутствии наших войск, обеспечивать и поддерживать при ведении ими боевых действий сложно, — ликвидировать. Вывести подразделения этих гарнизонов к базовым районам дислокации войск. В первую очередь это касается гарнизонов в районах Барикота, Панджшера, Бадахшана… Можно оставить целые провинции типа Кунара, Хоста, Урузгана.

Такие действия исключают возможность разгрома и захвата мятежниками малочисленных гарнизонов. Но их захват мятежниками нанесет политический и военный ущерб правительству, отрицательно повлияет на моральный дух войск.

Оставление мелких гарнизонов возможно. Но необходимо провести предварительно встречу с местными авторитетами, заключив с ними договор о передаче на охрану этого района местным властям, которые, в свою очередь, обязуются действовать совместно с ними и правительственными органами.

2. Провести аналогичные действия в отношении тех «Оргядер» правительственной власти в ряде уездов и волостей (всего 17), которые в свое время были установлены силой… Эти «Оргядра» убрать, с местными авторитетами подписать договоры о том, что они сами проведут выборы органов управления — не проявляя враждебности к госорганам.

3. Афганским Вооруженным Силам в настоящее время, а также после вывода советских войск не развертывать крупномасштабных боевых действий, не усложнять политическую и особенно военную обстановку. Наносить при необходимости короткие, но эффективные удары только по непосредственно угрожающим объектам (вне населенных пунктов).

4. Сосредоточивая основные усилия на удержании важнейших районов и объектов страны, основных городов и магистралей государства, Вооруженные Силы использовать для выполнения следующих принципиальных задач:

Армия. Главные силы постоянно иметь в готовности для маневра с целью нанесения поражения формированиям оппозиции в районах Кабула, Герата, Кандагара, Джелалабада.

Часть сил использовать для прикрытия основных коммуникаций, трубопроводов…

МГБ. Главная задача — своевременное вскрытие и ликвидация контрреволюционного подполья как в столице, так и в провинциальных центрах, а также и особенно в Вооруженных Силах. Плюс охрана правительства.

Царандой (МВД). Основные его силы направить на охрану и оборону режимных зон, важнейших городов, экономических объектов, участков коммуникаций, а также на поддержание общественного порядка в Кабуле и его пригородах…

5. Учитывая, что судьба существующего режима прежде всего зависит от удержания столицы и магистрали Кабул — Термез, подтянуть в Кабул, его пригороды, а также на основную авиационную базу Баграм дополнительные войска…

6. Принять кардинальное решение по пограничным войскам. Погранвойска Афганистана фактически не занимаются обычной охраной государственной границы, а ведут боевые действия наравне с армейскими частями для удержания определенных районов или населенных пунктов, а также перекрытия участков маршрутов из Пакистана в Афганистан, по которым доставляют оружие и боеприпасы мятежникам.

В настоящее время пограничные войска, имея значительную укомплектованность личным составом (более 60 %) и полное (к штату) обеспечение боевой техникой и вооружением (от 80 до 100 %), на протяжении уже года вносят существенный боевой вклад. Однако гарантированного закрытия государственной границы от проникновения караванов противника они обеспечить не смогут, даже в случае их многократного увеличения. Этого вообще сделать невозможно без полного привлечения к проблеме прикрытия границы свободных племен. Последние же в пропуске караванов даже заинтересованы, так как получают за каждый из них значительное вознаграждение.

Складывается ситуация, при которой погранвойскам непосредственно у границы находиться в настоящее время нет смысла. А учитывая, что их поддержка, обеспечение составляют большую проблему уже сейчас, возникает необходимость перевода большой части пограничных подразделений к основным коммуникациям страны, располагая их у крупных населенных пунктов.

…Все изложенные вопросы предварительно обсуждены с Наджибуллой (за исключением пограничных войск) и нашли его полную поддержку. В отношении предложений по применению пограничных войск он имеет пока только общее представление. Для Верховного главнокомандующего требуется еще некоторое

время, чтобы осознать необходимость такого шага…

Варенников

г. Кабул, март 1988 г.».

Чем руководствовался я, внося эти предложения? Дело в том, что в то время все провинциальные центры страны удерживались правительственными войсками (одни самостоятельно, а другие — совместно с советскими частями). Однако с выводом советских войск из Афганистана это положение сохранить будет невозможно. Но самое главное — в этом не было необходимости. Разбросанные по всему Афганистану вооруженные силы надо решительно сосредоточить буквально в нескольких провинциях и на двух-трех магистралях, от которых зависит жизнь страны. Если правительственные войска будут, как и прежде, стоять небольшими гарнизонами, то мятежники с привлечением местных жителей разобьют их по частям. И Вооруженные Силы РА в итоге потеряют свой основной состав, а вместе с ним рухнет и государство. Этого допустить нельзя. Именно на жизненно важных участках надо решительно сосредоточить все вооруженные силы. В этом спасение.

А как быть с остальными городами, уездами, волостями и провинциями в целом? Что, их просто передавать мятежникам? Отнюдь. Даже наоборот. С населением провинции, особенно провинциального центра, а также уездных и волостных, надо с помощью местного актива (старейшин) проводить разъяснительную работу, убеждать, что они готовы управлять самостоятельно, без помощников со стороны. Что касается центрального правительства, то если Джирга (сбор) сочтет нужным, то с ним будет заключен соответствующий договор или соглашение с перечислением необходимых условий взаимоотношений. Но самое главное — это то, что на Джирге (пока с помощью центральной власти) народ сам изберет и лидера, и всё его окружение. Будут созданы органы охраны этой власти, а Кабул выдаст им оружие. Одновременно из центра выдается документ, что власть в такой-то провинции он признает законной. И если местная власть потребует, то Центр всегда поможет войсками, артиллерией, авиацией, материальными средствами. А в решении вопросов повседневной жизни они полные хозяева, и никто не имеет права вмешиваться в их жизнь.

Бесспорно, такие условия импонировали интересам местных жителей. Причем все это должно было подаваться в русле развития «Политики национального примирения». Одновременно народ ориентировался, что его может ожидать, если вдруг

мятежники пожелают захватить власть.

Объектами сосредоточения основных усилий я предлагал сделать города и провинции: Кабул, Джелалабад, Герат и Кандагар. При этом делал оговорку — это непременное условие. А если хватит сил, то плюс Кундуз и Мазари-Шариф. Что же касается других объектов, которые были важны не менее перечисленных городов, так это магистрали: Кабул — Термез (дорога жизни); Кабул — Джелалабад и Кандагар — Герат — Кушка.

Обратимся к провинциям и городам.

Кабул — столица. От ее удержания зависела вся военно-политическая обстановка. Это не просто самый крупный административно-политический центр. Удержится Кабул — будет считаться, что устояла и власть. Поэтому предлагалось сосредоточить здесь максимально больше частей армии, МВД и МГБ.

Джелалабад. Чтобы захватить Кабул, только тех сил, которые имелись вокруг него и поблизости, было крайне недостаточно. Захват можно и надежнее сделать поэтапно: вначале взять Джелалабад, а уж затем — Кабул. Дело в том, что эта группировка оппозиции имела уже армейскую структуру, в ее составе были пакистанские части (особенно малиши), на вооружении которых была не только артиллерия, но и бронетанковая техника. Конечно, захватив Джелалабад и выдвинувшись такой группировкой к Кабулу, да используя силы, которые на месте в районе Кабула, — можно было рассчитывать на успех. Кроме того, надо было иметь в виду, что между Джелалабадом и Кабулом находились две мощные ГЭС, которые питали столицу электроэнергией. Тоже очень важный фактор. Но наиболее весомо выступало одно обстоятельство: Джелалабад уже не один раз становился местом, где скрещивали шпаги правительственные войска и отряды оппозиции. Уровень боев достигал высокого накала. И хотя мятежники сделать ничего не могли, но чувство реванша, несомненно, побуждало их к дальнейшим действиям. С захватом же Джелалабада они рассчитывали разместить там «правительство переходного периода». Место было традиционно удачно, так как в Джелалабаде все зимние месяцы находился король Захир Шах со свитой и частью правительства. Однако нельзя допустить в принципе, чтобы оппозиция победила.

Герат, как и Кандагар, — древняя столица Афганистана. Расположен неподалеку от государственной границы с Ираном, что, естественно, сказывается в духовном (шиитском) влиянии на население. Город имеет традиции вспышек против центральной

власти. Последним таким событием был вспыхнувший 15 марта 1979 года в Герате антиправительственный мятеж. Обстановка сложилась критическая. Однако мятеж был подавлен. Погибло более тысячи человек. Но Герат был и остается барометром всего северо-западного района Афганистана. Очень важно, что совсем рядом — Советский Союз: знаменитая Кушка, через которую афганцы получали очень многое. Герат имеет два аэродрома: один — грунтовой, прямо на окраине города и второй — ультрасовременный в Шинданде, расположенном в часе езды от Герата на юг.

Провинция Герат и прилегающие к ней другие провинции — это обособленный, удаленный от Кабула регион, и он должен быть надежным на все случаи жизни. Вот почему после долгих советов и даже споров на пост губернатора провинции был назначен (фактически автором такого назначения был В. Поляничко) Ф. Халекьяр. Ему же был жалован ранг министра. Это был умный, весьма внимательный и контактный начальник. Он умело строил отношения со всеми слоями населения, особенно с торговцами. Сразу приобрел большой авторитет в гарнизоне (непосредственно в Герате стоял штаб армейского корпуса). Высказал мне прилюдно теплые слова благодарности за то, что я много сделал по сплочению главарей мятежных отрядов вокруг местной власти. Естественно, за эту оценку и понимание моих действий я ему был признателен. Между прочим, Ф. Халекьяр страдал прогрессирующей болезнью — терял зрение. Мною были предприняты все меры, чтобы ему в Москве сделали операцию. Она прошла успешно, и, естественно, успешнее стали двигаться дела и в провинции Герат.

Наконец, Кандагар. Это уже барометр юга страны. На него прямое влияние оказывал Пакистан (сунниты). Хотя в принципе город успешно торговал и с Пакистаном, и с Ираном. С Кабулом у Кандагара отношения были как бы на равных. Вел он себя независимо. В провинции имелись большие, хорошие ирригационные системы. Поэтому Кандагар выращивал много ценных культур — хлопок, рис, цитрусовые, виноград, гранаты. Две мощные ткацкие фабрики производили шерсть и полотно. Словом, этот город был географическим, промышленно-сельскохозяйственным, духовным и культурным центром высокого уровня. Для того, чтобы Кандагар был гарантированно «своим», Наджибулла назначил туда вначале командиром армейского корпуса генерал-лейтенанта Улюми. А через 3–4 месяца делает его одновременно генерал-губернатором. Мы все приветствовали это назначение. Улюми это назначение оправдал. Кстати, мы с ним, как и с его предшественником Сахраи, были в

хороших отношениях.

Вот на этих пунктах предполагалось сосредоточить все силы армии, МВД и МГБ, отдавая при этом преимущество Кабулу. Кстати, было внесено предложение — все пограничные бригады с границы отвести, а их функции за плату возложить на проживающие там племена, что традиционно практиковалось в Афганистане. Что касается погранбригад, то их использовать в составе армейских корпусов или дивизий, давая, в первую очередь, задания по охране и обороне какого-либо объекта или участка магистрали.

Эти предложения вызвали горячие споры. В ходе обсуждения я попросил Наджибуллу пока не высказывать своих соображений. Многие склонялись к тому, чтобы последовать моему предложению. Наконец, заговорил Наджибулла. Он сказал, что категорически против того, чтобы без боя отдавать противнику целые уезды и даже провинции. Я деликатно бросил реплику: «Этого ни в коем случае делать не надо. Власть надо передать лицам, которых изберут на месте, и вооружить их. А центральная власть должна признать местную законной. И сотрудничать с ней, помогать».

Опять начались споры, суета. В конце концов решили, что все в рабочем порядке обсудят у себя в министерствах, а на следующий день на очередном заседании Ставки ВГК будет доложено мнение каждого министерства и объявлено решение Верховного главнокомандующего.

По окончании заседания Наджибулла в отличие от установленного порядка (обычно он уезжал первым) со всеми распрощался, и мы остались с ним вдвоем. Поднялись в его кабинет, где и состоялось долгое сложное объяснение. Говорили на русском языке. Затрагивали в принципе две темы: первая — это то, что обсуждали на Ставке (концентрировать вооруженные силы или оставлять их в той группировке, в какой они находятся по сей день), и вторая — смогут ли вообще ВС самостоятельно отстоять страну без советских воинов.

Продолжая начатый на Ставке разговор, я еще раз лично ему напомнил, чтобы он не употреблял фразы такого рода: «Без боя передаем мятежникам…», «Ценные для страны провинции по своей инициативе отдаем в руки бандитов…» и т. д. Я сказал:

— Фактически мы передаем власть во многих провинциях тем органам, которые на Джирге избирает сам народ. Избирает народ, а вы, президент, эти органы вооружаете. Ведь фактически во многих провинциях это уже сделано. К примеру, в Бамиане да и других провинциях Хазараджата, плюс на севере и западе страны. Там, где все уже сделано, — надо вашим представителям

проехать, поднять дух, дать оружие и боеприпасы и т. д. А там, откуда правительственные войска будут уходить, надо сделать это сейчас — толково, спокойно и уверенно. К примеру, Файзабад. Извините, как у нас говорят — «медвежий угол». Ну, разве правительству надо держать там какой-то гарнизон в этом предгорье Памира? Нет. Во всяком случае сейчас. А если вы передаете официально власть Басиру, то он это, во-первых, воспримет положительно, а во-вторых, никого на землю Бадахшана не пустит, в том числе и Ахмад Шаха.

Нам крайне необходимо максимально сосредоточить все силы, в первую очередь, вокруг Кабула, а также Джелалабада, Герата и Кандагара. И конечно, обеспечить охрану магистралей, особенно Кабул — Термез. Надо идти на любые компромиссы с племенами и бандами, которые живут за счет грабежа.

Теперь о принципиальном вопросе — удержат Вооруженные Силы РА власть без советских частей или нет. Лично у меня совершенно нет никаких сомнений, что удержат. Но надо выполнить первое условие — сосредоточить все силы, как мы договорились. Если у вас лично, товарищ Наджибулла, действительно есть сомнения, то давайте выяснять их вдвоем. Но не делать это в кругу министров на Ставке или на заседании Политбюро ЦК НДПА, не показывать, что у вас сомнения. Ваши заявления должны вселять всем подчиненным уверенность, а не растерянность.

Наджибулла в основном со мной соглашался, но в отношении перевала Саланг с тем, что южную его часть в любой момент может оседлать Ахмад Шах, он согласиться не мог. Даже заявил: «Со всем согласен, но при условии, что вы ликвидируете Ахмад Шаха».

И мы начали раскручивать проблему с Ахмад Шахом Масудом. Я ему доказываю, что выгодно пойти на сближение с ним, имея в виду: во-первых, его большой авторитет среди народа (особенно таджиков); во-вторых, его большие возможности; в-третьих, в целом некоторую лояльность к власти. На наш взгляд, надо действовать и через Раббани, который влияет на Ахмад Шаха непосредственно, и через него — на его важнейших полевых командиров. Но надо искать компромисс. В свою очередь Наджибулла утверждал, что вражда между ними лично дошла до такой степени, что возврата нет. И в этих условиях его надо только убрать.

Тогда я говорю Наджибулле в лоб: «Так поставьте такую задачу своим спецслужбам, тем более что у вас во главе МГБ стоит таджик Якуби, преданный вам человек». Наджибулла несколько ошалело посмотрел на меня, один глаз у него косил

(это было всегда, когда он нервничал), а потом заявил: «Они с такой задачей не справятся». Тогда я спросил: «А кто справится?» Он заметил, что надо проводить крупномасштабную боевую операцию. И все началось сначала: я напоминал Наджибулле, что почти восемь лет занимались этим бесполезно и что упущенные моменты сближения — это ошибка руководства страны, а в настоящее время, хотя на пути и много острых позиций, еще не поздно это сделать во имя интересов афганского народа и «Политики национального примирения».

Соглашаясь со всеми предложениями, Наджибулла не мог даже представить себе, что он должен идти на компромисс (для него это открытое унижение) с лицом, которое он патологически не переносил уже много лет. Являясь умным человеком, он понимал, что никакая операция ничего не даст.

Это настроение поддерживалось и даже подогревалась со стороны руководителей КГБ и МИД СССР, что делало для нас ситуацию еще более сложной. Находясь в стороне от организации и проведения боевых операций и имея о них весьма общее представление, они «рекомендовали» сделать то-то и то-то для создания благоприятных условий руководству Афганистана после вывода наших войск. В то же время они не давали через свою агентурную сеть даже приблизительного расположения штаб-квартиры Ахмад Шаха. Да и сделать этого не могли, потому что последний больше двух-трех дней на одном месте не находился, а когда накалялась обстановка, то менял свою личную дислокацию ежедневно.

Но время шло неумолимо. Сроки вывода наших войск согласно Женевским соглашениям приближались. А накал страстей повышался. Теперь у меня, Оперативной группы Минобороны и руководства 40-й армии проблемы были не только с оппозицией и ее бандами, но и с руководством Афганистана и даже с нашим руководством.

Однако первый этап вывода войск 40-й армии в соответствии с Женевскими соглашениями мы все-таки провели, причем без сучка, без задоринки — все вышли целыми и невредимыми. Важно, что многое в плане наших предложений о сосредоточении усилий Вооруженных Сил РА было все-таки выполнено. Во всяком случае гарнизоны правительственных войск, которые с нашим уходом оставались беззащитными, выводились в районы, где уже дислоцировались крупные силы. При этом серьезных проблем с размещением этих войск не возникало. Возникали лишь проблемы с созданием властных структур из числа лиц местных авторитетов. Но этого и следовало ожидать. Однако провокаций со стороны наших афганских друзей мы, конечно, не ожидали, а

они все-таки проявились. Расскажу о двух случаях.

По просьбе Наджибуллы наше руководство приняло решение о том, чтобы силами советских войск для афганских Вооруженных Сил были повсеместно созданы как минимум трехмесячные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия. Надо — так надо! Стали создавать. Специально для руководства и решения этих вопросов в нашем Генштабе была организована группа специалистов-офицеров под руководством генерал-лейтенанта Гапоненко, которая во взаимодействии с нашей Оперативной группой МО и руководством 40-й армии проделала исключительную работу. Фактически создавались запасы более чем на три месяца для каждой части и соединения афганской армии в пункте их дислокации. Оформлялись же документы только на три месяца. Несмотря на это, в ряде крупных гарнизонов, которые мы уже считали по этим вопросам «закрытыми», т. е. все необходимое завезено, а документы, подписанные двусторонне, были и у нас, и у них на руках, вдруг «выяснилось», что якобы вышло недоразумение и фактически лишь сделаны месячные запасы (а кое-где и этого вроде не было). Это у нас вызывало возмущение. И хоть в ряде случаев, чтобы не обострять обстановку, мы довозили якобы недостающие запасы, но я вынужден был провести жесткое объяснение с Наджибуллой.

— Я верю своим подчиненным, — сказал мне Наджибулла.

— Так и я верю своим офицерам. Однако у нас имеются документы, составленные на русском языке и дари с росписями, что ясно подтверждает — все вопросы решены.

— А мне говорят, что допущены ошибки, — упорствовал Наджибулла.

— Это ложь, а не ошибки. Лица, которые вам это докладывают, или являются расхитителями, или они работают на оппозицию. И если вы немедленно все это не пресечете, то я вынужден буду официально докладывать об этом в Москву, в том числе о том, что руководство Афганистана мер не принимает, и советские войска вынуждены прекращать все поставки в Вооруженные Силы Афганистана.

Наджибулла обещал навести порядок. Однако, изучив его хорошо за многие годы, я чувствовал, что в ряде случаев он мог сам быть инициатором такого шага — представляется последний шанс воспользоваться советскими силами, поэтому надо не упустить его. Хотя, конечно, все можно было делать благородно, открытым путем. Тем более что никто из нас на формальные позиции не становился.

Или взять случай с перевалом Саланг. Ахмад Шах после нашей договоренности через разведчиков фактически не

препятствовал провозу никаких грузов ни частями 40-й армии, ни правительственными войсками. Однако, чтобы создать накаленную обстановку непосредственно вокруг Ахмад Шаха и тем самым «вынудить» советские войска проводить против него операции, определенные силы вокруг Наджибуллы занимались распространением различных слухов.

Однажды в ноябре 1988 года на очередном заседании Ставки ВГК начальник Генерального штаба афганской армии генерал-лейтенант Асеф Делавар, глядя себе в тетрадь, начал докладывать о тяжелейшей обстановке, которая сложилась на Южном Саланге. Якобы банды Ахмад Шаха уничтожают или уводят в горы все правительственные колонны, весь Южный Саланг забит сгоревшими машинами. А вот советские войска никто не трогает. Всё это происходит сейчас, когда советские войска полностью еще не ушли, а что будет после этого?!

Все кругом молчали, потупив взгляды, уставившись в свои карты. Один министр обороны генерал-полковник Шахнавлаз Татай хитровато улыбался в свои пышные усы. Но главное — никто не смотрел мне в глаза. Я понял, что разыгрывается сценка, и сделал заявление:

— Товарищ президент! Учитывая сложность ситуации, о которой доложил начальник Генерального штаба, и имея в виду, что у меня имеется полярно противоположная информация, т. е. налицо противоречия, считаю целесообразным выехать на место и лично убедиться, что же все-таки там происходит. Я выезжаю туда завтра утром, а вас прошу позволить выехать туда начальнику Генштаба. Мы вместе на одной машине все отследим и на Ставке доложим результаты.

Мое предложение было крайне неожиданным, но не согласиться с ним было нельзя. И Наджибулла дал начальнику Генштаба соответствующее распоряжение. Одновременно я попросил, чтобы дали команду на запуск колонны правительственных войск, особенно груженых, чтобы завтра можно было наблюдать их на Саланге.

Как и следовало ожидать, ничего угрожающего на маршруте не произошло. Дорога была совершенн о чистой. Мы ехали с начальником Генштаба армии РА на бронированном «уазике». Хорошо, что начальник автомобильной службы Министерства обороны генерал-полковник Попов позаботился о нашей Оперативной группе и сделал такую машину на советских ремонтных заводах. Скорости большой она не развивала, но защита от всех видов стрелкового оружия была надежная. Нас сопровождали три БТРа с автоматчиками с полным комплектом защиты, вооруженные «до зубов» и готовые к немедленным

действиям. Пока ехали, я «вытягивал» из генерала — откуда у него такие тяжелые сведения. Оказывается, они поступали от различных офицеров службы тыла. Я высказал предположение, что они сами все разворовывают, а свои грехи списывают на Ахмад Шаха, и рассказал ему один эпизод.

Одно время от местного кабульского гарнизона шли жалобы на питание. Узнав об этом, я как-то переговорил на эту тему с министром обороны РА генерал-лейтенантом Рафи, что нам было бы неплохо посетить какую-нибудь воинскую часть во время приема пищи и пригласить «на обед» начальника тыла. Министр согласился, ответив: «В любое время, в любую часть, с большим удовольствием». Через пару дней мы поехали в местную пехотную дивизию. Обед уже шел полным ходом. Министр обороны потребовал меню. Раздавали рис, а в меня записано: «мясо с рисом».

Рафи тихо спрашивает начальника тыла:

— А где мясо?

— Надо разобраться.

— Вызвать начпрода!

Прибежал трясущийся начпрод и, заикаясь, представился. Министр спрашивает:

— Где мясо?

— Сейчас доложу. — И куда-то помчался.

Через две минуты появился и докладывает:

— Товарищ министр, мясо заменили на арбузы…

— Почему?

— В арбузах больше витаминов…

— Где арбузы?

— Надо разобраться, — и опять куда-то помчался.

Вскоре возвратился и докладывает:

— Арбузы заменили на зелень…

— Зачем?

— Завскладом сказал, что солдату обязательно нужна зелень.

— Вызвать ко мне завскладом.

Появляется заведующий продовольственным складом полка, полковник (!). Среднего роста человек, но ширина, высота и глубина — одинаковые, руки и ноги, как надутые, торчат в стороны. Колыхаясь огромным животом, эта туша с багровым заплывшим лицом медленно подплывала к министру обороны. Увидев его, генерал Рафи начал буквально истерически орать:

— Вот где мясо! Он и его прихлебатели сожрали все солдатское мясо. А мы ищем мясо. Снять его со склада и посадить на гауптвахту на одну зелень. Вот тогда у солдат будет мясо.

Начальник Генштаба, слушая мой рассказ, посмеивался и

соглашался, что такие случаи есть. На мой вопрос — почему у них заведующий полкового склада может быть в звании «полковника» — генерал ответил:

— Так сложилось традиционно… Большая материальная ответственность.

— На мой взгляд, здесь не «большая материальная ответственность», а полная безответственность. Он считает: все, что попало ему на склад, и все то, что он закупил на полученные деньги, — принадлежит ему. Хочу — дам, хочу — не дам. На этом посту максимально надо иметь «лейтенанта», ввести его в полную зависимость и подчинение начальника продслужбы и всё это жесточайше контролировать штабом — тогда будет порядок.

Генерал из деликатных соображений делал вид, что соглашается, но было видно, что ни он, как начальник Генштаба, ни министр обороны не намерены были делать «революцию». Поэтому, продолжая разговор, я перенес акцент на предстоящие проблемы.

— Вот и сейчас мы с вами едем посмотреть обстановку на Саланге. Я больше чем уверен, что проблема надумана вот такими завскладами, чтобы оправдать свое безделье или воровство.

— Этого я не отвергаю. Но в том, что в целом по Салангу сейчас или в ближайшей перспективе обстановка будет крайне сложная, я уверен.

— Согласен. Вот почему я и настаиваю на том, что с Ахмад Шахом Масудом надо найти компромисс.

— Наджибулла не хочет этого компромисса, — неожиданно вырвалось у генерала.

Я понял, что так думают все. Именно Наджибулла из-за патологической ненависти к Ахмад Шаху не хочет иметь с ним каких-либо соглашений. Но я не мог понять другого — как может умный человек, от которого зависит судьба Кабула, а следовательно, и власти, руководствоваться эмоциями, а не разумом.

Между тем мы подъехали к большому населенному пункту Джабаль-Уссорадж, что перед началом перевала Саланг. Здесь располагалась группа офицеров управления 40-й армии под руководством первого заместителя командарма генерал-майора Шеенкова. Мы, конечно, провели с ним обстоятельную беседу, в результате которой выяснилось, что за последние две недели здесь вообще никаких боестолкновений не было и колонны проходят в обе стороны беспрепятственно. Но мелких банд численностью от 12–15 до 20–30 человек — полно. Они не скрываются и не нападают.

Уточнив эти позиции, мы с начальником Генштаба отправились на перевал. Дорога несколько сужалась, но покрытие было хорошее, местами сделано было уширение для площадок стоянки машин. Справа возвышались горы и скалы, а слева дорога обрывалась в пропасть, которая кое-где поросла кустарником. Там же внизу лепились кишлаки, а справа на горных и скалистых выступах гнездились наши заставы. Они были расположены так, что в основном просматривали друг друга и соответствующие участки дорог, поэтому могли хорошо взаимодействовать и огнем, и техникой, а если потребуется, то и живой силой.

У первой заставы нас уже приветствовали: все были оповещены, что я буду объезжать Южный Саланг, и все заставы должны быть готовы к бою — в случае, если банды мятежников совершат нападение. Кроме того, у нас в машине была связь и с Центром боевого управления 40-й армии в Кабуле и с группой генерала Шеенкова в Джабаль-Уссорадже и включена сеть всех застав.

Прав был генерал Шеенков, что мелких банд на Южном Саланге полно. Во всяком случае мы их наблюдали и в кустах, и ходящими с оружием вдоль дороги через каждые 300–500 метров. Поднявшись до первой галереи (типа эстакады, защищающей дорогу от камнепада), мы развернулись, благо была для этого площадка, побеседовали с начальником заставы и медленно двинулись обратно. И нигде мы не видели следов недавнего боя, горящих или недавно сгоревших машин. Сожалели, что не пустили сверху колонну, чтобы можно было наблюдать реакцию мятежников (хотя я и настаивал на этом). Но теперь, уже спускаясь обратно, я ставил перед собой цель — лучше уяснить, как, каким методом нам придется передавать заставы по охране магистрали в руки наших афганских друзей. Радовался, что за последние полтора года заставы буквально преобразились и действительно в военном, инженерно-техническом состоянии и оснащении всем необходимым, в том числе запасами всех видов, представляли собой неприступные крепости.

Кое-где мы делали остановки. При этом сразу же к нашему «уазику» подбегало несколько душманов. Заглянув в салон, они затем выкрикивали вниз: «Генералы!» Я приказал никого не трогать. И они меру знали — заглядывали, но открывать дверцы машины не пытались.

Так мы спокойно проехали в Джабаль-Уссорадж. Там подвели по многим вопросам итоги, все-таки дождались и пропустили первую небольшую колонну афганских машин в сопровождении правительственных войск. Наметили план дальнейших действий и, довольные результатами поездки, отправились в Кабул. По

дороге договорились, что ждать следующего дня не будем, а прямо сегодня начальник Генерального штаба доложит президенту Наджибулле итоги нашей работы.

Однако чем ближе подходил срок начала вывода наших войск по плану второго этапа, тем больше нагнеталась обстановка вокруг Ахмад Шаха. Все, кроме меня, моего окружения и Б. В. Громова, считали, что приступать к окончательному выводу наших войск нельзя до тех пор, пока не будет уничтожен Ахмад Шах.

Я вынужден был послать министру обороны следующее донесение (представляются его фрагменты):

«Министру обороны СССР
генералу армии
товарищу Д. Т. Язову

Об Ахмад Шахе Масуде. В настоящее время А. Шах является фигурой, которая пользуется непререкаемым авторитетом у населения и располагает сильными отрядами с высокими бойцовскими и пропагандистскими качествами. Проводимая им продуманная социальная политика и агитационно-пропагандистская работа (строительство мечетей, школ, больниц и дорог, обеспечение населения товарами первой необходимости, подробное разъяснение народу своей политики и т. д.) пользуется широкой поддержкой народа. А. Шах категорически запретил своим формированиям вести боевые действия против советских войск, что ими неукоснительно соблюдается. Одновременно он продолжает выступать как непримиримый противник госвласти, хотя и воздерживается пока применять силу, если правительственные войска не стреляют (что отвечает «Политике национального примирения»).

Однако, по нашему мнению, сложившиеся препятствия на пути сближения Наджибуллы и А. Шаха преодолимы, хотя президент считает, что Масуд сейчас не пойдет ни на какие контакты.

24 августа с. г. на заседании Ставки ВГК советскими военными представителями в РА была предпринята очередная (в течение 1987–1988 гг.) попытка обратить внимание афганского руководства на необходимость незамедлительного разрешения этого важного вопроса. В отношении Ахмад Шаха нужны кардинальные меры и в первую очередь политические. Наджибулла, соглашаясь, сказал, что реальной угрозой для режима сейчас является не «Альянс семи», а отряды Ахмад Шаха Масуда. В то же время он заявил: «Товарищи Шеварднадзе Э. А. и Александров В. А. (псевдоним Крючкова В. А. — Автор) во время визита в Афганистан в начале этого года ориентировали, что с Ахмад Шахом надо вести переговоры, но если он от них откажется, то его банды необходимо решительно бить». При этом Наджибулла в присутствии министров ВС РА дал понять, что главная роль в решении этого вопроса (то есть бить А. Шаха) должна отводиться 40-й армии. Далее он отметил, что у него (президента) есть достоверные данные о связях А. Шаха с ЦРУ. Учитывая это, продолжал Наджибулла, можно ясно себе представить стратегический замысел А. Шаха: отторгнуть от Афганистана 14 (хотя фактически их 12) северных провинций, запустить туда американцев и поставить Советский Союз перед

фактом.

На наш взгляд, принятие предложения президента о втягивании 40-й армии в бои с А. Шахом может поставить наши войска в крайне тяжелое положение на втором этапе вывода их из Афганистана. Несомненно, будут дополнительные большие потери и вообще их организованный вывод в установленные сроки может быть сорван. При этом достижение цели — уничтожить именно Ахмад Шаха — исключено: агентурная разведка в Афганистане не может справиться с этой задачей уже восемь лет. Кроме того, такие действия наших войск являются прямым нарушением Женевских соглашений. Этот шаг нанесет трудновосполнимый ущерб престижу Советского Союза, а также вызовет отрицательную реакцию внутри нашей страны… Любое их нарушение негативно скажется на авторитете СССР.

…Можно сделать следующие выводы:

1. Главной опасностью для существующего режима в сложившейся ситуации является внутренняя оппозиция, а среди всех ее руководителей — в первую очередь Ахмад Шах Масуд. Этот вывод не является новым и делается в течение двух последних лет, но политические шаги в отношении этой фигуры остаются неизменными — никто с ним переговоров не ведет, а требуют только силовых акций.

На завершающем этапе и после вывода советских войск следует ожидать, что Ахмад Шах активизирует свои действия по захвату северных провинций. В первую очередь сосредоточит свои усилия на магистрали Кабул — Хайратон.

2. Время, когда можно было сблизиться с А. Шахом, диктуя ему свои условия, сейчас фактически упущено, и он стал практически неуязвим. Однако возможности установления с ним контактов не исчерпаны. Поэтому афганскому руководству необходимо предлагать ему максимально возможные уступки, идти с ним на любые компромиссы. Он должен знать, что будут удовлетворены все его условия, включая предоставление автономии северным провинциям в рамках единого Афганистана.

3. В перспективе Ахмад Шах может вырасти в крупного политического деятеля, с которым Советскому Союзу, по всей видимости, придется сотрудничать, и нам выгодно иметь его союзником, а не противником.

Учитывая это, советские оперативные службы должны как можно быстрее установить с ним прямые контакты, тем более что, по признанию самого А. Шаха, у него нет к этому особых препятствий.

Варенников

Август 1988 г.».

Учитывая предстоящий заключительный этап вывода войск, предполагались и мероприятия по передаче маршрута Кабул — Термез под охрану правительственных войск. Начало вывода войск по второму этапу было назначено на 15 ноября, но еще и 15 декабря мы к этому даже не приступали — от нас требовали расправиться с Ахмад Шахом.

А мы с Ахмад Шахом хотели договориться.

Но еще раз подчеркиваю, что чуть ли не на второй день после окончания первого этапа вывода войск по Женевским соглашениям афганское руководство начало «вздыхать», что, мол, советские войска оставляют такое «наследство», от которого фактически будет зависеть судьба Афганистана в целом. Они прямо говорили, что Ахмад Шаха надо до начала вывода войск по второму этапу Женевских соглашений полностью разбить, и только тогда можно рассчитывать на удержание власти в Кабуле.

Читатель помнит, сколько нами было написано на этот счет докладов в Москву о нецелесообразности и невозможности решить эту задачу. Но Москва стояла на своем (т. е. на позициях афганского руководства), и фактически не учитывала наших интересов.

А время шло.

Наконец, наступили сроки, и пора было определиться и с охраной перевала Саланг после выхода наших войск. В связи с чем я направляю Ахмад Шаху следующее письмо, подписанное лаконично, одним словом: «Советник». Оно особо интересно тем, что Ахмад Шаху предлагалось три (!) варианта охранения Саланга. Вот содержание письма:

Уважаемый господин
Ахмад Шах Масуд!

Руководствуясь доброй волей и стремлением не допустить вновь вооруженных столкновений между правительственными войсками РА и советскими войсками с одной стороны и отрядами ИОАП — с другой стороны, представители советского руководства, находящиеся в Афганистане, неоднократно направляли Вам письма, которые содержали конкретные предложения по целому ряду вопросов, в т. ч. по стабилизации обстановки в зоне расположения Ваших отрядов и, в частности, на Южном Саланге.

Поскольку вопросы являются непростыми и требуют определенного времени для принятия Вами решения, представители советского руководства длительное время

проявляют терпение. В то же время на протяжении всего этого периода Вы давали понять, что готовы встретиться. Однако прошло более двух месяцев. Встреча не состоялась не по нашей вине. Очевидно, мы вправе расценивать Ваши действия как нежелание идти на встречу…

В связи с этим делаем следующие предложения:

1. В течение ближайшей недели (т. е. до 25.12.88 г.) наш представитель и представитель правительственных органов готовы встретиться с Вашим полномочным представителем в советском гарнизоне Джабаль-Уссорадж или в другом, по Вашему желанию, месте и конкретно решить: кому, когда, куда и сколько необходимо подать государственным транспортом какого продовольствия и другого имущества в порядке оказания помощи.

2. Предлагается Вашим отрядам взять на себя полную ответственность за охрану и обеспечение участка коммуникации Калаулдаг — Джабаль-Уссорадж. В случае согласия необходимо оформить это с местными органами, подписав соответствующие протоколы. Главным условием (обязательством) должно быть недопущение обстрелов и грабежей колонн на коммуникации.

3. В случае, если Ваши отряды не будут брать под охрану указанный участок дороги на Южном Саланге, мы… будем вынуждены устанавливать дополнительные советские и афганские посты. Советские посты в последующем при выводе войск будут сняты и вместо них могут быть поставлены посты от ваших отрядов для совместного действия с правительственными войсками по охране Саланга.

Если Вы этот вариант тоже не примите, то мы вынуждены перейти к охране перевала только силами правительственных войск. Предлагается при этом сохранить мирную обстановку и не препятствовать установке постов правительственных войск. Если будут допущены нарушения и посты будут подвергаться обстрелам, мы в свою очередь будем вынуждены принять ответные меры, ответственность за последствия которых будет лежать на Ваших людях (отрядах).

По поручению посла СССР Ю. Воронцова и генерала армии В. Варенникова прошу Вас проявить серьезный, взвешенный подход к предложениям советской стороны, в том числе и предложению провести встречу.

Советник

18.12.1988 г.

Требования и предпринятые со стороны советского военного командования действия вызвали резко негативное отношение А.

Шаха. Он прислал письмо следующего содержания:

> Господин Советник!
>
> Я уже хотел направиться к месту встречи с советскими представителями, когда получил ваше последнее письмо. Я должен сказать, чтобы внести ясность, что мы терпим войну и ваше вторжение вот уже 10 лет. Даст Бог, потерпим и еще несколько дней, а если Вы начнете боевые действия, то мы дадим достойный отпор. Все!
>
> С этого дня мы поставим нашим отрядам и группам задачу быть в полной боевой готовности.
>
> *С уважением Ахмад Шах Масуд*
>
> *26.12.1988 г.*

Чем меньше времени оставалось до окончания вывода советских войск из РА, тем большую нервозность проявляло афганское руководство в связи с тем, что против Ахмад Шаха не предпринимаются решительные действия. Оно постоянно и настойчиво обращалось за помощью в Москву. Из Центра поступали жесткие указания готовить операцию против Масуда. Но находившиеся в Афганистане военачальники докладывали, что все это будет только во вред нашей стране. Однако к их мнению не прислушивались. Мало того, такая позиция рассматривалась чуть ли не как саботаж. Учитывая, что со мной по этому вопросу все практически переговорили — министр обороны, председатель КГБ, министр иностранных дел и другие (Ульяновский — ЦК КПСС), я доложил всем им, что это и невозможно, и нецелесообразно делать. И тогда начальники переключились на Б. В. Громова. Командующий 40-й армией неоднократно имел нелицеприятный разговор по этому поводу с министром обороны СССР Д. Т. Язовым, который требовал отчета — почему до сих пор не разбили Ахмад Шаха. Б.В. Громов понимал бессмысленность этих действий. Знал, что будут дополнительные жертвы.

Что касается меня, то я поневоле оказался в сложном положении. Мне в вину вменялись не только саботаж проведения боевых действий против А. Шаха, но и чуть ли не закулисные переговоры с оппозицией и нежелание выполнять указания советского руководства, отсутствие «оперативного реагирования» на просьбы лидеров НДПА — окончательно разбить отряды А. Шаха.

Во время январского, т. е. последнего визита Шеварднадзе в

Афганистан руководство страны настоятельно просило его решить проблему Ахмад Шаха Масуда до вывода советских войск из Афганистана.

Вот некоторые фрагменты из этого разговора на высоком уровне.

Наджибулла. В условиях продолжающегося вмешательства в дела Афганистана со стороны Пакистана, США и других стран, отказа оппозиции от прекращения огня нельзя забывать и о средствах военного воздействия. Как представляется, сейчас исключительно важно по-прежнему наносить мощные ракетные, артиллерийские и авиационные удары по базам, складам и скоплениям живой силы противника, для того чтобы упредить его попытки развернуть широкомасштабное наступление после вывода советских войск.

В этом контексте особое значение сохраняет вопрос борьбы с группировкой Ахмад Шаха Масуда, принадлежащего к Исламскому обществу Афганистана. Учитывая, что его силы способны сразу же после вывода войск перерезать стратегическую магистраль Хайратон — Кабул в районе Южного Саланга, блокировать Кабул и тем самым создать для столицы катастрофическое положение, Ахмад Шах должен рассматриваться как главный противник правительства на нынешнем этапе.

На наш взгляд, решение этой проблемы неоправданно затянулось.

Шеварднадзе. Согласен с тем, что с проведением операции против Ахмад Шаха затянули. Не совсем понятны причины этого, тем более что М. С. Горбачев обсуждал вопрос с министрами Вооруженных Сил Афганистана во время их визита в Москву три месяца тому назад. Очевидно, что следует разобраться также с ходом подготовки к запланированной операции. Понятно, что никакие локальные или ограниченные меры проблемы Ахмад Шаха не решат…

Лично Шеварднадзе трудно было представить в то время настроение генералов, офицеров и солдат 40-й армии. Они-то уже четко и ясно понимали, что нет смысла воевать дальше. Однако вскоре после отъезда Шеварднадзе в Москву командование советских войск в ДРА получило указания срочно готовиться к проведению боевых действий против Ахмад Шаха. Никакие возражения военных в расчет не принимались. Эта операция получила даже кодовое название «Тайфун». Но мы придали этой операции другую направленность.

Фактически это была операция не против А. Шаха, а во имя

укрепления Саланга. Суть этих действий состояла в том, что мы ставили на все посты правительственные войска. Против этого был А. Шах. Однако, на мой взгляд, мы поступили благородно, предложив ему три варианта.

Первый — взять охрану перевала Саланг полностью на себя (т. е. охранять отрядами Ахмад Шаха), но при условии, что никто грабить колонны не будет, и об этом надо было подписать договор. Второй — охранять перевал будут совместно правительственные войска и отряды А. Шаха. И третий — охранять перевал будут только правительственные войска, а отрядам А. Шаха будет предоставлена возможность пользоваться Салангом на равных со всеми.

Однако, как было сказано выше, все три варианта Ахмад Шах отверг, а своего не предложил. Поэтому мною было принято решение установить посты только от правительственных войск. Я понимал, что это вызовет негативную реакцию со стороны Ахмад Шаха и столкновения неизбежны. Поэтому к проведению мероприятия готовились как к операции.

В двадцатых числах января на Южном Саланге начали с нашей помощью устанавливать правительственные войска для охраны магистрали Термез — Кабул. Активные действия планировалось начать 24 января 1989 года. В район перевала были стянуты значительные силы советских войск, большое количество огневых средств, в том числе и тяжелые огнеметы. Но примерно в полдень 22 января руководителю Оперативной группы МО СССР в ДРА из Москвы по телефону позвонил Д. Т. Язов и устно отдал приказ начать боевые действия на сутки раньше. Естественно, это была не его личная инициатива, он сам, видимо, на этот счет получил распоряжение советского руководства. И никакой тут загадки нет в отношении тех лиц, кто настоял на проведении операции на Южном Саланге. Дал такое указание Горбачев по просьбе Наджибуллы, а поддержали — Шеварднадзе и Крючков.

Конечно, изменение срока операции, может быть, принципиального значения и не имело. Но к тому времени не были готовы части правительственных войск. Они еще только подходили в район Южного Саланга. Пришлось принимать срочные меры для того, чтобы в ночь на 23января спешно выдвинуть их на перевал.

В течение ночи небольшие подразделения афганской армии удалось вывести в район Южного Саланга.

Как и следовало ожидать, уже при установлении первого поста правительственных войск сразу за Джабаль-Уссораджем моджахеды обстреляли всех, кто этим занимался. Естественно, по

тем районам, откуда прозвучали очереди, был открыт ураганный огонь наших войск. Боевые действия на Южном Саланге продолжались примерно трое суток. Это были не продолжительные схватки, а короткие удары по тем, кто открывал огонь в нашу сторону. К сожалению, не обошлось без жертв и среди жителей прилегающих к дороге кишлаков (хотя все были предупреждены, что возможны боевые действия и что кишлаки надо временно оставить), часть из которых не покинула своих домов. В связи с тем, что А. Шах на наши предложения не отреагировал, и понимая, что могут иметь место бои, мы в течение двух суток по громкоговорящим средствам доводили до населения на их родном языке дари нашу просьбу о том, что во избежание жертв надо временно уйти из этих районов. Кстати, эта мера была одобрена и Наджибуллой. 28 января в советское посольство в Кабуле Ахмад Шах Масуд передал письмо следующего содержания:

> «Господин Воронцов! Я получил Ваше предупреждение…
>
> В этой связи необходимо сказать, что позиция советского руководства, которой оно придерживается в последнее время в своих подходах к международным вопросам, и в особенности к афганской проблеме, вселила в нас веру, что новый режим в Советском Союзе изменился по сравнению со своими предшественниками, учитывает реальную ситуацию и хочет, чтобы проблема Афганистана решалась посредством переговоров. Мы также думали, что как минимум после десяти лет ужасов войны и убийств советские поняли психологию афганского народа и на опыте убедились, что этот народ невозможно силой и угрозами поставить на колени и заставить что-либо сделать. К сожалению, продолжается ненужное давление, которое вы оказываете для поддержки горстки наймитов, предающих самих себя, которым нет места в будущей судьбе страны. Жестокие и позорные действия, которые ваши люди осуществили на Саланаге, в Джабаль-Уссорадже и других районах в последние дни вашего пребывания в этой стране, уничтожили весь недавно появившийся оптимизм. Напротив, это заставляет нас верить, что вы хотите любым путем навязать нашему мусульманскому народу умирающий режим. Это невозможно и нелогично.
>
> *С уважением Ахмад Шах Масуд*

7.11.1367 (26.01.1989) года».

Вооруженный конфликт на Саланге, конечно, не входил в наши планы. Его просто не удалось избежать. Советское военное командование, не желая кровопролития, до последнего момента надеялось на возможность заключения с Масудом соглашения, но прямо-таки патологическая ненависть к нему Наджибуллы и других представителей пуштунского руководства НДПА не дали этого сделать. В результате пострадали люди. Что же касается местного населения, то они, выходя из района боевых действий (по нашей просьбе), не принимали от нас никакой помощи, хотя все было для этого заранее организовано: развернуты палаточные городки, пункты обогрева, питания и медицинской помощи.

Сейчас модно осуждать решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года как политическую ошибку. Но выводились войска уже в 1989 году, т. е. почти через десять лет, однако урок не пошел нашим политикам впрок. Приказы из Кремля по-прежнему отдавались без учета реальной обстановки… Но кто взял на себя ответственность за эти действия?.. «Демократ» Горбачев по своей природе этого сделать не мог.

Сразу же по окончании первого этапа вывода наших войск из Афганистана, согласно Женевским соглашениям, афганское руководство обратилось к советскому правительству с просьбой «прекратить вывод войск в связи с тем, что Пакистан и США не выполняют Женевских соглашений». Однако мы, т. е. советское военное командование в ДРА, настаивали на точном соблюдении установленного срока вывода 40-й армии.

Вот что я был вынужден официально докладывать шифротелеграммами министру обороны СССР:

> «…4 сентября встретился в штабе Оперативной группы МО СССР с президентом ДРА по его настойчивой просьбе.
>
> В ходе беседы Наджибулла сказал: «Враги распространяют слухи о том, что президент недооценивает помощь, оказываемую 40-й армией, и заявляет, что советские войска уклоняются от боевых действий и не оказывают действенной поддержки Вооруженным Силам Афганистана. Это неправда. Наоборот, руководство Афганистана прилагает сейчас настойчивые усилия, чтобы в ответ на нарушения Женевских соглашений США и Пакистаном приостановить вывод советских войск и тем самым создать условия для предотвращения ликвидации завоеваний Апрельской революции…»

…На наш взгляд, войска 40-й армии ни при каких обстоятельствах оставлять в Афганистане нельзя. Этот шаг ничего, кроме вреда, не принесет. Советскому Союзу будет нанесен труднопредсказуемый ущерб на международной арене. А советский народ будет возмущен таким решением. О чем я сообщил Наджибулле.

Варенников».

5.9.1988 г.

Кратко комментируя сказанное, надо отметить, что Наджибулла не верил в то, что я ему в течение последнего года внушал: «Вооруженные Силы Афганистана уже способны самостоятельно без 40-й армии защищать независимость своей страны». Он не верил в это, хотя это было именно так — время подтвердило: после выхода наших войск Вооруженные Силы Афганистана почти три года успешно решали задачу по защите своего государства. Он, Наджибулла, как и все руководство ДРА, привык за эти годы, что 40-я армия была в стране как бы щитом от всех бед. Привык к этому и боялся, что свои воины могут дрогнуть. Конечно, его опасения основания имели: предательство, коварство, измена — все это присутствовало. А с уходом советских войск эти негативы, конечно, должны были проявиться еще больше. Так и случилось. Даже министр обороны Шахнаваз Танай переметнулся на другую сторону (к Г. Хекматиару).

И Наджибулла понимал, что очень многое будет зависеть от того, какое решение приму лично я. Вот почему он зачастил с визитами ко мне в резиденцию. Однако я не был намерен менять своего мнения об обстановке и решения по выводу войск. Наоборот, я всячески внушал Наджибулле уверенность в том, что все будет в порядке и что армия, МГБ и МВД его страны оправдают надежды.

Но чем ближе подходил срок второго, завершающего этапа вывода наших войск, тем настойчивее были руководители Афганистана в намерении затормозить выход 40-й армии. Постоянно и все более решительно высказывались просьбы оставить часть советских войск в Афганистане. Такая позиция афганцев находила поддержку у определенной части советского руководства, которое стало колебаться. В их числе были Шеварднадзе и Крючков.

12 января в Кабул прибыла советская правительственная делегация во главе с Шеварднадзе. Он имел встречи и беседы: с Наджибуллой; Шарком — председателем правительства; Танаем

— министром обороны, Якуби — министром госбезопасности; Ватанджаром — министром МВД; Вакилем — министром иностранных дел и другими. Все настаивали на оставлении части сил советских войск в Афганистане для обеспечения безопасности кабульского международного аэропорта и магистрали Кабул — Хайратон. Они прямо заявляли, что если этого сделано не будет, то оппозиция перережет все коммуникации и задушит Кабул голодом.

Вот некоторые фрагменты стенограммы продолжения этих бесед во время последнего приезда советской правительственной делегации:

Наджибулла. Афганская бригада в составе 900 человек и полк МГБ вряд ли способны должным образом противостоять мятежникам в зоне влияния Ахмад Шаха. В этой связи прошу советское руководство рассмотреть вопрос о возможности размещения на временной основе в районе Саланга советских воинских частей, функция которых заключалась бы только в охране дороги…

Мы также полагали бы желательным, чтобы на советских аэродромах в непосредственной близости от границы Афганистана на постоянном дежурстве находилось определенное количество авиасредств, которые можно было бы оперативно задействовать против мятежников в случае возникновения угрожающей ситуации в том или ином районе страны.

Шеварднадзе. Вопрос нанесения авиационных ударов с территории Советского Союза носит чрезвычайно деликатный характер. Мы понимаем, что вам будет трудно обойтись без поддержки советской авиации, но одно дело наносить удары в условиях присутствия советских войск, и другое — после их вывода… Такие меры могут неизбежно вызвать контршаги со стороны США и Пакистана, неблагоприятную международную реакцию…

Якуби (министр государственной безопасности РА. До тех пор, пока существует Ахмад Шах Масуд, трасса Кабул — Хайратон будет закрыта, а следовательно, сохранит остроту проблема доставки грузов и специмущества не только в столицу, но и в другие районы страны. От решения этого вопроса зависит, выстоит или падет нынешний режим…

А. Вакиль (министр иностранных дел РА). Необходимо, чтобы советская сторона с учетом положений Женевских соглашений продолжала, особенно после 15 февраля, оказание помощи нашим Вооруженным Силам путем нанесения ракетных и бомбоштурмовых ударов… Для нас жизненно важно сохранить контроль над аэродромами в Баграме и Кандагаре, а также над

портом Хайратон. После завершения вывода советских войск Ахмад Шах Масуд, несомненно, попытается перекрыть дорогу через Саланг…

В этом же духе высказались и другие министры. Находясь под впечатлением этих встреч, Шеварднадзе 15 января провел в Кабуле совещание со всеми советскими представителями. Он заявил, что, по его мнению, для предотвращения блокады афганской столицы после ухода советских войск необходимо оставить (или направить позже) советскую охрану на столичном аэродроме и на дороге Кабул — Хайратон. В связи с этим он поручил находившимся в Кабуле в составе делегации сотрудникам МИД СССР подготовить записку в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по Афганистану с обоснованием необходимости принятия этого предложения.

Желая узнать мнение офицеров Оперативной группы МО СССР по этому поводу, я собрал их и проинформировал о позиции, занятой Шеварднадзе. Как и следовало ожидать, она вызвала резко отрицательную реакцию всех офицеров. Так же реагировал и командующий 40-й армией генерал-лейтенант Б. В. Громов и весь Военный совет армии.

На следующий день мы с начальником штаба Оперативной группы МО СССР в РА генералом-лейтенантом В.А. Богдановым приехали в советское посольство для проработки этого вопроса. Однако, отстаивая позицию о невозможности оставления советских войск в Афганистане позже установленного договором срока, мы не нашли понимания со стороны сотрудников МИД СССР. Да это и понятно — они ведь получили указания от своего министра. Никакие наши доводы не брались в расчет. Хотя мы предупреждали, что если такое решение состоится, оставляемые военнослужащие превратятся в заложников оппозиции. Двенадцати тысяч (как это они предполагали) явно будет мало. Они не смогут выполнить возложенную на них задачу. Мидовцы, разумеется, и сами это хорошо представляли, но пойти против Шеварднадзе не могли. Нам же они сказали, что необходимо продумать, как лучше выполнить поручение руководства, а не выступать со своими предложениями. И если военные не согласны, то они, мол, обойдутся и без них.

Вскоре дипломаты разработали все необходимые документы. В них предлагалось для охраны указанных объектов оставить в Афганистане часть сил 40-й армии — около двенадцати тысяч человек под видом добровольцев или же под эгидой ООН…

В связи со сложившейся ситуацией, я вынужден был до принятия окончательного решения в Москве приостановить вывод войск из Афганистана. В противном случае пришлось бы

оставляемые объекты потом отбивать у оппозиции с боями. Узнав об этом, офицеры и солдаты 40-й армии возмущались. Они открыто проклинали Шеварднадзе и иже с ним, которые опять подставляли армию в угоду политическим амбициям Наджибуллы.

Пауза длилась до 27 января. Вместо того чтобы планомерно выводить войска из Афганистана, советское военное командование стало заниматься перевозкой муки в Кабул, боеприпасов и бронетанковой техники в Кандагар по «воздушным мостам», а также провело уже упоминавшуюся операцию против отрядов Ахмад Шаха Масуда на Южном Саланге.

И все-таки возобладал здравый смысл. На заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану было принято решение не задерживать наши войска в ДРА, а полностью выполнить взятые на себя в Женеве обязательства и вывести их в установленные сроки. Думаю, что нормально мыслящие члены Политбюро представили себе, как бы мы выглядели в глазах мировой общественности, если бы прекратили вывод и нарушили женевскую договоренность. Это было бы только на руку «ястребам», они бы все взвыли и начали бы поносить Советский Союз.

Но этого мы избежали, и сегодня я с гордостью вспоминаю всех тех, кто поддержал меня в трудную минуту. Ведь тягаться было не просто, когда с одной стороны МИД и КГБ СССР, да и наш министр обороны вынужден был хоть формально, но поддерживать Горбачева, с другой — наша горстка в Кабуле.

Все эти десять суток паузы Борис Всеволодович Громов ежедневно звонил мне утром и вечером и упорно говорил одно и то же: «Надо продолжать вывод войск. Дальше уже оттягивать нельзя». Это он делал, наверное, для того, чтобы у меня не возникли колебания. Но он звонил постоянно и в Москву, чтобы там «не засыпали». Ведь это идиотизм — армия приступила к выводу и вдруг вынужденно приостанавливает этот процесс потому, что в Кремле еще не созрели.

Однако всё обошлось — все двинулись домой, на Родину!

А в мире шел галдеж, и, естественно, запускались различные «утки» и предположения. Мало того, даже тогда, когда уже вообще наши войска были выведены полностью, потоки лжи не прекратились.

В начале марта 1989 года, т. е. сразу после вывода советских войск из Афганистана, в пакистанских газетах со ссылкой, как обычно, на «достоверные источники» появились утверждения о том, что Советский Союз сохранил за собой принадлежащий Афганистану Ваханский коридор с авиабазой и несколькими

военными городками. А также якобы СССР оставил в Афганистане десять тысяч своих военнослужащих — выходцев из среднеазиатских республик, владеющих языком фарси (или дари), одев их в соответствующую одежду.

Разумеется, это получило соответствующий резонанс, особенно в западной печати. Почуяв верную ноту, пакистанские газеты еще активнее взялись «подтверждать» эту версию.

Фактически же все, что по этому поводу было сказано в пакистанской печати, не имело ничего общего с действительностью. За выводом наших войск наблюдали представители ООН и многочисленные иностранные журналисты. Все они имели доступ в любую воинскую часть и на любой наш объект без ограничений. Поэтому просто смешно даже подумать, что они могли упустить малейшую возможность «разоблачить» нас. Ни у кого из них никаких сомнений в строгом и полном выполнении нами условий Женевы не возникало. Следует иметь в виду, что и при уходе наших войск из высокогорного Ваханского коридора также присутствовали наблюдатели ООН. И не просто присутствовали, но и подсчитывали, что и как выводится и вывозится.

Последними были оставлены населенные пункты Сарах и Базай-Гумбад. Наши подразделения ушли оттуда в начале февраля. Это были пограничные войска. Они выходили в северном и западном направлении, напрямую на территорию Таджикистана, в Хорог и другие наши пункты. Оба военных городка были переданы афганским правительственным силам.

Так было на самом деле. Инсинуации же пакистанской печати в первую очередь имели цель отвлечь внимание мировой общественности от грубого нарушения Женевских соглашений прежде всего самим Пакистаном, да и Соединенными Штатами.

Напомню, что при подписании этих соглашений расчет был на одновременное выполнение обязанностей сторонами: мы выводим часть из какого-то гарнизона в Афганистане, а пакистанцы ликвидируют на своей территории какую-то базу, центр подготовки или штаб афганских оппозиционных сил. У нас в Афганистане было 183 военных городка, а у оппозиции на территории Пакистана — 181 объект. Однако все их объекты не только остались нетронутыми, но даже добавились новые центры подготовки банд.

Мало того, пакистанская сторона в нарушение Женевских соглашений продолжала оказывать помощь оппозиции еще и живой силой. У проживающих в приграничных районах пуштунских племен имелись вооруженные ополчения — малиши. Так вот, пакистанские малиши стали участвовать в боевых

действиях на территории Афганистана на стороне моджахедов. В частности, в афганской провинции Нангархар и на подступах к провинциальному центру — городу Джелалабаду. Отмечались они и в некоторых других районах.

Что касается десяти тысяч наших военнослужащих родом из Средней Азии, якобы оставленных нами в Афганистане, то это тоже блеф. Возможно, кто-то что-то слышал о том, что афганское руководство хотело бы иметь у себя такую воинскую часть. Но решения на этот счет не было и не могло быть.

Надо отметить другое: мы оставили там не десятки тысяч, а сотни тысяч афганцев, умеющих говорить на русском языке. И это не только афганские солдаты, с которыми взаимодействовали наши воины, а и мирное население, которому мы всячески помогали и которое, я уверен, сохранит в памяти тепло наших сердец. Вот это факт, и его надо признать.

Между прочим, мы имели право оставить весь советнический аппарат. Он не входил в состав нашего воинского контингента и не подпадал под условия Женевы. Наши военные советники были в Афганистане и при Дауде, и при короле Захир Шахе. Но чтобы снять все возможные претензии, мы по договоренности с афганским правительством решили отозвать из афганских войск и весь советнический персонал. Мы были уверены, что Вооруженные Силы Афганистана уже вполне способны решать самостоятельно задачи по защите своего Отечества.

В то же время в период вывода наших войск во многих странах мира почему-то превалировало мнение, будто события в Афганистане станут развиваться так, как предсказывала оппозиция, то есть, что она якобы быстро, без особого труда, захватит власть. Меня лично удивляли деликатные действия на этот счет лично Наджибуллы и его окружения. На наглые заявления оппозиции, что они безусловно будут захватывать власть там, откуда уйдут советские солдаты, правительственные средства массовой информации неуверенно отвечали, что они будут отстаивать народную власть. Хотя можно и нужно было заявлять, что любая такая попытка потерпит крах, а любая банда будет полностью уничтожена.

Кстати, последующее развитие событий подтвердило наши выводы о том, что войска правительства Афганистана успешно будут удерживать крупные города и после ухода частей 40-й армии. Так было с Джелалабадом, Кандагаром, Гардезом, Газни и другими городами. Несколько покачнулась ситуация в Кундузе. Но я там с группой наших офицеров и силами правительственных войск в течение суток положение восстановил, несмотря на то, что части 201-й мотострелковой дивизии 40-й армии уже ушли

несколькими днями раньше.

Вспоминаю, что через месяц после того, как из Афганистана ушел последний советский солдат, мы провели анализ обстановки в ДРА. Выяснилось, что никаких крупных городов или районов оппозиционные силы не захватили. А ведь обещали всему миру сделать это на второй день после оставления этого города или района частями 40-й армии.

Известно, что «Альянс семи» ставил первой и главной задачей захват Джелалабада, объявление его временной столицей Афганистана и перевод туда верховного командования оппозиции.

И вот при прямой поддержке Пакистана вооруженная оппозиция сосредоточивает здесь главные силы и осуществляет жесточайшее, массированное давление на Джелалабад. Однако правительственные силы защищают его мужественно и стойко. В результате противник был не только отброшен, но и понес большие потери. Хотя и у правительственных войск, конечно, потери были немалые. Велики были и разрушения. Но город не сдался. Планы мятежников были сорваны.

И для меня, и для наших офицеров, тех, кто был в Оперативной группе, это не было случайностью. Законное правительство Афганистана имело в потенциале все необходимое для удержания власти. Во-первых, достаточно большие Вооруженные Силы — 300 тысяч. Во-вторых, они занимали все ключевые позиции. В-третьих, они были хорошо обучены и оснащены вооружением, техникой, боеприпасами. В-четвертых, армия располагала боевой авиацией — современными самолетами, вертолетами. И в целом Вооруженные Силы Афганистана конца 80-х годов — это не королевская парадная армия конца 70-х. У этих Вооруженных Сил уже был огромный боевой опыт.

Но если речь зашла вообще об устойчивости и надежности, то надо иметь в виду не только армию, но и партийно-государственный аппарат. Следует также учитывать, что гражданская война накладывает отпечаток на все слои населения. Нередко люди из одного рода и даже из одной семьи оказываются по разные стороны баррикад.

Но не надо сбрасывать со счетов и те противоречия, которые существовали в рядах оппозиции. Столкновения у них происходили непрерывно — и «наверху», и непосредственно на местах. Это, несомненно, тоже накладывало отпечаток на общую ситуацию и как бы уравновешивало социально-политическую обстановку, силы сторон.

В то же время я никак не мог понять, почему разумная часть

оппозиции (типа Моджадади, Раббани) не воспринимала принципы провозглашенной Наджибуллой «Политики национального примирения»? Оппозиции надо было согласиться наконец с тем, что альтернативы «Политике национального примирения» нет. Нужно было сесть за стол переговоров и договориться. Ведь НДПА не претендовала на монопольную власть. И тогда было бы покончено с кровопролитием.

Сейчас, когда после вывода советских войск из Афганистана прошло много времени, к некоторым фактам полезно вернуться и обсудить их.

Одним из аргументов, которыми обосновывался ввод в 1979 году советских войск в Афганистан, была необходимость предотвращения угрозы распространения афганскими исламскими фундаменталистами «священной войны джихад» на территорию советских республик Средней Азии. Для кого-то тогда это была, может быть, надуманная угроза. Но после того, как советские войска начали покидать афганскую территорию, со стороны Афганистана стали проводиться подрывные действия против среднеазиатских республик.

Приложили к этому руку и пакистанские власти. Бывший президент Пакистана Зия-уль-Хак накануне своей гибели в 1988 году сказал в одном интервью, что «священная война» в Афганистане — лишь прелюдия к возможному развитию негативных процессов в исламских регионах СССР, и довольно откровенно обозначил свои цели в Афганистане: «…мы заработали себе право иметь очень дружественный режим в Кабуле. Мы ни за что не позволим, чтобы он был похож на прежний режим, находившийся под индийским и советским влиянием и предъявлявший претензии на нашу территорию. Это будет поистине исламское государство, составляющее часть панисламского возрождения, которое, как вы увидите, однажды охватит мусульман, проживающих в Советском Союзе…»

И это были не просто слова. «Афганская война» поползла в Среднюю Азию. А потом уже и в Россию — в Чечню, в Дагестан. В нескольких районах Дагестана фанатиками-ваххабитами, пришедшими из других государств, была сделана попытка провозгласить исламскую республику. Но и прежде и сейчас причиной всех бед, выпавших на долю мирного населения, фактически был не ислам как таковой. Исламом манипулировали и манипулируют сейчас различные политики, авантюристы, экстремисты и просто проходимцы для удовлетворения своих политических амбиций. Именно они придают исламу воинствующий характер. А истинный ислам — мирная религия.

К «исламскому» фактору следует добавить «национальный»,

так как большая часть населения северных провинций Афганистана сходна по своему этническому происхождению с жителями государств Средней Азии. Там проживает более трех миллионов таджиков, около двух — узбеков и туркменов. Некоторые из них занимают видное место в государстве. Президент Афганистана Бурхануддин Раббани, многие влиятельные полевые командиры моджахедов — Ахмад Шах Масуд, Исмаил Хан, Устад Фарид, Абдул Басир, которые пришли к власти в апреле 1992 года, — таджики. Среди узбеков видную роль играет генерал А.Р.Дустум.

Началом наступления «исламского экстремизма» можно считать создание в 1988 году пантюркской организации «Исламский союз северных народов Афганистана» (ИССНА) со штаб-квартирой в Пешаваре. Я совершенно убежден, что это создание не обошлось без инициативы и материальной поддержки ЦРУ США. Организация сразу же взялась за подготовку подрывных акций в СССР для «освобождения советских мусульман». В ход пошли антирусская пропаганда, разжигание среди мусульман сепаратистских, националистических настроений и создание отрядов боевиков.

На афганской территории в приграничных с СНГ районах были созданы перевалочные базы и склады оружия, боеприпасов, подрывной литературы и наркотиков для оснащения диверсионно-террористических групп и для передачи их экстремистам Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана. Эмиссары «ислама» проникали на территорию этих государств для целенаправленной подрывной деятельности.

В конце июля 1991 года заместитель председателя КГБ Таджикской ССР А. Белоусов в интервью корреспонденту ТАСС заявлял, что усиление влияния идей исламского фундаментализма в Таджикистане связано с активизацией деятельности пакистанских спецслужб, разработавших так называемую «Программу-М» по дестабилизации общественно-политической ситуации в среднеазиатских республиках и созданию условий для их выхода из состава СССР. По его словам, КГБ в то время располагал неопровержимыми фактами использования пакистанскими спецслужбами вооруженной афганской оппозиции. Но союзное и республиканское руководство на эти предостережения не прореагировало.

Действительно, враждебные акции на границе с Афганистаном стали постоянными: переход границы вооруженными группами, контрабанда оружия, захват скота, различные нападения и т. п. Например, в 1991 году только в секторе ответственности Тахта-Базарского пограничного отряда

на туркмено-афганской границе было снято более ста мин (за каждый подорванный БТР выплачивались круглые суммы в долларах).

Пограничники этого отряда в среднем за год задерживают примерно 600 человек, до 40 процентов которых вооружены.

По распоряжению руководителя ИССНА Азад Бека один из его полевых командиров Моаллем (по национальности туркмен, из отряда Ашура Пехлевана, провинция Фарьяб) в начале 1991 года организовал несколько специально подготовленных групп для переброски наркотиков в СССР, оружия и подрывной литературы. Было разработано и несколько маршрутов перехода через афгано-туркменскую границу.

Наиболее сложное положение сложилось на афгано-таджикской границе, которая по всей своей протяженности в две тысячи километров фактически непрерывно нарушается со стороны Таджикистана и Афганистана. Главная цель перехода из Таджикистана на афганскую территорию и обратно — приобретение оружия и наркотиков, распространение терроризма.

Поставки вооружения и военной техники Афганистану продолжались и после вывода советских войск первые два года.

В свою очередь союзники афганской оппозиции, т. е. талибов, тоже оснащали ее вооруженные формирования оружием и снаряжением. В западной прессе, например, сообщалось, что только в 1987 году конгресс США выделил 660 миллионов долларов для модхажедов, а в 1988-м они получали буквально каждый месяц оружия на сумму 100 миллионов долларов. Это, так сказать, с учетом того, что мы в первой половине этого года выводили 50 процентов своего контингента. В 1984 году наступил поворотный момент — конгресс одобрил поставки уже ультрасовременной техники. В январе 1985 года моджахеды получили эффективное средство борьбы с воздушными целями «Эрликон» швейцарского производства и зенитную ракету «Блоупайп» производства Великобритании. А в марте 1985-го было решено поставлять высшего класса переносной комплекс ПВО «Стингер» американского производства. Всего же за период с 1980 по 1988 год общая помощь афганским моджахедам составила около 8,5 миллиардов долларов (основные доноры — США и Саудовская Аравия, частично Пакистан).

А в начале 90-х годов у оппозиции появилась новая сила, вскормленная США, — талибы. С помощью движения талибан американская администрация хотела бы решить все свои задачи на Среднем Востоке и в Закавказье — т. е. в районах, так сказать, национальных интересов США, иными словами — там, где есть

нефть (например, каспийская), газ, другие природные богатства.

После падения режима Наджибуллы (а он пал в связи с прекращением поддержки Россией) все имущество правительственных войск перешло к моджахедам. Афганистан превратился в огромный арсенал вооружения, боевой техники и боеприпасов. Таким образом, правители России, прекратив поддержку Наджибуллы, своими недальновидными действиями создали угрозу переноса исламскими фундаменталистами «священной войны» на территории среднеазиатских республик, а теперь и самой России. Но фактически в основе всего этого — наркотики и терроризм, а не какая-то «священная война».

Ныне в распоряжении моджахедов имеется оружие, способное наносить удары (ракетные или бомбовые) по территории стран СНГ на довольно значительное расстояние от границы. Кроме того, этим оружием моджахеды (имеются в виду талибы) могут снабжать своих сторонников в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане.

Сегодня гражданская война в Таджикистане то вспыхивает, то затухает. Это война, где нет открытых врагов — есть бандиты, а это значительно сложнее. От этой войны страдают не только таджики, туркмены, узбеки. (Кстати, талибы и их пособники всячески вбивают клин между Узбекистаном и таджиками.) Русское население и представители других национальных меньшинств находятся в особо тяжелом положении. Они подвергаются политическому давлению, бытовой дискриминации. С «иноверцами» расправляются жестоко. В районах конфликтов нередки факты, когда блокируются военные городки, захватываются русскоязычные школы, дети объявляются заложниками и т. д. Случаи нападения на российских военнослужащих становятся обычным делом. Россияне, таджики и другие с надеждой смотрят на руководство Российской Федерации и ждут защиты своих прав и интересов. Смена руководства в 2000 году в России возродила надежды на улучшение жизни.

Воинские части России, сохраняя нейтралитет, по просьбе таджикского правительства взяли под охрану важные народнохозяйственные и военные объекты (аэродромы, банки, гидроэлектростанции, заводы, перевалы и т. д.). Они помогают доставлять из Российской Федерации и других стран гуманитарную помощь и предпринимают меры по разводу противоборствующих сторон. Именно в штабе 201-й дивизии в Душанбе и на территории 191-го мотострелкового полка в Курган-Тюбе обычно проводятся переговоры между лидерами враждующих группировок. Кроме того, российские пограничники

совместно с узбекскими и казахскими военнослужащими удерживают от развала таджикско-афганскую границу.

Сейчас, в связи с тем, что талибы захватили большую часть территории Афганистана и разрушили все основные города, а также учитывая события сентября — ноября 2001 года в США и Афганистане, обстановка в целом резко обострилась. Очень важно не ошибиться России и не стать орудием в чьих-то руках.

Однако такое положение долго сохраняться не может. По опыту афганской войны и хорошо зная американские нравы и методы действий, а также военно-политические и социально-экономические цели элиты США, можно предвидеть, что определенные силы будут стремиться обязательно втянуть Россию в боевые действия в Афганистане. И в первую очередь в этом заинтересовано руководство США.

События 11 сентября 2001 года потрясли мир. Американцы, начиная от метавшегося по всей стране Буша и кончая последним полицейским, были в шоке. Когда наконец президент США опомнился, то объявил войну международному терроризму и сразу назвал четыре страны (в т. ч. Афганистан), по которым США нанесет удар, будто всем известно, кто организатор и кто исполнитель воздушной атаки по Манхэттену и Пентагону. Затем в США объявили мобилизацию и население активно начало покупать и развешивать национальные флаги. Буш объявляет, что все беды от Бен Ладена, а исполнители — талибы. Еще раз объявлена война международному терроризму, и президент США заявляет: «Кто не с нами, тот с террористами».

Я не намерен комментировать это заявление (все-таки президент такой страны), но то, что оно является поспешным и необдуманным, — это факт. Ведь многие страны мира в составе своего народа имеют мусульман. Это важный фактор.

Вслед за заявлениями Буша все средства массовой информации бросились по соответствующим ведомствам, общественным организациям и отдельным лицам, которые могут как-то осветить возникшую проблему — возможное ведение боевых действий авиацией и войсками США в Афганистане против талибов. Естественно, было и у меня много представителей СМИ и наших и особенно зарубежных, в том числе США. Мои высказывания для СМИ США, конечно, это источник для ЦРУ, мой многолетний опыт войны в Афганистане для последних не безразличен.

Когда мне был задан вопрос — как я себе представляю возможные удары США, то я ответил, что: во-первых, должны быть достоверные данные, кто конкретно виновен в трагедии 11 сентября 2001 года; во-вторых, по этому поводу должно быть

решение и санкции Совета Безопасности ООН; в-третьих, ООН должна определить, кто войдет в силы возмездия и порядок их действий; в-четвертых, если уже установлено, что воздушную атаку на США исполняли талибы, то вопросы воздействия на последних должны быть согласованы с законным правительством Афганистана Раббани, а также с северными соседями Афганистана — Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном и, конечно, с Россией; в-пятых, боевые действия, которые предусматриваются против талибов, — это только незначительная часть всей борьбы против международного терроризма.

Президент РФ В. В. Путин два года призывает международную общественность к этой борьбе, однако многие (в том числе Буш) скептически относились к этому обращению. И это была ошибка. Объединив усилия еще тогда, уже многое можно было сделать, в том числе не допустить трагедию 11 сентября 2001 года.

Когда мне задали вопрос — как я смотрю на наземную операцию, то я спросил: а с какой целью — отыскать Бен Ладена? Но это бесполезно. Если ставится цель разбить формирование талибов, то это не в интересах США, так как талибы — это их детище. А вообще, если американцы своими войсками сунутся в Афганистан, то все те, кто войдет, — там и останутся. Повезет лишь тем, чьи гробы все-таки привезут в США.

Мы, читатель, с вами рассуждаем, а афганский народ уже 25 лет в состоянии войны страдает, разрушаются остатки того, что когда-то было создано. Одно слово — «афганцы» — уже ассоциируется с большим горем и страданием.

Надо помочь афганцам обрести мир. Мир можно обрести не ковровыми бомбардировками, а политическим решением.

Глава VII
Итоги афганской эпопеи

Ввод войск — это плод недомыслия или вынужденная мера? Были ли наши войска в глазах афганцев оккупантами? Что после себя оставили наши воины в Афганистане. Допустима ли аналогия с Вьетнамом. Горнило Афганистана дало нам золотой фонд воинов, командиров, ученых. Возвращение на Родину. Еще визиты в Афганистан. Наши войска ушли, но война в Афганистане не закончилась.

Накануне 4-й годовщины вывода наших войск из Афганистана ко мне в главный военный госпиталь им. Бурденко, где я находился на излечении после полуторагодичного пребывания в тюрьме Матросская Тишина (приводили сердце к нормальному «бою»), прибыли корреспонденты ряда газет и попросили написать статью на тему «Итоги афганской эпопеи». Я полагал, что это мой долг, и в установленное время передал материал для публикации. Это было тогда, в феврале 1993 года. Но всё, что изложено было в то время, фактически подтверждается сегодня, особенно в области оценок отдельных явлений, а тем более общих выводов и итогов афганской войны.

Итак, итоги. На мой взгляд, надо остановиться только на некоторых, наиболее важных положениях, которые имеют принципиальное значение. Не уйти мне и от современных взглядов на отдельные вопросы. Тем более что появилась Чечня.

1. К анализу некоторых событий 1979 года.

Сегодня на события того времени, как и на любое историческое событие, надо смотреть под углом зрения именно того времени. Мы должны также согласиться, что принятое нашим политическим руководством нерациональное решение на ввод советских войск в Афганистан (с которым, кстати, не был согласен ни А. Н. Косыгин, ни Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР) тем не менее не является плодом недомыслия. На мой взгляд, «налетать» сейчас на наших бывших руководителей по этой проблеме — это значит, во-первых, еще раз «прославлять» СССР — Россию (чего, кстати, никто не делает, в т. ч. американцы: они никогда не говорят о Вьетнаме). Во-вторых, их

решение все-таки имеет свои обоснования. Наконец, в-третьих, это решение было неизбежно продиктовано обстановкой «холодной войны» с ее конфронтацией по любому поводу, постоянной подозрительностью и недоверием Запада к Востоку и, наоборот, — вихляющей политикой Амина, начавшего заигрывать с США и одновременно засыпавшего СССР просьбами о вводе советских войск в Афганистан. Немаловажное значение имела политика геноцида Амина в отношении своего народа, чего мы, конечно, не могли допустить.

В связи с этим возникает резонный вопрос: если бы между СССР и США существовало взаимное уважение, а также будь у них честное и непредвзятое отношение друг к другу, разве пошло бы наше правительство на ввод советских войск на территорию дружественного нам Афганистана? Конечно, нет! Опасения за южные границы, которые в условиях аминовской политики могли стать объектом особого внимания ЦРУ, подтолкнули лидеров СССР к такому решению. Непосредственным импульсом к вводу наших войск послужило убийство Тараки Амином в условиях, когда Амин лично обещал Брежневу сохранить жизнь Тараки.

Мне, разумеется, могут возразить и задать вопрос: так что же выходит, если в любой соседней стране убили лидера и претендующий на лидерство сел на его место, то нам надо вводить туда свои войска? Отвечаю: не надо, это их внутреннее дело. Но и относиться к этому событию надо очень внимательно. Тем более что эта страна сама просит ввести наши войска.

Уместно заметить, что, к сожалению, у нас многие предводители, а Хрущев и Горбачев в особенности, больше занимались проклятиями в адрес своих предшественников и всего нашего прошлого, чем наведением порядка в государстве и повышением благосостояния народа. Так произошло и с оценкой ввода наших войск в Афганистан. Казалось бы, вопрос уже разобран на всех уровнях. В том числе дана оценка событиям на съезде народных депутатов СССР. Ну, что еще может быть выше? Другое дело, что какой-то факт каким-то автором описан неточно или неправильно названы фамилии. Однако и сейчас есть охотники не просто потревожить старые раны, а сделать плевок в адрес всех, кто имеет прямое или косвенное отношение к этой проблеме. Например, постоянно на телеэкран выпускают Горбачева. Да, в его период решался вопрос вывода войск. Но дело в том, что по его вине вывод стал для нас ущербным и Горбачева за это судить надо, как и за развал СССР, а не слушать его демагогию.

Или еще есть такие знатоки: «Вот мы шли в Афганистан вроде с миром, а фактически принесли войну!» Звучит? Ну, еще бы! Вот

русские какие идиоты: не могли додуматься, что будет война. Хотел бы успокоить и эту категорию «критиков». Во-первых, когда мы вводили советские войска в Афганистан, там уже шла война. Полыхала настоящая гражданская война за власть. Поэтому-то и просил Тараки ввести наши войска для стабилизации обстановки. Во-вторых, в Советском Союзе не все однозначно оценивали возможные последствия. К примеру, Генеральный штаб ВС предвидел такой исход. В-третьих, к сожалению, есть лица, сильные задним умом. Да и зачем нам сослагательные наклонения? Думаю, что в таком разрезе вообще нет смысла устраивать полемику. Она вредна стране. А благородство некоторых стран, на которое мы рассчитывали, оказалось мифом. Какое может быть благородство в условиях империализма и тем более «холодной войны»? Мы никак не откажемся от своей наивности.

2. Кем были советские воины в Афганистане?

Наши войска в глазах народов Афганистана никогда не были оккупантами. И это главный вывод. Наоборот, многие жители были нам благодарны за всесторонюю помощь: материальную, социально-политическую, моральную, медицинскую, да и военную. Наши воины делали все, чтобы «Политика национального примирения» претворялась в жизнь, способствовала укреплению народной власти и стабилизации обстановки. Хотя на первом этапе нашего пребывания в стране и были допущены некоторые перегибы. Виной тому — как отсутствие у нас должного опыта, так и грубые ошибки Б. Кармаля. Советские части охраняли многие государственные объекты, основные дорожные магистрали и населенные пункты, не допуская грабежей со стороны банд. Тысячи людей были спасены от голодной смерти, вылечены от болезней и ран. Силами советских людей построено много важных объектов народного хозяйства, социального, культурного и бытового назначения, в том числе детские дома, госпитали, больницы, школы, мечети.

Народу Афганистана, несомненно, есть за что сказать спасибо нашему народу. На этот счет мне кое-кто говорит: «Но если бы не пришли советские солдаты, то не было бы и войны и не было бы таких жертв». Я еще раз отвечаю, что война в Афганистане была в разгаре до прихода нашей армии. Это во-первых. А во-вторых, мы и пришли, чтобы погасить распри и пресечь геноцид, организованный Амином, стабилизировать обстановку. Ведь

безвинные люди сотнями и тысячами расстреливались без суда. Мы делали все, чтобы были найдены общие взгляды с оппозицией и в Афганистане наступил мир.

3. О строительстве Вооруженных Сил Афганистана.

С помощью Советского Союза в Афганистане были созданы современные Вооруженные Силы, особенно армия. В состав ВС Афганистана входят: армия, МГБ и МВД. Конечно, это не такие ВС, как в СССР или в какой-нибудь европейской стране, но если делать сравнение с некоторыми другими соседями Афганистана, то вполне правомерно сказать, что к 1987 году, и особенно к 1988 году, эти ВС были современны. Некоторые мои коллеги, однако, относятся к этому скептически. Почему же я это утверждаю? Да потому, что армия Афганистана после вывода наших войск с его территории три года самостоятельно и успешно защищала страну, хотя на стороне мятежников выступали регулярные пакистанские войска, особенно в боях за Джелалабад. Три года Пакистан ничего не мог сделать! А ведь пакистанская армия считается современной для этого региона.

Вместо небольшой (в основном для парадов) небоеспособной королевской армии были созданы соединения и части, оснащенные отличной боевой техникой и вооружением (такой же, как и наши части), укомплектованные высокообразованными военными специалистами, офицерами и генералами, подготовленными в советских военно-учебных заведениях и военных училищах Афганистана, созданных с помощью Советского Союза. Была хорошо развита инфраструктура (военные городки, базы, арсеналы, аэродромы). Создана стройная система управления Вооруженными Силами вплоть до Ставки Верховного Главного Командования (ВГК).

Афганская армия, действуя совместно с частями нашей 40-й армии, приобрела богатый опыт организации и ведения боевых действий. Особо надо отметить успехи в подготовке артиллерийских, танковых, авиационных и инженерно-саперных частей. Конечно, у армии еще было много проблем, в том числе по части морально-боевого духа: дезертирство, уклонение от службы. Но к тому есть значительно больше причин, чем сегодня у нас по этой проблеме, — религиозные, родоплеменные отношения, а в целом гражданская война.

Когда мы утверждали, что после вывода наших войск афганская армия будет способна самостоятельно выполнять боевые задачи, многие в это не верили. А на Западе прямо

заявляли: с уходом последнего советского солдата режим в Кабуле падет и все развалится. Американцы, англичане и некоторые другие даже поспешили отозвать свои дипломатические представительства из Кабула. Вот сегодня им приходится действительно спасать своих дипломатов уже от реальной опасности (от талибов).

Тогда же их прогнозы не оправдались. Ожесточенные натиски мятежников весной и особенно летом 1989 года были отбиты, а оппозиция, открыто и полностью поддержанная Пакистаном, в этих боях проявила полную неспособность решать задачи силой. Под Джелалабадом она вообще потерпела полное поражение. Ничего также не получилось у мятежников ни с Гератом, ни с Кандагаром, ни тем более с Кабулом.

Как уже было отмечено, в течение почти трех лет афганская армия после вывода наших войск успешно (именно успешно!) решала боевые задачи. И лишь по приказу Верховного главнокомандующего — президента страны добровольно сложила оружие. Наджибулла во имя интересов народа и достижения мира на афганской земле снял с себя президентские обязанности и передал власть временному правительству, которое должно было подготовить и провести всеобщие выборы. Фактически в этом немаловажную роль сыграла предательская и недальновидная политика ельцинской России, которая полностью бросила дружественный нам Афганистан и создала условия для торжества в этой стране сил, враждебных России, а также дала возможность фундаменталистам, да и вообще всевозможным бандам и контрабандистам перебираться в Таджикистан и инициировать там боевые действия. То есть фактически замысел, которым нам много лет угрожал Г.Хекматиар, частично сбылся. Дестабилизация обстановки в бывших республиках Средней Азии, и в первую очередь в Таджикистане и Узбекистане, — это результат «деятельности» Горбачева — Ельцина.

4. Кто есть кто в Афганистане.

Наконец, с Соединенных Штатов, Пакистана и оппозиции (т. е. с «Альянса семи») были сброшены маски, долго скрывавшие истинные их цели и намерения.

Используя исламский фактор, лидеры оппозиции во главе с Хекматиаром объявили «джихад» («священную войну») за свободу своей страны, войну против «неверных», т. е. надо понимать, против советских войск. Но вот советские войска выведены, а война продолжается. И теперь уже мусульмане убивают

мусульман. Стало ясно, что так называемым «борцам за свободу» прежде всего нужна была только власть! Власть любой ценой, чтобы продолжать обогащаться.

Вы только представьте, читатель, после вывода советских войск по населенным пунктам Афганистана с 1989 по 1992 год отрядами оппозиции было выпущено несколько миллионов (!) снарядов, мин и ракет. Но ведь там же живут братья-мусульмане… «Неверных» нет. Они ушли. А варварские обстрелы Кабула? Погибли и пострадали десятки тысяч человек. Снова огромные колонны беженцев по всей стране. Опять наступили черные дни. А ведь уже с 1987 года дело шло реально к нормализации положения. Кабул практически год не обстреливался.

Теперь лишь слепой не видит, что понятия морали — общечеловеческой ли, мусульманской ли — вообще несовместимы с такими лидерами, как Г. Хекматиар и ему подобные.

Еще и еще раз хочу показать лицо Хекматиара. То он в свое время был членом НДПА (той же партии, куда входили Тараки, Кармаль, Наджибулла). Выступал против монархии, участвовал в изгнании из страны короля Захир Шаха. Затем выступил против режима президента Дауда. Когда к власти пришла НДПА, Хекматиар вышел из ее состава и стал бороться с Тараки. Тараки не стало — выступил против Амина. Последнего убрали — ему не понравился Кармаль. Во главе страны Наджибулла — Хекматиар выступает против него с еще большей силой. Наджибулла передал власть представителям оппозиции — Хекматиар ведет бои и против них (Моджедади, Гелани, Раббани). Ему нужна власть, а не джихад.

О какой «защите» афганского народа могут говорить такие лидеры? «Защита народа» — это ширма. А фактически народ у них был как послушное оружие, стадо баранов. И таких, как Хекматиар, много.

Наши средства массовой информации пытались объяснить ввод советских войск в Афганистан очень туманно: помочь отразить внешнюю агрессию (?). Это объяснение было действительно неуклюже. Надо было четко и ясно рассказать всем народам мира, что на деньги и средства США, Саудовской Аравии и других стран на территории Пакистана, в специально построенных центрах готовились боевые отряды, цель которых — свергнуть власть народа в Афганистане и поставить власть, угодную США и Пакистану, а со временем сделать и Афганистан составной частью «Великого Пакистана». И эти банды-отряды засылались в Афганистан. Их надо было ликвидировать силами

афганской армии, которая с вводом наших войск освобождалась от функций охраны различных объектов.

Засылка тысяч таких отрядов с вооружением и боеприпасами с целью ведения боевых действий — разве это не агрессия? Конечно, агрессия. Откуда? Извне — из Пакистана. То есть оппозиция, организовав в стране гражданскую войну, готовила свои отряды не только в Афганистане, но и на территории Пакистана.

Но в представлении даже некоторых военных словосочетание «внешняя агрессия» понимается как нечто типа нападения Германии на СССР. Кстати, в 20-х и даже в 30-х годах басмачи с территории Афганистана налетали на города Средней Азии — это тоже была агрессия, поддержанная Англией. А что касается объяснений, что якобы 40-я армия фактически была введена в Афганистан, чтобы свергнуть Х. Амина и поставить у власти Б. Кармаля, так это вообще бред. Для решения такой задачи вполне было достаточно парашютно-десантного полка плюс одного батальона спецназа и отряда КГБ «Альфа».

Говоря об оппозиции, несомненно, то же самое можно сказать и в отношении США. Если американцы действительно хотели, чтобы на афганской земле был мир, они бы содействовали ликвидации формирований моджахедов на территории Пакистана одновременно с выводом советских войск из Афганистана. Но это было не в их интересах. Им надо было свергнуть режим Наджибуллы, чему горбачевское и особенно ельцинское руководство фактически содействовало.

Но жизнь показала, что альтернативы политике национального примирения, которую проводил Наджибулла, не было и нет. Думаю, ее и не будет. И то, что так называемые талибы зверски убили Наджибуллу — верного сына афганского народа, — это только подтверждает, что народ имеет дело с бандитами. Совершено преступление не только перед Афганистаном, но и перед человечеством. Президент Ельцин способствовал этому, хоть и косвенно (как и смерти Хонеккера, Живкова, расстрелу Чаушеску).

5. О «параллелях»: Вьетнам — Афганистан и даже Чечня.

Определенными кругами в нашей стране и вне ее упорно навязывалась параллель между вводом наших войск в Афганистан и действиями американской армии во Вьетнаме. Параллель была выгодна этим силам по политическим соображениям. Теперь этот миф, казалось бы, уже развеян: между теми и другими событиями

нет ничего общего — ни по целям, ни по задачам, ни по методам действий, ни по количеству привлеченных сил, ни по итогам — политическим, военным, материальным.

Но одну параллель я все-таки проведу, и далеко не в нашу пользу. Это пребывание войск своего государства в другой стране и освещение их деятельности в прессе. Американцы сделали это гласно и открыто — все в мире знали, что они во Вьетнаме, что ведут войну, какие потери и т. д. Отдавались, как и положено, должные почести погибшим воинам, исполнившим свой долг.

У нас все было сделано мерзко. Поначалу не только не разрешали писать, но и говорить о проблемах афганистана. Ну почему надо было скрывать от своего народа, что решено послать сыновей народа на войну? Почему мировая общественность не должна была знать о целях и задачах ввода наших войск в Афганистан еще до их ввода? Ведь цели были благородные. И даже самое святое — захоронение погибших — и то испоганили.

Прискорбно, но факт. И идеологом всего этого был М.Суслов, а продолжателями в последующем — Горбачев и Яковлев.

Но вернемся и поговорим по проблемам-параллелям, о которых так заботятся наши недоброжелатели.

Мы вошли в Афганистан по настоятельной просьбе законного и единственного правительства этой страны. Некоторые аналитики пытаются бросить тень на законность правительства Амина, тем более что его тоже убили. Но, во-первых, учитывались все просьбы Афганистана (и периода Тараки тоже) и, во-вторых, с формальных позиций никто не может усомниться, что правительство было законным.

Нашей целью было одно — помочь стабилизировать обстановку, примирить противоборствующие стороны. Ничего мы захватывать не намеревались, никого покорять или побеждать не думали — нам этого не нужно. Поэтому и задачи войскам ставили соответствующие: стать гарнизонами и не ввязываться в боевые действия. Но когда нам их навязали, то наши войска обязаны были принять ответные меры. Однако и в этих условиях наши части в основном участвовали в охране различных объектов и населенных пунктов, в отражении нападений банд, в перехвате караванов с оружием и боеприпасами, которые засылались с территории Пакистана, в охране и проводке автомобильных колонн с грузами.

Американцы же вели бои с армией освобождения Южного Вьетнама, проводили массированные бомбардировки на севере страны.

Методика и тактика их действий — полярная противоположность нашим. Мы взаимодействовали с народом и

правительственными войсками Афганистана. Американцы вели бои против народа Вьетнама, придерживались тактики «выжженной земли». Это был скрытый геноцид — применялись напалм, ядовитые газы, дефолианты.

Если мы максимально привлекли в Афганистан около 100 тысяч военнослужащих, а вооружение только то, что имелось по штату в этой группировке, плюс армейскую и фронтовую авиацию, то американцы имели во Вьетнаме более чем полумиллионную армию. И привлекали к боевым действиям все виды авиации, включая стратегическую, а также силы военно-морского флота.

Можно подчеркнуть, что наши войска оставили Афганистан в результате многосторонней договоренности, инициатором которой был Советский Союз. 40-я армия вводилась в Афганистан, исполняя свою интернациональную миссию, и вернулась на родину с честью и достоинством, выполнив свой долг. К сожалению, были у нас и потери — погибло 13887 человек и 312 пропало без вести.

Американцы же во Вьетнаме потерпели полное поражение вместе с их сайгонскими марионетками, и именно это вынудило США в январе 1973 года подписать Парижское соглашение о Вьетнаме. Общие их потери составили около 280 тысяч человек. (Кстати, они никогда и нигде эту цифру не называют, мы же говорим о своих потерях в Афганистане по поводу и без повода. Американцы потеряли во Вьетнаме огромное количество боевой техники (только вертолетов и самолетов более 9 тыс. штук.) Пребывание американских войск во Вьетнаме завершилось позорным бегством из этой страны. Сегодня можно было бы об этом и не говорить (не отвечает «общему курсу»!), но к этому высказыванию вынуждают именно те, кто пытается вывести в одну плоскость нашу 40-ю армию и американский экспедиционный корпус.

Иные «специалисты» по афганской проблеме подбрасывают, например, такой тезис: «Но ведь советские войска, как и американцы, все-таки не разгромили отрядов оппозиции, не победили их?!» Да, не победили. Но ведь перед нами и не стояла такая задача — кого-то победить! Мы уже на эту тему говорили. Повторю еще и еще раз: примирение враждующих афганцев — вот что было главной целью. Но могла ли разгромить моджахедов наша армия? Несомненно! Однако для этого потребовалось бы увеличить в три-пять раз количество наших войск и развернуть боевые действия авиации по базам и центрам подготовки отрядов оппозиции на территории Пакистана. Уверен, что такая задача была бы выполнена успешно в течение нескольких месяцев. Но

она вызвала бы больше жертв с обеих сторон, в том числе и среди мирного населения, а это не отвечает ни нашим интересам, ни интересам народа Афганистана.

А теперь несколько слов о Чечне. Несколько слов — не потому, что Чеченская Республика Ичкерия не заслуживает большего, нет. О ее прошлом, настоящем и будущем можно и нужно писать книги. Однако здесь речь идет лишь о «параллелях», которые знатоки афганской проблемы пытаются провести с Чечней.

На мой взгляд, постановка такого вопроса не только неправомерна — она неэтична и крайне вредна. Она наносит огромный ущерб национальному вопросу, который и без того у нас опустился ниже родоплеменных отношений в Афганистане (возьмите, к примеру, отношения к русским в Эстонии и в Латвии — они хуже, чем у пуштун к хазарейцам).

Ну о каких сравнениях может идти речь, если война в Афганистане и война в Чечне относятся к совершенно разным категориям?!

Война в Афганистане для советского солдата — это война на территории чужого государства. Наш воин выступал в роли интернационалиста. Он осознанно помогал дружественному нам государству стабилизировать обстановку одновременно и тем самым осознанно отстаивал интересы нашего Отечества. Ни одного поражения наши части в Афганистане не имели и ни разу не отходили с тех рубежей, которые были взяты.

Война в Чечне для российских солдат — это фактически боевые действия по уничтожению банд международного терроризма на нашей территории. Печально, что для нашего солдата эта война была в течение 1995 и 1996 годов сплошным поражением и отступлением. При этом отступление приходилось совершать по команде и даже в тех случаях, когда ходом боя и вообще обстановкой оно совершенно не вызывалось, о чем мужественно сообщал нашему народу генерал К. Б. Пуликовский. В 1999-м году боевые действия возобновились, и будем надеяться, что их будут вести до полного разгрома террористов и создадутся нормальные условия для жизни народа в Чечне.

Поэтому параллели здесь, конечно, никакой не может быть. По-моему, и бывший президент Российской Федерации, развязавший чеченскую войну, даже сегодня не способен ответить, что это была за война, с какими целями она велась, почему он решил ее начать и можно ли было избежать войны в Чечне вообще. (Он решил — и все! А штэ?!)

6. Боевой опыт наших войск в Афганистане.

Войска 40-й армии, прошедшие Афганистан, а также наш военный советнический аппарат, работавший в частях афганской армии, приобрели колоссальный боевой опыт. Это, несомненно, обогатит нашу теорию и практику организации и ведения боевых действий в горноскалистой и пустынной местности. Особое значение имеют: организация взаимодействия, в первую очередь, между мотострелками, артиллерией и авиацией, а также при совместных действиях с частями афганской армии; ведение боя в ущельях, на разобщенных направлениях, в населенных пунктах и «зеленке» (местность, поросшая высоким кустарником или виноградником); перехват караванов с оружием и боеприпасами на горных тропах; сопровождение колонн с грузами; охрана магистралей и других объектов; ведение боевых действий фронтовой и армейской авиацией в условиях применения противником современных средств ПВО; проведение разминирования в различных условиях обстановки; строительство дорог на вертикальных обрывах скалистых участков; блокирование и проведение «чистки» крупных районов.

Отдельно необходимо отметить проведение исследований в целях совершенствования боевой техники и вооружения. Значительное усовершенствование получили авиация, артиллерия (особенно реактивная), разведывательные и инженерные средства. Сделаны изобретения.

Огромный опыт приобретен в организации технического и тылового обеспечения. Исключительное значение имели обеспечение личного состава питьев ой водой, проведение профилактических санитарно-гигиенических мероприятий. Особенно ярко проявилось медицинское обеспечение и в первую очередь полевая хирургия, лечение тяжелых болезней типа гепатита, малярии, желудочно-кишечных заболеваний.

Венцом нашего военного опыта является управление войсками в различных видах боя и условиях обстановки. В бою и на марше, зимой и летом, днем и ночью, на вершинах гор и в ущелье, в населенном пункте и в пустыне — непрерывное и надежное управление не только обеспечивало успех, но и служило достижению главной цели: недопущению неоправданных потерь.

И, наконец, для всех родов войск, для всех категорий военнослужащих и служащих Советской Армии Афганистан стал школой боевого, политического, морально-психологического и нравственного воспитания. Побывав в Афганистане, а тем более хоть один раз в бою человек преображался. Человеческие отношения в боевых условиях раскрываются безгранично и полностью. Если в мирной жизни могут быть какие-то декорации,

то в условиях боевых все, что есть в человеке, — открыто как на ладони. И взгляды на жизнь у него формируются прямые и честные. Бывали исключения, но это редкость. Воин-«афганец» совершенно иначе смотрит на товарищество и дорожит им. Более восприимчив ко всему окружающему, не терпит несправедливость и ложь, рвачество и тунеядство, чванство и бюрократизм. Его сердце открыто для добра, он порядочен и человечен, но становится железным и злым, когда имеет дело со злом и мерзостью.

«Афганец»! Сейчас это слово звучит гордо. Это наш солдат и офицер, побывавший в Афганистане. К «афганцу», как правило, относятся с уважением. Однако было время, когда это же слово стало чуть ли не ругательным (о чем уже писалось). Некоторые политологи и журналисты пытались негативную оценку принятого руководством страны неудачного решения перенести на всех, кто, выполняя приказ и воинский долг, находился в Афганистане. Мол, все виноваты! Это выглядело не только оскорбительно, но и пошло. И так мог писать только тот, кто не чувствовал, что война — это жизнь или смерть.

В то же время сегодняшняя обстановка, тяжелые социальные аномалии и уродства нашей жизни, конечно, отрицательно сказываются на некоторых наших «афганцах». Разве они, как и фронтовики Великой Отечественной, не заслужили лучшей жизни? Почему она должна быть для них хуже, чем до ввода наших войск в Афганистан? Разве с приходом демократии и гласности, плюрализма мнений и многопартийности, с новым мышлением и переоценкой ценностей, проведением «исторических» реформ, в том числе с приватизацией — человек в России должен хуже жить, чем при сталинизме и в годы «застоя»? Но фактически все обстоит именно так. Рядовой человек не только стал нищим материально, потому что ему не позволяют заработать, применить свою профессию и способности, его обокрали и не только отняли его скудные сбережения, но и унизили, обрекли на полуголодное существование. Больше того — его обокрали духовно и нравственно, лишили возможности спокойно и свободно жить, утрачены идеалы, надежды. Он утратил свои права, которыми пользовался при советской власти: право на труд — это демократическое право. Народ не видит просвета в своей жизни, хотя страна самая богатая. Вечером он со страхом выходит на улицу. Даже в центре города, постоянно опасаясь оскорблений и унижений. Да чего там вечером! Среди бела дня любого могут застрелить в любом месте. Разве это жизнь? Ведь что бы мы теперь ни строили — социализм или капитализм, элементарный порядок в стране должен быть!

Сегодня весь народ страны, в том числе и наше будущее — молодежь ввергнуты в одну клоаку: наживу! Нажива любым путем: обманом, сокрытием своего достатка, воровством, бандитизмом, спекуляцией, невыплатой налогов, посредничеством, вымогательством, жульничеством, взяточничеством, проституцией, использованием служебного положения. При этом многие официальные лица смотрят на подобные деформации морали как на нормальное явление, присущее любому «современному государству». Помните выступление бывшего мэра г. Москвы Г.Попова еще в 1992 году в «Известиях» с обоснованием взяток: «надо их узаконить». А где же культура, искусство, духовность, мораль и нравственность, чистота отношений? Как мы сможем жить без этого и как нам быть, если все это тоже выброшено на дикий рынок? Ведь, оказывается, по Горбачеву и Яковлеву, именно это и есть высшие «общечеловеческие ценности». И если мы о них говорим, то они должны быть реальностью в нашем обществе, в нашей стране! У других народов — тоже, но об этом пусть они и их правительства позаботятся сами, а мы обязаны думать о себе.

Жаль, что некоторые «афганцы», попав в смуту сегодняшних дней, ломаются, поддаются соблазну «легкой жизни». А ведь «афганцы» — это наш золотой фонд. «Афганец» на любом участке — военном или гражданском — остается «афганцем»: будет действовать честно, умело, уверенно и выполнит задание с честью и достоинством. Государству, нашей общественности надо лишь позаботиться о том, чтобы для него были созданы хотя бы минимальные условия.

Наш народ вправе гордиться своими сыновьями, прошедшими афганское пекло. Другого подхода и не может быть. «Афганцы» — наша совесть и честь, наше достояние.

И хотя можно считать, что итоги афганской эпопеи подведены, но, на мой взгляд, было бы неправильным обойти некоторые вопросы государственного и личного порядка.

Конец войне? Да, но не для всех.

Фактически на завершающем этапе вывод наших войск начался 27 января 1989 года, когда на этот счет было принято решение Политбюро ЦК КПСС. Учитывая, что все сроки были уже по несколько раз исправлены, то проводы не получились такими торжественными, как на первом этапе. Однако было людно и очень печально. Многие прощались со слезами.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Б. В. Громов распрощался с Кабулом 4 февраля, передав дворец Тадж-Бек, где располагался штаб армии, и все вокруг постройки, созданные нашими строителями, Министерству обороны Республики

Афганистан. Новое место дислокации штаба армии было неподалеку от Хайратона. Там заранее было подготовлено все необходимое для уверенного управления войсками. В этот же день на западном направлении нашими войсками был оставлен город и аэродром Шинданд, где располагались штаб 5-й мотострелковой дивизии и многие ее части.

Оперативная группа Министерства обороны СССР оставила свою резиденцию и переехала непосредственно на кабульский аэродром и разместилась там в помещениях барачного типа, ранее принадлежавших 103-й воздушно-десантной дивизии. Месторасположение Оперативной группы было максимально хорошо обеспечено всеми видами средств связи. Мы имели также место для своего базирования и в жилом городке нашего советского посольства.

Мне к этому времени уже приходилось выступать не только в роли руководителя Оперативной группы, но и как Главнокомандующему Сухопутными войсками — заместителю министра обороны СССР. Осенью 1988 года, когда я прибыл в Москву с очередным докладом о состоянии дел в Афганистане, у меня состоялась встреча с заместителем министра обороны по кадрам генералом армии Дмитрием Семеновичем Сухоруковым, который по поручению министра обороны должен был прозондировать мое настроение — как я смотрю на должность Главкома Сухопутных войск и на должность Главкома войск Западного стратегического направления. Я откровенно сказал, что вообще не рассматривал вопрос о дальнейшей моей службе. Но если обстоятельства требуют — я готов. Однако опять ехать за рубеж нежелательно. На том мы и расстались. А потом уже, когда решение вопроса состоялось, Дмитрий Тимофеевич Язов позвонил из Москвы в Кабул и тепло поздравил меня с назначением на должность Главкома Сухопутных войск.

В этот период на Оперативную группу буквально свалилось несколько задач первостепенной важности: постоянно следить, чтобы не только сама 40-я армия обеспечивала свой выход, но и чтобы в этом процессе активно участвовали афганские войска, блокируя особо опасные районы от банд мятежников; ежедневно подводить итог — сколько и какого продовольствия наши колонны завезли в Кабул и кому это передано; круглосуточно заниматься приемом самолетов ИЛ-76 с мукой и другим продовольствием для Кабула (специально был организован воздушный мост); по ежедневным просьбам Наджибуллы — разбираться с различными недоразумениями, какие возникали у наших афганских друзей (в первую очередь среди военных в области их обеспечения).

Кстати, в отношении воздушного моста. Я попросил генерала Льва Борисовича Сереброва создать группу за счет нашей Оперативной группы и, привлекая, конечно, афганцев, четко организовать разгрузку прилетающих самолетов (в сутки 15–20 самолетов по 20 тонн) и раздачу продуктов горожанам в нескольких пунктах непосредственно в Кабуле. Наджибулла поддержал идею, видимо, предполагая, что при завозе всего этого на склады продукты вообще не достанутся населению. Лев Борисович прекрасно справился с этой задачей, опираясь на Козина, Ляховского и других офицеров. Анатолий Семенович Козин как всегда действовал самоотверженно, фактически работал круглые сутки, как и на строительстве линии электропередачи в районе Кандагара.

Приблизительно за неделю до нашего вылета из Кабула на должность Главного советского военного советника (он же и советник Наджибуллы) прибыл генерал-полковник М. А. Гареев, заменив генерал-полковника М. М. Соцкова. Дело в том, что советнический аппарат оставался в крайне сокращенном составе, а задачи были прежние. Учитывая, что за последний год советникам приходилось решать тяжелейшие проблемы, которые вынужденно создавали напряженность во взаимоотношениях, появление новой фигуры в роли Главного военного советника, тем более Гареева, было, на мой взгляд, решением удачным. Знание языка (дари), достаточная гибкость в отношениях и умение быстро и точно оценить ситуацию, несомненно, позволили ему в короткие сроки войти в контакт с Наджибуллой и его окружением, а личная смелость и решительность обеспечили, на мой взгляд, устойчивость афганских войск в первых сражениях. Особенно важно это было под Джелалабадом.

В последнее время мне приходилось заниматься лично с Наджибуллой фактически каждый день по несколько часов, разбирая ту или иную военную ситуацию на территории страны. В основном сводилось дело к тому, что я его успокаивал и старался возможно больше вселить уверенность в перспективу. Как-то даже намекнул ему, что было бы не плохо приглашать на этот конфиденциальный разговор министра обороны РА Шахнаваза. На что Наджибулла, не задумываясь, ответил: «Я ему не верю». Мне, конечно, было некстати разбирать причины такого недоверия в период, когда пошел второй этап вывода наших войск. Но, желая смягчить обстановку и придать нашему разговору приемлемое направление, я сказал: «Я знаю, что вы полностью доверяете начальнику Генштаба генералу Делавару. И коль министр обороны вызывает у вас некоторые сомнения, то приглашайте их обоих и пусть начальник Генштаба вам

докладывает и обстановку и предложения. Он вам лично предан полностью. А втроем вы обсудите и примґите решение». Наджибулла немного повеселел и согласился.

Обо всем этом и других особенностях я, конечно, поведал М. А. Гарееву. Разобрали ситуацию на различных направлениях, и он стал «врастать». Конечно, доля выпала ему тяжелая, но, учитывая его личные высокие качества и несравненно возросший уровень афганской армии (в сравнении с 1980 годом), я чувствовал, что все обойдется. Хотя, если говорить об армии, то она, во-первых, несомненно, имела массу недостатков и, во-вторых, армией непосредственно командовал министр обороны РА, а не Гареев. И все-таки надежды были. И, как показала жизнь, М. А. Гареев свой долг выполнил с честью, за что заслуженно получил и воинское звание генерала армии, и орден Ленина.

14 февраля я попрощался с Наджибуллой. Решили никакой помпы не устраивать. Немного погрустили, вспомнили весь долгий и тяжелый путь. Я пообещал через два-три месяца прилететь. Наджибулла внимательно посмотрел на меня, а затем сказал: «Валентин Иванович, у вас в стране такое сейчас творится, что вам лично будет уже не до Афганистана. Виктор Петрович Поляничко от нас улетел и попал в Карабах. Звонил мне оттуда. Конечно, мы будем очень рады, если вы появитесь хоть на один день».

Затем я повстречался с премьер-министром Халикьяром, который сменил на этом посту неудачливого Шарка. Халикьяр после губернаторства на Герате обрел большой авторитет и сейчас умело руководил правительством, был ближайшим соратником Наджибуллы. Говоря о председателе правительства, я должен отметить, что наиболее преуспевающим среди них был все-таки Кешманд, который длительное время возглавлял правительство и лично сам не был замешан ни в каких грязных делах.

Наконец, встретился и распрощался с основными министрами.

В середине дня у меня состоялась встреча в советском посольстве с представителем ООН — финским генералом Р. Хельминеном. Присутствовали советские корреспонденты. Господин Р. Хельминен рассказал в основном о содержании своего доклада в ООН, в котором выражалось удовлетворение своевременным выводом советских войск из Афганистана. В свою очередь я зачитал текст заявления советского командования, в котором выражалась благодарность представительству ООН за постоянное и тесное сотрудничество во время вывода советских войск из Афганистана. В то же время в нем отмечалось наше

полное неудовлетворение отсутствием мер по поводу ликвидации инфраструктуры оппозиции на территории Пакистана, что, во-первых, является нарушением Женевских соглашений и, во-вторых, таит в себе потенциал продолжения войны в Афганистане и угрозу переброски боевых действий на территорию советской Средней Азии.

А вечером мы уже были на аэродроме, где нас ожидали три ИЛ-76 (они прибыли в Кабул с грузом и обратно забрали нас). В 19.30 взлетел один, затем второй самолет с личным составом, а в 20.00 взлетел основной состав нашей Оперативной группы. Вместе с нами летел и Юлий Михайлович Воронцов — чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, он же первый заместитель министра иностранных дел СССР. Его после Москвы ожидали переговоры в Тегеране.

Провожало нас, как договорились, всего лишь несколько человек — только от советских представительств. Это делалось еще и потому, чтобы не привлекать внимание банд, вооруженных и дальнобойными реактивными снарядами и комплексами «Стингер». Прощание было короткое, но трогательное. Обнялись с каждым. От сердца к сердцу передавалась тоска. Нам, улетающим, было жаль остающихся, ведь будущее было со многими неизвестными. А остающимся было жаль, что мы их покидаем. Но и те, и другие выполняли свой долг.

При взлете и наборе безопасной высоты, так уж повелось, все хранили молчание (это около 30 минут). А когда вышли на маршрут Кабул — Ташкент, поздравили друг друга — все обошлось (т. е. нас не сбили). Но в полете как-то беседа не клеилась. Каждый, видимо, думал о своем.

Глядя на задумчивое лицо Ю. М. Воронцова, я почему-то вспомнил любопытную историю, которая касалась его и меня. Произошло это после вывода первой очереди наших войск, т. е. осенью 1988 года. Учитывая давление Москвы (особенно КГБ и МИДа) по поводу того, что военные должны разгромить формирования Ахмад Шаха Масуда, а его лично непременно уничтожить, и имея в виду, что первоисточником такого давления был Наджибулла, а также глубоко понимая, что совершается тяжелая ошибка и делается непростительный стратегический просчет, я решил встретиться с Ахмад Шахом лично. В связи с этим поставил задачу нашим разведчикам Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба готовить такую встречу.

Немного отвлекусь и скажу несколько слов о разведчиках ГРУ и КГБ, с которыми я работал в Афганистане.

Это удивительные и необыкновенные люди. В Афганистане

для всех было тяжело, и особенно для тех, кто ходил на «боевые» (так у нас называли боевые действия всех видов). Но даже те воины, которые на них ходили, измученные и израненные после кровавых схваток, возвращались к себе домой, могли морально и физически передохнуть. А разведчики? Они каждый день балансируют на грани жизни и смерти. Каждый день ходят по лезвию бритвы. Ведь им приходится в основном работать у них — у мятежников, большая часть которых — бандиты. И то, что каждый день разведчики со «своими» мятежниками троекратно обнимаются (кстати, не все мятежники это позволяли) — это еще не значит, что они к тебе с добром и открытым сердцем — тут же может кто-то всадить в спину нож или распороть живот. Это в лучшем случае, а в худшем — схватят и начнут четвертовать, а перед этим отрежут уши, нос, язык и все остальное… Вырвут глаза, ногти, зубы… Вырежут или выжгут на груди и спине звезды… Останки от такой жуткой казни я видел не один раз.

Конечно, было и беспощадное возмездие. Но человека не вернешь.

И вот максимально приближенными были к такому исходу наши разведчики ГРУ и КГБ. Я их глубоко уважал, многих знал лично, исключительно ценил и всячески оберегал от разных бед. Помню, даже начальник разведцентра в 1985 году подвергся злостному навету. Вышестоящие органы толком не разобрались и отправили его в Советский Союз (на Дальний Восток) как несправившегося. Представляя всю эту несправедливость, я все-таки добился, чтобы офицера наградили орденом Красного Знамени и тем самым реабилитировали его в глазах офицеров.

Разведчики «грушники» и «кагэбисты» делали свое дело без шума и суеты, но результаты этих действий часто стоили крупной операции.

Вот и в этот раз. Я вызвал к себе подполковника, чтобы лично поставить задачу об организации моей встречи с Ахмад Шахом (разведчик был «свой человек» в отрядах Ахмад Шаха на перевале Саланг). Он явился неслышно и негромко представился. Офицер выше среднего роста, лет 30–35. Поздоровались (рука жесткая, сухая и крепкая). Предложил ему сесть и начал рассматривать. Когда-то черная шевелюра уже с сединой. Лицо и руки смуглые. Черты лица тонкие, хотя скулы широкие. Глаза большие и голубые, как озера в Карелии. Под униформой чувствуется крепкое сбитое тело, плечи крутые. Держится очень спокойно, уверенно и ровно.

— Вы будете записывать?

— Нет, я все запомню, — сказал подполковник.

Я решил сразу перейти к делу:

— Мне нужно лично встретиться с Ахмад Шахом.

У подполковника никаких эмоций и никакого движения лица, будто мы беседуем на какую-нибудь бытовую тему. После небольшой паузы я добавил:

— Чем быстрее такая встреча будет организована, тем лучше.

Подполковник без жестов и не отводя своего взгляда говорит:

— Масуд сейчас в Панджшере. Но учитывая, что он почти ежесуточно меняет свое место, для решения этой задачи потребуется минимум двое суток.

— Я согласен. Какие, на ваш взгляд, могут быть условия со стороны Ахмад Шаха?

— Главное — это встреча на его территории и без охраны с вашей стороны. Безопасность он обеспечит.

— А будет ли он интересоваться вопросами, которые я буду поднимать?

— Вначале, мне кажется, надо в принципе договориться с ним о встрече. Получив его согласие, затем предложить вопросы для обсуждения. Он очень чувствителен и если на него навалиться сразу и с тем и другим, то может неправильно истолковать ваши намерения.

— Хорошо. Решили.

— Разрешите действовать?

Получив разрешение на выполнение намеченного плана, подполковник ушел так же незаметно, как и пришел.

Раздумывая о возможном дальнейшем развитии событий, я пришел к выводу, что, конечно, о возможной встрече с Ахмад Шахом Масудом надо поставить в известность нашего посла Ю. М. Воронцова и президента Афганистана Наджибуллу. Негоже организовывать такие шаги за спиной главы дружеского нам государства, даже если этот глава патологически не переносит Масуда. Должно быть все честно и открыто.

В связи с этим я отправился к Юлию Михайловичу Воронцову. Изложил ему суть проблемы, т. е. намерение встретиться с Ахмад Шахом с целью договориться с ним о недопущении возможной блокады его отрядами дороги Термез — Кабул на участке перевала Южного Саланга. В обмен на это мы могли бы всячески содействовать в разрешении следующих вопросов в его пользу: полное прекращение всех видов обстрелов (в т. ч. авиацией) территорий, которые находятся под контролем его отрядов; оказание гуманитарной помощи населению этих территорий; установление автономии (в составе Афганистана) северо-западной части страны, где проживают в основном таджики; сохранение за этой автономией на правах собственности копий (рудников) по разработке лазурита и непрепятствование

его продажи (вывоза) за пределы Афганистана; участие представителей автономии в составе центральной законодательной, судебной и исполнительной власти; организация строительства на территории автономии школ, мечетей и больниц; восстановление транспортных коммуникаций с основными населенными пунктами (а с главным городом автономии — авиационного сообщения). Были названы и некоторые другие вопросы.

Юлий Михайлович «загорелся» и решительно заявил, что он тоже хочет участвовать в этой встрече, т. е. мы с ним вдвоем должны ехать к Ахмад Шаху. Я, естественно, стал его отговаривать:

— Ведь все может произойти. Вплоть до захвата в заложники или казни. Коварство, к сожалению, характерная черта многих главарей. Одно дело, если я попаду в этот капкан, и совершенно другое дело, если попадется чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, он же первый заместитель министра иностранных дел СССР. Нет, это невозможно.

— Валентин Иванович, невозможно другое. Это чтобы советский посол стоял в стороне, как наблюдатель, когда будет решаться важнейшая, фактически стратегическая, задача для создания благоприятных условий Афганистану? Я просто обязан в этом участвовать.

Чем больше я его отговаривал, тем больше он на меня напирал. Наконец, я пошел на последний шаг:

— Юлий Михайлович, вы видели, как они казнят людей, как их четвертуют или какие останки после казни? Ведь это ужас. Да и как расценят в Москве этот шаг? Конечно, отрицательно. Там прямо скажут, что его никто на это не уполномачивал, сам виноват.

— Я приехал в Афганистан не для того, чтобы прятаться от опасностей, а проводить политику Советского Союза по максимальной стабилизации обстановки в этой стране, прекращения войны и создания мирной жизни. Мир и мирная жизнь у соседнего нам государства — важнейший фактор для нашего народа. А то, что кто-то как-то подумает о моем поступке — это их дело. Я выполняю свой долг и не намерен звонить в Москву о каждом своем шаге. Кстати, а вы сообщили своему руководству, что намерены поехать к Ахмад Шаху?

— Да нет… Нет такой необходимости. Я и в прошлом по такому поводу не делал сообщений. Они просто не разрешат — это же надо брать на себя ответственность. А для меня важно максимально продвинуться вперед с умиротворением Ахмад Шаха и Наджибуллы.

— Вот видите! И когда мы будем это пробивать вместе, то будет больше шансов.

— Согласен.

В связи с этим я дал дополнительные указания разведчику — на встрече будет и посол Советского Союза.

Мы отправились к Наджибулле. Я изложил ему теперь уже наш с Юлием Михайловичем замысел действий, не затрагивая конкретных вопросов. Приняв нас как всегда радушно, Наджибулла по мере моего сообщения становился все более мрачным. Чтобы как-то его приободрить, Юлий Михайлович стал строить «розовые» перспективы, что в итоге вынудило Наджибуллу согласиться. Хотя он не мог не согласиться, учитывая, что предложение делается на таком уровне. Без присущей ему темпераментности начал выражать свое отношение к этому вопросу. Отведя взгляд куда-то в сторону, говорит, что да, конечно, вопрос важный, он имеет для Афганистана и в первую очередь для Кабула первостепенное значение, что он (Наджибулла) всегда заострял внимание советских друзей на этой проблеме и что если уж ничего не получилось с уничтожением банд Ахмад Шаха, то можно попробовать и этот путь. И заключил: «Если у вас что-то получится — что ж, будем рады».

Когда мы вышли от президента и отправились на машине к себе, Юлий Михайлович не выдержал:

— Он идею не воспринял, хотя и согласился. Когда у нас может состояться встреча с Ахмад Шахом?

— Думаю, что уже на этой неделе. А что касается «восприятия», то этого и следовало ожидать. В Афганистане если создан образ врага, то этот враг до конца. Никто и ничто это не изменит.

— Желательно со встречей решить возможно быстрее.

— Конечно. Мы будем стараться сделать все, если нам не помешают…

Юлий Михайлович посмотрел на меня вопросительно. Я ответил: «Этого исключать нельзя».

Через два дня (как условились) разведчик доложил, что Ахмад Шах весьма положительно отнесся к предложению о встрече и просит прислать ему заранее вопросы, которые предполагается обсудить. Что мы с Юлием Михайловичем и сделали. Разумеется, во главу поставили условие — обеспечить беспрепятственный гарантированно безопасный проезд любых колонн или отдельных автомобилей через перевал Саланг.

Оформляя наши предложения по вопросам, которые мы будем обсуждать с Ахмад Шахом, Юлий Михайлович предложил их подписать. При этом подписали на русском и английском

языках. Мало того, он поставил посольскую печать. Все это приобрело официальную форму высокого уровня. Я передал этот документ разведчику и сказал, чтобы устно передали, что мы готовы к такой встрече на условиях Ахмад Шаха. То есть маршрут нашего выдвижения, время и место встречи определяет он. Мы с Юлием Михайловичем прибываем на одном автомобиле «уаз» без охраны, но с переводчиком. Таким образом, нас с водителем будет четыре человека.

Через два дня нам становится известным пункт встречи (это в разбитом кишлаке при входе в Панджшерское ущелье). Время назначено на третьи сутки на утро. Это нас вполне устраивало. Я решил заранее заслать в Джабаль-Уссорадж «уаз», на котором будем ехать, а сами до этого пункта под охраной поедем пораньше утром в день встречи. Фактически до Джабаль-Уссораджа потребуется минут 40 и далее на «уазике» еще минут 25–30.

В тот же день, как нам сообщили о месте и времени встречи, мы с Юлием Михайловичем прибыли к Наджибулле и оповестили его. Внешне он отнесся ко всему спокойно и одобрительно. Мы начали зондировать почву в отношении тех вопросов, которые намерены поднять в беседе с Ахмад Шахом. Наджибулла поддерживал их. Даже ни разу не попытался продискуссировать хотя бы по какой-нибудь проблеме, что на него было не похоже. Все принял и пожелал успехов.

— Вы заметили, на какой ноте закончил разговор Наджибулла? — обратил я внимание Воронцова.

— Поживем — увидим. Не будем торопиться с выводами.

— И все же это как-то его обязывает…

Юлий Михайлович улыбнулся, но ничего не сказал.

Мы начали готовиться к поездке. Конечно, по маршруту от Кабула до Джабаль-Уссораджа пришлось провести ряд мероприятий, позволяющих гарантированно безопасно проехать послу в установленное время. Хотя в принципе здесь было много «злых» банд, которые занимались грабежами на дороге. Имелись и одиночные «охотники» (или пары), которые выжидали какую-нибудь добычу.

Все развивалось вроде нормально. Во второй половине дня накануне нашей поездки разведчики доложили подтверждение Ахмад Шаха о готовности завтра утром встретиться. А вечером перед заходом солнца мне вдруг докладывают: место предстоящей встречи и весь прилегающий район разбомбили самолеты ВВС Афганистана. И что есть большие жертвы. Встреча сорвана.

Предчувствие, которое меня преследовало все это время, что

нам могут помешать, — подтвердилось. Звоню Воронцову. Тот возмущен. Едем к Наджибулле (хоть и поздно). Тот играет крайне удрученного этой печальной вестью и при нас вызывает к телефону командующего ВВС генерала Кадыра и делает ему разнос по всем правилам. При этом частично говорит на пушту, а частично по-русски (Кадыр русский знал), в том числе такую фразу: «У меня здесь рядом советские товарищи посол Воронцов и генерал Варенников — мне стыдно перед ними за то, что сделала ваша авиация. Это позор. Завтра утром доложите, кто виновен в этом».

Мы поехали в посольство с Юлием Михайловичем в одной машине, чтобы обсудить ситуацию и принять решение. Захлопнув дверцу, Воронцов в сердцах говорит:

— Этого следовало ожидать. Он противник этой встречи. И он же отдал приказ все разбомбить.

— Я такого же мнения. Думаю, что Наджибулла и «не найдет» виноватых, но нам с этим мириться нельзя.

— Верно. Надо вторично просить Ахмад Шаха о встрече.

— Я напишу ему записку, в которой принесу извинения и предложу назначить новое место встречи.

Ю. Воронцов согласился. Я постарался организовать все заново. Подполковник-разведчик с устным ответом Ахмад Шаха пришел только через четыре дня. Сказал, что Ахмад Шах очень возмущен, и даже сказал, что если будут проводить расследование, то он может дать фамилии тех летчиков ВВС Афганистана, которые бомбили (он все знал через свою разведку в штабе ВВС). И все-таки мы организовали вторую встречу. Но и она прошла по такому же сценарию, только вместо авиации выступила дальнобойная и реактивная артиллерия. Опять было все сорвано. Опять извинения. Через две недели с большим трудом еще раз договорились о встрече, это уже в третий раз. И эта встреча была сорвана.

Мы с Юлием Михайловичем решили отказаться от этой идеи и даже не ставить этот вопрос перед Наджибуллой.

Все было ясно. В глаза нам говорил, что он эту акцию приветствует, а параллельно отдавал распоряжение о недопущении такой встречи. И причины ясны — личная ненависть к Ахмад Шаху.

Самолет летел в черно-синем звездном небе и вез нас домой в Советский Союз, а у меня из головы не выходили тяжелые картины жизни афганского народа, которые довелось видеть за эти годы. Сколько было допущено ошибок и как тяжело было их исправлять! Война войной (и это главное), но тяжелейшие природно-климатические условия давили, как пресс. Все-таки это

были тяжелейшие годы. Ранения, заболевания гепатитом, малярией, желудочно-кишечными — все это оставляло свои шрамы-отметины. Особенно тяжело переносилась гибель товарищей.

Я стал перебирать в памяти все «переплеты», в какие попадал лично, ибо не раз находился в самых обостренных условиях с риском для жизни. Из соображений этики рассказ о них опущу, но о болезнях своих вспомню. Видно, после Чернобыля мой капитально облученный организм не смог сильно сопротивляться болезням так, как это было до того. Иммунная система была значительно подавлена. Поэтому по возвращении в Афганистан я подхватил сразу и малярию и двухсторонюю пневмонию. В госпиталь не лег, а лечился, находясь на службе в Оперативной группе. Месяц меня лечил подполковник Бледный. Я похудел на 16 килограммов, потому что совершенно ничего не ел. Глотал по 12 таблеток три раза в сутки. Когда меня уже начали покидать силы и я понял, что это уже конец, то объявил: никаких таблеток не пью, все необходимые лекарства только через капельницы и инъекции. Одновременно приказал привезти мне сухое вино «Каберне». С этого момента стал оживать. Кстати, когда я только слег, то главный терапевт Вооруженных Сил, который прилетел, разумеется, не только ради меня, а посмотреть и других больных, сделал заключение: дело идет на поправку (это о пневмонии). Через пару дней он улетел, а у меня внакладку — малярия. Но самое интересное — ни министр обороны С. Л. Соколов, ни начальник Генштаба С. Ф. Ахромеев даже ради приличия не предложили, чтобы я выехал в Москву, на лечение. Конечно, я бы не улетел, но все-таки… И это не забывается.

Прихватил я в Афганистане еще одну болячку и носился с ней до марта 1991 года. Когда стало совсем уж невмоготу, меня располосовали, очистили от скверны, и вот еще дышу, да еще и тружусь.

Во время полета из Кабула «последним» рейсом и думая об Афганистане, о наших воинах, погибших и живых, я думал и о том, что нас ждет в Советском Союзе, на моей Родине, которая с 1985 по 1989 годы резко преобразилась к худшему.

А в Афганистане мне довелось побывать еще и после вывода наших войск.

Дело было так. После 15 февраля 1989 года наши поставки в Афганистан были прекращены. Тем самым формально и односторонне (т. е. только нашей стороной) выполнялось положение Женевского соглашения о прекращении поставок вооружений, боеприпасов и другого военного имущества враждующим сторонам. Однако США не только не прекратили

свои поставки оппозиции, а, наоборот, усилили их. Поэтому уже в марте 1989 года Наджибулла официально обратился по этому поводу к советскому руководству, а последнее в лице Политбюро ЦК КПСС в своем постановлении от 12.03.89 г. объявило решение о возобновлении поставок. На этой основе создается «воздушный мост» Ташкент — Кабул и формируются четыре автоколонны по сто большегрузных автомобилей каждая, которые должны возить грузы в Кабул (водители-добровольцы с высокими окладами).

Естественно, непосредственное руководство этими мероприятиями было возложено на меня, как на Главнокомандующего Сухопутными войсками и военачальника, знающего эту проблему. Изучив обращение Наджибуллы, я взял с собой небольшую группу толковых офицеров, в том числе полковника А. А. Ляховского, который прекрасно помогал мне во многих поездках, и полетел в Термез. Предварительно попросил передать мою просьбу Наджибулле, чтобы он прислал в Хайратон (главная база Афганистана по другую, относительно Термеза, сторону реки Амударьи) вице-президента генерала Рафи. С ним на месте мы должны были решить все проблемы обеспечения страны и ее Вооруженных Сил.

Пограничники получили все команды о переезде моей группы через границу. Встреча с афганскими товарищами была очень приятной, правда, с кое-какими особенностями. Мы приехали в камуфлированной форме, в сапогах, а Рафи и его окружение — в щегольских костюмах, в лакированных туфельках и т. п. Но несмотря на это, я потаскал (каюсь!) группу Рафи по всей базе, в том числе и там, где грязь по колено. Зато показал, какие у них громадные запасы и оружия, и боеприпасов, и продовольствия. Мука и сахар в мешках лежали даже под открытым небом, так как хранилища оказались забиты полностью. Надо только вывозить. И когда в итоге я сопоставил, что просит Наджибулла и что афганцы имеют в Хайратоне, то оказалось, что запрос мог быть покрыт 10–15 раз только за счет уже имеющегося запаса. Тем не менее в заключение я сказал, что приехал не ревизию делать, а предложить афганской стороне развернуться с подвозом самостоятельно. Что же касается нашей помощи, то я объявил и о существовании «воздушного моста», и о четырех колоннах автомобилей по сто единиц каждая. Кстати, посоветовал использовать эти колонны для вывоза продовольствия базы Хайратон, для чего предложил максимально усилить погрузочно-разгрузочные команды.

Все предложения были приняты. Работа закипела. А через месяц, т. е. в апреле, я еще раз заглянул в Хайратон. И еще раз подтолкнул афганцев к действиям. Кстати, самолетами мы

перебрасывали тысячи штук огнеметов «Шмель», которые были быстро освоены и эффективно применены в боях под Джелалабадом.

Потом у меня состоялась поездка в Кабул и в Кандагар. Как я и обещал Наджибулле, в мае 1989 года я прилетел в Кабул. Естественно, предварительно доложив о своем намерении министру обороны и получив от него добро (но о своем замысле слетать еще и в Кандагар — не говорил). И вот я наконец у радостного Наджибуллы. По сравнению с недавним прошлым, он заметно отличался большей степенностью, уверенностью. Это было очень важно. Если тогда он был нервозен и излишне суетлив, что можно было объяснить неясностью обстановки и особенно перспективы, то теперь все это исчезло. Когда он пожал первые плоды побед под Джелалабадом без малейшего участия советской стороны, то и пришла эта уверенность.

— Ну, вот, как мы с вами говорили, так и получилось: Вооруженные Силы Афганистана способны отразить удары любого агрессора, — начал я беседу. — Мы гордимся вами и вашими воинами.

— Спасибо. Действительно, мы говорили на эту тему… Но тогда было много неясного, — уклончиво ответил президент, прекрасно понимая, на что я намекаю.

Мы обсудили подробно военно-политическую обстановку в стране, детально разобрали возможные варианты развития событий, разложили по полочкам наши поставки. Наджибулла хвалил огнемет «Шмель», реактивные установки «Град», «Ураган» и «Смерч» (все они были на вооружении у наших афганских друзей) и особенно снаряды к ним (точнее — ракеты). «Это во многом нам помогло», — подчеркнул Наджибулла и далее попросил, чтобы поставки особенно этих видов воружений были бы стабильными.

В последующие дни я, как мы и договаривались с Наджибуллой, встречался с председателем правительства, со многими министрами. В целом это были теплые встречи, хотя уровень откровенности был разный. Если министр обороны Ш. Танай выкладывал все наружу, в том числе, как выглядят отношения между ним и президентом (отношения были крайне плохими), то министр госбезопасности Якуби хоть внешне и был доброжелателен, но ни одного «живого» вопроса не затронул. Однако он всегда был таким. Возможно, в МГБ так и надо действовать.

Шахнаваз Танай говорил, что Наджибулла поставил командирами корпусов и подавляющее большинство командиров дивизий — из числа «парчамистов». Тем самым создал условия,

когда они приказ министра обороны выслушивают, но не выполняют (часто перезванивают напрямую Наджибулле и получают на это его одобрение). Было видно, что такое положение долго не продержится. А это фактически снова ставит под вопрос устойчивость власти вообще. Все это было только на руку оппозиции. Что-то над было предпринять. Но что? После снятия Гулябзоя с должности министра внутренних дел Наджибулла просто возненавидел «халькистов» (кстати, Гулябзой, на мой взгляд, был по всем показателям самый лучший после Пактина министр ДРА). Наджибулла прямо заявлял, что «халькисты», как и оппозиция, борются за власть, поэтому они с бандами заодно и в любой момент могут поднять мятеж. Фактически он был прав. Но президент не учитывал других обстоятельств — ведь сам Наджибулла создавал условия для таких проявлений, потому что не только не оказывал должного внимания «халькистам», но и открыто не доверял им.

Утром следующего дня я повстречался с Главнокомандующим ВВС РА генерал-полковником Кадыром и сказал ему, чтобы он готовил маленький самолет (АН-24). Мы вместе полетим, но куда — будет известно позже. А сам отправился к Наджибулле и объявил ему, что хочу слетать в Кандагар к генералу Улюми. Вначале Наджибулла удивился, а потом, поняв глубокий смысл этой поездки, быстро согласился:

— Да, это было бы очень важно. Но надо предусмотреть все меры предосторожности. Я позвоню Улюми.

— Думаю, что пока этого делать не надо. Что касается мер предосторожности, то если вы не возражаете, со мной полетит генерал Кадыр.

— Обязательно пускай летит. Вы когда намерены направиться?

Ответил ему, что буквально сейчас — самолет и генерал готовы. Со мной будет небольшая группа офицеров, в том числе полковник Ляховский.

Через несколько минут мы были на аэродроме. Самолет и генерал Кадыр уже нас ждали. Я спросил: «После взлета мы можем лететь в любом направлении?» Получив утвердительный ответ, я дал команду на взлет. Минут через двадцать Кадыр мне говорит, что через пять минут надо становиться на маршрут. Я ответил: «Кандагар!» Генерал пошел ставить задачи: командиру и экипажу — о маршруте полета и аэродроме посадки; диспетчерской наземной службе — о подготовке аэродрома Кандагар к приему самолета, а также о подготовке транспорта (двух легковых машин) якобы для него (Кадыра) и его офицеров, а также поставил задачу об информировании генерал-

губернатора Улюми о том, что Кадыр летит к нему. Все было организовано.

Два часа я смотрел в иллюминатор на знакомый мне ландшафт и редкие населенные пункты. Как всегда, Кандагар нас встретил жарким сухим воздухом и смуглыми улыбающимися лицами. Полковник, посланный Улюми «встречать генерала Кадыра», переключился на нас, а Кадыр остался на аэродроме, чтобы время, которое я буду в городе, посвятить разбирательству всех проблем его авиационного гарнизона.

Приблизительно на полпути в город мы почему-то свернули с асфальтированной магистрали и километров семь — десять, где-то в районе ткацких фабрик, ехали по грунтовой дороге. Я поинтересовался у полковника, чем это вызвано. Оказывается, одна мятежная банда перехватила сразу за перевалом участок дороги, поэтому приходится ездить на аэродром в объезд. Сказал также, что генерал-губернатор выступал перед народом в городе и заявил, что он не намерен губить жизни людей и развертывать боевые действия против шакалов, которые совершают преступление перед Аллахом.

Город выглядел очень людно. Мы проехали мимо базара — там набито битком. На центральной площади, перед дворцом губернатора, тоже полно нарядно одетых и разгуливающих людей. Был праздник.

Генерал Улюми встретил нас как родной брат. Большой, раздобревший, даже величественный. Мы отлично знали друг друга, и поэтому он мне в основном рассказывал все так, как было в действительности. Разговор был долгий, но добрый. Затем мы прошлись немного по городу. Я напомнил Улюми, что наши солдаты оставили горожанам как память асфальтированный центр Кандагара. Сожалел, что асфальтовый завод, который мы построили на окраине города, не функционирует. Но Улюми заверил, что всех специалистов-афганцев он сохранил и что намерен и дальше продолжать эту работу, как только позволит обстановка.

Я понял Улюми, что фактически по всем вопросам он должен надеяться только на свои силы, свои запасы и свои возможности. Кабул совершенно не способен ему как-то помочь. Исходя из этого, он сделал всё, чтобы объединить все имеющиеся силы. И это удалось (за исключением двух-трех банд), что позволило отразить натиск вооруженных отрядов, которые пришли из Кветы (Пакистан). «Мы их не только разбили, — горячился Улюми, — но и предупредили, чтобы они не пытались совать свой нос в Кандагар. Вот уже два месяца спокойно». Затем он еще раз поблагодарил за то, что советская авиация в условиях, когда

войска 40-й армии уже покинули Кандагар, доставила очень большие запасы боеприпасов и другого военного имущества, что сыграло решающую роль в боях.

Во второй половине дня мы расстались. На прощание на память обменялись часами. Улюми вызвался сопровождать нас до аэродрома, но я сказал, что будет лучше, если он останется на своем боевом посту и отсюда нам обеспечит благополучный вылет. Так и поступили. На аэродром мы прибыли впритирку — генерал Кадыр просил нас не задерживаться, чтобы засветло вернуться в Кабул, так как у них плохо работает система обеспечения ночной посадки.

Две пожарные машины обливали холодной водой наш самолет уже двадцать минут, а он все парил. Обливались в основном двигатели, чтобы остыли. Запуск прошел с первой попытки, и через несколько минут мы были в воздухе. На следующий день я сделал итоговый визит Наджибулле. Договорились по всем основным вопросам и распрощались. В тот же день к вечеру я уже был в Москве. В дороге составил донесение министру обороны по результатам поездки, а с утра следующего дня доложил лично по всем проблемам Афганистана.

Больше мне не довелось бывать в этой стране — захлестнули свои заботы, в том числе тяжелые вспышки проявления экстремизма и сепаратизма в различных регионах нашего Союза, особенно на Кавказе, в Средней Азии, Прибалтике. Занимался одновременно и выводом наших войск из стран Восточной Европы и из Монголии.

На этом повествование об Афганистане можно было бы и закончить, но хочу предупредить читателя, что о трагической судьбе этой страны и его народа мы еще вспомним, когда окажемся в Осло на конференции, которую организовал в 1995 году институт имени Нобеля, а также в последней книге «Неповторимое», когда речь будет идти о событиях 11 сентября 2001 года в США.

Наконец, для показа, как складываются судьбы отдельных людей, опишу один удивительный факт.

Офицеры, которые долгое время работали со мной в Афганистане, фактически остались со мной и в дальнейшем. Вернувшись из последней поездки в РА, я в середине мая отправился в Харьков, где на Чугуевском учебном центре должно было проводиться испытание новой активной системы защиты танка от всех видов бронебойных снарядов. Поехала со мной и группа офицеров, с которой я привык работать, да плюс генерал-полковник Павел Иванович Баженов — заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками по вооружению.

На месте испытаний ученые и промышленники ориентировали нас о порядке проведения опыта. В натуре он выглядел так. На боевом поле, на расстоянии 600–700 метров от огневого рубежа (где мы стояли), фронтом на огневой рубеж был установлен танк Т-80 с новой опытной активной защитой. В ста метрах (!) от него фронтом на танк поставлено 100-мм противотанковое орудие (самое мощное в этой области), которое было нацелено нанести удар (выстрел) бронебойным снарядом под основание башни танка — самое «узкое» место. Оператор-испытатель, находившийся в блиндаже с мощной защитой неподалеку от орудия, готов был по команде генерального конструктора с огневого рубежа привести в действие противотанковое орудие, т. е. произвести выстрел по танку.

Мы пошли в поле, осмотрели объекты, еще раз получили полную консультацию, как все будет происходить на месте, и, вернувшись на огневой рубеж, заняли свои места для наблюдения «поединка». Поскольку нам сказали, что наблюдать сие событие можно просто стоя у кирпичного здания вышки, никто и не подумал о какой-либо опасности, а, следовательно, и о защите. Снаряд орудия должен лететь вперед, а не назад, т. е. в танк и далее в поле. Шайбы, которые выстреливаются навстречу снаряду с целью его сбития, должны локально решить все вопросы в «зоне танка». То есть все будто предусмотрено.

И вот дается команда на открытие огня. Выстрел противотанкового орудия и ответно-встречный выброс шайб защиты произошли фактически одновременно (как потом объяснили, разница была в сотых долях секунды). Все наблюдающие стояли слева от вышки, если можно так выразиться, углом вперед: впереди стоял я, справа от меня и несколько сзади — генерал Баженов, слева от меня на уровне Баженова — полковник Ляховский. Далее размещались все остальные. Вдруг все услышали щипяще-свистящий звук, затем удар о стену здания вышки, а вслед за этим падает вначале Баженов, за ним — Ляховский.

Оказывается, одна шайба с мощной силой долетела до нашего рубежа, в метре от земли ударилась о стену вышки, рикошетом изменив свое движение, разбила ногу Баженову, но, к счастью, не затронув кость и пролетев у меня за спиной, полностью разворотила бедро Ляховскому. Все бросились оказывать помощь пострадавшим. Хорошо, что здесь были врачи и машины «скорой помощи». Баженова кое-как подняли и отвели к месту, где оказывалась неотложная помощь. Хуже было с Ляховским. Рана была тяжелейшая, он был в шоке и совершенно не мог двигаться. Ему врачи сделали прямо на месте все

необходимое, бережно положили на носилки, а затем в машину «скорой помощи» и увезли в госпиталь, в Харьков.

Испытание хоть и прошло нормально (защита танка сработала эффективно — снаряд был сбит), но было скомкано этим тяжелым происшествием. Рассматривая «шайбу»-убийцу, я невольно удивлялся, как складываются судьбы людей от одного мгновения. По размерам эта «шайба» действительно напоминала шайбу для хоккея, но сама была стальным монолитным изделием и «чиркнуть» могла не одного. Плохо, что была разбита нога у Александра Антоновича Ляховского. Все-таки прошел Афганистан, в каких только переплетах не был и вместе со мной и по моему заданию, но остался жив, хотя и переболел разными болезнями. И вдруг после войны такое ранение! Это удар в ногу, а представьте себе, если бы шайба угодила кому-нибудь в туловище или в голову?! На войне не погиб, но и после войны погибнуть можно.

На второй день после посещения Харьковского машиностроительного завода имени В. А. Малышева я уехал в госпиталь. А мысли о происшествии все не оставляли меня. Конечно, организаторы проявили беспечность, и в итоге — пострадавшие. Но хорошо, что только пострадавшие. А ведь сколько у нас уже погибло и погибает, в том числе в межнациональных конфликтах?! Взять только Сумгаит, Баку, Карабах, Тбилиси, Приднестровье, Фергану, Вильнюс — и все это дело рук экстремистов, бандитов, провокаторов. Уже в то время там были сотни погибших. А позже Чечня… уже тысячи.

К этому тревожному времени мы уже подходили как раз тогда, когда можно было с полным основанием сказать, что с афганской эпопеей отныне уже покончено. Но для Советского Союза, для России, и то относительно, а не для афганского народа.